

Д. ДЖЕКСОН

ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИР

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

$\frac{9}{\sqrt{40}}$ Доб. 9(4)

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	V
Введение	1

ЧАСТЬ I. ЕВРОПА

Мирная конференция	3
Наказание побежденных. 1918—1923 гг.	12
Восстановление Центральной Европы. 1924—1929 гг.	21
Победоносная Франция	32
Фашистская Италия	40
Испания	49
Затруднения Англии	60
Великий кризис 1929—1934 гг.	71

ЧАСТЬ II. МУСУЛЬМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Рождение Турецкой республики	84
Арабы и союзные державы	100
Новое королевство Ирак	112
Египет. Борьба национального движения с империализмом	117
Возрождение Ирана	123

ЧАСТЬ III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Индия на пути к самоуправлению	129
Китайская революция	139
Проблема Японии	149
Манчжурия превращается в Манчжоуго	155
Достижения китайской революции	160
Индо-Китай и Ост-Индия	167

ЧАСТЬ IV. АФРИКА

Французская колониальная империя. Система централизованного управления	172
Британская империя. Система децентрализованного управления	177
Южноафриканский союз	181

ЧАСТЬ V. АМЕРИКА

Соединенные штаты в 1918—1929 гг.	188
Карибские страны	201
Южноамериканские республики	212
Канада	223
Новая эра в Соединенных штатах	228

ЭПИЛОГ

Эпоха международных конференций	240

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор книги «Послевоенный мир» Д. Джексон, английский буржуазный журналист, известен своими либеральными взглядами. С точки зрения английского либерала, буржуазного демократа Джексон и рассматривает все основные политические события послевоенного периода—с Версальского мира по 1934 год.

Давая богатый фактический материал о борьбе империалистических хищников за передел мира, о мировом экономическом кризисе, об угнетении колониальных и полуколониальных стран, о революциях в Венгрии, Германии, о внутренней и внешней политике Франции, Великобритании, Италии, Испании и т. д.,—автор не делает теоретических обобщений и выводов, а старается избегать их и на протяжении всей книги предпочитает оставаться на описательной точке зрения.

Более того, современную мировую историю Джексон рассматривает вне зависимости от борьбы двух систем—капиталистической и социалистической.

«На два лагеря раскололся мир решительно и бесповоротно: лагерь империализма и лагерь социализма.

Борьба этих двух лагерей составляет ось всей современной жизни, она наполняет все содержание нынешней внутренней и внешней политики деятелей старого и нового мира»,—писал товарищ Сталин еще в начале 1919 г. («Статьи и речи об Украине», стр. 74).

У Джексона же нет и намека на этот решающий факт в послевоенной истории мира.

В двух главах, посвященных Советскому Союзу, Джексон только регистрирует отдельные факты из нашей Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства, часто наивно, чаще ошибочно оценивая их с позиций дружественно расположенного к нам буржуазного демократа.

Всемирноисторическое значение социалистической революции, расколовшей мир на два лагеря, на две системы, сущность самой революции и социалистического строительства на одной шестой части земного шара—все это для Джексона книга за семью печатями, которую он не понял и понять не способен.

Это является основным недостатком и книги и самого автора, который дает настолько малоценный и малоинтересный материал о СССР, что издатель-

ство совершенно опустило эти главы, как не представляющие интереса для советского читателя.

Кроме указанного книга имеет целый ряд и других существенных недостатков и ошибочных положений, корни которых лежат в классовой природе самого автора, в беспомощности его найти действительные причины описываемых им явлений и событий.

Джексон совершенно не понимает сущности империализма и свойственных империализму войн за все новый и новый передел мира и поэтому по меньшей мере наивно ссылается на какую-то трагическую случайность, которую якобы, «мирнолюбиво настроенные» и «не желающие войны» европейские государства оказались не в состоянии предупредить.

Находясь в плену либерально-пацифистского мировоззрения, Джексон не мог вскрыть и классовой сущности фашизма как открытой террористической диктатуры монополистического капитала, направленной на разгром рабочего класса и его авангарда—коммунистической партии, на ликвидацию всяких буржуазно-демократических свобод, на физическое истребление революционных рабочих и крестьян.

Подробно описывая процессы фашизации в Германии и Италии, автор хранит полное молчание об агрессивной политике германского и итальянского фашизма, о бешеной подготовке ими войны за новый передел мира, о подготовке к разбойничьему нападению на страну социализма—СССР.

Джексон не показывает, что фашистские государства—Германия, Италия и Япония—являются самыми неистовыми агрессорами и поджигателями новой мировой войны.

Фашистская Италия, грабительски захватив безоружную Абиссинию, вместе с гитлеровской Германией ведут войну в Испании за порабощение героического испанского народа.

Фашистская Япония уже шесть лет ведет империалистическую войну с китайским народом, захватила Манчжурию и ряд северных провинций Китая, разрушает города и порты Китая, варварски убивая тысячи мирных жителей, женщин и детей.

Можно не сомневаться в том, что если бы не непреклонная воля к миру страны победившего социализма—СССР, если бы не огромная экономическая, военно-техническая, политическая и моральная мощь СССР, являющегося могучим стражем защиты мира, если бы не организация во многих странах по инициативе компартий единого рабочего и антифашистского народного фронта,—фашистские страны разжгли бы пожар новой мировой войны.

Совершенным непониманием автора законов классовой борьбы и природы классового буржуазного государства объясняются неправильные мелкобуржуазные оценки таких явлений, как Веймарская конституция Германии, политика правительства Эберта и Носке, советско-польская война 1920 г., английская всеобщая забастовка 1926 г., события в Австрии в 1934 г., диктатура Прима де Ривера и Хиль Роблеса в Испании, революция в Китае и т. д. и т. п.

Ненаучна и политически ошибочна также историческая концепция автора о передовых нациях Европы и об отсталых нациях Азии.

Советский читатель, культурный и политический уровень которого неизмеримо вырос за годы революции, критически отнесется к этим оценкам автора и легко разберется в них.

Несмотря на ряд указанных недостатков, вполне понятных у буржуазного писателя, книга Джексона выгодно отличается по материалу от исторических работ, написанных другими буржуазными журналистами.

Перед глазами читателя развертывается большая панорама событий, в которых участвует весь капиталистический мир, колониальные и зависимые страны мира. В книге много исторических фактов, особенно по странам Востока, которые Джексон удачно систематизировал, придав им хронологическую стройность.

Автор разбивает послевоенную историю европейских стран на три периода: 1) 1918—1923 гг., 2) 1923—1929 гг., и 3) 1929—1934 гг. Для внеевропейских стран Джексон дает более общее и широкое хронологическое описание событий.

Особый интерес представляют части книги, посвященные политической истории внеевропейских стран: Джексон дает краткую историю Турецкой республики, арабских стран, Ирана, борьбы Египта против английского империализма, основные факты политической истории Индии, Индо-Китая, Японии и Манчжурии, превращенной Японией в Манчжоуго.

Такой же интерес представляют те части книги, в которых автор освещает политическую историю стран Африки и Америки.

Книга написана популярным, живым языком, и в этом ее несомненное достоинство. Мы имеем очень мало книг по новейшей политической истории колониальных и полуколониальных стран, и поэтому издание книги Джексона «Послевоенный мир», дающей хотя и краткое, но систематизированное изложение, является полезным и необходимым.

Выводы Джексона о перспективах развития капиталистического мира мало утешительны.

Среди мировых противоречий, эпохи всеобщего кризиса капитализма нет противоречия более глубокого, более решающего, чем противоречие между социализмом и капитализмом. Тщетно пытались империалисты задуть социалистическую республику военной силой, интервенцией. Империализм потерпел в этой борьбе поражение.

Но СССР все еще находится в капиталистическом окружении. Фашистские государства и их троцкистско-бухаринские псы—эти наиболее оголтелые враги могучей страны социализма—идут на любые преступления, пытаясь сорвать грандиозное социалистическое строительство и цветущий рост Союза Советских Социалистических Республик.

Товарищ Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) говорил: «Капиталистическое окружение—это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление», и призывал помнить и никогда не забывать, что «...пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств...».

Советская разведка раскрыла троцкистско-бухаринские банды шпионов, диверсантов и террористов, и трудящиеся Советского Союза выкорчуют и уничтожат до конца все корешки подлых агентов японо-германского фашизма.

СССР, страна победившего социализма, страна, осуществившая подлинную социалистическую демократию на основе Сталинской Конституции, идет неуклонно к новым победам под руководством великой партии Ленина—Сталина.

Капиталистический же мир гниет на корню и обречен на неизбежную гибель.

Факты, собранные в книге Джексона, подтверждают это независимо от желаний или нежеланий самого автора.

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей книги—сделать послевоенную историю мира понятной рядовому читателю газеты. Основной тезис этой книги очень прост. Тем не менее, его не так легко проследить, и вероятно это введение следовало бы поместить в конце книги. В XIX в. развитие машинной промышленности дало народам Западной Европы и Северной Америки богатство и власть. Они использовали эту власть для того, чтобы распространить свою цивилизацию на другие части света, а свои богатства для того, чтобы, специализировавшись на машинном производстве, нажить еще больше богатств; при этом все остальные страны служили им источниками сырья или являлись рынками для сбыта их товаров. В начале XX в. эти «отсталые» страны начали восставать против владычества Запада. Затем соперничество между индустриальными народами Европы привело к войне 1914—1918 гг., в которой прямо или косвенно участвовал весь мир.

Державы-победительницы использовали свою победу для двух целей: чтобы вывести из строя своих побежденных соседей в Европе и еще более распространить свое экономическое превосходство за пределы Европы. Соединенные штаты «развивали» страны американского континента. Англия и Франция соревновались в борьбе за влияние на Востоке. Последствия этих стремлений, осуществленных на деле, можно было предвидеть. Выведение из строя Германии и Австрии разрушило всю политическую систему Европы. Восстание отсталых наций, начавшиеся перед войной, продолжались с новой силой. Россия пережила вторую и окончательную революцию. Китайская революция вступила в новую боевую фазу, встретив на своем пути нового врага—Японию, единственную из незападных держав, сумевшую использовать секреты индустриализации для своих собственных целей. Восстание перебросилось в Аравию, Индию, на Остиндские острова и в Африку.

Тем временем западные державы, столкнувшись с необходимостью платить за войну, а также с духом независимости за границей и боевым настроением, которые их гнет создал в Центральной Европе, неожиданно обнаружили необычайные трудности своего экономического строя. В Нью-Йорке, Вене, Лондоне разразился финансовый кризис, распространившийся и на остальные страны. Промышленные страны не могли платить прежние цены за сырье, а страны, производящие сырье, не имели возможности покупать промышленные товары. С 1929 г. международная торговля начала быстро падать.

Никто не знал причин бедствия. Все страны укрывались от экономической бури за стеной таможенных барьеров и политики национального самоудовлетворения (автаркии). Предпринимавшиеся в критические годы (1929—1934) попытки международного сотрудничества потерпели неудачу. Но кризис привел к осознанию того, что старая идея превосходства Запада покоилась на ложном основании и что промышленные богатства не могут принести всеобщего благосостояния при угнетении класса классом и народа народом.

Таков основной тезис послевоенной истории мира. Развивать его можно двумя способами. Можно рассматривать послевоенную историю год за годом, приняв переходные годы (1918—1923) за один период, годы изобилия (1923—1929)—за другой и, наконец, «тощие» годы (1929—1934)—за третий период. Можно также рассматривать эту историю по отдельным частям света, изложив сначала историю заключения мира и его последствия в Европе, затем историю восстаний против владычества Запада в мусульманских государствах, на Дальнем Востоке и в Африке; далее, изложить менее сложную историю Америки—процветание в Соединенных штатах и его влияние в других странах американского континента, и, наконец, рассмотреть кризис в его международном аспекте, равно как международные попытки восстановления хозяйства. Мы решили в нашей книге придерживаться этого второго пути.

Невозможно оставаться беспристрастным, когда пишешь о вещах, участником которых являешься. И нельзя соблюдать полную точность, когда пишешь о процессах, которые еще не закончились. Самое большее, чего можно требовать в таких случаях от автора, это чтобы его склонности и предубеждения не были затуманены и допускаемые им неточности были очевидны.

ЧАСТЬ I ЕВРОПА

I. МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Сейчас трудно припомнить, из-за чего велась мировая война, однако в 1917 г. установить это было еще труднее. Во имя чего погибли восемь миллионов молодых людей? Уцелевшие в траншеях не могли ответить на этот вопрос. Война казалась им ужасной ошибкой, величайшим безумием. Они готовы были прекратить борьбу, хотя бы это означало дезертирство. В мае начали вспыхивать мятежи во французской армии. В ноябре восстали русские армия и флот; солдаты и моряки повернули свое оружие против режима, приведшего их к войне, и свергли его. Государственные деятели и руководители европейских держав также не могли ответить на вопрос о целях войны: они были слишком заняты тем, как бы выиграть войну. Контуры соглашения, которые должны были быть продиктованы побежденным странам, набрасывались то одной, то другой державой, но ни один из этих проектов не представлял собой твердой основы для продолжительного мира; эти проекты могли гарантировать такой мир разве только в глазах их авторов. Даже наиболее просвещенные люди в лагере союзников, казалось, были усыплены мечтами о предстоявшей добыче. Генерал Сметс, составляя меморандум для английского военного кабинета, не мог указать никаких других целей войны, кроме следующих:

«1. Разрушение германской колониальной системы, что должно создать в будущем безопасность всех коммуникационных путей, имеющих жизненное значение для Британской империи. Это уже сделано и является достижением огромного значения, которое ни в коем случае не должно быть подвергнуто какой-либо опасности во время мирных переговоров.

2. Отторжение от Турецкой империи всех частей, которые могли бы облегчить Германии возможность экспансии на Дальнем Востоке и поставили бы под угрозу наши позиции в качестве азиатской державы. Это также в основном достигнуто, хотя, может быть, для завершения задачи надо было бы дополнительно завоевать Палестину».

Из всех руководителей воюющих государств только один находился в достаточном отдалении от грохота битв, чтобы суметь дать более или менее ясное и приемлемое изложение целей войны. 8 января 1918 г. президент Соединенных штатов Вильсон сформулировал эти цели в своих «четырнадцати пунктах». В феврале он дополнил эти пункты «четырьмя принципами», а позже — «четырьмя уточнениями».

Весной, летом и осенью того же года он повторил их в целом ряде речей. Пункты Вильсона и дополнения к ним распространились по всему миру как новое евангелие. Ради принципов объявившегося на Западе нового пророка арабы восстали против своих властителей—турок; сербы, хорваты, словаки и чехи восстали против империализма Вены, немцы—против империализма Берлина, Австро-Венгрия и Болгария сдались на милость победителей; они сдались, не выставляя никаких условий, ибо какое значение могли иметь те или иные условия, если основой окончательного мира должны были стать четырнадцать пунктов Вильсона? В октябре в Германии было образовано либеральное министерство во главе с принцем Максом Баденским; задачей нового министерства было добиваться заключения мира на основе вильсоновских пунктов. Когда оказалось, что переговоры затягиваются, германский флот восстал, а на севере и юге вспыхнула революция, свергнувшая монархию и установившая в Германии социал-демократическое правительство. Последнее и подписало перемирие 11 ноября 1918 г. Условия перемирия были неслыханно суровы. Но, казалось, какое это могло иметь значение? Ведь союзники обещали, что условия мира будут основаны на четырнадцати пунктах Вильсона!

Вильсоновский проект мира. Принципы президента Вильсона не содержали в себе ничего особенно поражающего, ничего особенно нового, ничего такого, чего бы идеалисты не провозглашали уже в течение многих поколений. Эти принципы приобрели большое значение, потому что были предложены президентом самого могущественного в мире народа, народа, от которого в то время зависело снабжение европейских держав продовольствием и деньгами, а также потому, что союзные и центральные державы, равно как все угнетенные народы и племена Европы, Азии и Африки приняли их в качестве базы для заключения мира, признав их хартией вольности для наступающей новой эры.

Вильсоновские пункты заслуживают того, чтобы привести их здесь; в 1918 и 1919 гг. они повторялись на всем земном шаре.

Приведем первые «четыре принципа»:

«1. Каждая часть окончательного соглашения должна базироваться на внутренней справедливости, присущей данной стороне дела.

2. Народы и области не могут служить предметом обмена между государствами, словно пешки в игре.

3. Всякое решение территориального вопроса, связанного с настоящей войной, должно быть продиктовано интересами населения, которого оно касается, а не должно являться просто одним из моментов урегулирования взаимных претензий или компромисса между враждующими государствами.

4. Всем определено выраженным национальным стремлениям должно быть дано максимальное удовлетворение, которое только может быть предоставлено им без внесения новых или закрепления старых поводов для разногласий и антагонизма.

Теперь изложим вкратце содержание четырнадцати пунктов Вильсона:

«1. Открытые мирные договоры, открыто обсужденные.

2. Абсолютная свобода судоходства вне пределов территориальных вод как во время войны, так и во время мира.

3. Отмена по возможности всех экономических барьеров.

4. Установление достаточных гарантий, обеспечивающих снижение вооружений отдельных стран до минимума, совместимого с их внутренней безопасностью.

5. Свободное, открытое и абсолютно беспристрастное урегулирование колониальных претензий, основанное на строгом соблюдении принципа, что при решении всех подобных вопросов о подчинении колоний власти того или иного государства интересы населения этих колоний должны приниматься во внимание в такой же мере, как и справедливые претензии того или иного государства, чье право на колонии подлежит определению.

6. Эвакуация русской территории... России должна быть предоставлена ничем не стесняемая беспрепятственная возможность самостоятельно определить свое политическое развитие и свою национальную политику. Вхождение России в Лигу наций следует приветствовать, причем свои государственные учреждения Россия устанавливает по своему собственному усмотрению. В Лиге наций России должно быть оказано всяческое содействие.

7. Бельгия должна быть эвакуирована и восстановлена.

8. Франция должна быть эвакуирована, занятые части восстановлены; Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции.

9. Границы Италии должны быть установлены в соответствии с явно выраженным национальным признаком.

10. Народы Австро-Венгрии... должны получить широчайшую возможность самостоятельного развития.

11. Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы, оккупированные территории должны быть освобождены. Сербии должен быть предоставлен свободный выход к морю, и обеспечена экономическая и политическая независимость балканских государств.

12. Турецким частям Османской империи должна быть обеспечена прочная самостоятельность. Национальным меньшинствам должны быть гарантированы безопасность и абсолютно беспрепятственная возможность самостоятельного развития.

13. Должно быть создано независимое Польское государство, в которое должны войти территории, населенные бесспорно польским населением. Новому государству должен быть предоставлен свободный и обеспеченный выход к морю.

14. Должен быть создан общий союз наций на основе специальных статутов; его задачей должно быть предоставление взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности,—равно большим и малым государствам).

Через месяц после подписания перемирия президент Вильсон приехал в Европу. Он явился, как Моисей с горы Синай, неся в руках скрижали завета. И подобно Моисею он увидел, что люди, которых он хотел повести за собой, поклоняются изваянному ими идолу—старому идолу войны. Ллойд Джордж только что одержал победу на выборах под лозунгом «Германия должна платить». Он имел за собой

наиболее мстительно настроенную, наиболее джингоистскую¹ палату общин, какую когда-либо знала Англия. Во Франции президент Пуанкаре твердо решил стереть самое имя Германии с карты Европы, а премьер-министр Клемансо, хотя и не разделяя такого крайнего взгляда, все же открыто выражал свой скептицизм по поводу четырнадцати пунктов: «У американского президента,—говорил Клемансо,—имеется четырнадцать заповедей; но у самого господ бога их было всего десять». В Италии, Греции и Румынии премьер-министры и поддерживавшее их парламентское большинство были настроены против четырнадцати пунктов. Они хотели получить добычу, обещанную им тайными договорами в награду за участие в войне. Так например, итальянские государственные деятели требовали передачи им Трентино, Тироля и Далматинского побережья, ссылаясь на условия Лондонского договора 1915 г. Вильсон возражал, заявляя, что ему ничего неизвестно об этих тайных договорах, но никто не верил ему.

Первое пленарное заседание мирной конференции открылось в Париже 18 ноября 1919 г. Выбор Парижа в качестве места заседания конференции был первым ударом по вильсоновскому проекту, ибо в Париже военная лихорадка свирепствовала сильнее, чем где-либо. Вторым ударом было полное отсутствие на конференции как представителей Германии и ее союзников, так и представителей России. Третий удар был нанесен во время первого же заседания конференции, когда стало совершенно ясно, что невозможно добиться каких-либо решений, если каждая из 53 союзных и присоединившихся к ним держав будет обсуждать каждый пункт мирного договора на открытом заседании; поэтому конференция поручила работу по составлению договоров совету десяти, в который вошли премьер-министры и министры иностранных дел пяти руководящих держав—Америки, Англии, Франции, Италии и Японии. Создание совета десяти означало отказ от первого пункта Вильсона: «Открытые мирные договоры, подписанные в результате их гласного обсуждения».

Вильсон понял стоявшие перед ним трудности и решил держаться очень простой тактики. В порядке дня конференции он поставил первым свой четырнадцатый пункт—о создании Лиги наций—и боролся только за его проведение, закрыв глаза на все остальное. Настоящим мирным договором должен был, по его мнению, стать устав Лиги наций, фактические же договоры между отдельными странами явились бы тогда лишь дополнениями, воплощающими в себе отдельные «пункты» и конкретизирующими те или иные детали.

Идея создания Лиги наций была, разумеется, не новой. Европейские государственные деятели пытались осуществить ее в различных формах: в далеком прошлом—в форме Священной римской империи и сравнительно недавно—в форме Священного союза. Идея Вильсона была новой лишь постольку, поскольку она включала в предполагаемую лигу все народы мира, христианские наравне с нехристианскими, победителей наравне с побежденными и нейтральными странами. Сам Вильсон не имел вполне определенного представления

---

¹ Джингоизм—воинствующий национализм и империализм в Англии.
Прим. ред.

о том, какую форму этот союз наций должен был принять. Он ждал, чтобы другие внесли свои предложения, которые можно было бы зафиксировать в уставе, этой будущей конституции лиги. Лорд Филлимор составил один проект устава. Помощник Вильсона полковник Хауз дополнил его предложением об организации постоянного международного секретариата, а также постоянного международного суда. Представитель Южной Африки генерал Смэтс выдвинул проект Совета, который являлся бы чем-то вроде «кабинета» Лиги. Смэтс предложил также метод управления колониями и национальными меньшинствами побежденных держав, при котором имеющие большой опыт в этом деле государства приглашались взять на себя задачу воспитания новых «наций» до достижения последними того уровня, когда им можно будет даровать самоуправление; Смэтс придумал для этого метода замечательное название—«м а н д а т». Английский либерал лорд Роберт Сесиль поддержал предложение Смэтса, добавив к нему параграф, предоставляющий большинство голосов в совете Лиги великим державам. Француз Леон Буржуа предложил, чтобы Лига имела в своем распоряжении международную армию и, таким образом, могла силой заставить выполнять ее решения; однако это предложение было отвергнуто.

Министры союзных держав отнеслись с недоверием к идее Лиги и сильно нервничали из-за задержки, которую вызвало составление ее устава. Но Вильсон упорно держался своей линии и добился первой дипломатической победы, заставив конференцию признать тот принцип, что вопрос о Лиге наций «должен рассматриваться, как неделимая часть общего мирного договора». 14 февраля устав Лиги был принят конференцией, и на следующий день Вильсон—усталый, но торжествующий—отплыл в Америку, куда его призывали его президентские обязанности. Он уезжал из Парижа на четыре недели.

До этого момента конференция шла по вильсоновскому плану. Были установлены общие принципы, но ничего еще не было решено окончательно. Сам Вильсон как личность вызывал разочарование и досаду. Его холодная сдержанность, его отношение к своим сотрудникам, которое один журналист охарактеризовал, как «ледяную лобзность директора школы на приеме учителей в день начала занятий», его незнакомство с действительным положением в Европе (даже с географией Европы: он был, например, уверен, что Прага находится в Польше, Сараево¹—в Сербии и что жители Южного Тироля являются по национальности итальянцами); негибкость его ума и презрение к компромиссам—все это делало весьма маловероятной возможность какого бы то ни было урегулирования вопроса, пока Вильсон являлся хозяином положения. Между тем необходимость быстро притти к тому или иному окончательному соглашению становилась с каждым днем все более очевидной. Вооруженные силы отдельных государств устанавливали де-факто новые границы в Центральной и Восточной Европе; в различных частях света велись по крайней мере 23 малых войны. Во всех странах распространялась эпидемия инфлюэнцы, сваливавшей миллионы мужчин, женщин

¹ Гор. в Югославии, центр Босни—Прим. ред:

и детей, у которых сопротивляемость болезни была подорвана лишениями военного времени. Сотни тысяч людей умирали от голода в Германии, Австрии и Венгрии, где союзники поддерживали блокаду, не допуская подвоза продовольствия.

Мир Клемансо. Таким образом, прежде всего необходима была быстрота действий. Нужно было тем или иным путем лишить Вильсона его руководящей роли и на конференции. Пока Вильсон был в отъезде, кто-то (вероятно, Ллойд Джордж) предложил и провел в жизнь изменение процедуры работ конференции. Совет десяти был признан слишком неповоротливым; верховный орган для обсуждения проекта мирного договора был сведен к меньшему количеству лиц: был создан совет четырех, состоявший из Вильсона, Ллойда Джорджа, Клемансо и итальянского делегата Орландо. Когда Вильсон вернулся, этот совет уже работал в качестве закрытого тайного совещания, неприбегаая к помощи каких-либо советников или экспертов. Один из его участников, Ллойд Джордж, был связан тайными договорами о разделе территории между союзниками; второй, Орландо, был заинтересован исключительно в том, чтобы Италия получила Адриатическое море. У Клемансо же единственным символом веры было убеждение, что Германии вообще нельзя доверять и что, следовательно, она должна быть раздавлена, и раздавлена так, чтобы у нее не осталось никакой возможности восстановления. В игре, которую вели эти четыре члена совета, все козыри были в руках Клемансо. Он один владел и французским и английским языками. Вильсон и Ллойд Джордж не говорили по-французски, а Орландо не знал английского языка; Клемансо один точно знал, чего он хочет. Он держал в своих руках Ллойда Джорджа, так как последний обещал своим избирателям, что он заставит Германию платить; поэтому Ллойд Джордж должен был теперь соглашаться с Клемансо, настаивавшим на обязательной уплате Германией репараций. Клемансо держал в своих руках также и Вильсона. Разве он не дал своего согласия на вильсоновский устав Лиги? Разве он не одернул Фоша, когда тот предложил, чтобы союзники предприняли поход через Германию против русских большевиков? Разве он не присоединился к откату Вильсона от французского предложения об образовании буферного государства, выкроенного из Рейнской провинции? Разве Вильсон за это не обязан был сделать что-нибудь и для Клемансо? Был и еще один момент: Клемансо знал, что конгресс Соединенных штатов не выскажется за Лигу, если в уставе ее не будет специальной оговорки, которая подтвердила бы доктрину Монро, запрещающую вмешательство Америки в европейские дела и вмешательство Европы в дела Америки. В случае, если Вильсон согласился бы на наказание Германии, Клемансо готов был удовлетворить требование Вильсона о включении такой специальной оговорки в мирный договор.

Перед Вильсоном стояла дилемма. Ллойд Джордж был теперь как будто на стороне Вильсона и советовал ему не уступать Клемансо. В меморандуме от 25 марта Ллойд Джордж предлагал принять вильсоновский проект мира, включающий всеобщее разоружение, сохранение неприкосновенности Венгрии, принятие Германии

в Лигу наций и приемлемый для немцев справедливый мир. Но Клемансо был тверд, как гранит, а Вильсон понимал, что при отсутствии оговорки насчет доктрины Монро Америка откажется вступить в Лигу, а без Америки Лига наполовину потеряет свое значение, и все дело его жизни погибнет. Вильсон колебался и в это время заболел инфлуэнцией. Когда Вильсон поправился настолько, чтобы опять приступить к работе, сила его сопротивления была сломлена, и он принял предложение Клемансо относительно включения в устав оговорки о доктрине Монро. В обмен за это Вильсон подписал смертный приговор Германии, заготовленный для нее Клемансо.

Версаль. Между тем в Германии обо всем этом решительно ничего не знали. Когда в мае германские уполномоченные были вызваны в Версаль, они не имели никакого представления о характере мирных условий, которые будут им предложены. Руководителем делегации был граф Брокдорф-Ранцау, аристократ по происхождению, чьи демократические принципы и широкая образованность, совершенно естественно, привели его на пост министра иностранных дел новой республиканской Германии; он надеялся, что договор будет облечен в форму предложений, которые центральные державы должны будут обсудить вместе с союзниками на общем конгрессе. Так понимали дело и эксперты, составлявшие проект договора. Они составили предварительный проект, содержащий максимальные требования, и предполагали, что Германии будет дана возможность принять участие в выработке окончательной редакции. Но в последний момент было решено, что переговоров с Германией не будет и что договор будет продиктован ей в форме окончательного ультиматума.

7 мая это стало ясно германским делегатам. В Трианонском дворце они стояли перед победителями, как преступники перед судьями. Клемансо произнес краткую, полную угроз речь, в которой возлагал всю вину за войну исключительно на Германию.

Наконец-то представителям Германии удалось ознакомиться с условиями договора. Эти условия превосходили ожидания самых мрачных пессимистов. Германия должна была потерять в Европе одну восьмую часть своей площади и одну десятую часть своего населения, Эльзас-Лотарингия—отойти к Франции, но, кроме того, Франция должна была получить и Саарский угольный район в полное и абсолютное владение с исключительным правом эксплуатации на срок не менее 15 лет. Польша должна была получить Познань и Западную Пруссию—коридор длиной в 260 миль и шириной в 80 миль. К Чехословакии должна была отойти часть Верхней Силезии, остальная часть ее должна была отойти к Польше. Эйпен и Мальмеди должны были решить путем плебисцита, хотят ли они принадлежать к Германии или к Бельгии. Данцигу и Мемельской области не было даже предоставлено права определить свою судьбу путем плебисцита: им предстояло находиться под управлением союзнической комиссии. Германия была промышленной страной благодаря своим минеральным ресурсам, внешней торговле и торговле с колониями. Теряя по условиям договора Саар и Верхнюю Силезию, Германия лишалась большей части своего железа и угля. Она теряла все свои колонии и заграничные концессии; она теряла также свой торговый

флот. Германия лишалась даже права распоряжаться своими судоходными реками, плавание по которым должно было находиться под контролем международной комиссии. С теми небольшими экономическими ресурсами, которые мирный договор составлял в распоряжении Германии, она должна была платить союзникам репарации, сумма которых не была точно установлена: ее обязывали внести в мае 1921 г. один миллиард фунтов стерлингов, общая же сумма платежей должна была быть определена особой, не зависимой от Лиги наций, репарационной комиссией союзников. В качестве гарантии выполнения этих условий, гласил текст мирного договора, германская территория, расположенная к западу от Рейна, вместе с предместными укреплениями будет оккупирована союзными войсками на 15-летний период. В довершение всего Германия должна была раз и навсегда признать себя единственной виновницей войны: согласно статье 231-й договора, «союзные и объединившиеся правительства подтверждают—а Германия принимает на себя—ответственность Германии и ее союзников за причинение всех потерь и убытков, которые были понесены союзными и объединившимися правительствами и их подданными в результате войны, навязанной им нападением Германии и ее союзников».

Содержание договора ошеломило немцев. В течение нескольких недель, имевшихся в распоряжении германского правительства, оно лихорадочно составляло длинную ноту протеста и отправило ее в Версаль со слабой надеждой на то, что союзники еще могут смириться. Но Вильсон дал слово, и сейчас договор должен быть подписан. Позже, может быть, сумеет что-нибудь сделать Лига... Ллойд Джордж убедил своих коллег уступить в одном-двух пунктах. Так, он согласился на плебисцит в Верхней Силезии, а также на то, что Саарская область будет оставаться под управлением Лиги наций (а не Франции) до 1935 г., после чего вопрос о Саарской области будет решен плебисцитом. Поправки к договору были написаны красными чернилами на полях, после чего договор был возвращен Брокдорф-Ранцау. Германия должна была в пятидневный срок дать свое согласие.

Имелась, правда, еще одна лазейка. Брокдорф-Ранцау умолял свое правительство постараться выиграть время: «Если нам удастся продержаться два-три месяца, то за это время наши противники перессорятся друг с другом из-за дележа добычи, и мы добьемся лучших условий». Германские министры сначала колебались; но Матиас Эрцбергер слишком хорошо помнил выражение лица Фоша в поезде в Компьенском лесу, когда подписывалось перемирие. Он убедил других министров подписать договор. Германия подписала его 28 июня 1919 г.—в пятую годовщину сараевского убийства, послужившего сигналом для начала войны; она подписала его в том самом Зеркальном зале Версальского дворца, в котором в 1871 г. Бисмарк заложил фундамент Германской империи.

Договор с Австрией. Заключение договора с Австрией представляло самые разнообразные трудности. Составляя этот договор, конференция начала с вильсоновского принципа самоопределения подвластных народов: «Народам Австро-Венгрии... должна быть предоставлена широчайшая возможность самостоятельного разви-

тия». Это означало, что народы должны быть признаны независимыми и создать самостоятельные государства. Это были Венгерская республика, Чехословацкая республика и Королевство сербов, хорватов и словен. Это ни в коем случае не означало, что новые государства могут включать территорию, население которой является ее своей национальной принадлежностью австрийским. Но Вильсон сам положил начало расчленению Австрии, когда обещал Италии Тироль к югу от Бреннера, где жило четверть миллиона говорящих по-немецки австрийцев. Австрийская Галиция отошла к Польше, Тешенский промышленный район отошел частью к Польше, частью к Чехословакии. Несколько более правильным было предоставление частей бывшей австрийской территории Румынии и Югославии.

Таким образом, на долю новой Австрийской республики остались Вена и территория на Дунае, равная по площади и населению одной четверти австрийской части бывшей Двуетидной монархии. Австрия подписала договор в Сен-Жермен-ан-Ле 11 сентября 1919 г.

Договор с Венгрией. К моменту подписания договора с Венгрией (в Большом триановском дворце, 4 июня 1920 г.) миротворцы уже вовсе отказались от каких бы то ни было принципов. В довоенной Венгрии мадьяры составляли только 54% населения; миротворцы решили сделать ее чисто мадьярским государством, но при этом они по меньшей мере треть мадьяр (3.300 тысяч) отдали под власть других государств. Венгрия была поделена на части, и каждое из соседних с ней государств получило тот или иной кусок ее территории. Мадьяры северной пограничной полосы были переданы Чехословакии, а мадьярское население на восточной границе отошло к Румынии. Румыния получила также Трансильванию с ее чересполосными румынскими районами, а Югославия—Фиуме (единственный выход Венгрии к морю), Хорватию и Славонию и земли долины Тиссы, где также имеется мадьярское население. Таким образом, территория Венгрии уменьшилась со 125 тысяч кв. миль до 35 тысяч, а население ее—с 21 миллиона жителей до 8 миллионов. Венгрия стала маленькой страной, не имеющей выхода к морю и лишенной своих промышленных ресурсов. Источником ее существования на будущее оставались только земледелие и вывоз зерна и сахара.

Лига наций — «благочестивое упование». Условия мирных договоров производят на всякого, кто с ними знакомится, отвратительное впечатление. Возможно, что делегаты европейских держав на конференциях никогда и не читали их. Версальский договор был составлен Ллойд Джорджем и Клемансо: он был представлен пленуму конференции всего лишь за день до того, как его передали германским представителям. Сам Вильсон подписал договор с Германией вслепую и покинул Париж до того, как было закончено составление договоров с Австрией и Венгрией, отказываясь тем самым от своих пунктов, от своих принципов и уточнений (только четыре из его 23 требований нашли свое выражение в условиях мирных договоров); но он считал, что главная цель, а именно создание Лиги наций, достигнута. Ему казалось, что уже из-за одного этого стоило вести войну и заключить мир. Устав Лиги был включен в мирные условия в виде первых 26 статей каждого договора. Рассматриваемые

в свете этого устава обезоружение и расчленение центральных держав представлялись не увековечением духа войны, а прелюдией к воцарению вечного мира. За разоружением Германии должно последовать всеобщее разоружение: «Члены Лиги,—гласила статья 8-я устава,—признают, что поддержание мира требует сокращения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с исполнением международных обязательств, налагаемых общим действием». Сами договоры могут быть изменены, «как только станет очевидным, что условия их не служат делу мира». Согласно статье 19-й устава Ассамблея (общее собрание) Лиги «может время от времени приглашать членов Лиги приступать к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир».

Мирные договоры, составленные Парижской конференцией, намечали по существу два различных решения всех поднятых войной вопросов: одно—непосредственное их урегулирование, которое достигалось путем наказания центральных держав, и другое—полное их разрешение, которого можно добиться лишь посредством международного сотрудничества на основах устава Лиги. Ответ на вопрос о том, сколько времени понадобится, чтобы непосредственное урегулирование всех наболевших вопросов уступило место полному их разрешению, зависит от общественного мнения. Президент Вильсон был глубоко убежден, что по крайней мере в западных демократических странах народы готовы предать забвению прошлое и сотрудничать с другими народами для блага всего человечества. Но Вильсон ошибся. В ноябре конгресс Соединенных штатов отказался ратифицировать Версальский договор. Единственная страна, которая была в состоянии сделать Лигу чем-то действительно реальным, отказалась подписать устав. Европа была отброшена назад, к духу Версаля и к попытке добиться безопасности путем наказания центральных держав. Всем остальным странам мира предоставлялось искать спасение на тех же путях, которыми они следовали до мировой войны.

II. НАКАЗАНИЕ ПОБЕЖДЕННЫХ 1918-1923 гг.

Переход к миру был медленным и тяжелым. Во всех потерпевших поражение государствах за четыремья годами империалистической войны последовало примерно столько же лет революции или гражданской и классовой войны. Первой рухнула Российская империя; пролетарская революция в России увенчалась успехом. В период 1918—1920 гг. в России на ковалыне гражданской войны был выкован новый общественный строй. Пала и Оттоманская империя. Турецким революционерам пришлось выдержать наступление союзников; лишь в 1925 г. союзники заключили мир с национальной Турецкой республикой. Германская и Австро-венгерская империи рухнули за несколько недель до заключения перемирия; одно время казалось, что пролетарская революция утвердится в Берлине, Вене и Будапеште. Однако сила союзников в этих столицах была так

велика, что удержаться там мог только режим, приемлемый для союзников. Были ли созданные союзниками новая Венгрия, новая Австрия и новая Германия пригодны для того, чтобы стать фундаментом будущего мира и благоденствия в Европе,—должно было показать будущее.

Революция в Венгрии. Ни одно современное государство не пережило такого состояния агонии, какое испытала Венгрия в период между 1918 и 1922 гг. Хотя поражение, нанесенное Венгрии союзниками, было сокрушающим и унижительным, но неизмеримо более горько было подвергнуться разгрому со стороны подвластных народов: со стороны богемских чехов, со стороны сербов, хорватов и словен, над которыми венгерские мадьяры и австрийские немцы так долго властвовали под флагом двуединой монархии. Венгерцы решили отдаться на милость союзников. Они прогнали короля Карла Габсбургского, убили премьер-министра графа Тиссу; они не хотели знать никого, кто имел что-либо общее с политикой войны. Преемником графа Тиссы они избрали пацифиста Михаила Карольи. В личности Карольи не было ничего привлекательного, но как пацифист он олицетворял собою политическую линию страны. Венгерцы поставили все на карту, чтобы доказать свое полное подчинение союзникам; они разоружились и ждали от союзников своего приговора. Этот приговор заставил себя долго ждать. Миновали декабрь и январь, а из Парижа все еще не приходило никаких вестей. В голодный замерзающий Будапешт стекались огромные массы беженцев; их было не меньше семисот тысяч. Они приносили страшные вести о трансильванских деревнях, сожженных румынами, которые бурной лавой врвались в страну через горные перевалы, о Банате, разгромленном сербами, о городах, разграбленных на севере, о Прессбурге и Кассе, с которыми расправились чехи. Сбившись в кучу в лишенной топлива столице, венгерцы всю долгую зиму ждали известий об условиях мира, ждали награды за свою капитуляцию. 20 марта их напряженному ожиданию пришел конец. Хотя договор еще не был отредактирован, но новые границы Венгрии уже были установлены. Венгрия должна была потерять свыше трех миллионов мадьяр: они отдавались на милость тем же самым румынам, сербам и чехам, которые в это время грабили и опустошали их страну.

Итак, пацифизм не помог. Может быть Венгрия могла бы спасти противоположная политика? В Венгрии было сравнительно мало коммунистов; но коммунисты были за сопротивление, они были за возрождение, они были за восстановление Венгрии. Когда наступила весна и стало тепло, Венгрия отбросила свое отчаяние и решила продолжать свой путь под красным знаменем. В конце марта коммунисты объявили Венгрию советской республикой. Достижения коммунистов в деле национального пробуждения и возвращения к жизни тех классов, которые в течение многих поколений подвергались преследованиям, заслуживают восхищения историков всех оттенков политической мысли. Коммунисты национализировали землю; они разработали систему обучения, которая должна была сделать население грамотным. Государство взяло на себя заботу о здоровье пролетариата, ввело страхование от болезней и несчастных случаев, органи-

зовало бесплатные бани и больницы и установило социальное обеспечение для рабочих, готовых работать, но не могущих найти работу. В июне была обнародована советская конституция Венгрии. Органами местного самоуправления должны были являться районные советы городов и сельские советы. Эти советы посылали своих делегатов в общегородские и провинциальные советы, которые в свою очередь избирали делегатов на центральный съезд советов. Национальным меньшинствам была дарована полная свобода. Религиозные организации могли существовать без помех—до тех пор, пока их деятельность ограничивалась вопросами религии. Венгерская советская конституция полностью отражала большевистскую теорию¹.

Нельзя было ожидать, что союзные державы благожелательно отнесутся к коммунистическому эксперименту в Венгрии. В конце июля они разрешили румынской армии занять Будапешт. Румыны оставались там три-четыре месяца, в течение которых они убивали, грабили и отправляли целыми поездами в Бухарест все богатства венгерской столицы, какие только можно было увезти. К тому времени, когда наконец румыны по приказу из Парижа оставили Будапешт, Венгрия уже сделала необходимые выводы из полученного ею горького урока.

С этого момента Венгрия устремляется по пути реакции. Некий адмирал Хорти, командовавший во время войны австрийским флотом, въехал в столицу и объявил себя регентом, замещающим отсутствующего короля. В июне 1920 года изгучивавший Венгрию Триановский договор был подписан. Опять в Венгрии установилось царство террора. Раньше был террор союзников, потом румынский террор; теперь царствовал белый террор. Этот последний хладнокровно обдуманый террор был наиболее беспощадным из всех.

Наконец очищенная в огне Венгрия была допущена союзниками в Лигу наций. Если бы союзникам пришлось самим выбирать кого поставить во главе Венгрии, то их выбор не пал бы на Хорти. Тем не менее Хорти являлся оплотом против большевизма, а с его монархическими тенденциями нетрудно было бороться: в 1921 году король Карл дважды возвращался в Будапешт, и дважды мобилизовывались на границах чехословацкие и югославские войска, после чего Карлу приходилось покидать страну. Он умер в изгнании в 1922 году, оставив после себя наследником десятилетнего сына Отто. Хорти и его премьер-министр Бетлен восстановили в Венгрии довоенный феодальный режим, отменили всеобщее избирательное право и тайное голосование и вернули крупным землевладельцам их поместья. Сейчас 40% всей земельной площади в Венгрии составляют участки размером не менее 1 400 акров каждый, а 75% крестьян оказались безземельными. Этому режиму Лига наций предоставила заем и помощь в деле реорганизации венгерских финансов.

Тяжелое положение Австрии. Намерения союзников в отношении Венгрии были вполне ясны: Венгрия должна была стать земледель-

---

¹ Здесь и еще в одном-двух местах части 1-й автор повторяет без изменения отдельные отрывки из своей книги «Европа после войны» (Europe since the War); он считает, что совершить такой плагиат все же лучше, чем перефразировать уже написанное ранее.

ческой страной, бессильной и бедной, снабжающей образовавшиеся вокруг нее новые государства хлебом в обмен на часть остающегося у них излишка их промышленных товаров. В отношении Австрии намерения союзников были менее ясны. Австрия тоже должна была сделаться маленькой страной, слабой и бедной. Но от нее нельзя было ожидать, что она будет в состоянии прокормить 2,5-миллионное население Вены урожаем с оставленных ей по мирному договору гористых или покрытых лесами земель. Вена не могла также изготовлять и товары для продажи в обмен на продовольствие, так как ее соседи не позволили бы ей ни ввозить сырье, ни вывозить готовые изделия. Таким образом, огромному городу оставалось только умирать от голода. И действительно, зимой 1919/20 г. Вена умирала голодной смертью.

Американская администрация помощи (АРА) организовала в старом дворце Габсбургов кухню для бесплатной раздачи супа. Английский парламент ассигновал на помощь Австрии крупную сумму. Союзники были тронуты несчастьями, переживаемыми городом, который еще только недавно был культурнейшим городом Европы; но они не изменили того договора, условия которого заставляли Вену голодать. Оставался еще один выход—искать защиты у Италии. Эта перспектива была мало привлекательна для австрийцев, так как между ними и итальянцами существовал глубокий национальный и исторический антагонизм. Однако это представлялось единственным выходом. Доктор Зайпель, католический прелат, бывший в то время министром иностранных дел Австрии, составил проект валютной и таможенной унии с Италией; эта уния превратила бы Австрию в итальянский протекторат. Однако ни Франции, ни Югославии, ни Чехословакии не улыбалось, чтобы Италия продвинула свои границы в Центральную Европу.

Австрийцы должны были почувствовать, что значит поражение. «Даже снизив паек до самого необходимого для поддержания физического существования и предположив, что крестьяне отдадут на пайки все свои излишки до последнего грамма, Австрия сумела бы самостоятельно кормиться лишь в течение нескольких месяцев в году. Между тем эта страна, ставшая теперь по своим ресурсам одной из беднейших в Европе, имела чуть ли не самый дорогой государственный аппарат. Бюрократия, которая была непропорционально велика прежде для населения в 25 миллионов, вела теперь дела 6 миллионов, немалую часть которых она сама составляла. Огромные железнодорожные станции с большими штатами обслуживали оставшиеся линии железных дорог протяжением в 30—40 миль... Значительная часть населения Вены, принадлежащего к среднему классу находилась в тяжелом полсжениии. В Вене было столько докторов столько ученых, что они могли бы лечить и обучать половину всей Центральной Европы, и в то же время неумолимые правительства отгородили от них огромные массы народа, которые безусловно очень сильно нуждались и в лечении и в знаниях»¹.

---

¹ С. А. М а с а r t n e y, The social Revolution in Austria.

В октябре 1922 г. союзники несколько смиростивились. Получив дополнительные заверения, что Австрия не предпримет ничего, что могло бы уничтожить или ограничить ее независимость, они предоставили ей за это первый заем в 27 миллионов фунтов стерлингов. Для надзора за поступлением государственных доходов, из которых должен был впоследствии погашаться заем, союзники назначили голландца Циммермана.

Таким образом, применяя нечто вроде искусственного дыхания, политическая организация Австрии должна была быть сохранена на ближайшие несколько лет.

Германская революция. Период после заключения мира в Германии имел неизмеримо большее значение. От будущего Германии, которая до войны была самой могущественной, самой прогрессивной и самой организованной страной европейского континента, в огромной степени зависело будущее всего мира.

Конец войне положили солдаты, матросы и рабочие Германии, свергнувшие за две недели до заключения перемирия правящую касту монархистов и офицеров. Революция началась 30 октября (1918 г.) мятежом моряков вильгельмсгафенского флота. Восстание быстро перебросилось в Киль, Гамбург, Бремен и в балтийские порты. Во всех этих портах были подняты красные флаги, и солдаты, матросы и рабочие передали власть в руки своих собственных советов. Этот бунт против войны отозвался эхом и на другом конце Германии, где 9 ноября Курт Эйсер стал во главе Баварской республики. В этот же самый день революция вспыхнула в Берлине. Либеральный рейхсканцлер принц Макс Баденский убедил кайзера отречься от престола. Вильгельм подписал отречение и уступил место главе социалистической партии Эберту. Революция в Берлине была почти бескровной. За целый день было убито всего 15 человек; и ценой этих 15 жизней было достигнуто свержение династии, правившей Пруссией в течение пяти столетий. За ее падением последовало также падение двадцати подчиненных ей монархий отдельных германских государств. Теперь Германия была республикой, и во главе ее стоял бывший гейдельбергский шорник Эберт.

Но что должна была представлять собою республиканская Германия? По этому вопросу среди социалистов было несколько точек зрения. Правое, или умеренное, крыло социал-демократической партии, к которому принадлежал Эберт, хотело парламентской демократии. Крайние левые, руководимые Карлом Либкнехтом, чей литературный псевдоним «Спартак» стал названием партии его приверженцев, хотели немедленного установления советской республики. Они стремились захватить власть, отобрать собственность у капиталистов и создать диктатуру пролетариата. Эберт и его сторонники хотели провести всеобщие выборы в национальное собрание, которое должно будет выработать новую конституцию и принять условия союзников от имени большинства германского народа. Они надеялись, что демократические союзники отнесутся более снисходительно к демократической Германии. Либкнехт и коммунисты задумывались о более отдаленном будущем. Они считали, что война была вызвана конкуренцией между капиталистическими державами. Частные капи-

талисты стремились в первую очередь к получению прибыли; их соперничество из-за колоний и рынков сбыта вызвало войну 1914 г.; оно должно в будущем вызвать новую войну, если средства производства будут оставлены в частных руках. Вот почему необходимо уничтожить капитализм в Германии. После восстания в Берлине в течение двух недель царил жестокий террор. Карл Либкнехт и Роза Люксембург—эта героическая женщина была крупнейшей фигурой германского коммунизма—были схвачены и зверски убиты полицейскими по дороге в тюрьму (15 января 1919 г.). Официальное сообщение об их смерти гласило: «Убиты при попытке к бегству».

В конце января состоялись выборы в национальное собрание. Германия голосовала за умеренных социалистов и за буржуазные партии либеральных демократов и католиков (или партию центра). В феврале это умеренное и демократическое собрание приступило в Веймаре к выработке конституции новой Германии.

Веймарская конституция. Трудности, стоявшие перед веймарским национальным собранием, были исключительно велики. Коммунизм был объявлен вне закона, но он отнюдь не был окончательно уничтожен. Промышленные рабочие не хотели мириться с установлением парламентской республики и не отказались от мысли о советах. В марте происходили забастовки, сопровождавшиеся уличными боями в Берлине, забастовки в Бремене, восстание в Галле (восставшие имели в виду пойти походом на Веймар), восстание в Брауншвейге. В Мюнхене, где в феврале (1919 г.) реакционерами был убит Курт Эйсер—самый гуманный, талантливый и популярный из социал-демократов меньшинства,—вспыхнуло серьезное восстание: была провозглашена Баварская советская республика. В апреле имели место забастовки в Эссене и Рурской области, т. е. в крупнейших промышленных районах; оставленных Германии по мирному договору. Правительство, или, вернее, Носке, показавший себя непревзойденным по жестокости организатором, добился прекращения забастовок (он запретил подвозить продовольствие в районы забастовок до тех пор, пока работа не будет возобновлена), подавил мятежи и разгромил баварские советы своей знаменитой «летучей колонной». Республиканское правительство восстановило порядок, уничтожив тысячи рабочих.

В то время в Германии свирепствовали голод и анархия. Население питалось одним хлебом и картофелем: норма выдачи составляла пять фунтов в неделю на взрослого человека. Страна испытывала острый недостаток всякого рода жиров; положение еще ухудшалось благодаря блокаде, проводившейся союзниками. С занятием Познани поляками прекратилось снабжение Германии сахаром. В течение одного года после заключения перемирия от недоедания умерло семьсот тысяч человек (эта цифра была установлена копенгагенской комиссией, не имевшей основания сгущать краски). Среди детей от четырех до четырнадцати лет процент смертности в 1918 г. увеличился вдвое.

Вообще непонятно, как в хаосе этих месяцев могла появиться на свет какая бы то ни была конституция. Было бы совершенно естественным, если бы единственной формой правления, способной спра-

виться с натиском грядущей бури, была признана диктатура. Однако веймарское собрание проявило в обстановке всего этого хаоса такое уважение к демократическим принципам, которому могли бы позавидовать традиционные демократические страны, как Франция, Англия и Соединенные Штаты. Конституция, составление которой закончено было национальным собранием в июле, упразднила милитаристское самодержавие, установленное Бисмарком и Вильгельмом II. Германия становилась парламентским демократическим государством с рейхстагом, избираемым всем совершеннолетним мужским и женским населением, с рейхсканцлером и советом министров, зависящими от поддержки парламентского большинства, с выборным президентом, который в мирное время выполняет только функции представительства и лишь в момент национальной опасности имеет право объявлять чрезвычайное положение и управлять посредством президентских декретов. Рейхстаг не был единственной палатой германского парламента; создавался также рейхсрат, который, подобно американскому сенату, должен был представлять отдельные германские государства и, подобно английской палате лордов, действовать в качестве тормоза на случай слишком опрометчивого законодательства рейхстага.

Конституция установила принцип пропорционального представительства; в рейхстаг посылался один депутат на каждые 60 тысяч поданных голосов в противоположность Англии и Америке, где каждый избирательный округ имеет право на одно депутатское место, независимо от размеров полученного кандидатами большинства. Создан был Национальный экономический совет, в котором представлены были предприниматели крупнейших экономических групп и корпораций, равно как лица, работавшие по найму в их предприятиях. Национальный экономический совет должен был давать парламенту необходимые советы и указания по вопросам экономического и социального законодательства. Конституция подтвердила политическое равноправие женщин и свободу религии, слова, печати и союзов¹.

Веймарская конституция получила силу закона в августе 1919 г. Она была в Германии ненавистна крайним элементам всех толков. Монархистам удалось однажды выгнать правительство Эберта из Берлина. 12 марта 1920 г. берлинский главнокомандующий генерал барон фон Лютвиц с 8 тысячами солдат занял город и провозгласил некоего Вольфганга фон Каппа президентом республики. В распоряжении Эберта фактически не было войска. Капповский путч увенчался бы успехом, если бы рабочие Берлина сами не взялись бы за дело защиты республики. Они объявили забастовку, не ожидая приказаний от своих профсоюзных вождей. Жизнь Берлина сразу приостановилась. В городе не было воды и света, не ходили трамваи и поезда. Капп и его сторонники были побеждены. Путч был ликвидирован,

---

¹ Но формальное декларирование прав свободы слова и печати на деле не есть свобода, так как все средства гарантирующие свободу печати остаются в руках буржуазии, а за свободу слова при наличии Веймарской конституции пролетарии тысячами сажались в тюрьмы.—П р и м. р е д.

а сам Капп бежал в Швецию. Веймарскую республику и ее либеральную конституцию спасли рабочие.

Репарации. Германское правительство заявило, что оно сумеет платить репарации только в том случае, если ему оставят силезские угольные копи. Французы, однако, не были уверены, что это действительно так. Хотя они и отобрали у Германии Лотарингию и Саар, но у немцев еще оставался Рур, и после 1918 г. германские промышленники создали огромные промышленные концерны, сочетавшие эксплуатацию рурского угля и вестфальской руды. Гуго Стиннес создал огромный «вертикальный трест», объединивший все процессы производства от добычи угля и литья стали до выпуска готовых изделий. На его предприятиях было занято 250 тысяч человек; он являлся серьезным соперником французских железных магнатов из Комите де Форж. Вальтер Ратенау, по личным своим качествам представлявший собой полную противоположность Стиннесу (это был человек большой культуры и глубокого философского образования), закончил организацию грандиозного комбината—Всеобщей компании электричества, являвшегося величайшим электрическим концерном в мире. Франция боялась восстановления германской промышленности, которая могла бы сделать возможным новое вооружение Германии, и поэтому твердо решила использовать то оружие, которое она имела в своих руках в виде права на репарации¹.

Надо признать, что Франция действительно имела основания для беспокойства. Ее первоначальным требованием на Парижской конференции было создание «независимого» рейнского государства, которое включало бы Рурскую область и находилось бы под контролем Франции. Она отказалась от этого требования лишь после того, как ей было обещано, что Соединенные штаты и Англия возьмут на себя обязательство защищать ее границы на Рейне в случае германской агрессии. Но конгресс Соединенных штатов отказался подтвердить это обещание, а Англия решила, что одна, без Америки, она не может взять на себя такое обязательство. Ввиду этого Франция воспользовалась признанным за нею в Версале правом на репарации и решила потребовать от Германии такую огромную сумму, которую та не в состоянии была бы уплатить; неплатеж репараций должен был дать Франции «моральное» право на вмешательство в Рурской области.

Версальский договор не устанавливал общего размера суммы, которую должна была уплатить Германия. Позднейшие конференции в Сан-Ремо и Спа также не определили точной суммы репарационных платежей; они только установили, что доля Франции в репарациях должна составлять 52% всей суммы репараций, и лишь в мае 1921 г. в Лондоне размер репараций был зафиксирован в сумме 6 600 миллионов фунтов стерлингов. Ратенау полагал, что Германия должна уступить. Будучи проницательным политиком, он понимал, что Германия может уменьшить вражду союзников и быть снова принятой в сообщество наций в качестве равноправного члена только в том случае, если она попытается добросовестно выполнить налагаемые на

---

¹ W. H. Dawson, Germany under the Treaty.

нее обязательства. К счастью для мира в Европе, точка зрения Ратенау одержала верх, и 31 августа 1921 г. Германия аккуратно уплатила первый взнос репарационных платежей.

Теперь казалось уже наступил момент когда представители делового мира могут выработать такой план, при котором Германия продолжала бы платить, не нанося больше ущерба своей промышленности, а используя ее, как курицу, несущую золотые яйца. В октябре Ратенау и французский министр восстановления разрушенных областей Лушер пришли к соглашению, по которому разрушенные области Франции и Бельгии должны быть восстановлены с помощью германского труда и германских материалов за счет германского правительства. Это был разумный проект; однако французское правительство похоронило его, так как оно было связано обещанием передать работы по восстановлению французским подрядчикам. Сделавшись премьер-министром Франции, реакционный и неукротимый Пуанкаре грозил Германии, что он силой заставит ее немедленно произвести очередной репарационный платеж.

В этот момент стало ясно, что в Германии неизбежен финансовый крах. Финансовое напряжение во время войны, потеря огромных ценностей по Версальскому договору, исчерпание государственных ресурсов для уплаты по репарационным обязательствам, всеобщее чувство неуверенности, побудившее немцев переводить остатки их сбережений за границу,—все это привело к падению германской марки. Вначале падение марки было наруку промышленникам и финансистам, спекулировавшим на заграничных биржах, но позже курс марки уже не поддавался никакому регулированию. Германское правительство просило предоставить ему трехлетний мораторий, чтобы привести в порядок свое хозяйство. Ллойд Джордж был склонен пойти на это: Англия была заинтересована в том, чтобы не закрывать всех путей для германской торговли. Но Пуанкаре был непреклонен. Он считал (или притворялся, что считал) падение марки умышленной махинацией, устроенной Германией с целью уклониться от платежа репараций.

Оккупация Рура. 11 января 1923 г., под тем предлогом, что Германия нарушила сроки поставок железа и угля, Пуанкаре отдал приказ французской армии занять Рурскую область. В Руре было объявлено осадное положение и все немецкие чиновники заменены французами и бельгийцами. Пуанкаре решил силой вызвать у немцев желание платить. Но результат получился совершенно обратный: применение силы создало волю к сопротивлению. Германское правительство отказалось продолжать политику выполнения обязательств, проводившуюся Ратенау (он был убит в 1922 г.) и побуждало рурских горняков к отказу от сдачи французам какого бы то ни было количества угля. В Рурской области десять миллионов человек прекратили всякую деятельность; они жили на грошевое стачечное пособие, присылавшееся им из Берлина. Французы продолжали затягивать узел все туже. Они бросили в тюрьму всех директоров предприятий, которых им удалось захватить, убили в уличных столкновениях 77 человек, поощряли нарушение заповедей и сенегальцами дисциплины в отношении местного населения, провоцир-

вали и финансировали сепаратистское движение по всей Рейнской провинции.

Замешательство, царившее в это время в Германии, не поддается никакому описанию. Занятие Рура привело к окончательному краху германской валюты. В марте 1922 г. доллар стоил 670 марок, в августе того же года 4 500 марок; а августе 1923 г. курс доллара достиг совершенно астрономической цифры. Небольшая часть немцев хорошо заработала на этом (так например, крестьяне имели возможность погасить свою ипотечную задолженность обесцененными марками), но огромное большинство было разорено. Пенсионеры, рантье, владельцы инвестиций—все, живущие на сбережения или на страховые премии, вдруг оказались нищими, доходы их совершенно обесценились. Жалованье рабочих и служащих свелось почти к нулю. Рабочие, получавшие зарплату раз в неделю, вынуждены были немедленно расходовать свою получку до последнего гроша, ибо на следующее утро все цены могли оказаться уже вдвое выше.

Осенью наступил кризис. Английский министр иностранных дел лорд Керзон в составленной в энергичных выражениях ноте выступил против эгоистической акции французов в Руре. Французское общественное мнение стало отказывать Пуанкаре в своей поддержке. Политика Пуанкаре дорого обошлась французам: она стоила больших сумм и потери симпатий как союзников, так и всего общественного мнения мира. В Германии рейхсканцлером был назначен новый министр—Штреземан. Штреземан был убежденным сторонником политики Ратенау, т. е. политики выполнения Версальского договора. Он понял, что сейчас уже можно, наконец, рассчитывать на содействие иностранных государств возрождению Германии, объявил пассивное сопротивление оконченным и предложил рурским рабочим возобновить работу в шахтах и на заводах. После этого его министр финансов и председатель Рейхбанка Шахт взяли за стабилизацию германской валюты. Они выпустили новую марку, так называемую рентную марку, обеспечивавшуюся всеми землями и домовладениями Германии. Новая валюта мало-помалу завоевала доверие германского народа. Валютная реформа означала, правда, потерю всех его денег, потому что миллиард старых марок был равен одной рентной марке. Впрочем, сбережений уже не было и, следовательно, не было разницы между средними классами и пролетариатом, так как инфляция и рентная марка уничтожили класс рантье. Но, во всяком случае, новое положение было лучше неуверенности и лихорадки 1919—1923 гг. Штреземан убедил союзников, что германское правительство ценой отказа от оплаты внутреннего долга готово платить по своим обязательствам перед внешним миром.

III. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ 1924-1929 гг.

Новая глава истории Европы началась в 1924 г. С 1918 по 1923 г. союзники проводили в отношении центральных держав карательную политику. Эта политика не дала им ничего. В 1924 г. союзники начали, наконец, сотрудничать с Германией в деле восстановления Европы.

План Дауэса и Локарно. Нужно было прежде всего перестроить систему репараций на разумной основе. Американцы раньше всех поняли, что политика, исходившая из принципа «Германия платит за все», была так же губельна для кредиторов Германии, как для самой Германии. Огромные расходы по оккупации Рура и крах германской марки доказали это всем союзным державам. В 1924 г. была образована новая комиссия, чтобы решить вопрос о том, как должны в дальнейшем уплачиваться репарации. Интересно, что комиссия эта состояла не из политиков, а из представителей промышленного и финансового мира; председателем ее был чикагский банкир Чарльз Дауэс. Комиссия Дауэса исходила из того бесспорного положения, что Германия сумеет платить репарации только в том случае, если ее промышленность будет процветать. Поэтому комиссия решила, что Германия будет в этом случае ежегодно вносить в качестве репарационных платежей известную часть своего народного дохода товарами и золотом. Чтобы помочь Германии восстановить промышленность и увеличить народный доход, союзники должны предоставить ей денежные займы. Подписанный 31 августа 1924 г. протокол устанавливал, что в первый год Германия должна уплатить один миллиард золотых марок; для последующих лет сумма ежегодных взносов увеличивалась: начиная с 1928/29 г. она должна была составлять уже 2 500 миллионов марок в год. Источниками для этих платежей должны были служить облигации государственных железных дорог, ипотечные обязательства промышленности и доходы от косвенных налогов. Промышленность должна была получить новый толчок для развития: ей предоставлялся иностранный заем в 800 миллионов золотых марок. (Эти займы затем все увеличивались и к концу 1928 г. достигли колоссальной цифры в 18 миллиардов золотых марок.)

Следующим шагом должно было стать возвращение Германии в сообщество наций. Германия до сих пор еще не дала искреннего согласия на версальские условия, она еще не была также членом Лиги наций. Пока дело обстоило так, нельзя было надеяться на продолжительный мир в Европе. Возможность заключить новое соглашение представилась в 1925 г. Германским министром иностранных дел был в то время Штресман, человек, стремившийся к миру. Во Франции Пуанкаре потерпел поражение на выборах (в 1924 г.), и власть перешла к Бриану и Эррио, людям либеральных взглядов. Штресман—возможно, по совету английского посла д'Абернона,—предложил созвать конференцию. После этого германские дипломаты и дипломаты союзных держав несколько раз встречались на совместных совещаниях, завершившихся конференцией в Локарно в октябре 1925 г. В известном смысле правильнее было бы считать моментом окончания войны Локарнскую конференцию 1925 г., нежели Версальскую мирную конференцию 1919 г. Теперь, наконец, договорились о том, что Германия будет просить о принятии ее в Лигу наций. Обе стороны признали границы на Рейне в том виде, в каком они были установлены Версальским договором: Германия отказалась от притязаний на Эльзас-Лотарингию, а Франция—от проекта создания буферного государства на Рейне. Однако наиболее важное значение для обеспечения мира в будущем имело согласие Англии гарантировать свою

помощь Франции в случае германской агрессии и, обратно,—Германии в случае агрессии со стороны Франции. Франции хотелось, чтобы Англия гарантировала также неизменность восточных границ Германии. Но Англия не пошла на это; да и Германия не согласилась бы признать польский коридор на вечные времена. Чтобы обеспечить себе безопасность этих восточных границ, новые государства Восточной Европы должны были заручиться поддержкой Франции. И действительно, в Локарно были заключены пакты между Францией и Польшей и между Францией и Чехословакией.

Польша. Перейдем теперь к новым государствам, возникшим на развалинах довоенных европейских империй. Самым крупным из этих государств является Польша. После семи веков существования в качестве самостоятельной державы Польша в конце XVIII в. исчезла с географической карты в результате ряда предпринятых Пруссией, Россией и Австрией разбойничьих разделов польского государства. Но угнетение не могло задуть национальный дух польского народа, не могло уничтожить его языка, традиций и стремления к независимости. Во время мировой войны и Германия и Россия обещали в награду за поддержку даровать Польше независимость. Чтобы обеспечить получение этой награды, группы поляков сражались как на той, так и на другой стороне. Наиболее сильными военными формированиями были польские легионы, боровшиеся против русских под руководством Иосифа Пилсудского. Пилсудский родился в 1867 г. в Вильно, в литовской семье, и посвятил свои молодые годы неутомимой агитации против России. Он сражался на стороне Германии вплоть до 1917 г., когда силы русской армии ослабели и немцы овладели Варшавой. После этого Пилсудский отказался продолжать борьбу. По его мнению, он выполнил свои обязательства; теперь немцы должны были выполнить свои обещания и образовать независимое польское государство. Немцы ответили на это требование арестом Пилсудского: он был заключен в Магдебургскую тюрьму и остался бы в её стенах, если бы ноябрьская революция 1918 г. в Германии не покончила с империалистическими планами Германии. Теперь же Пилсудский снова очутился в Варшаве, где польский народ в упоении от только что достигнутых успехов бурно приветствовал его; Пилсудский был провозглашен главой государства и военным министром. Он весьма тактично воздержался от поездки в Версаль и послал туда вместо себя Падеревского. Он считал, что знаменитый пианист скорее сумеет добиться успеха, защищая дело Польши в переговорах с государственными деятелями Антанты, которые еще не забыли грехов бывших социалистов и бывших офицеров германской армии. Падеревский вернулся с признанием Польши союзниками. Границы нового государства проходили на западе через Германию к Балтийскому морю, а на востоке простирались от Гродно до верховьев Буга. Однако Пилсудскому этого казалось недостаточно. Гражданская война в России давала ему в руки подходящий случай, и Пилсудский, будучи заядлым врагом России, не мог упустить этого момента. Он бросил свои войска на Украину. Польская армия дошла до самого Киева и заняла этот город. Но в 1920 г. началось русское контрнаступление. Большевики отбросили поляков и вошли в Польшу; они находились

уже в шести милях от Варшавы. Пилсудский был в отчаянии, но на помощь ему пришла Франция, предоставив Польше деньги и своего наиболее способного полководца генерала Вейгана. Поляки снова перешли в наступление, советские войска отступили, и в октябре (1920 г.) Пилсудский подписал мир. Но Пилсудский все еще не был удовлетворен. Он послал армию завоевать его родной город Вильно, который согласно подписанному Падеревским в Версале мирному договору должен был принадлежать Литве. Литовцы обратились с жалобой в Лигу наций; но Лига не могла ничего сделать. Вильно и большой клин между Литвой и Россией сделались частью Польши. Так новая Польша превратилась в государство гораздо более обширное, чем это предусматривала мирная конференция. Она, однако, в национальном отношении была далеко не единым государством, так как помимо немецкого населения Познани в состав Польши теперь входило не менее семи миллионов белоруссов и украинцев.

Франция расценивала новую Польшу как превосходный оплот против русского большевизма, с одной стороны, и Германии—с другой. Франция принялась поэтому за вооружение Польши. Один крупный промышленный центр Польша имела в Тешенском районе; после силезского плебисцита она получила в подарок второй. В 1921 г. был подписан франко-польский договор, а в 1923 г. Франция предоставила Польше заем в 300 миллионов золотых франков. Но настоящая работа по восстановлению Польши началась в 1924 г., когда Франция послала с торжественным визитом в Варшаву маршала Фоша и дала полякам еще 35 миллионов золотых франков. Полученные деньги были израсходованы на сооружение нового порта Гдыня на Балтийском море, около Данцига; подряды на строительные работы в порту были переданы французской фирме Шнейдер-Крезо.

Но даже и при такой помощи нелегко было после полутора лет подвласного существования добиться успехов в деле управления страной. Многие польские политические деятели были против Пилсудского. В мае 1923 г. они заставили его уйти в отставку. После ухода Пилсудского бесконечные дразги в политических кругах привели Польшу на край банкротства. Наконец, в 1926 г. Пилсудский предпринял поход на Варшаву, произвел государственный переворот и восстановил свою власть. Он довел численность польской армии в мирное время до 250 тысяч человек. Положение украинского народа было очень тяжелым. Несмотря на то что в 1923 г. Пилсудский обещал союзникам предоставить украинцам автономию, украинцами правили польские чиновники и полицейские, а большинство украинских школ было закрыто (в Галиции было 2 420 украинских школ, а в 1928 г.—всего 745).

Чехословакия. Другим звеном цепи, связывавшей Германию, Австрию и Венгрию на востоке, было новое Чехословацкое государство. Национальная история богемских чехов уходит еще дальше в прошлое, чем история поляков, а история возрождения Чехословакии в качестве национального государства не менее интересна, хотя имеет и иной характер чем у Польши. Как и поляки, чехи вели агитацию за предоставление им автономии еще до 1914 г., но в отличие от поляков у них с самого начала не было колебаний насчет того, к какой

из воюющих сторон им следует примкнуть: они сражались с союзниками против своих австрийских властителей. После падения австро-венгерской монархии в 1918 г. группа чехов в Праге объявила независимость Чехии, а в 1919 г. в Париже державы-победительницы признали новую республику. Президент Вильсон симпатизировал делу чехословацкой независимости по ряду причин. Чехословацкий народ был угнетен с XVI в., когда чехи неосмотрительно избрали своим королем Габсбурга. Кроме того Томас Масарик горячо защищал в Америке идею Чехословацкого государства, а молодой представитель Чехии на Парижской конференции Эдуард Бенеш поддерживал вильсоновскую идею Лиги наций. У Клемансо были свои соображения в пользу создания Чехословацкого государства. Пять шестых промышленных ресурсов Австро-Венгрии и большие военные заводы Шкода в Пильзене расположены в Баварии и Моравии, поэтому представлялось целесообразным отделить эти провинции от Австрии. Если же прибавить к ним Словакию и Закарпатскую Украину, то границы Чехословакии будут доведены до Румынии, и, таким образом, вокруг Венгрии создастся сплошное кольцо союзнической территории.

Чехословакия была наиболее удачным из всех новых государств, возникших после войны, хотя она не отличалась национальным единством, ибо из общего количества ее населения в 14 миллионов человек чехи и словаки составляли только 70%; 20% населения составляли немцы и около 10% — мадьяры и русины или украинцы (эти национальные меньшинства терпели притеснения, хотя не столь жестокие, каким подвергались национальные меньшинства в Польше). Сила Чехословакии заключалась в ее экономических богатствах. Ее сельское хозяйство давало ей достаточно продовольствия, чтобы не прибегать к ввозу из других стран, а что касается промышленных изделий, то её промышленность давала ей их гораздо больше, чем это необходимо было для удовлетворения потребностей внутреннего рынка. Правда, ей приходилось ввозить железную руду, но во всех остальных отношениях это была одна из крупнейших промышленных стран в Европе: она экспортировала уголь и машины, текстильные товары и шерстяные изделия, стекло и фарфор, обувь — миллионы пар обуви из города Злин, где вышедший из маленьких людей в промышленные магнаты фабрикант Батя превзошел Ирода своим деспотизмом и Форда — рационализацией своего производства.

Чешские политические деятели отнюдь не отличались той неспособностью к управлению своей страной, какую проявили поляки. В течение всего послевоенного периода в Чехословакии был один бессменный президент — Масарик — и один бессменный министр иностранных дел — Бенеш. Политика, которую они проводили, отличалась исключительным постоянством. Чехословакия нуждалась прежде всего в расположении своих соседей. Чехословакия не является приморским государством и не имеет естественных границ (за исключением чешско-польской границы); благосклонное отношение соседей было необходимо ей в интересах ее безопасности. Этого требовали также ее экономические интересы, так как она является страной, вывозящей свои товары за границу. В первое время после войны, когда

Чехословакия только что вырвалась из-под ига австро-венгерской монархии, она едва ли могла рассчитывать на хорошее отношение со стороны Венгрии. Ввиду этого Бенеш заключил союз с Румынией и Югославией. Эта Малая Антанта из трех государств, к которым, по Трианонскому договору, перешла большая часть Венгрии, вначале имела своей единственной целью сдерживать Венгрию. В 1921 г. Малая Антанта помешала реставрации Карла Габсбургского, а в 1922 г. она добилась того, что Венгрия была принята в Лигу наций; тем самым Венгрия приняла на себя обязательство не начинать войны, не передав предварительно конфликта на примирительное разбирательство Лиги. Таким образом, Малая Антанта в значительной степени утратила свой антивенгерский характер. Бенеш придал новое направление деятельности Малой Антанты, приняв участие в усилиях Лиги по спасению Австрии и Венгрии от банкротства: теперь, когда возможность восстановления их в качестве крупных захватнических держав была исключена, эти страны могли быть полезны Чехословакии как покупатели ее товаров. В течение первых десяти лет после войны Чехословакия достигла необычайного процветания. Это был пожалуй единственный опыт создания государства, на который парижские миротворцы могли оглянуться с удовлетворением. Однако развитие двух других членов Малой Антанты представляло собою картину очень неутешительную.

Румыния. В результате мирного договора Румыния удвоила свою площадь и свое население. Меньше заслуженного приобретения территории история не знает. В начале войны принадлежавший к дому Гогенцоллернов румынский король был в союзе с Германией, но его министры не позволяли ему объявить войну против союзников, и в течение двух лет Румыния оставалась нейтральной. Затем «либеральный» министр Ион Братиану заключил сделку с союзниками на следующих условиях: Румыния будет драться против Германии и получит за это Трансильванию, Буковину и Темешварский Банат до реки Тиссы. Такое требование было бессовестным, но союзники приняли румынские условия. Румыния вступила в войну и была разбита; в декабре 1917 г. она подписала перемирие с Германией, а в мае 1918 г. заключила мирный договор, по своим условиям представлявший полную капитуляцию. К счастью для Румынии, ее министры, несмотря на поражение, сохранили свою бдительность: 9 ноября (1918 г.), за два дня до окончания военных действий, Румыния снова объявила войну Германии; это дало ей возможность принять участие в Парижской конференции и потребовать себе как одному из победоносных союзников соответствующего вознаграждения. Румыния получила и Трансильванию, и Буковину, и часть Баната. Затем она заняла Бессарабию, которая в 1917 г. высказалась за вхождение в качестве автономной республики в состав Советской России.

Новая Румыния обладает значительными естественными богатствами: плодородной землей и нефтяными источниками (по запасам нефти Румыния занимает четвертое место в мире). Трудно было ожидать, что румынские государственные деятели сумеют создать здоровую политическую систему в своем внезапно разбухшем государстве. Конституция применялась в Румынии таким образом, что клика, дер-

жавшая в своих руках избирательный механизм, всегда могла получить на выборах большинство. Представительство партий, получивших меньшинство, было вообще сведено на-нет, так как по закону партия, получившая на выборах 40 процентов голосов, получала в парламенте 50 процентов всех мест плюс часть мест из вторых 50 процентов пропорционально количеству полученных ею голосов. Политическая коррупция достигла неслыханных размеров. В румынской политической жизни оставались неизменными только расходование из года в год около 40 процентов бюджета на армию и сохранение верности Малой Антанте. В течение ряда лет не было заметно никаких признаков улучшения. Клика Братиану пала только в 1928 г., и премьер-министром сделался Маниу. Маниу делал все возможное, чтобы избавить правительство от коррупции. Он провел крупную аграрную реформу, разбив большие поместья на мелкие участки, которые раздал четырнадцатимиллионному румынскому крестьянству. Раздел помещичьих земель увеличил благосостояние крестьян, но отнюдь не повысил общего объема сельскохозяйственной продукции страны. Маниу оказался между молотом и наковальней; с одной стороны, он имел дело с бесконечными интригами дворцовой камарильи короля Кароля, с другой—он сталкивался с гнетущей нищетой народных масс. Для демократии была только одна надежда на спасение: она могла уцелеть лишь в том случае, если цены на нефть и сельскохозяйственные продукты на мировом рынке будут подниматься. Падение цен обрекло бы Румынию на экономическое разорение и политическую диктатуру.

Югославия. Подобно другим новым государствам Европы Королевство сербов, хорватов и словен, или Югославия, было создано по мотивам не только различным, но и противоречащим друг другу. Президент Вильсон хотел освободить южнославянские народы, история которых представляла собою почти непрерывную цепь преследований и притеснений. Клемансо хотел создать государство, которое отняло бы у Австрии ее исконные южные области и в то же время удерживало бы Италию от овладения Далматинским побережьем. В течение первых десяти лет существования нового государства постоянно происходили бесконечные раздоры между белградскими сербами и хорватами; первые продиктовали новому государству составленную ими общегосударственную конституцию и добились провозглашения своего короля Александра королем нового государства; хорватские же крестьяне северных и западных провинций находили, что в Югославии они пользуются меньшей свободой, чем в старой австро-венгерской монархии. Действительно, в Двуетидной монархии хорваты пользовались известной автономией, как и подобало народу, уже в течение многих веков обладавшему европейской культурой. Неудивительно поэтому, что они отвергали господство над собою сербов, составлявших к тому же всего 46 процентов населения Югославии. В Хорватии образовалась хорватская крестьянская партия во главе со Стефаном Радичем, красноречивым идеалистом, не обладавшим талантом тонкого политика, но беззаветно преданным своему делу. В виде протеста против политики Белграда, преследовавшей исключительно интересы сербов, Радич и его партия

в течение ряда лет не принимали никакого участия в политической жизни Югославского государства. В ответ на это правительство в 1925 г. арестовало Радича. Однако вскоре правительство поняло свою ошибку, освободило Радича и назначило его на пост министра народного образования. После этого парламент стал ареной боев между сербами и антисербской оппозицией. Временами эти бои ограничивались словесной перебранкой, но часто дело доходило и до рукопашной. Своего кульминационного пункта борьба достигла в 1928 г. когда один из депутатов господствующей в парламенте партии поднялся со своего места и выстрелил в Радича. Хорватский вождь был тяжело ранен и через несколько дней умер. Его память стала священной для хорватов; они оплакивали его, как национального героя павшего за свой народ. Но так или иначе препятствие на пути превращения Югославии в чисто сербское государство было устранено.

Новое государство было до невероятия бедно, правительство зависело, главным образом, от иностранных кредитов. Крупнейшим заемодавцем была Франция. Однако условия договора, заключенного с Югославией в 1927 г., были очень тяжелы для последней; Франция потребовала по этому договору, чтобы Югославия усилила свою армию на пять новых дивизий и чтобы все вооружение для этих дивизий приобреталось у концерна Шкода. Условия американских банкиров были менее обременительны: Морган соглашался предоставить Югославии заем, если белградское правительство передаст, как это сделало правительство Румынии, монополию на работы по электрификации страны принадлежащей ему, Моргану, Международной телефонной и телеграфной компании.

К моменту подписания локарских соглашений Польша и страны Малой Антанты уже окончательно сложились как самостоятельные государства. Все они понемногу, хотя и весьма медленно, развивались в направлении той парламентарно-демократической формы правления, которая являлась идеалом их благодетелей на Парижской мирной конференции. Правда, у них был ряд неразрешенных внутренних проблем: недовольство национальных меньшинств, невероятно низкий, граничащий с голодным существованием жизненный уровень крестьянского населения, невозможность сбалансировать бюджет из-за огромных расходов на вооружения; здесь их поддерживали Франция и Соединенные штаты. Помощь Франции выражалась в договорах о защите на случай агрессии, в предоставлении займов и инструктаже по вопросам организации армии; помощь Америки — в частных кредитах и стремлении американских капиталистов развивать природные богатства новых государств. Что произошло бы, если бы вдруг иссяк поток французского и американского капитала, если бы упали цены на сельскохозяйственные товары и таможенные барьеры окончательно преградили их товарам доступ на иностранные рынки, — этого новые государства не знали. Им суждено было узнать это в 1929 г.

Восстановление Германии. Тем временем план Дауэса положил начало экономическому восстановлению Германии. Наконец-то и для германских промышленников засиял луч надежды. Они принялись за воссоздание Германии с такой энергией, какую до того не проявлял

никто (кроме, пожалуй, французов в 1871—1872 г.), а после того проявили только русские при осуществлении их пятилетнего плана. По Версальскому договору у Германии осталось немного угля; у нее были также крупнейшие в мире стальные и химические заводы и электростанции. Сейчас она имела также нужные ей капиталы: в 1924 г. она получила займы 45 миллионов фунтов стерлингов, главным образом, в Америке и частично в Англии. В 1926 г. ее продукция была всего на 5% ниже довоенной. Дух Локарно облегчил промышленные сношения с Францией: в 1926 г. французские и германские промышленные магнаты заключили между собой соглашение о регулировании сбыта стали в обоюдных интересах, в 1927 г. они заключили такое же соглашение относительно поташа. Американские магнаты приняли участие в финансировании и реорганизации германской промышленности. В порядке дня стояла рационализация: вопрос заключался не столько в том, чтобы продолжать работу старых предприятий, сколько в том, чтобы перестроить их на новых началах и оборудовать новыми машинами. Германия возместила потерю каменного угля, организовав производство электрической энергии на буром угле. Она возместила и потерю своего торгового флота постройкой на американские деньги новых судов; и вскоре оборудованные с исключительной роскошью ее новые пароходы «Бремен» и «Европа» одержали верх над пароходами английских компаний в конкурентной борьбе за трансатлантические пассажирские перевозки.

Однако не все получавшиеся Германией иностранные займы шли на промышленное строительство. В то время в Америке ощущался огромный избыток свободного капитала; банкирам нетрудно было найти клиентов, готовых вложить свои деньги в иностранные предприятия. Банкиры засыпали германские муниципалитеты и другие местные органы предложениями о кредитах. По всякому проведенному займу они получали комиссию. Немцы, разумеется, не заставляли себя долго просить; ведь им нужно было так много строить: население трущоб нуждалось в строительстве новых домов, дети—рахитичные и больные после лишений военного времени и инфляции—нуждались в больницах, банях, детских площадках, новых школах и учебных мастерских, в новых детских колониях. Немцы получали кредиты и перестраивали свои города¹. Американцы давали свои деньги в займы, не задумываясь о том, смогут ли бассейны для плавания и школьные здания приносить доход, необходимый для уплаты процентов по займам.

В эти годы (1924—1929) особенно выпукло выявились все характерные черты германской республики.

Один американский журналист спрашивал: «Что можно сказать о республике, которая допускает, чтобы ее законы толковались монархическими судьями и чтобы ее административные органы находились в руках чиновников старого времени, воспитанных в верности

---

¹ Разумеется, что города перестраивались отнюдь не для улучшения жилищного и материального положения «населения трущоб», а в интересах буржуазии.— П р и м. р е д.

монархическому режиму? Что можно сказать о правительстве, которое остается пассивным, когда реакционные школьные учителя и профессора учат молодое поколение презирать нынешнюю свободу и почитать окруженное ореолом славы феодальное прошлое, о правительстве, которое допускает и поощряет возрождение милитаристского духа, бывшего главной причиной нынешнего унижения страны? Что можно сказать о демократах, которые оказывают официальную поддержку членам бывшего императорского дома, открыто выступающим против республиканского режима, о демократах, которые из уважения к сомнительному праву собственности делают изгнанного из страны кайзера богатейшим человеком... Эта замечательная республика выплачивала пенсии тысячам бывших офицеров и чиновников, нисколько не скрывавшим своего желания свергнуть ее. Она разрешала членам низложенной династии афишировать свою близость к враждебным республике фашистам. Она относилась с полной терпимостью к существованию целого ряда полувоенных организаций настоящих неофициальных армий в буквальном смысле этого слова, как «Стальной шлем», союз викингов, гитлеровские штурмовые отряды. Республиканские организации чисто оборонительного характера, как Рейхсбаннер (союз республиканского флага) и «Железный фронт», находились у нее юридически на том же самом положении, что и антиреспубликанские банды. Она разрешила бывшей знати заполнить все командные должности в армии и флоте, и потому эти армия и флот были чем угодно, только не опорой республики¹.

Внешне Германия в эти годы (1924—1929) процветала. Штреземану удавалось сохранять благосклонность союзников, репарационные платежи вносились аккуратно, французы эвакуировали Рур (в июле 1925 г.) промышленность снова завоевала свои довоенные позиции. По мере новых успехов рационализации в промышленности все увеличивалось число безработных и число врагов социал-демократической республики. Число членов коммунистической партии непрерывно росло. Католическая партия центра собрала вокруг себя всех тех, кто негодовал на Веймарскую республику за ее потворство распущенности нравов. Давнишние консервативные приверженцы монархии—националисты—проповедовали старые излюбленные доктрины «чести и долга». Они были сильны своей неофициальной армией—«Стальным племем», а также тем, что приобрели нового могущественного сторонника в лице магната стали и владельца газет Гугенберга. Национал-социалисты, эти новые консервативные поклонники твердой власти, проповедовали те же доктрины, но при этом они делали особенное ударение на необходимости отказа от Версальского договора и от признания вины Германии за войну; они сулили также более заманчивые перспективы средним классам, которых инфляция превратила в нищих, не имеющих гроша за душой. Число членов национал-социалистской партии неуклонно росло, поднявшись от скромной цифры в 7 человек в 1919 г. до 178 тысяч в 1929 г. Но в 1929 г., когда последние отряды союзников очищали северную часть Рейнской провинции, социал-демократы, казалось,

---

¹ E. A. Mowrer, *Germany Puts the Clock Back*.*

были еще достаточно сильны. С 1924 г. процветание Германской республики все время росло благодаря непрекращавшемуся приливу капиталов из-за границы. В 1928 г. никто еще серьезно не предполагал, что этот приток капиталов скоро прекратится.

Восстановление Австрии. В Австрии происходили те же процессы. Австрийское государство не представляло собою самостоятельного хозяйственного организма. Однако займы, которые союзники начали предоставлять ему с октября 1922 г., сделали возможным и здесь известное восстановление. После заключения перемирия преобладание в Вене получили социал-демократы, которые и удержали затем власть в своих руках. Они устояли против коммунистической волны, которая надвигалась в 1919 г. из Будапешта и грозила залить все придунайские страны; они устояли и против реакционного католического нажима, исходившего все время от консервативных крестьянских провинций Австрии. Вена была не просто большим городом: в ней жила почти одна треть населения страны, и она сама считалась особой провинцией. Социал-демократический муниципалитет Вены был в то же время провинциальным правительством. Согласно конституции социал-демократы имели право расходовать половину провинциального бюджета по своему усмотрению; а без их согласия конституция не могла быть изменена.

Католические провинции Австрии завидовали Вене. Они составляли большинство: почти две трети всех австрийских избирателей были консерваторы и католики. Они мечтали о свержении конституции и о восстановлении власти Габсбургов. Наиболее горячие из них были организованы в неофициальную фашистскую армию—хеймвер—во главе с князем Штарембергом; поэтому всегда имелась опасность столкновений между фашистами и социал-демократами. Небольшое столкновение действительно, произошло в 1927 г., когда снисходительное отношение судебных органов к фашистам вызвало стихийную стачку венских рабочих. Вождь социалистов Дейч предостерегал полицию от необдуманных действий; но полиция потеряла голову и стала стрелять в толпу. Пока удалось восстановить порядок, было убито восемьдесят пять забастовщиков и два полицейских.

Австрия жила на иностранные займы. Послевоенное восстановление ее было непрочным, не более непрочным, однако, чем в остальных государствах Центральной Европы. Польша, Румыния, Югославия, Венгрия и Германия (Германия больше, чем кто-либо) жили на иностранные деньги. И только у одной Чехословакии благодаря ее промышленным ресурсам экономическое положение было относительно крепкое: для нее решающим фактором была готовность других стран покупать ее товары. Можно было опасаться, что наступит момент, когда иностранцы перестанут давать свои капиталы в займы, когда они потребуют уплаты за займы и подымут свои таможенные тарифы. Все это было бы губительным как для хозяйственного восстановления народов Центральной Европы, так и для их более или менее демократических конституций.

Такой момент наступил в 1929 г. Но прежде чем перейти к описанию кризиса и его последствий, необходимо отклониться в сторону и остановиться на событиях в других странах Европы, на своеобразном

ходе развития в победоносной Франции, на основанном на самых антидемократических принципах возрождении Италии, на диктатуре и революции в Испании и на послевоенных затруднениях Англии.

IV. ПОБЕДОНОСНАЯ ФРАНЦИЯ

Почти тысячу лет Франция была самой просвещенной страной в Европе. Она первая добилась национальной независимости. В XVII в. она сделалась общепризнанным образцом европейской культуры. Ее язык был языком всех европейских дворов: французские моды и манера вести разговор, французская учтивость в обхождении были законом для всякого, кто считал себя культурным человеком. В годы революции Франция боролась за идеалы просвещения, свободы и равенства; она показала Европе пример, который заставил все европейские государства перестроить в XIX в. свои конституции на более демократических началах. Неудивительно, что Франция считает себя сейчас стражем европейской культуры. Франция сознает, что на нее возложена определенная миссия в отношении всего остального мира; не религиозная миссия, какую приписывала себе Испания в дни ее расцвета, и не политическая миссия, которую оправдывают свой империализм англичане, а «миссия цивилизаторская».

Страх перед вторжением. Вся политика Франции имеет своей целью обеспечение безопасности, сохранение неприкосновенности ее территории, этой колыбели ее культуры. Франция всегда боялась иноземного вторжения, и не без основания. На востоке она никогда не имела надежной границы, какой для Англии является море, а для Соединенных штатов—малонаселенные пространства Канады и Мексики. Промышленная революция сделала Францию более уязвимой, чем когда-либо, ибо ее залежи железа и угля находились в нескольких милях от незащищенных восточных границ. На глазах живущего сейчас поколения Франция дважды подвергалась нападению врага. В мировую войну значительная часть военных действий происходила на французской земле, на территории областей, в которых живет одна восьмая часть ее населения и которые снабжают необходимыми жизненными удобствами многие другие районы страны.

Англичанам, не знавшим сколько-нибудь серьезного нападения на их страну с 1066 г., и американцам, отделенным от их возможных противников океаном, трудно понять, что это значит. Им легко посмеиваться над страхом французов за свою безопасность. После 1918 г. сами они сделали очень мало, чтобы помочь Франции обеспечить ее безопасность. Конгресс Соединенных штатов отказался подтвердить гарантии, которые Вильсон обещал французам в Париже. В Англии консервативное правительство отвергло один французский проект пакта для защиты безопасности, а лейбористское правительство отвергло второй такой проект. И англичане и американцы возражали против оккупации Рура, и если Англия дала в Локэрнэ кой-какие гарантии французской неприкосновенности, то Америка лишь в 1929 г. пактом Бриана—Келлога, согласилась признать войну «стоящей вне закона», да и тот пакт представлял собою не более, как благочестивое пожелание. Французский писатель Леон Буржуа

предложил Вильсону, чтобы при Лиге наций была создана международная армия, с помощью которой можно было бы в будущем удерживать народы от нарушения мира. Но это предложение было отвергнуто. Позже французский политический деятель Аристид Бриан выступил в Женеве приблизительно с таким же предложением, но и оно было отклонено. После этого Франции оставалось возлагать все свои надежды на сильную армию и новую линию подземных крепостей, сооруженных вдоль ее уязвимой восточной границы.

Причинами столь равнодушного отношения Англии и Америки к страху французов перед агрессией являлись, во-первых, недостаток воображения, а во-вторых, совершенно законное недоверие к одной группе французского населения. Крупные промышленники Франции были охвачены опасными стремлениями. Французская тяжелая промышленность возникла в эпоху Второй империи. Послевоенные руководители тяжелой индустрии мечтали стать единственными хозяевами лотарингского железа, поташа, саарского и рурского угля, чтобы создать единый огромный промышленный комбинат во главе с объединением французских железных магнатов Комите де Форж, виднейшим членом которого являлась фирма Шнейдер-Крезо. Эти планы были разбиты Версальским договором, оставившим Рур и Рейнскую провинцию в руках Германии. Тогда они решили добиваться своих целей с помощью политических комбинаций.

Национальный блок. Французские политические комбинации представляются более сложными и менее понятными для постороннего, чем политические комбинации в других странах. Это объясняется тем, что они связаны с гораздо более сложной социальной системой, которая нуждается для сохранения своего равновесия в более тонком маневрировании. Каждая маленькая социальная или экономическая группа имеет во Франции свою партию, и ни одна партия не может рассчитывать получить большинство голосов в палате без поддержки других партий. Правительство должно опираться на коалицию партий, и если оно нарушает интересы этих партий, то оно падает. При таких обстоятельствах неудивительно, что средняя продолжительность существования министерства составляет всего несколько месяцев. Премьер-министры и министерства меняются по мере того, как решающая роль в коалиции переходит к правой или левой части палаты. Палата не может быть распущена до окончания полного срока, на который она избирается, т. е. четырех лет (исключение может быть сделано с согласия сената, но этого никогда не бывает); и премьер-министры, лишены возможности апеллировать к стране, вынуждены приспособляться к тому составу палаты, который они имеют перед собой.

Выборы 16 ноября 1919 г. привели к власти коалицию, известную под именем «национального блока». Подобно большинству политических групп, пользующихся «национальным» ярлыком, этот блок был реакционным. Он представлял собою беспринципный союз тведолобых, католических клерикалов, Комите де Форж и крупных финансовых и промышленных групп вообще. Политика национального блока, как и политика английского парламента в то время, состояла в том, чтобы заставить Германию платить за причиненные войной

убытки. Постепенно решающая роль в коалиции перешла к ее реакционному крылу. Национальный блок упрекал Клемансо за то, что он обошелся с Германией слишком мягко. В январе 1920 г. Клемансо вынужден был подать в отставку, и премьером сделался неистовый Мильеран. Через восемь месяцев после этого Мильеран был избран президентом республики; но и тогда он продолжал действовать так, как если бы он был главой правительства. В январе 1922 г. он энергичной телеграммой отозвал Бриана с Каннской конференции, где этот дальновидный политик занял слишком снисходительную позицию в вопросе о репарациях. Весьма грозным лидером национального блока был Раймонд Пуанкаре. О политике Пуанкаре можно судить по его внешности: это был человек с квадратной головой и жесткой бородкой, носивший фуражку военного образца и иногда одевавший к своему штатскому костюму черные военные сапоги. Вряд ли кто-нибудь обладал более богатым опытом, чем Пуанкаре, ведь он был президентом республики с 1913 по 1920 г.

В период господства национального блока магнаты из Комите де Форж развили выгодную экспортную торговлю с новыми государствами Европы. Для лучшего овладения этими новыми рынками были созданы специальные банки: для стран Малой Антанты, Австрии и Венгрии—Банк Центральной Европы, для Польши—Польский банк и для Югославии—Франко-сербский банк. В декабре 1923 г. Пуанкаре предложил Польше и Югославии крупный заем для покупки вооружения и других товаров для армии. Но оккупация Рура дискредитировала национальный блок. Пуанкаре пришлось отказаться от поста премьер-министра, а Шнейдеру от председательства в Комите де Форж. В 1924 г. власть перешла к новой коалиции—«левому картелю».

Левый картель. Картель этот не был ни в каком смысле левым. Этот картель не был революционным, не был социалистическим; это был просто блок умеренных партий, представлявший интересы мелких промышленников, рантье, крестьян-собственников и государственных служащих. Его главным вождем был Эррио, «человек из народа», достигший благодаря стипендиям профессорской кафедры, а благодаря своему общительному и веселому нраву дошедший до поста мэра города Лиона, поста, который он занимает уже больше двадцати лет. Вторым вождем картеля был Аристид Бриан. В вопросах внешней политики картель стремился проводить линию мира и примирительного разбирательства конфликтов. Сначала все шло хорошо. Эррио настоял на уходе в отставку президента Мильерана, стоявшего за спиной Пуанкаре в истории с Руром, и по примеру Рамзея Макдональда официально признал советское правительство в России. Бриан и Макдональд совместно выработали план, как сделать Лигу наций эффективным оружием для предотвращения будущих войн. Основная мысль этого плана заключалась в том, чтобы предложить всем членам Лиги подписать протокол, содержащий обещание представлять всякий спор на примирительное разбирательство Лиги. Протокол этот шел дальше устава Лиги в том отношении, что он давал определение термину «агрессора»: агрессором должно было считаться государство, отказавшееся согласиться на примирительное

разбирательство. Сначала казалось, что ни одно государство не сумеет, не нарушая правил международного приличия, отказаться от подписания такого протокола. Но когда в Англии на смену лейбористскому правительству пришли консерваторы, несостоятельность этого плана стала очевидной. Англия отказалась дать свою подпись, и Женевский протокол был похоронен. Этот удар не обескуражил картеля; вожди его продолжали отстаивать принцип мира в международных отношениях и вскоре добились таких успехов, как принятие плана Дауэса, очищение Рура и подписание локарнских соглашений.

Внутренняя политика картеля была очень проста: картель боролся против нового обложения. Французы никогда не были усердными налогоплательщиками; кто-то удачно сказал, что француз охотно умрет за свою страну, но не будет платить налогов. Французское правительство покрывало военные издержки не с помощью налогов, а путем займов, займов внутри страны, в Англии, в Соединенных Штатах. До 1917 г. во Франции не было подоходного налога, и после того как он был введен, в течение многих лет еще не существовало механизма, который мог бы заставить француза объявлять действительные размеры его доходов. Правительство, казалось, потеряло всякую надежду свести бюджет без дефицита. Поступления по репарациям были незначительны, на восстановление разрушенных областей Франция затратила огромные средства еще до того, как Германия начала что-либо платить, а оккупация Рура оказалась чрезвычайно дорогим предприятием. Неудивительно, что на иностранных биржах франк падал. Вожди левого картеля были вынуждены увеличить налоги, хотя это и было им очень не по душе. В апреле 1926 г. с населения был взят чрезвычайный налог в сумме $7\frac{1}{2}$ миллиардов франков. Этого было недостаточно, чтобы сбалансировать бюджет или спасти франк, но более чем достаточно, чтобы картель потерял свое большинство в палате. В июле 1926 г. фунт стерлингов стоил 250 франков. Премьер-министром снова стал Пуанкаре. Он возглавил теперь новую коалицию — «национальное объединение».

Пуанкаре и франк. Национальное объединение, которому суждено было править Францией вплоть до 1932 г., представляло собой еще более странный конгломерат, чем каждая из других послевоенных коалиций. Пуанкаре задался целью объединить промышленную политику старого блока с более разумной внешней политикой картеля. Пуанкаре удовлетворил иностранное общественное мнение, назначив Бриана министром иностранных дел. Он удовлетворил общественное мнение радикальной Франции, назначив министром просвещения Эррио. Он примирил с собой сторонников реформ внутри страны и за границей, не включив в министерство Мильерана. Финансы он оставил в своих руках, а в качестве министра общественных работ пригласил реакционера Тардье.

В то время для Франции важнее всего было провести энергичные финансовые мероприятия. Пуанкаре повысил подоходный налог, поднял косвенное обложение, отменил таможенную монополию, выделил доходы от табачной монополии и от налога с наследств для фонда погашения государственного долга и провел меры жесткой

экономии в государственных учреждениях. В результате этих жертв и при помощи Французского банка он впервые за шестнадцать лет свел бюджет без дефицита и поднял курс франка до 124 франков за английский фунт. Он мог бы поднять курс франка еще выше, но в этом у него не было необходимости. Пуанкаре стабилизировал франк на уровне 124—125 за фунт и в 1929 г. на этой базе восстановил во Франции золотой стандарт.

Надо признать, что все это было сделано чрезвычайно искусно. Франк был теперь закреплен на уровне одной пятой части своей довоенной стоимости. Это означало, что по всем обязательствам, выраженным в франках, теперь надо было платить только одну пятую часть. Пострадали на этом рантье, лишившиеся четырех пятых своего дохода. Но, пожалуй, они этого заслуживали: французы, подобно флорентинцам эпохи Медичи, предпочитали давать государству деньги займы за проценты, чем платить ему налоги. За войну надо было так или иначе платить, и теперь французские граждане платили за нее потерей своих займов. Эти потери частных лиц были с избытком компенсированы общим улучшением экономического положения страны. Проведенная Пуанкаре денежная реформа освободила правительство на 80% от расходов по оплате внутренней задолженности. В течение некоторого времени различные отрасли французской промышленности могли продавать свои товары на мировом рынке дешевле других стран. Особенно преуспевали в этом магнаты металлургии.

Бриан и Лига наций. Франция была теперь снова очень сильна. У нее была самая большая армия в Европе и самый большой золотой запас. Ее бюджет показывал превышение доходов над расходами. Конечно, были черные точки на ее горизонте: Германия могла начать снова вооружаться, Италия под руководством Муссолини могла стать агрессивной, Австрия и Венгрия обнаруживали тенденцию вновь объединиться под скипетром Габсбургов, а русская проблема так и оставалась неразрешенной. Но пока все обстояло хорошо. Серьезной задачей для Франции было добиться того, чтобы условия, существовавшие в тот момент, сохранились и в будущем. У Бриана никогда не было недостатка в проектах. Он обратился с предложением к Америке: так как у Парижа с Вашингтоном нет никаких разногласий, то нельзя ли Вашингтону заключить с Парижем договор о вечном мире? Вашингтон не согласился на это. Статс-секретарь Келлог указал, что подписать такой договор с одним государством представляется для него неприемлемым. Вместо этого он выдвинул идею общего договора, который должны подписать все государства и который содержал бы в себе обязательство отказаться навсегда от наступательной войны. Пакт был совершенно безобидным; в 1928—1929 гг. пятьдесят три государства подписали парижский пакт (или пакт Бриана—Келлога). Однако пакт был также и совершенно бесполезным. Он не предусматривал ничего такого, что могло бы помешать любому государству начать войну, если только оно считает ее оборонительной войной. Келлог настоял на том, чтобы пакт не содержал в себе ничего такого, «что каким-либо образом ограничивало бы или уменьшало право на самозащиту, присущую каждому суверенному государ-

ству и подразумеваемую в каждом договоре». Через три недели после ратификации пакта сенат Соединенных штатов принял закон о постройке пятнадцати крейсеров стоимостью в 250 миллионов долларов.

Тогда Бриан обратился к Женеве с ошеломительным проектом. Он предложил, чтобы европейские члены Лиги наций образовали «лигу в лиге», тесный союз для сохранения мира, который мог бы стать основой будущих Соединенных штатов Европы. В устах Бриана это предложение имело характер всеобщего плана, обнимающего все государства без исключения; оно должно было создать «узы солидарности, которые позволили бы народам Европы осознать, наконец, свое географическое единство и осуществить в рамках лиги одно из региональных соглашений, рекомендуемых ее уставом». Но предложение Бриана вызвало серьезные возражения. Во-первых, в новый союз вошли бы союзники Франции—Бельгия, Польша и Малая Антанта, но не вошли бы английские доминионы; таким образом, Франция имела бы в нем шесть голосов, а Англия только один голос. Во-вторых, если бы Россия и Турция не были допущены к участию в союзе, то союз этот мог бы превратиться в французский заговор для недопущения вовек ревизии Версальского договора. Предложение Бриана провалилось, и Франция для обеспечения своей безопасности обратилась к своим старым средствам—усилению армии, укреплению восточных границ и укреплению границ своих союзников предоставляя им займы на военные расходы.

Слабость французской системы парламентских партий. Национальное объединение было достаточно сильно. Оно заставило Пуанкаре в 1929 г. уйти в отставку. Бриан вскоре умер. Оно оказалось достаточно сильным, чтобы пережить экономический кризис 1929, 1930 и 1931 гг. Наряду с этим оно испытывало серьезные затруднения. Правительство еле-еле сводило концы с концами. Французы никогда не были так богаты, как англичане или американцы; между тем, сейчас они были обременены налогами в гораздо более высокой пропорции к национальному доходу, нежели англичане и американцы, а стоимость жизни превышала довоенную в четыре раза. Золото Французского банка не принадлежало правительству; оно представляло собою сбережения французского населения (и в известной части сбережения иностранцев). Депрессия, царившая за границей, отразилась на французской промышленности, поступления от налогов становились все меньше и меньше; наряду с этим политическое положение в Европе было так неустойчиво, что Франция чувствовала необходимость расходовать все большие и большие суммы на военное снаряжение. Наконец, в 1932 г. национальное объединение потерпело поражение на выборах, и к власти пришла менее консервативная, напоминавшая старую «картель», коалиция во главе с Эррио. Но старая слабость левого картеля проявилась и на сей раз: левые не могли повысить налогов, не рискуя потерять поддержки входивших в новую коалицию партий. Министрства сменялись одно за другим, а бюджетный дефицит все увеличивался. В 1934 г. казалось, что в условиях существующей парламентской системы управлять Францией невозможно. Но какой же был другой выход?

Коммунистическая партия была во Франции недостаточно сильна. Социалисты были не намного сильнее коммунистов. Более вероятной альтернативой представлялся возврат к монархической диктатуре. Во Франции всегда существовала партия, враждебно относившаяся к Третьей республике. Эта враждебность во многом похожа на враждебность германских национал-социалистов по отношению к Веймарской республике; ее причина заключалась в том, что и там и здесь республика родилась на почве поражения. Группируясь вокруг организации «Акссион франсез», роялисты неустанно и искусно вели свою агитацию. В лице Шарля Морраса они имели пророка, а в лице Леона Додэ—публициста, который увлекал за собой тысячи и приковывал к себе внимание сотен тысяч молодых французов.

Кризис начался в 1934 г. Некий финансист по фамилии Ставиский был уличен в мошенничестве с облигациями города Байонны и, чтобы избежать ареста, покончил самоубийством. Выяснилось, что еще в 1926 г. он был арестован за мошенничество с ценностями на 7 500 тысяч франков, но был освобожден до суда, что судебное разбирательство откладывалось не меньше девятнадцати раз, так как у него было много друзей на различных высоких постах, и что его байоннские облигации были рекомендованы широкой публике не кем иным, как одним из министров находившегося в то время у власти правительства. Наконец-то открылись сточные трубы французской полиции и официальных кругов, при этом царю вырвалось такое зловоние, что народ содрогнулся от отвращения. В эти дни казалось, что вся республиканская администрация состоит из одних взяточников. 6 февраля 1934 г. на улицах Парижа происходили бурные выступления ~~близко к Красной~~ ~~близко к Красной~~. Во время беспорядков было убито 15 и ранено 1 300 человек.

Чтобы спасти республику, призвали уже удалившегося на покой бывшего президента восьмидесятилетнего Думерга и предложили ему сформировать министерство. Министерство Думерга было многозначительно названо «министерством национальной концентрации». Думерг лелеял мысль о созыве в Версале учредительного собрания, с тем чтобы провести закон, запрещающий инициативу отдельных членов палаты в вопросе о расходных статьях бюджета, ограничивающий право государственных служащих на стачки и предоставляющий премьер-министру право роспуска палаты по его усмотрению. Как раз в последнем пункте план Думерга потерпел крушение. За предложением о праве роспуска палаты левое крыло министерства увидело призрак фашизма, и в ноябре Думерг вынужден был подать в отставку. Это лишний раз подчеркивало бессилие, присущее республиканскому режиму. Его правое крыло вызывало подозрение в склонности к диктатуре, а левое крыло—в недостаточной твердости в финансовых вопросах.*

Церковь и республика. В эти годы французский республиканский режим получил нового союзника в лице католической церкви. Со времени своего основания в 1871 г. Третья республика была противником церкви. Она провозглашала принцип свободы совести и не поддерживала ни одной из форм религиозных верований. Католицизм перестал быть официальной государственной религией Франции.

Церковные здания перешли в собственность местных самоуправлений; духовенство не получало больше жалования от государства, монашеские ордена были закрыты, религиозное преподавание в государственных школах было запрещено. Папа протестовал против языческого характера новой республики. Вначале казалось, что организованные силы католицизма могут ниспровергнуть республику; но в 1891 г. папа разрешил верующим принимать участие в политической жизни государства и голосовать на выборах, не создавая при этом специальной клерикальной партии. С этого момента открытое сопротивление церкви республике ограничивалось только резкими нападениями в церковной печати и деятельностью католическо-роялистской организации «Аксион франсез».

В течение всего довоенного периода республика оставалась официальным противником церкви. Но четыре года в юдоли смерти снова вызвали у французов потребность в религии с ее верой в сверхъестественное. Национальный блок пользовался поддержкой значительной массы людей, благосклонно относившихся к притязаниям церкви. Посол Франции был аккредитован при Ватикане, и религиозные ордена опять начали обосновываться во Франции. Левый картель, испуганный этими уступками, угрожал правительству, что потребует отозвания представителя Франции при Ватикане. Но Папа Пий XI был готов на всяческие уступки по отношению к республике. «Аксион франсез» открыто требовала реставрации католической монархии, хотя бы ценой гражданской войны. Папа Пий XI почувствовал себя вынужденным наложить церковное запрещение на все это монархическое движение, несмотря на то что «Аксион франсез» была самой сильной католической организацией во Франции. В целой серии папских булл (последняя из них была издана в 1927 г.) он запрещал верующим поддерживать движение «Аксион франсез» и читать издаваемую ею газету под страхом отказа в допущении к церковному браку и другим таинствам. Так старый разрыв между церковью и республикой был в значительной степени ликвидирован, хотя церковь и не вернула себе своего прежнего официального положения в государстве. Большинство французского населения, и в особенности женщины, охотно вернуло бы католицизму его прежнее положение официальной государственной религии, но враги клерикалов упорно отказывались предоставить женщинам избирательное право и благодаря этому сохраняли за собой большинство на выборах.

Какую огромную роль церковный вопрос играл в послевоенной истории Франции, лучше всего показывают события в Эльзасе и Лотарингии. Немцы разрешили этим областям сохранить свои местные законодательные учреждения и известную степень независимости. Они разрешили им сохранить в силе конкордат с Ватиканом, по которому католическое духовенство содержалось на счет государства и католические дети воспитывались в религиозном духе в субсидируемых государством школах. После 1918 г. французы решили положить всему этому конец. Национальный блок уничтожил местную независимость, ликвидировав провинциальные законодательные собрания и передав управление обеими областями в руки

парижских чиновников, незнакомых ни с местными обычаями, ни с местными наречиями, на которых говорило большинство населения. Левый картель попытался отменить конкордат: было внесено предложение, чтобы церковь сама содержала свое духовенство и чтобы в школах не допускалось религиозное обучение. Но здесь французское правительство зашло слишком далеко. Родители стали побуждать своих детей бастовать и бойкотировать школу, и те охотно делали это. Эррио вынужден был пойти на компромисс: религиозное обучение в субсидируемых государством школах отменялось, но в то же время учащимся предоставлялись свободные часы для посещения уроков религии в церковных школах. Эльзас-лотарингцы не были удовлетворены, среди них образовалась сильная партия, требовавшая национальной независимости. Тогда Пуанкаре, сам лотарингец по происхождению, стал подавлять «автономистское» движение, закрывая его газеты и арестовывая его вождей. Казалось, что в Эльзас-Лотарингии уже назревает восстание. Снова французскому правительству пришлось уступить: снова были разрешены автономистские газеты, допущена автономистская пропаганда, и угрозы в отношении церкви больше не возобновлялись.

После войны счастье явно не улыбалось Франции. Франция являлась господствующей державой в Европе, но ее цивилизаторская миссия, которую она считала своим долгом, восстановила против нее народы, которые она пыталась приобщить к своей культуре в Эльзасе, Сирии и Африке¹. Она твердо стала на позицию защиты безопасности и сохранения культурного, политического и экономического равновесия, которое было обещано ей мирными договорами. Ее народ пользовался большей свободой и довольством и меньше страдал от междоусобной борьбы, дезорганизации и безработицы, чем народ какой-либо другой страны в послевоенный период. Новая политика Франции очень дорого обходилась ей; еще дороже обходилась ее политика другим странам.

V. ФАШИСТСКАЯ ИТАЛИЯ

Итальянцы вышли из мировой войны побежденными. В октябре 1917 г. в битве под Капоретто они были разбиты и обращены в беспорядочное бегство энергичным ударом австрийской армии под командованием германского генерала Макензена. Этого поражения не могли изгладить из их памяти ни последующее восстановление их позиций (после того как итальянская армия была подкреплена английскими и американскими частями), ни их триумф над полумертвой австрийской империей в битве при Витторио Венето. Однако самым жестоким ударом было поражение итальянцев в переговорах с союзниками.

Италия вступила в войну, чтобы завоевать себе землю. В 1914 г. она была связана договором с Германией и Австрией; она была членом Тройственного союза. Но центральные державы не обещали ей

---

¹ Сирийская проблема Франции рассматривается в ч. III, а ее африканская проблема в ч. V.

за выступление в войне на их стороне ничего, кроме части Трентино. Англия предложила ей более существенную взятку, а именно Тироль до Бреннера, Триест и Истрию, Далматинское побережье за исключением Фиуме; протекторат над Албанией (а албанскую Валлону — в полную собственность), Адалийский вилайет в Турции и часть турецких и германских владений в Африке в случае их будущего раздела. В апреле 1915 г. Италия подписала Лондонский секретный договор, а в мае объявила войну Австрии. Объявление войны Германии она благоразумно отложила еще на пятнадцать месяцев; но во всех других отношениях она не щадила себя. Италия мобилизовала около шести миллионов человек и потеряла в боях семьсот тысяч убитыми. Ввиду этого она считала, что вполне заслуживает обещанной награды. Более того, она считала себя вправе претендовать на Фиуме: ведь Вильсон обещал народам самоопределение. В Фиуме жили итальянцы, следовательно, Фиуме должен будет высказаться за принадлежность к Италии. Но у великих держав были другие планы. Они готовы были отдать Италии Трентино до Бреннера и предоставить ей в Далмации порт Зару и остров Лагосто, но они не хотели отдавать ей ни остальной части Далматинского побережья, ни протектората над Албанией, в намерения союзников не входило также отдавать Италии сколько-нибудь значительную часть германской Африки, а главное, они не собирались отдавать ей Фиуме. Итальянское общественное мнение было возмущено; взбешенный Орландо демонстративно покинул совет четырех. Италия снова была на ножах со своими вероломными союзниками на Парижской конференции.

Обойденная Италия. Итальянцы чувствовали себя опозоренными в глазах всего света, обманутыми своими собственными политическими деятелями. Война обошлась Италии очень дорого: выкачала из нее все ее денежные ресурсы, обременила ее бюджет дефицитом более чем в двенадцать миллиардов лир и усилила дороговизну. Неудивительно, что итальянцы стали искать выхода в насилии. По всей стране выросли многочисленные тайные общества, кровавые братства, всевозможные террористические шайки. Почва Италии издавна благоприятствовала таким всходам. В сентябре компания буйных голов, именовавших себя националистами, во главе с поэтом д'Аннунцио — человеком, напоминавшим собою маленького фантастического фавна, перелетела на самолетах в Фиуме и, наперекор воле союзников, овладела городом. Захватчики удерживали город в своих руках до рождества. Головы их кружились от опьянивших их громких лозунгов старого римского империализма. Они покинули город только тогда, когда итальянский премьер-министр Джиолитти послал в Фиуме броненосец. Между тем, образовавшаяся в марте в Милане группа, называвшая себя новым именем фашистов, быстро собирала силы. В 1920 г. фашисты переняли у националистов их лозунги. На фабриках и заводах бушевали большевистски настроенные рабочие. Повсюду, во всех частях полуострова, имелись и другие группы, преследовавшие различные цели.

Вначале казалось, что из всего этого хаоса не может возникнуть какой бы то ни было социальный порядок. На выборах большинство

СТОГАРЕНО

всегда получали конституционные партии: умеренные либералы во главе с Джиолитти, умеренные социал-демократы во главе с Бомом, новая католическая народная партия, руководимая священником Стурцо. Но умеренные партии были против насилия: они были слишком преданы парламентским методам. Эти партии оказались бессильными против террористов.

В течение 1919 г. забастовки в Италии были всеобщим явлением. Стачечное движение продолжало расти и в 1920 г. Началось оно в каменоломнях Каррары, перебросилось на железные дороги и типографии и достигло своей кульминационной точки в сентябре, когда рабочие захватили в свои руки шестьсот заводов и фабрик с общим количеством рабочих и служащих в полмиллиона человек. Рабочие образовали советы, но им не хватало опыта в управлении предприятиями, у них не было сырья, они не могли сбывать свою продукцию на зарубежных рынках. После 75-дневных переговоров рабочие уступили и вернули предприятия собственникам. В январе 1921 г. коммунисты откололись от социалистической партии. В мае в парламент было избрано 33 фашистских депутата, в том числе Муссолини. Впрочем, фашистам не доставало единства и дисциплины. Со всех концов страны приходили известия о фашистских налетах, о сброшенных бомбах и убийствах; все это были разрозненные выступления.

Поход на Рим. Муссолини объявил себя теперь монархистом. Его движение претендовало на роль защитника страны от большевизма.

Сейчас фашистам ничто, кроме конституционных партий, не преграждало пути к власти. Когда министерские кризисы стали следовать один за другим, Муссолини решил произвести государственный переворот. На 27 октября, день победы при Витторио Венето, был назначен массовый поход на Рим; отряды фашистов были приведены в готовность и сосредоточены в городах, расположенных поблизости от столицы. Когда наступил назначенный день, ближайшие помощники Муссолини, де Векки и Гранди, явились к королю Виктору-Эммануилу. Премьер-министру не оставалось ничего иного, как подать в отставку. А когда фашисты отказались принять участие в министерстве, если оно не будет возглавляться их собственным вождем, король предложил Муссолини образовать министерство. В образованное Муссолини министерство вошли пятнадцать фашистов и пятнадцать представителей других партий. Премьер-министром был Муссолини; он оставил за собой, кроме того, портфели министра внутренних дел и министра иностранных дел. Дело обошлось без боя: фашистские войска—их было 50 тысяч человек—впоследствии все вошли в состав национальной милиции. Переворот был закончен.

Кто же такой был этот Муссолини? Его совсем не знали за пределами Италии, да и в самой стране он пользовался малой известностью. Когда публика за границей познакомилась с прошлым Муссолини, она не была очень обрадована. Этапы его биографии таковы. Сын деревенского кузнеца, названный при крещении Бенито, по имени мексиканского революционера Бенито Хуареса, он был в молодые годы социалистом, одиннадцать раз арестовывался. Муссо-

лини был руководителем неудачного переворота в «красные дни» июня 1914 г., когда было убито двадцать человек. До ноября 1914 г., когда он был исключен из партии за его статьи в защиту войны с Австрией, он был редактором социалистической газеты «Аванти». Затем был редактором-издателем «Пополо д'Италия», газеты, основанной, если верить слухам, на французские деньги. Позднейшая деятельность Муссолини—организация фашистских групп и руководство эксцессами, направленными против его бывших товарищей—социалистов. Все прошлое Муссолини не внушало большого к нему доверия.

Но за что боролся Муссолини? Какие принципы он защищал? Надо думать, что он защищал католицизм, так как метал громы и молнии против франкмасонов. Очевидно, он был за диктатуру, так как терроризовал своими выходками депутатов в парламенте и основал Большой фашистский совет, который должен был отныне осуществлять всю законодательную инициативу. Однако ответить на вопрос о его программе более точно было трудно, так как за пышными и пустыми фразами его речей и прокламаций не видно было ясных очертаний определенной политики. Он был всецело занят искоренением оппозиции.

Фашистский террор продолжался в Италии в течение всего 1923 г.; отдельные группы фашистов ознаменовывали свою победу тем, что изо дня в день избивали дубинками всех инакомыслящих и насильно вливали им в горло касторку. В июне 1924 г. исключительное по своей жестокости убийство популярного молодого социалистического депутата Маттеоти объединило все демократические партии против Муссолини. Это было испытанием сил для обеих сторон. Фашисты обратили свое оружие против конституционных партий, и к концу года—к тому времени, когда был выработан план Дауэса и в Центральной Европе начал воцаряться мир,—оппозиция против Муссолини была подавлена.

Корпоративное государство. Теперь пора было начать реальную работу по фашистскому переустройству Италии. Муссолини добился власти силой. Он мог удержать власть только в том случае, если бы ему удалось улучшить экономическое положение страны. Но Италия была бедной страной. Две трети ее площади состояли из гористых и бесплодных земель, и посевы пшеницы не могли прокормить все население Италии. Италия не имела также сколько-нибудь значительных горных богатств, не имела и богатых сырьем колоний и потому в деле получения сырья и вспомогательных материалов для своей промышленности—угля, железа, нефти и хлопка—зависела от других стран. Чтобы иметь возможность платить за импортируемые товары, она вывозила, главным образом, вино, маслины и фрукты, кожевенные изделия, изделия из дерева и стекла, произведения традиционного мастерства итальянских крестьян и ремесленников. Но экспорт был не настолько велик, чтобы можно было оплатить стоимость импорта. До войны разница покрывалась переводами от итальянских эмигрантов, посылавших деньги своим родным в Италию, и доходами от иностранных туристов. Во время войны поездки туристов в Италию прекратились, а после войны прекратились

и переводы, так как в других странах не было больше работы для итальянских эмигрантов. В Италии усилилась нищета, и распространяющаяся вследствие этого недовольство было главной причиной забастовок в послевоенные годы.

Нужно было тем или иным путем форсировать рост итальянского сельскохозяйственного производства, в особенности посевов пшеницы; надо было так или иначе развить производство электрической энергии для замены недостающего угля; надо было покончить с забастовками. Единственным решением вопроса было создание в той или иной форме централизованного управления сельским хозяйством, промышленностью, финансами, трудом, словом, всей экономической жизнью страны. Муссолини начал с ликвидации старых профессиональных союзов. Вместо них он предложил образовать на местах по два синдиката для каждой отрасли хозяйства: один синдикат рабочих и служащих и один синдикат предпринимателей. Муссолини установил, что для существования синдиката рабочих и служащих достаточно, чтобы в него входило десять лиц наемного труда, занятых в данной отрасли, и допустил к официальной регистрации только фашистские организации. Он обеспечил, таким образом, фашистской партии полный контроль над каждой из отраслей. Синдикаты представляли собой организации одновременно и более ограниченные и более широкие, чем профессиональные союзы. Более ограниченные—потому что во главе их могли стоять только лица, имеющие доступ в высшие органы фашистской партии, более широкие—потому что им предоставлялось право взыскивать членские взносы со всех рабочих и служащих, независимо от того, являются они членами синдикатов или нет, и еще потому, что издаваемые ими постановления, регулирующие продолжительность рабочего времени, заработную плату и распорядок на предприятиях были обязательны для всех рабочих и служащих. Синдикаты не имели права объявлять забастовки или локауты; все споры, которые не могли быть урегулированы примирительным разбирательством, должны были передаваться в апелляционный трудовой суд, члены которого назначались самим Муссолини.

Синдикаты должны были охранять интересы членов тех или иных профессиональных групп на местах. Для согласования интересов отдельных групп с интересами производителей всей страны синдикаты посылали своих представителей в местные объединения и в федерации отдельных провинций, а эти последние, в свою очередь, посылали своих делегатов в национальные конфедерации. Всего было образовано тринадцать конфедераций по одной конфедерации для рабочих и одной для предпринимателей в каждой из следующих шести отраслей народного хозяйства: сельское хозяйство, промышленность, торговля, сухопутный транспорт, морской и воздушный транспорт, банковское дело, страхование, и одна конфедерация для лиц свободных профессий. Представители этих тринадцати конфедераций составляли национальный совет корпораций, который, как выразился Муссолини, «является для итальянского народного хозяйства тем же, чем генеральный штаб для армии, т. е. мозгом, планирующим и координирующим все ее действия».

Если генеральным штабом был национальный совет корпораций, то главнокомандующим являлся Муссолини, а начальником его штаба—министр корпораций. Этот последний назначался самим дуче, входил в состав кабинета и нес ответственность за все мероприятия в области экономической политики.

Такова была корпоративная система, установленная «хартией труда» 1927 г. Следующим шагом было включение этой системы в политическую конституцию Италии. Формально Италия все еще была конституционной монархией, построенной более или менее по английскому образцу—с премьер-министром, советом министров, нижней палатой и верхней палатой. С 1923 по 1927 г. Муссолини изменил эту конституцию при помощи целой серии законодательных актов, давших премьер-министру почти абсолютную власть. Один из этих актов сделал его ответственным только перед королем; таким образом, выражение парламентом недоверия не влекло за собой отставки премьер-министра. Другой акт предоставлял членам кабинета, назначаемым премьером право издавать законы в порядке чрезвычайных декретов. Верхняя палата состояла из знатных лиц, назначаемых премьер-министром пожизненно. Нижняя палата была превращена в чисто совещательное учреждение, так как законодательная инициатива фактически была целиком сосредоточена в руках Большого фашистского совета. Этот совет, председателем которого является, разумеется, Муссолини, был начиная с 1922 г. фактической силой, скрывавшейся за ширмой королевской власти. Однако в писанной конституции о нем не упоминалось вплоть до 1929 г., когда Муссолини почувствовал, что наступило время легализовать его положение. В мае 1928 г. Муссолини провел закон об избирательной реформе. Старая система выборов, при которой каждый избирательный округ посылал в парламент по одному депутату, была отменена. Вместо этого теперь каждая из хозяйственных корпораций представила Большому фашистскому совету свой список. Совет вычеркнул из этого списка одни имена и прибавил к нему другие. Затем из всех списков совет выбрал четыреста имен (всего в списках имелось кандидатов, по крайней мере, втрое больше этого числа). После этого на общих выборах страна должна была высказаться за или против этого списка. За неимением выбора страна подтвердила список. Намеченные советом четыреста кандидатов стали корпоративным парламентом. Так была образована новая нижняя палата Италии.

Этот парламент не имел никакой власти. Действительная политическая власть была сосредоточена в руках Большого фашистского совета, состоявшего из Муссолини, его министров и помощников. Заседания Большого фашистского совета были закрытыми. На этих заседаниях совет принимал решения по всем вопросам политики Италии. Он даже выбрал преемника Муссолини, или, вернее, трех кандидатов в преемники: окончательный выбор предоставлялось сделать королю после смерти дуче или ухода его в отставку.

Фашистские символы веры. Такова была новая конституция Италии. Но это был только голый остов, скелет фашизма. Его облекала в плоть и кровь вера в фашистские догматы, вера, которую внушали народу всеми существующими на свете методами. Дети должны

были посещать школы, преподавателями которых могли быть только лица, придерживавшиеся фашистских взглядов. Все без исключения учебники были составлены в фашистском духе. В классах, украшенных портретом Муссолини, дети начинали учиться читать, разбирая по слогам висевший на стене лозунг «Муссолини всегда прав». Они пели хором весьма воодушевляющую, но странно звучащую для уха иностранца песню: «Кто решил исход войны? Италия в битве под Витторлио Венето!». Вне школы дети объединялись в отряды: девочки состояли в организациях «Пиколе д'Италия» и «Джовенне д'Италия», мальчики в возрасте до тринадцати лет — в чернорубашечной «Балилле», а в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет — в организации «авангардистов». Все дети вступали в эти отряды; иначе и быть не могло, так как вокруг них сосредоточивались все игры и вся спортивная жизнь итальянских детей.

Звание члена партии было большой привилегией. Как внутри партии, так и вне ее повсюду проповедовалась только фашистская доктрина. Все газеты находились под контролем фашистской партии; все они походили друг на друга. Первые страницы газет были всегда заняты составленными в одинаковых словах программными политическими статьями и отчетами о фашистских празднествах. Газеты отличались друг от друга только печатавшимися в них бульварными романами, да еще, пожалуй, немногими строками, посвященными местной жизни. В университетах профессура сочувствовала фашистам. В 1931 г. введена была присяга для профессоров: «Я клянусь сохранять верность королю, его наследникам и фашистскому режиму. Клянусь соблюдать конституцию и другие государственные законы; исправлять мою должность преподавателя и выполнять мои профессорские обязанности, руководясь стремлением дать стране трудолюбивых честных граждан и преданных родине и фашистскому режиму. Я клянусь, что не принадлежал и никогда не буду принадлежать к союзам или партиям, деятельность которых несовместима с моим служебным долгом».

Все фашистские символы веры могут быть сформулированы в следующих выражениях: «Я верую в государство, вне которого я никогда не смогу стать мужчиной в полном смысле этого слова. Я верую в священное назначение Италии, духовное влияние которой должно стать самым сильным в мире. Я буду повиноваться дуче, ибо без повиновения не может быть здоровой жизни».

Церковь и государство. Итальянцы, перешедшие в фашистскую веру, были, разумеется, правоверными католиками, воспитанными в преданности католической религии. Можно ли было совместить эти два исповедания? Муссолини считал, что восхваление им войны этому не помешает. Со своей стороны Папа Пий XI был благодарен Муссолини за то, что тот подавил большевизм и восстановил в школах религиозное обучение. Обе стороны признавали существующие отношения между папским престолом и итальянским государством неплохими. Когда в 1870 г. произошло объединение Италии, папский престол был лишен своих земель; это вынудило папу отказаться признать царствующую династию Савойского дома и объявить себя «пленником в руках узурпаторов власти». Желая покончить с этим

положением, Муссолини открыл в 1926 г. переговоры с Ватиканом. И, наконец, после продолжавшихся два с половиной года споров, в 1929 г., стороны подписали соглашение, конкордат. Папа был признан в качестве светского государя в своем государстве—Ватикане, этом обнесенном стеной миниатюрном городе с площадью в сто акров и населением около шестисот человек, а за католицизмом была закреплена роль единственной официальной государственной религии Италии. Государство приняло на себя обязательство применять церковные законы о браке и нравственности в качестве обязательных для всех граждан католического вероисповедания. Со своей стороны «святой престол объявил римский вопрос окончательно и бесповоротно решенным и исчерпанным. Папский престол признает итальянское королевство во главе с династией Савойского дома и Рим как столицу итальянского государства».

Однако граница между «цесаревым» и «божииим» не может быть установлена одним росчерком пера. Через несколько месяцев после подписания конкордата между церковью и государством снова разгорелся спор—на сей раз по вопросу, которому каждая из сторон придавала наибольшее значение: по вопросу о праве на обучение молодежи. Ватикан протестовал против того, что фашисты, включая всех католических бойскаутов в свою юношескую организацию «Балилла», занимают внимание мальчиков только военной подготовкой и тем самым отвлекают их от служения церкви.

В четырнадцать лет дети приносили такую присягу: «Я клянусь выполнять приказания дуче без рассуждений, клянусь [служить всеми моими силами делу фашистской революции и, если понадобится, положить жизнь за нее]. Папа не без основания заявлял, что «каждый приносящий такую присягу, очевидно клянется служить всеми своими силами, не останавливаясь перед пролитием крови, делу той революции, которая похищает молодежь у церкви и у Иисуса Христа, которая приучает народ к ненависти, насилию и непочтительности к старшим и относится без уважения—как это показали недавние события—даже к личности папы... Такая присяга безусловно является незаконной». Муссолини ответил на это закрытием всех юношеских организаций, основанных «Католическим действием» («Аксione католико»). «Католическое действие» было религиозным обществом, устраивавшим по всей Италии клубы для мальчиков и девочек, вечерние школы для взрослых и рабочие клубы. Запрещение его означало бы потерю церковью значительной части ее влияния на воспитание подрастающего поколения.

В течение всего лета 1931 г. стороны никак не могли сговориться. Наконец, был достигнут компромисс. Муссолини разрешил «Католическому действию» возобновить свою деятельность, с тем, однако, чтобы работа юношеских клубов была ограничена преподаванием религии и чтобы они перестали заниматься устройством игр и развлечений. Другими словами, клубы должны были отказаться от той части своей программы, которая больше всего привлекала молодежь. Это соглашение было победой Муссолини. Но даже он сам вряд ли рассчитывал, что оно способно привести к длительному миру между фашистским государством и папским престолом.

Внешняя политика. Нельзя было ожидать, что все другие страны отнесутся к фашистской революции с одобрением. Муссолини не только уничтожил систему парламентской демократии, признанную державами на мирной конференции последним словом политической организации государства, он не только прибегал к кровопролитию и выступал с напыщенными декларациями, он проявлял также чрезмерную склонность играть активную и независимую роль в международной политике. В начале своего «царствования» он добился от Греции уплаты крупной денежной компенсации за убийство четырех итальянцев на острове Корфу; не передавая дела в Лигу наций, он подверг остров бомбардировке и тем вынудил Грецию уплатить требуемую сумму. Он отказался признать созданное союзниками свободное государство Фиуме и заключил частное соглашение с Югославией, по которому большая часть провинции Фиуме и часть порта отходили к Югославии, но самый город Фиуме доставался Италии. Он подорвал независимость и другого детища союзников—Албании, предоставив займы нищим албанцам такую сумму, вернуть которую когда-либо было для них совершенно невозможно. За это Албания согласилась подчиниться финансовому и военному контролю Италии.

Но все это не имело еще столь большого значения. Невзгоды Греции мало волновали великие державы; Фиуме, будучи портом без хинтерланда, не имел сейчас сколько-нибудь серьезного значения; не привлекала особенного внимания союзников и Албания, небольшая страна, состоящая из одних гор и имеющая меньше одного миллиона населения. Действительно важной была позиция Муссолини в отношении Франции.

Во Франции имелось около миллиона итальянских подданных, которые жили там в качестве рабочих. Французское правительство не хотело, чтобы фашисты вмешивались в их жизнь. Кроме того, во французской колонии Тунисе было больше итальянцев, чем французов; понятно, что Франция была встревожена притязаниями Италии на расширение ее территории в Ливии и в Северной Африке вообще. Но хуже всего было то, что фашисты были противниками французской политики союза с Малой Антантой. Они называли этот союз «военным союзом под командой французского генерала». Муссолини хотел развить торговлю Италии с Югославией и Румынией. Но главная участница Малой Антанты—Чехословакия—хотела сохранить эти рынки для своих товаров, а за Чехословакией стояла Франция. Вынужденный отказаться от мысли иметь покупателей в лице стран Малой Антанты, Муссолини обратился в сторону Австрии и Венгрии. Теперь, когда эти страны уже больше не были объединенной империей и когда, следовательно, не могло быть и речи о том, чтобы они угрожали Италии, Муссолини стал разыгрывать из себя их защитника, стараясь извлечь из этого максимальную выгоду. Венгрия охотно пошла на такое сближение: в то время она была окружена со всех сторон врагами, и для нее было весьма кстати найти государство, которое продавало бы ей оружие. Австрия сперва колебалась; она не могла забыть, как жестоко Италия обошлась с 250 тысячами австрийцев в Южном Тироле, которых она лишила права пользоваться родным языком и подвергла насильственной итальяни-

зации. Но когда ее католические правители увидели, что им угрожает двойная опасность: с одной стороны, германская пропаганда, а с другой—венский социализм, они с радостью согласились принять поддержку католической Италии и разрешили хеймверу построить свою организацию по фашистскому образцу.

Главная опасность фашизма, являвшаяся действительной угрозой для остальной Европы, заключалась в его беззастенчивом, вызывающем милитаризме. Муссолини развил итальянскую военную промышленность; он укрепил армию, усилив ее ударными войсками «фашистской милиции» и ежегодным набором двухсот тысяч новобранцев. Эти молодые люди призывались на краткосрочную службу в армию по достижении ими 21 года. По инициативе Муссолини генерал Бальбо организовал внушительный воздушный флот из 1 500 военных самолетов, а в области морских вооружений Италия даже выставила требование о паритете с Францией. При этом Муссолини, разумеется, громко заявлял, что он за разоружение, под которым он понимал право Италии иметь такие же сильные вооружения, как любая другая великая держава.

Фашистская диктатура. В 1934 г., т. е. через двенадцать лет после похода на Рим, в Италии все еще не было свободы слова и свободы печати. Большой фашистский совет все еще был верховным органом, управляющим государством. Все еще существовал чрезвычайный суд—особый трибунал, созданный в 1926 г. для разбора дел о «преступлениях против фашизма». Судьями в нем были полковники фашистской милиции и высшие чины армии. Он имел право присуждать виновных к заключению на срок до тридцати лет и приговаривать к смертной казни лиц, признанных виновными в одном из следующих, довольно неопределенно сформулированных преступлений:

«1. Покушение на жизнь, неприкосновенность и личную свободу короля, регента, королевы, наследника престола и главы правительства.

2. Посягательство на независимость и единство родины.

3. Разглашение тайн, имеющих отношение к безопасности государства.

4. Посягательство против внутреннего мира (вооруженный бунт, гражданская война, саботаж и грабежи)».

По официальным сообщениям, в октябре 1932 г. наказания за преступления против фашизма отбывало 1 056 человек. Число лиц, казненных по приговорам суда, не было указано.

Между тем сама фашистская партия выросла в 1934 г. в огромную организацию в полтора миллиона человек, представляющую собой нечто вроде полуофициальной полиции. Существование какой-либо другой партии, какой-либо политической оппозиции не допускалось.

VI. ИСПАНИЯ

Изложение исторических событий, начинающееся с 1918 г., неизбежно должно создать неправильное впечатление, будто бы все события нашего злосчастного мира и все изменения в нем были вызваны войной. На самом деле они были, разумеется, следствием причин, коренящихся в более далеком прошлом, война же

только ускорила их действие. Правильность этого положения может быть наиболее наглядно показана на истории нейтральной страны.

После XVII в., когда она была владычицей «империи, в которой никогда не заходит солнце», Испания все время находилась в состоянии упадка. Она уничтожила свой средний класс—евреев и мавров,² создававших процветание ее торговли; она обрекла на бездетность своих сыновей, сделав из них связанных обетом безбрачия служителей церкви; она изгнала из отечества наиболее энергичных людей, отправив их за границу, возложив на них невыполнимую задачу—удержать от распада чрезмерно разросшуюся империю. В XVIII в. лучи просвещения озарили всю Европу, но Испания осталась в темноте. Демократические революции XIX в. вызвали на Пиренейском полуострове весьма слабый отголосок. Однако хотя отголосок этот и был слаб, но он не прекращался никогда. Испанцы нуждались в какой-то степени самоуправления: шесть раз они вынуждали своих государей—Габсбургов и Бурбонов—давать стране конституцию. Однажды они даже изгнали самодержавного монарха—знаменитую своими пороками королеву Изабеллу—и избрали конституционного правителя Амадея Савойского. Когда же этот конституционный монарх не оправдал возлагавшихся на него надежд, кортесы (испанский парламент) объявили Испанию республикой. Но у республики не хватало денег для уплаты своим служащим; кроме того, против нее были те группы населения, которые должны были бы быть ее наиболее стойкими защитниками, а именно, стремившиеся к автономии каталонцы и добивавшиеся земли крестьяне. В декабре 1874 г., после 22 месяцев своего краткого и бесславного существования, республика пала.

Монархия, ее друзья и враги. Бурбонско-габсбургская монархия была восстановлена в Испании в лице Альфонса XII. Разумеется, была составлена конституция; король должен был управлять через министров, ответственных перед кортесами. Однако результаты выборов неизменно фальсифицировались всеми возможными методами, которые только могла придумать испанская изобретательность: неправильными списками избирателей, запугиванием, взятками, неверным подсчетом голосов и т. д. В 1902 г. достиг 16-летнего возраста и принес присягу на верность конституции родившийся уже после смерти Альфонса XII сын его Альфонс XIII. Испанцы надеялись, что теперь для них наступят лучшие времена. Но Альфонс XIII вырос среди священников, военных и дворян; других друзей у него не было. Этих трех сил—духовенства, армии и знати—было достаточно, чтобы держать в подчинении весь испанский народ. Церковь обладала совершенно исключительными привилегиями: она была крупнейшим землевладельцем Испании и вообще самой богатой организацией в стране, кроме того, она держала в своих руках всю систему народного образования. Церковь имела большую разветвленную организацию. Испания оставалась неграмотной страной. Армия также была на особом положении: даже после того, как испано-американская война 1898 г. окончилась потерей Испанией ее последних колониальных владений, испанские офицеры сохранили положение привилегированной касты. Военный бюджет был увеличен, и большая часть его расходи-

валась на жалованье офицерам: каждый седьмой человек в армии был офицером. Что касается дворян или землевладельцев, то они обладали чуть ли не феодальными правами: они могли по своему усмотрению устанавливать любые условия аренды для крестьян, могли обрабатывать свои поместья или при желании оставлять землю невозделанной. Многие из них удовлетворялись возделыванием своей земли в таких размерах, чтобы это обеспечивало им получение необходимого дохода, совершенно игнорируя при этом нужды всего населения и в частности нужды крестьян. На землях некоторых крупных помещиков крестьяне работали за одно пропитание, не получая никакого денежного вознаграждения, большинство же помещиков платило им не более трех пезет в день.

Несмотря на наличие таких союзников, положение старого режима не было прочным. Его врагов можно разделить на три группы. Первой группой была интеллигенция, виднейшие университетские профессора. Испанцам, народу, больше всех других на свете способному увлекаться высокими идеалами и легко поддающемуся очарованию личности, эти люди казались пророками. Старый Мигуэль Унамун¹, ректор Саламанкского университета, и Хозе Ортега-и-Гассет, молодой профессор метафизики Мадридского университета, возглавляли движение духовного возрождения в Испании. Это движение в значительной мере помогло открыть глаза молодому поколению на возможности, имеющиеся у страны, если она будет едина духом и получит либеральные учреждения. Вторым противником старого режима была сила регионализма, т. е. местные национальные движения отдельных провинций. В национальном смысле Испания не является единой страной. Каталонцы на востоке и баски на северо-западе (на других меньшинствах мы здесь останавливаться не будем) имеют свои собственные языки и свои традиции, во всех отношениях отличающиеся от языка и традиций кастильцев Мадрида. Эти народности уже давно последовали бы примеру Португалии и провозгласили себя независимыми, если бы они не были в экономической зависимости от кастильской возвышенности. Каталонцам уже несколько раз (в прежних конституциях) обещали автономию, но каждый раз за этими обещаниями следовали репрессии, а в результате репрессий снова усиливался антагонизм. Понадобились большие уступки со стороны Альфонса XIII, чтобы каталонцы стали лояльными подданными Мадрида. И, наконец, третьим врагом старого режима было рабочее движение. Строго говоря, настоящего рабочего движения еще не было, ибо стремления рабочих шли в столь различных направлениях, что все их усилия лишь создавали состояние огромной напряженности, но не выражались в каком-либо движении вперед. Часть рабочих были синдикалистами, которые хотели, чтобы управление страной было передано крупным объединениям рабочих и крестьян. Другая часть

¹ Мигуэль Унамун — в начале фашистского мятежа перешел на сторону Франко, но возмущенный грубыми выпадами против республиканцев, выступил против фашистского режима и был за это взят под домашний арест. Вскоре после этого Унамун умер по неизвестным причинам.

Два сына Унамуно сражаются в настоящее время в рядах республиканской армии. — Прим. ред.

примыкала к социалистам, желавшим создания центрального правительства, которое являлось бы собственником средств производства. Среди рабочих было немного коммунистов и очень значительное число анархистов. Трудно сказать, чего хотели анархисты. Они приносили речи об уничтожении всякой власти, убивали предпринимателей и министров и покушались на жизнь Альфонса. Синдикалисты пользовались наибольшим влиянием среди рабочих железных рудников Бильбао и предприятий Барселоны. В конце концов они заключили союз с анархистами и образовали Национальную конфедерацию труда. Социалисты были сильнее всего в Мадриде; за ними шли профессиональные союзы и Всеобщий союз рабочих.

В 1914 г. Испания была бедной, редко населенной страной, власть в которой принадлежала консервативным землевладельцам и капиталистам; народное образование находилось в руках церкви, порядок в стране поддерживался консервативной армией, а против установленного режима выступали радикальные профессора, регионалисты и расколотые на враждующие партии рабочие. Сила монархии коренилась в единстве ее приверженцев и раздробленности врагов.

Когда вспыхнула мировая война, Альфонс сделал нечто такое, за что он заслуживает похвалы: он сохранил нейтралитет Испании. Альфонс мог бы участвовать в войне в любом из враждующих лагерей: его мать была австрийкой, а жена англичанкой. Одна из дворцовых партий хотела войны против союзников, а интеллигенция хотела войны против центральных держав. Унамуну, Ортега, молодой драматург и видный чиновник государственной службы Мануэль Асанья и другие даже послали делегацию в Париж. Но Испания осталась нейтральной и на этом составила себе состояние. Заказы притекали в Испанию из всех стран. Промышленность была реорганизована на современных началах. Предприниматели стали миллионерами, рабочие же были одурманены высокой заработной платой, какой они до того никогда не получали. К началу послевоенного периода Испания могла похвастаться процветанием. Война дала ей активный торговый баланс, увеличила в четыре раза золотой запас Испанского банка и дала возможность ликвидировать большую часть внешнего долга. Этот подъем не прекратился с окончанием войны: Испания полностью получила свою долю в общем подъеме 1919—1920 гг.

Неожиданное процветание нарушило и без того неустойчивое социальное равновесие Испании. По всей стране вспыхивали забастовки. В 1917 г. были арестованы руководители одной крупной забастовки, их судили и приговорили к пожизненному заключению. Народное возмущение в связи с этим было так велико, что арестованные были освобождены и на ближайших выборах с триумфом избраны в кортесы. В 1921 г. наступил крах, и поступление заказов из-за границы прекратилось, начались увольнения рабочих и снижение заработной платы. Рабочие волнения приняли критический характер. Альфонс видел только один выход, старый выход, к которому так любили прибегать средневековые монархи, а именно, небольшую войну против какого-нибудь мелкого соседа, военную экспедицию, которая могла бы отвлечь общественное внимание от внутренних невзгод. Альфонс задумал предпринять неожиданное насту-

пление на Абд-Эль-Крима, вождя туземных племен горной области Рифф, поднявших восстание против испанского владычества в Марокко. Альфонс лично участвовал в составлении плана похода, назначил командующим экспедиционными силами не принадлежавшего к главному штабу армейского генерала Сильвестре и стал сноситься с ним непосредственно через голову его начальства. Великолепно снаряженная экспедиция отправилась в Марокко летом 1921 г., в июле, в битве при Ануале, она была разбита наголову и опозорена перед всем миром: десять тысяч испанцев были убиты, пятнадцать тысяч взяты в плен, Сильвестре покончил самоубийством, а все снаряжение экспедиции стало добычей врага.

Замять эту постыдную неудачу было невозможно. Назначена была следственная комиссия, и казалось неизбежным, что личная вина короля в поражении в Марокко будет рано или поздно разоблачена. Но Альфонс не растерялся. Он знал, что военный губернатор Каталонии Примо де Ривера стремится сделаться диктатором. Примо де Ривера пользовался большой популярностью среди капиталистических кругов Барселоны благодаря тому, что в 1922—1923 гг. он успешно подавил восстание анархистов (во время этого восстания анархисты в одной только Барселоне убили 160 предпринимателей). Альфонс хладнокровно готовил почву для переворота Примо де Ривера. Он вынудил уйти в отставку военного министра из штатских Алкала Замора и не разрешил собраться кортесам. 14 сентября 1923 г. Примо де Ривера провозгласил диктатуру. Он приостановил действие конституции и впредь до наступления лучших времен принял на себя управление всей правительственной машиной. Тогда Альфонс признал «совершившийся факт». Ответственность за нарушение конституции и за все, что могло последовать в дальнейшем, падала не на монарха, а на генерала.

Диктатура 1928—1929 гг. Примо де Ривера это был огромный, грубый андалузец, хитрый и невежественный человек. Между диктатурой Примо де Ривера и режимом Муссолини, бесспорно, имеется много общего. В октябре 1923 г., т. е. через год после похода на Рим и через месяц после переворота в Испании, генерал совершил поездку к дуче. Муссолини сказал ему: «Вы переживаете то, что пришлось пережить нам, и вы удержитесь так же, как удержались мы». Методы, применявшиеся Примо де Ривера, вполне можно назвать фашистскими. Он создал партию молодежи средних классов («патриотическая лига»), напоминавшую собою фашистскую партию в Италии. В 1926 г. стало ясно, что генерал собирается заменить конституцию 1876 г. уставом корпоративного государства. Его совет министров состоял из членов патриотической лиги и двух видных военных. Закон о труде, который он издал в декабре 1926 г., чрезвычайно походил на итальянскую хартию труда 1927 г.: по этому закону все отрасли хозяйства и все профессии Испании разбивались на двадцать семь теоретически самоуправляющихся корпораций. Он начал низводить выборы в национальное учредительное собрание, которое должно было состоять из депутатов, выбранных общинами и провинциями, и членов, назначенных патриотической лигой, правительственных чиновников и «знаменитых лиц». Внешняя политика Примо

де Ривера и в особенности его политика в отношении Лиги наций также обнаруживала сходство с политикой Муссолини.

Правительство Примо де Ривера сохранило свою популярность только среди капиталистов и землевладельцев, так как благодаря политике правительства деньги притекали в их карманы. Но симпатиями народа оно никогда не пользовалось. Интеллигенция была недовольна диктатурой. Генерал отвечал на это запрещением газет, закрытием клубов, увольнением профессоров с их должностей и изгнанием Унамуно, Ортега и др. Когда они вернулись из ссылки, они были убежденными республиканцами. Противниками диктатуры были и каталонцы, генерал запретил обучение в школах их родному языку и, смешав лидеров каталонских сепаратистов в одну кучу с синдикалистами и коммунистами, объявил их врагами государства. Армия, недовольная возложенными на нее полицейскими обязанностями, также стала заражаться оппозиционным духом; один артиллерийский корпус даже поднял мятеж против Примо де Ривера. Начал ненавидеть диктатуру каждый испанец. За ним шпионили, вскрывали его письма, подслушивали его разговоры по телефону, вся его жизнь была осложнена сотнями мелких ограничений. Одна только церковь оставалась стойкой сторонницей генерала, но поддержка церкви лишь увеличивала его непопулярность в стране. Когда Примо де Ривера предложил приравнять дипломы некоторых католических учебных заведений к университетским дипломам, среди студентов поднялась такая буря негодования, что он вынужден был отказаться от своего предложения.

Наконец, наступил день расплаты. В 1929 г. — в первый год мирового кризиса — испанская пезета начала быстро падать. Было ясно, что в Испании начинается финансовый кризис. Страна открыто требовала ухода диктатора. Армия отказалась выразить ему доверие. Альфонс понял, что настало время снять правителя. 28 января 1930 г. он предложил Примо де Ривера подать в отставку.

Первой заботой Альфонса было теперь всячески отмежеваться от политики диктатора. Альфонс объявил о восстановлении конституции и назначил новых министров. Однако новый премьер-министр, Беренгер, также был генералом, и народ не видел никакой разницы между правительством Примо де Ривера и правительством Беренгера. Новое правительство оказалось несостоятельным, а его банкротство означало падение монархии. Впервые различные радикальные элементы в стране стали объединяться. Летом 1930 г. интеллигенты, называвшие себя теперь республиканцами, пришли к соглашению с каталонскими сепаратистами: они договорились об устройстве революции и о создании республики с автономией для Каталонии. После этого к заговору примкнула третья революционная сила: в октябре вожди социалистов подписали соглашение с республиканцами. Тогда революционеры позондировали почву среди офицерства; оказалось, что часть офицеров проявляет достаточную готовность присоединиться к революции.

Революция. Восстание было назначено на 28 октября 1930 г. Однако известие об этом проникло в мадридскую печать, правительство демонстративно организовало сопротивление, и восстание было

отложено до 15 декабря. Но революционеров ожидал новый удар: за три дня до назначенного времени несколько офицеров гарнизона города Хака, будучи не в состоянии долгие сдерживать свое нетерпение, выбросили флаг республики. Они были арестованы и расстреляны. Учас­тье этих офицеров обескуражила остальные гарнизоны, и 15 декабря армия не выступила, как это было условлено. Не состоялась и всеобщая забастовка в Мадриде. В провинции имели место многочисленные забастовки и бунты, но они были подавлены без труда; было убито 16 социалистов и брошено в тюрьму 952 человека. Вожди республиканцев были заключены в «Образцовую тюрьму» в Мадриде. Там они образовали революционный совет и выработали основные положения будущей республиканской конституции. Этот проект известен под названием «тюремной программы». Поддержка, которой пользовались заключенные республиканцы за стенами своей тюрьмы, была настолько велика и единодушна, что правительство вынуждено было вступить с заключенными в переговоры. В результате было достигнуто соглашение о назначении «свободных» выборов в новые кортесы. Этим выборам должны были предшествовать такие же свободные выборы в органы местного самоуправления. Узники были освобождены; республиканцы и социалисты образовали единый фронт. Стало ясно, что голоса, подававшиеся на муниципальных выборах за любого из их кандидатов, были голосами, поданными за республику.

Теперь республиканские партии были объединены, а монархические партии действовали вразброд. В результате республиканцы одержали на городских выборах сокрушительную победу. Альфонс пожал плечами и предложил подождать результатов выборов в кортесы. Но события развивались быстрее, чем он думал. Командир гражданской гвардии генерал Санхурхо отказался отвечать за верность своих войск престолу. Вождь республиканцев Алкала Замора объявил свои условия: король должен покинуть Испанию 13 апреля 1931 г. Вечером в Мадриде была провозглашена республика, а ночью Альфонс бежал из Испании.

Это была на редкость мирная революция. Монархисты не оказали никакого сопротивления, армия еще до того изменила монархии, а глава католической церкви бежал в Рим. Революционеры не проявили мстительности: королевской семье разрешено было беспрепятственно покинуть страну. Насилие было применено только против иезуитов и монахов, которыми кишмя-кишела монархическая Испания; народ не мог простить им тех мучений, которым они подвергали его при королевской власти. Было сожжено и разграблено около двухсот церковных зданий. Но в общем церковь отделалась легко: не был убит ни один священник. Испанский народ спокойно выбрал новые кортесы, которые должны были составить республиканскую конституцию. Предполагалось, разумеется, что конституция эта устранил всякое недовольство и создаст для каждого класса общества то идеальное государство, о котором он мечтает.

Республика, конституция и реформы. Республиканская конституция, получившая силу закона в декабре 1931 г., представляла собою компромисс. Это и не могло быть иначе, так как различные партии,

объединившиеся для свержения монархии, почти ни о чем больше договориться не могли. Новое правительство было составлено из либералов различных толков и социалистов, составлявших меньшинство. Новая конституция начиналась с декларации о том, что «Испания является республикой трудящихся всех классов». Далее, конституция специально оговаривала права рабочих организаций. Статья 7-я конституции устанавливала, что «испанское государство будет признавать общие нормы международного права и включать их в свои законодательные кодексы». Статья 65-я развивала это положение более подробно: «Все международные соглашения, ратифицированные Испанией и зарегистрированные Лигой наций и, следовательно, имеющие характер международного права, будут считаться существенной составной частью испанского законодательства, которое должно быть приведено в полное соответствие с означенными соглашениями». Тем не менее, в целом эта конституция была не более передовой, чем германская конституция 1919 г. или другие послевоенные конституции, пытавшиеся зафиксировать английскую конституционную практику. Законодательная власть была сосредоточена в руках выборного парламента (кортесов), состоявшего из одной палаты. Правительство было ответственным перед кортесами. Президент имел ограниченное право вето и фактически не обладал никакой реальной властью. Для защиты прав отдельных граждан и областей был учрежден Трибунал конституционных гарантий. Областям было предоставлено право ходатайствовать о предоставлении им самоуправления. Коротко говоря, будет иметь конституция какое-либо значение или не будет, это полностью должно было зависеть от тех законов, которые в дальнейшем будут приняты кортесами.

И вот тут-то начались трудности. Как быть с церковью? Глава правительства Алкала Замора и министр внутренних дел Маурер были набожными католиками и, разумеется, горячо возражали против всякой борьбы с церковью. Социалисты требовали конфискации всех церковных имуществ. В октябре Замора и Маурер ушли в отставку; первого из них ублажили чисто декоративной и лишеной всякой фактической власти должностью президента республики. Задача выработки компромисса пала на долю нового главы правительства, Асанья. Асанья показал себя очень искусным и энергичным государственным деятелем. Церкви была запрещена всякая просветительная деятельность; ей запрещено было заниматься торговлей; государственные субсидии на содержание духовенства были отменены. Но религиозные ордена не были изгнаны из Испании, и большинство из них беспрепятственно продолжало свою деятельность. Даже иезуиты, которых народ ненавидел больше всего, не подвергались серьезным преследованиям. Их общество было объявлено распущенным, у них было конфисковано имущество на 6 миллионов фунтов стерлингов. Но из трех тысяч иезуитских священников, послушников и принадлежащих к иезуитскому ордену мирян большинство осталось в Испании, и то их имуществу, которое было в частных руках (на сумму 14 миллионов фунтов стерлингов), конфисковано не было. Клерикализм оставался попрежнему в Испании огромной силой. Кортесы без всяких колебаний предоставили избирательное

право женщинам, хотя всем было ясно, что огромное влияние на результаты их голосования будет иметь духовенство.

Затем в порядке дня стояла каталонская проблема. В начале 1931 г. полковник Масиа провозгласил независимую каталонскую республику. Это отвечало стремлениям каталонцев к культурной независимости; но одно это не могло удовлетворить их с точки зрения экономической. Барселона была главным промышленным городом всей Испании, и экономически Каталония зависела от Кастилии, так же как Кастилия от Каталонии. Было ясно, что каталонцы должны находиться в каких-то федеративных отношениях с мадридским правительством. В сентябре 1932 г. был достигнут компромисс: кортесы предоставили Каталонии права автономной провинции со своим собственным парламентом, исполнительным советом и президентом. Никто, однако, не обольщался надеждой, что теперь с трудностями покончено. Каталонский вопрос был связан с общим вопросом о положении отдельных областей. Разрешение его казалось очень простым на бумаге: оно заключалось в создании иберийской федерации в составе Кастилии, Каталонии, баскских провинций, Андалузии, Португалии и наполовину португальской Галисии; но в действительности оно было еще очень далеко от осуществления.

Несмотря на компромиссный характер многих своих решений, республика за 18 месяцев сделала для Испании больше, чем монархия за столетия. Проблему армии Асанья разрешил легко и быстро. Он установил большие пенсии для офицеров, уходящих в отставку раньше срока, и таким образом избавился от 10 тысяч офицеров из общего количества их в 22 тысячи. Одновременно он провел закон, по которому офицеры были приравнены в правах ко всему гражданскому населению. Со старым бичом Испании—привилегированной военной кастой—было покончено навсегда. За разрешение проблемы образования энергично взялся социалистический министр де Лос-Риос. Испания, как мы уже говорили, была неграмотной страной, население которой не умело ни читать, ни писать: в 1930 г. в Мадриде насчитывалось 45 тысяч детей, не получавших никакого начального обучения. Министру мешал недостаток средств, хотя бюджет и отпускал ему на нужды образования сумму втрое большую, чем на это обычно ассигновалось при монархии. Кроме того, раньше чем открывать новые школы или запрещать духовенству преподавание в старых, приходилось готовить учителей. Все же в декабре 1932 г. он мог сообщить, что им открыто 9 500 новых светских школ и увеличено жалованье учителям на 50%.

Труднее было разрешить экономическую проблему. Во время мирового кризиса республика не могла добиться многого в деле увеличения испанского экспорта; зато она имела возможность продолжать работу по поднятию производительности испанской промышленности. Республика учредила плановую комиссию; она продолжала осуществление планов электрификации, национализировала железные дороги и подчинила правительственному контролю Испанский банк, введя в состав правления банка назначаемых правительством членов. Республиканскому правительству удалось кое-что сделать

и для рабочих: оно установило восьмичасовой рабочий день, ввело выдачу пособий по болезни и по нетрудоспособности вследствие несчастных случаев и учредило смешанные суды из рабочих и предпринимателей для разрешения трудовых конфликтов. Но промышленность не имеет в Испании такого значения, как сельское хозяйство. В отношении последнего перед республиканским правительством стояла задача двойного рода: в северной части страны земельные участки были слишком малы, чтобы возделывание их могло приносить доход; на юге же они, наоборот, были слишком обширны. Республиканское правительство объединило владельцев малых участков в «общины». Эти общины имели право принимать большинством голосов обязательные для их членов решения о коллективной обработке их участков. Общины были подчинены министерству земледелия и получили от государства кредит в сумме 15 миллионов пезет. Правительство хотело подчинить своему управлению также и большие поместья юга, но землевладельческие круги оказались слишком сильны, чтобы правительство могло пойти против них. Королевские поместья и земли испанских грандов были конфискованы, но оставались еще обширные пространства земли, конфисковать которые правительству не удавалось и которые оставались наполовину невозделываемыми.

И все же если учесть все плюсы и минусы, то в целом надо сказать, что республиканское правительство добилось многого. В то время как другие страны усиливали свои вооружения, снижали заработную плату и расходовали средства на помощь миллионам безработных, Испания сократила свою армию, увеличила заработную плату и снизила количество безработных до полумиллиона. Республика оказалась достаточно сильной, чтобы выдержать все удары, которые сыпались на нее слева и справа. Слева большие заботы причиняли правительству старые постоянно угрожающие взрывом элементы анархизма. Испанские анархисты унаследовали традиции террористической борьбы и сопротивления какой бы то ни было власти. Сейчас они действовали в известном контакте с организованными синдикалистскими профессиональными союзами. В январе 1932 г. в Каталонии и Севилье произошли серьезные анархо-синдикалистские восстания, усмирить которые удалось лишь после большого кровопролития. На сей раз гроза миновала, но разрушительные силы не были уничтожены. Каждый раз, когда оканчивалась неудачей очередная попытка социалистов получить большинство в кортесах, все новые и новые массы рабочих покидали социалистические союзы и заполняли собой ряды анархистов и синдикалистов. В августе 1932 г. генерал Санхурхо объявил себя генерал-губернатором Андалузии и главой севильского временного правительства. На армию это не произвело впечатления, солдаты остались верны республике, а генерал был заключен в тюрьму.

Устояв против всех этих ударов, правительство Асанья почувствовало себя достаточно твердым и в августе 1933 г. отменило закон о защите республики; этот закон приостанавливал действие конституционных гарантий индивидуальных свобод, чтобы дать республике возможность энергично бороться с террористами.

Реакция 1933—1934 гг. Но если республика уцелела, то этого нельзя было сказать о принципах, которые были положены в ее основу. Революция 1931 г. была произведена либералами и социалистами во имя старых принципов свободы. При этом первые имели в виду духовную свободу, право каждого на просвещение и на свободное выражение своего мнения, последние же стремились к экономической свободе, к использованию средств производства в интересах всего общества, а не в интересах частных собственников. Если бы в 1931—1932 гг. революционное правительство проводило действительно твердую линию, оно могло бы выбить почву из-под ног церкви как врага духовной свободы, оно могло бы также экспроприировать промышленников и землевладельцев. Но Асанья и его сторонники считали, что такие насильственные меры и кровопролитие, которое они должны за собою повлечь, недопустимы. Они предпочитали неуклонно продолжать проведение реформ, надеясь на то, что народ будет их поддерживать и что им удастся остаться у власти до тех пор, пока реформы не будут доведены до конца.

Народ обычно поддерживает ту партию, которая обещает ему быстрые результаты. Социалисты в министерстве Асанья зашли достаточно далеко, чтобы воспротивиться против себя капиталистов, но не так далеко, чтобы привлечь на свою сторону весь рабочий класс. Осенью 1933 г. внезапно образовался грозный союз для борьбы с ними на предстоящих выборах. Союз этот называл себя «антимарксистской коалицией» и состоял из сильной аграрной партии, руководимой Хиль Роблесом и выставившей своим лозунгом «сохранение земельной собственности и защиту католической религии», национальной партии басков, организованной католическим духовенством еще в XIX в. и всегда мечтавшей о воцарении на испанском престоле карлистской ветви испанского королевского дома, и так называемой радикальной партии во главе с Лерусом, пользовавшейся поддержкой буржуазии. На выборах духовенство прилагало все усилия, чтобы завербовать голоса женщин в пользу «антимарксистов». В результате Лерус стал премьером. Его политика состояла в том, чтобы свести на-нет все достижения, которых революция добилась в борьбе с церковью и капиталистами. Для проведения своей политики он предложил применить следующие методы:

1. Возобновить выплату государственных субсидий сельскому духовенству.

2. Прекратить в дальнейшем закрытие начальных и средних школ, руководимых членами религиозных орденов.

3. Отменить закон, прикрепляющий рабочих к определенным округам (старая система переходов рабочих целыми артелями с места на место была вдвойне выгодна для господствующих классов: во-первых, она помогала срывать забастовки, а во-вторых, в случае надобности, она давала возможность обеспечить в том или ином избирательном округе желательное большинство).

4. Отменить закон о смешанных судах по трудовым делам.

С начала 1934 г. Испания быстро шла к гражданской войне. Объединение правых партий в «антимарксистскую лигу» и провозглашение Лерусом реакционного курса привело к созданию союза

всех левых партий для защиты первоначальных законов республики. Это имело своим результатом отставку Леруса (в апреле 1934 г.). Однако его преемник Сампер был ничуть не меньшим противником левых. Летом 1934 г. к левому объединению примкнули каталонцы. Они провели закон против помещиков, дававший право крестьянам выкупать землю, если они обрабатывают ее 18 лет подряд (закон этот был затем отменен Трибуналом конституционных гарантий). В сентябре левое объединение пополнилось вступившими в него коммунистами.

Когда 1 октября собрались кортесы, в воздухе уже пахло восстанием. Только решительные уступки могли предотвратить его. Но правые отказывались уступить в чем бы то ни было. Сампер подал в отставку и был заменен на своем посту Лерусом. Последний пригласил в свой кабинет еще трех католиков. Это был прямой вызов левым. Вызов был принят. 5 октября по всей Испании вспыхнули волнения, наиболее широко развернувшиеся в Барселоне и Астурии. Армия и полиция остались верными Лерусу, и восстание было подавлено. Левые отступили, чтобы залечить раны и собраться с новыми силами; до тех пор приходилось молча наблюдать за тем, как правительство с корнем уничтожает законы, установленные либерально-социалистическим учредительным собранием республики.

VII. ЗАТРУДНЕНИЯ АНГЛИИ

Понять историю Англии было бы легче, если бы не было географических карт. Моря, отделяющие острова Великобритании от континента, создают неправильное впечатление изоляции и экономической самостоятельности. Англия, пожалуй, теснее связана с внешним миром, чем любая другая страна. Из всех великих держав Англия экономически наиболее зависима от других стран. Она не производит и половины жизненных припасов, необходимых для ее населения, она не производит даже пятой части сырья, необходимого ей для промышленности. В деле своего снабжения Англия не может полагаться исключительно на страны Британской империи: из имперских источников Англия получает немногим больше половины своего импорта. Поэтому для удовлетворения своих насущных потребностей Англии приходится прибегать не только к помощи стран Британской империи, но и к помощи иностранных государств Европы, Азии, Африки и Америки.

Чтобы оплатить стоимость ввозимого продовольствия и сырья, Англия продает за границу готовые изделия и минералы. На первом месте в английском вывозе — хлопчатобумажные товары, затем идут железо и сталь, машины, уголь, шерстяные изделия и химикалии. Из каждых пяти человек, занятых в Англии производительным трудом, один работает на экспорт; и все же этот экспорт никогда не мог превзойти стоимость импорта. Разница покрывалась различными услугами: судоходством, услугами банков, кредитом, страхованием и английскими капиталовложениями за границей. Значение этого «невидимого экспорта» лучше всего показывают следующие цифры английского министерства торговли: в 1929 г. доход Англии от судо-

ходства составлял 130 миллионов фунтов стерлингов, от краткосрочных займов и комиссии 65 миллионов и от процентов по капиталовложениям за границей 250 миллионов фунтов стерлингов.

Зависимость от внешних рынков делает Англию весьма чувствительной к любому самому незначительному экономическому затруднению, в какой бы части света оно ни появлялось. Дым из трубы нового металлургического завода в Китае ухудшает виды на будущее английских металлургов; прокладка новой шахты в польских угольных копях вызывает беспокойство у английских угленпромышленников и владельцев пароходных компаний; банкротство в Аргентине, Австрии или Перу означает потерю дивидендов для английских владельцев инвестиций и потерю заказов для английских промышленников; пустые карманы в Германии означают скверные дела в Англии, ибо если немцы не в состоянии покупать, то, значит, английские промышленники не могут продавать свои товары и, следовательно, должны сокращать заработную плату и увольнять рабочих. Англия зависит от внешнего мира; все ее надежды на будущее заключаются в том, что этот внешний мир, в свою очередь, будет и в дальнейшем находиться в зависимости от нее.

Послевоенная депрессия. Когда было подписано перемирие, ни один англичанин не сомневался в том, что Англия вернет себе свое довоенное положение богатейшей страны, оправдав прежнюю репутацию мастерской всего мира и всемирного банкира. Волна оптимизма прокатилась по всей стране. Едва спало напряжение четырех долгих лет войны, люди стали расходовать свои сбережения, покупая без разбора все, что подвернется. Доходы промышленников росли, торговля процветала. Оптимизм держался больше года. Но затем публика стала понимать, что в конце концов не все обстоит благополучно. Люди не находили работы; в январе 1921 г. в Англии насчитывалось свыше миллиона безработных. Факты говорили о том, что во всем ходе дел что-то было в корне неправильно. И в самом деле, все четыре главных источника английских доходов постепенно иссякали. Ее экспорт падал. Другие страны теперь меньше нуждались в английских готовых изделиях; еще до войны они начали создавать у себя собственную промышленность, а война ускорила это развитие. Япония и Индия построили свои собственные хлопчатобумажные фабрики. Австралия уже сама стала обрабатывать шерсть своих овец. Упал спрос и на английский уголь; Германия только что сдала два миллиона тонн угля Франции в счет уплаты репараций, но Франции не нужно было столько угля, и она стала продавать его по дешевой цене Голландии, скандинавским странам и Италии, странам, которые раньше всегда покупали уголь в Англии. Вместе с угольной промышленностью терпело убытки и судоходство: падение экспорта угля означало падение фрахтов для английских судовладельцев. Правда, конфисковав германский торговый флот, англичане приобрели роскошные пассажирские трансатлантические пароходы, но это означало потерю строительных контрактов для английских верфей. В 1921 г. две трети рабочих судостроительной промышленности были безработными. Далее, Англия потеряла значительную часть своих заграничных капиталовложений: в России большевики отказались

платить по всем долгам царского правительства, а с 1921 г. Англия оставила надежду свергнуть советы силой. Наконец, значительная часть финансовых операций лондонского Сити перешла за время войны к Нью-Йорку, быстро становившемуся международным банковским центром.

Положение было печальное, но никто не считал его слишком серьезным. Пройдет некоторое время, думали тогда, всюду восстановятся условия мирного времени, и Англия вернет себе свое довоенное превосходство. Ллойд Джордж мало-помалу ликвидировал установленный во время войны государственный контроль над промышленностью и затем уговорил свою коалицию провести несколько умеренных, но, тем не менее, ошеломивших англичан реформ. В бюджете на 1919 г. он предусмотрел введение некоторых таможенных пошлин, а в 1921 г. провел «закон об охране промышленности», имевший целью защитить «отрасли промышленности, существование которых представляется необходимым на случай новой войны», и затруднить странам с обесцененной валютой сбыт их товаров в Англии. Он заключил торговый договор с Россией; англичане поступились при этом своей гордостью в надежде кое-что заработать на торговле с советами. Наконец, Ллойд Джордж сделал кое-что и для безработных. Еще в 1911 г. он ввел социальное страхование по схеме, придуманной в свое время Бисмарком: три стороны—наниматели, лица, работающие по найму, и государство—уплачивают взносы в страховой фонд, из которого и выдаются пособия безработным. Созданный таким образом фонд был недостаточен для нормального времени; но при одном миллионе безработных в январе 1921 г. и при двух миллионах в июле того же года его, конечно, не хватало. В то время такие цифры безработных казались фантастически огромными. Ллойд Джордж повысил размер взносов государства в страховой фонд и благодаря этому обеспечил выдачу застрахованным рабочим пособия по безработице в течение пятнадцати недель. Этого пособия, получившего неудачное название *dole* (милостыня), было достаточно, чтобы не дать рабочим умереть с голоду и чтобы отвлечь их от мысли о революции; но эта мера, разумеется, не могла избавить английскую экономику от ее органических недугов.

В 1922 г. консерваторы решили, что Ллойд Джордж им больше не нужен. Блестящий оппортунист такого калибра был как нельзя более подходящим для того, чтобы благополучно провести страну через годы войны, но консерваторы полагали (да и либералы из числа сторонников Асквита были такого же мнения), что он недостаточно надежен для роли руководителя в мирное время. Они лишили его своей поддержки, после чего опять было образовано консервативное министерство, которое опиралось на сильное консервативное большинство, прошедшее в палату на выборах 1922 г.

Сити оправляется. У консерваторов был свой план. Они считали, что прежде всего надо восстановить положение Лондона как мирового банкира. Как только Лондон вернет себе свое главенство и как только английские деньги снова начнут находить себе выгодное применение в качестве капиталовложений в чужих странах, финансовое восстановление страны будет окончательно достигнуто. Возродится

и экспортная торговля. Увеличение стоимости денег будет означать понижение цен, что, в свою очередь, должно будет повлечь за собой снижение заработной платы; а если промышленники будут платить более низкую заработную плату, то они сумеют дешевле продавать свои товары за границу. Что же касается внутреннего рынка, то для него придется ввести охранительные пошлины, чтобы защитить английские товары от конкуренции иностранных товаров, производимых слишком дешевым иностранным трудом.

Это был заманчивый план, но с выполнением его не везло с самого начала. Англия задолжала огромные суммы Соединенным штатам, и в то же время европейские страны должны были ей огромные суммы. В 1922 г. в ноте Бальфура Англия дала понять, что она готова простить своим должникам их долги, если Америка спишет долги Англии. Соединенные штаты не обнаружили склонности подхватить этот намек. В начале 1923 г. в переговорах с Болдуином США окончательно зафиксировали английский долг в сумме 2 200 миллионов фунтов стерлингов. Болдуин согласился выплачивать эту сумму ежегодными взносами, размер которых должен был составлять в течение первых десяти лет по 3 процента, а в течение следующих 52 лет по 3,5 процента с суммы долга. Этот огромный долг предстояло выплачивать, главным образом, с помощью усиленного налогового обложения; новые налоги должны были всей своей тяжестью ударить по промышленности, создав, таким образом, постоянное и тяжелое препятствие для ее развития.

Но консерваторы не были чрезмерно этим подавлены; эта беда имела и свою хорошую сторону. Согласившись уплатить свой долг американцам, Англия вернула себе свое доброе имя; теперь она снова могла похвастать своей устойчивостью и честностью. Следующим шагом был возврат к золотому стандарту, доведение фунта стерлингов до такой же стоимости по отношению к доллару, какую он имел до войны. Это было связано для Англии с большими жертвами, ибо ее экономическое положение далеко не было таким блестящим, как положение Соединенных штатов. Но зато приличия были соблюдены, и доверие мира к лондонскому Сити восстановлено. Лондон снова стал мировым банкиром.

Первое рабочее правительство. Еще до того как в апреле 1925 г. официально был восстановлен золотой стандарт, консерваторы потерпели поражение. Болдуин хотел ввести новые пошлины и считал, что он должен предварительно удостовериться в согласии страны. На выборах 1924 г. консерваторы получили 258 мест в парламенте, либералы—157 мест, лейбористская партия—191 место. Обе последние партии были против введения таможенных пошлин, и так как их объединенные силы превышали силы консерваторов, то Болдуин должен был подать в отставку. К власти пришло лейбористское правительство, поддерживаемое либералами.

Таким образом, получилась поразительная вещь: аристократическая Англия управлялась «рабочей партией». Особенно ошеломительным было то, что премьер-министром Англии был Рамзей Макдональд, сын шотландского хуторянина, бывший до войны известным социалистом, а во время войны пацифистом и сторонником мягких

условий мира с Германией. Но лейбористская партия не была социалистической; она опиралась на тредьюнионы, а последние хотели сохранить капиталистическую систему, лишь несколько смягченную повышением заработной платы, сокращением рабочего дня, национализацией железных дорог и рудников и введением налога на капитал. Но Макдональд не был в состоянии провести даже эти умеренные реформы, так как либералы были против них, а без их голосов он ничего сделать не мог. Единственным лекарством против экономического кризиса, которое применил Макдональд, было предоставление кредитов Германии и России, для того чтобы эти страны могли покупать английские товары. Чтобы помочь экономическому возрождению Германии, Макдональд добился ратификации парламентом плана Дауэса. Но страх перед большевизмом, напоминавший собой страх перед папистами во времена Стюартов, охватил Англию.

Накануне новых выборов министерство иностранных дел опубликовало текст письма, якобы принадлежавшего Коминтерну, в котором английские коммунисты призывались вести революционную пропаганду. Газеты сопроводили этот сомнительный документ сенсационными комментариями. На членов тредьюнионов вся эта история не произвела впечатления: они избрали в парламент 151 лейбориста, но остальные избиратели испугались красной опасности и, оставив флиртующих с Макдональдом и «социалистами» либералов, в панике устремились в консервативный лагерь. Болдуин вернулся к власти, имея теперь за собой в парламенте крупное большинство, превосходящее все другие партии вместе взятые.

Забастовка 1926 г. Перед Англией попрежнему стояла неразрешенная проблема: как вернуть довоенные источники доходов? Возврат к золотому стандарту означал прибыли для финансистов Сити, но тяжелые потери для промышленников. Англия согласилась уплачивать полностью каждый фунт своего долга, в то время как другие страны платили лишь небольшую часть своих долгов. Так, например, Франция платила всего по 20 сантимов за франк. Средства приходилось изыскивать путем налогов, что означало увеличение себестоимости английских товаров и уменьшение заказов, получаемых от обедневшей Европы. Надо было во что бы то ни стало тотчас же снизить издержки производства промышленности. Для достижения этого предлагались различные методы, но практически осуществимы были только два из них. Первый метод состоял в сокращении заработной платы. В Англии заработная плата была относительно высока, хотя и ниже, чем в Соединенных штатах, которые не менее успешно конкурировали с Англией. Вторым методом была реорганизация английской промышленности, чтобы сделать ее более современной и продуктивной. Крупные отрасли работающей на экспорт промышленности были до сих пор организованы на индивидуалистических началах XIX в., в ланкаширской хлопчатобумажной промышленности друг с другом конкурировало не менее 700 бумагопрядильных и 1 200 бумаготкацких компаний; железоделательные и сталелитейные заводы были очень устаревшими по сравнению с заводами Америки и Германии; в угольной промышленности приходилось тратить огромные расходы по уплате ренты собственникам

земли и давать прибыли 1 400 независимым шахтовладельцам, многие из которых эксплуатировали такие жалкие копи, в которых добыча угля экономически себя не оправдывала. Совершенно очевидно было, что в Англии имеется обширное поле для реорганизации.

В центре проблемы была угольная промышленность, в которой предприниматели являлись такими же яркими противниками реорганизации, как горняки—противниками снижения заработной платы. В 1921 г. горняки угрожали забастовкой; крупные тредьюнионы железнодорожников и транспортных рабочих дали свое согласие объявить забастовку сочувствия горнякам. На этот раз всеобщая забастовка была предотвращена Ллойд Джорджем, который искусно отговорил эти два тредьюниона от объявления забастовки сочувствия. Тем не менее, горняки 1 апреля 1921 г. приостановили работу и продержались до 4 июля. Эта забастовка стоила государству 250 миллионов фунтов стерлингов. В 1925 г. снова возник конфликт. На сей раз инициатива принадлежала предпринимателям, объявившим о сокращении заработной платы горняков начиная с июля. На помощь пришел Болдуин. Он предоставил промышленникам субсидию в размере 24 миллионов фунтов стерлингов, чтобы они могли выплачивать прежнюю зарплату до апреля 1926 г. Предполагалось, что к этому времени конфликт с горняками будет урегулирован. Однако он урегулирован не был. Была назначена королевская комиссия для обследования положения. Комиссия в своем отчете установила, что владельцами копей выплачиваются слишком большие суммы земельной ренты, а горнякам установлена слишком высокая заработная плата. На предложение комиссии о том, чтобы земельная рента впредь поступала в казну, правительство не обратило внимания; но зато оно поддерживало требование предпринимателей об урезке зарплаты горняков на 13½ процентов. Конгресс тредьюнионов стал на сторону федерации горняков и пригрозил объявлением забастовки, если к 3 мая предприниматели не уступят. Правительство настаивало на том, чтобы тредьюнионы отказались от своей угрозы. Переговоры были прерваны, и утром 4 мая началась забастовка. Почти одна шестая часть трудящегося населения Англии, Шотландии и Уэльса прекратила работу. Это отнюдь не было всеобщей забастовкой, так как работники таких общественно необходимых отраслей, как здравоохранение, освещение жилых помещений и розничная торговля предметами питания, продолжали работать. Тем не менее, положение было очень серьезно. Докеры в портах не работали, поезда не ходили и, следовательно, продовольствие не разгружалось с пароходов и не доставлялось в города. Англии грозил голод. Кроме того, во время стачки двух с половиной миллионов рабочих каждую минуту могли вспыхнуть серьезные уличные волнения.

Удивительнее всего, что дело обошлось без вооруженных столкновений. В Лондон были двинуты танки; военные суда и солдаты заняли стратегические позиции; правительство приняло на службу 250 тысяч специальных полицейских. Вскоре выяснилось, что правительство овладело положением. Оно держало в своих руках радиостанции и выпускало информационный бюллетень. Рабочие же не имели возможности изложить свою точку зрения перед широкой публикой.

Средние классы объединились вокруг правительства и, действуя совершенно в фашистском духе, оказывали ему всяческую помощь. Таким образом, правительству нетрудно было найти добровольцев для разгрузки судов и для обслуживания необходимейшего движения поездов, грузовиков и автобусов. Все было против забастовщиков, даже закон. Так, 6 мая один из крупнейших современных английских юристов, сэр Джон Саймон, заявил, что каждый бастующий рабочий несет материальную ответственность за причиняемые забастовкой убытки и что руководители, «которые предлагали такой образ действий и содействовали его проведению в жизнь, должны отвечать за убытки всем своим личным имуществом до последнего гроша». 11 мая эта точка зрения была подтверждена судьей Астбэри, постановившим, что стачка является «незаконной и противоречащей английскому праву». 12 мая, через девять дней после начала забастовки, совет тредьюнионов уступил, не выторговав ни малейшей уступки. Все бастующие, кроме горняков, возобновили работу.

На забастовке страна потеряла около 150 миллионов фунтов стерлингов, но, что гораздо хуже, она потеряла возможность реорганизовать свою промышленность на тех началах, на которых после войны реорганизовали свою промышленность другие страны. Что касается угольных копей, то они оставались закрытыми до декабря, так как горняки держались еще целых семь месяцев после того, как совет тредьюнионов их предал, затем им пришлось согласиться на снижение заработной платы.

Английские доминионы. Настроение в Англии оставалось подавленным. Ее престиж за границей был теперь достаточно высок, но свое положение самой богатой страны она утратила, уступив превосходство Соединенным штатам. Все усилия вновь оживить экспортную торговлю ни к чему не приводили. Оставался один выход—развитие внутренней торговли. Во время войны доминионы обнаружили сознание своего тесного единства с метрополией. Казалось возможным установление между ними и Англией тесной торговой связи, при которой их сырье будет пользоваться предпочтением на английских рынках, а английские готовые изделия будут пользоваться предпочтением в доминионах. Консервативные политики необычайно увлекались этой идеей. Протекционистский бюджет Остина Чемберлена в 1919 г. и закон об охране промышленности 1921 г. устанавливали определенные исключения для имперских товаров; и хотя это предпочтение было отменено правительством Макдональда, но затем в 1927—1929 гг. оно было восстановлено и усилено Болдуином. Однако доминионы совершенно не были намерены жертвовать своими собственными интересами во имя идеи имперского единства. В конце концов естественным рынком для австралийской шерсти был Дальний Восток, естественным рынком для канадской древесины, бумаги и рыбы были Соединенные штаты. Вследствие этого в доминионах все более усиливалось настроение против какой бы то ни было тесной связи с Англией. Доминионы и даже Индия входили в качестве самостоятельных государств в Лигу наций. Организованные во время войны имперские конференции, на которых представители доминионов встречались с английскими министрами, продолжали созываться

и после войны. Эти конференции с полной ясностью показывали, что доминионы не позволят Лондону навязывать им свою волю. На имперской конференции 1926 г. была найдена новая формула внутримперских отношений: доминионы и Великобритания «являются автономными единицами внутри Британской империи, равными по своему положению, не подчиненными друг другу в каких бы то ни было внутренних или внешних делах, хотя и связанными общей верностью королю и свободно объединяющимися друг с другом в качестве членом британского содружества наций». Это весьма туманное определение было столь же туманно подтверждено Вестминстерским статутом 1931 г. Можно было ожидать, что статут подтвердит также право доминионов на отделение от Британской империи по их усмотрению или же определенно откажет им в таком праве, но в статуте не было сделано ни того ни другого. В самом деле, он не устанавливал никаких официальных уз между членами Британской империи кроме общего монарха. Эта связь могла означать многое, но могла и ничего не значить, ибо король как конституционный монарх должен править в соответствии с тем, что ему предлагают его министры, и не только одни лондонские министры: в одинаковой степени он должен считаться с советами ирландских или австралийских министров. И если бы последние вошли к нему с предложением о выходе их стран из состава Британской империи, то он, очевидно, ничем не мог бы помешать этому.

Ирландский национализм. В этой книге мало говорится о духовных ценностях. О религии мы почти не упоминаем. За весь послевоенный период она в очень редких случаях появлялась на поверхности событий, между тем, при описании современных событий историк ограничивается описанием именно этой поверхности. И только одна вера поднималась и падала в огромных волнах, захлестывавших послевоенный мир. Эта вера называется национализмом. Она возникает всякий раз, когда народ начинает сознавать, что его преследуют и эксплуатируют в интересах чужеземцев. Это страшная и не поддающаяся голосу рассудка вера: она ведет к убийствам, войне и политическому безумию; она противоречит требованиям экономики, противоречит разуму и ведет к протекционизму, экономическим репрессиям и искусственным барьерам между отдельными странами. В защиту ее трудно сказать что-либо кроме того, что она поддерживает чувство гордости и неразрывной связи с прошлым, без которых всякие политические объединения лишены какого бы то ни было содержания. Национализм нельзя игнорировать, ибо он наложил свой отпечаток на весь ход послевоенной истории в Германии, Италии, в Восточной Европе, в скандинавских и прибалтийских странах, в Турции, Египте, Персии, Индии, Китае, Мексике и в десятках других национальных областей. Формы проявления его в Ирландии, в этой маленькой стране с тремя миллионами жителей, можно считать типичными для всех остальных стран.

Начиная с XIII в. ирландцы подвергались нападениям со стороны Англии. В XVII в. северная часть острова была заселена английскими и шотландскими колонистами. Позже Кромвель и Вильгельм III пытались заставить Ирландию подчиниться владычеству Англии.

В XIX в. Гладстон применил новую политику, которая преследовала ту же старую цель. Ирландцы должны были получить гомруль (самоуправление), с тем что они будут попрежнему снабжать Англию сырьем, в котором та нуждалась. Закон о гомруле все еще находился на обсуждении парламента, когда вспыхнула мировая война. Рассмотрение его отложено было до конца войны, которая, как думали тогда все, кончится очень скоро. Но месяцы шли за месяцами, о мире ничего не было слышно, и часть ирландских патриотов решила начать борьбу за свободу, пока англичане заняты в других частях света. Весною 1916 г. они провозгласили республику и около недели обorongались, засев в здании дублинской почты. Восстание это было легко подавлено. Англичане казнили пятнадцать руководителей восстания и в том числе школьного учителя Патрика Пирса, бывшего душой восстания. Они чуть было не казнили и художо, как жердь, человека, назвавшего себя де Валера, но отложили исполнение приговора, так как оказалось, что он родился в Америке, а в 1916 г. нельзя было создавать осложнений с Вашингтоном.

Тлевший в Ирландии огонь зловеще вспыхнул в 1918 г., когда Англия распространила закон об обязательной воинской повинности на ирландцев, и разгорелся пожаром в 1919 г. В течение трех лет республиканская партия во главе с де Валера вела войну с английскими войсками. Впрочем, назвать это настоящей войной было бы неправильно; это был ряд ночных налетов, уличных стычек и нападений врасплох. Англичане легко могли бы своими орудиями превратить Дублин в груды развалин. Но в конце концов вопрос заключался не в том, чтобы уничтожить город, а в том, чтобы захватить несколько вождей восстания, как, например, каждый раз ускользавшего изпод рук англичан молодого Коллинса, которого никто из ирландцев не решился бы предать. Наконец, в декабре 1921 г. ирландская делегация во главе с Артуром Гриффитсом и Коллинсом прибыла в Лондон и вступила в переговоры с Ллойд Джорджем о заключении соглашения. Стороны договорились на том, что вся Ирландия, за исключением северо-восточных графств, становится свободным государством и получает положение доминиона в составе Британской империи. Она имеет свой собственный парламент. Связь ее с Англией не носит принудительного характера и ограничивается тем, что ирландские министры приносят присягу королю и признают назначаемого королем генерал-губернатора; кроме того, Ирландия обязывается платить 5 миллионов фунтов стерлингов в год в качестве ренты за ирландские земли, принадлежавшие до сих пор англичанам.

Делегация торжественно вернулась в Дублин, везя с собою весть о заключении мира. К удивлению членов делегации, де Валера и республиканская партия не хотели признавать достигнутого соглашения и настаивали на полной независимости Ирландии. Напрасно доказывал Коллинс, что договор о свободном государстве дает Ирландии фактическую независимость без отрицательных сторон республики; де Валера был непреклонен. Разгорелась гражданская война между республиканцами и сторонниками свободного государства, т. е. между теми самыми людьми, которые больше всего сделали для ирландской национальной идеи. Гражданская война окончилась

лишь в 1923 г., после того как умер Артур Гриффитс, Коллинс был убит в стычке и 50 республиканцев казнены за измену. Лишь в 1927 г. республиканская партия согласилась признать Ирландское свободное государство и де Валера и его сторонники заняли свои места в ирландском парламенте.

В течение времени с 1922 по 1932 г. при правительстве Вильяма Косгрева Ирландское свободное государство достигло известного процветания. С Англией шли споры по вопросу о границах северо-восточной Ирландии, отрезавших от свободного государства одну шестую часть ирландской территории и одну треть населения Ирландии. Но в общем отношения с Англией были хорошими. Английские промышленные компании открывали фабрики в Свободном государстве, английские деньги вкладывались в ирландские предприятия. Министерство Косгрева реорганизовало местное управление и использовало бурные воды Шаннона для постройки электростанции. Однако новому ирландскому государству чего-то не хватало; в феврале 1932 г. ирландские избиратели забаллотировали Косгрева и выбрали на его место де Валера.

Политика де Валера осталась такой, какой она была всегда: это была политика полного разрыва с Англией. Де Валера считал, что англичане могут обогатить Ирландию материально, но что их вмешательство является роковым для ирландского духа. Он считал, что ирландцы—это католический земледельческий народ с кельтским языком и славными кельтскими традициями, и думал, что английский материализм и английский промышленный дух могут разрушить религиозный и традиционный уклад жизни ирландцев. Для него прежде всего было важно расторгнуть договор, превративший Ирландию в английский доминион. Он отказался от принесения присяги королю, заставил английского генерал-губернатора подать в отставку и добился назначения на его место бывшего деревенского бакалейщика. Но наиболее серьезное значение имело то, что он отказался выплачивать 5 миллионов фунтов земельной ренты.

Английское правительство решило принять энергичные меры, которые заставили бы де Валера одуматься. Оно установило высокие ввозные пошлины на ирландские товары. Сначала эти пошлины были наруку де Валера, так как они задевали те круги населения Ирландии, которые являлись наибольшими противниками республики, а именно скотоводов (их огромные поместья де Валера хотел отдать крестьянам для хлебопашества). Де Валера хотел сделать Ирландию экономически независимой, т. е. добиться, чтобы она сама снабжала себя всем ей необходимым. Для этого он обращал пастбища в поля, поощрял возделывание сахарной свеклы, содействовал устройству табачных плантаций и открывал цементные заводы и бумажные фабрики. Крупные английские предприятия он обложил такими высокими налогами, что они вынуждены были прекратить свое существование. Многим английским компаниям пришлось перевести свои фабрики и заводы в Англию.

Все это пока что означало для ирландцев урезанные пайки и голодное существование. Англичане были образцовыми предпринимателями, а Ирландия никогда не была так богата, чтобы безболез-

ненно позволить себе отказаться от крупных налоговых поступлений. Найти же сразу другого такого удобного и богатого покупателя, как Англия, было невозможно. Когда английское правительство начало вводить одни таможенные пошлины за другими, все большее число ирландцев стало задумываться о том, стоит ли ирландский национализм таких жертв. В Ирландии происходил конфликт между сердцем и желудком. К концу 1934 г. конфликт этот еще оставался неразрешенным. Почему же, спрашивали в других странах, английское правительство не предоставило Ирландию самой себе, почему оно считало нужным настаивать на выполнении договора 1921 г.? Ответ заключается отчасти в том, что будущий союз между Ирландией и какой-либо иностранной державой мог оказаться опасным для Англии; имеет значение и тот факт, что в 1929 г. Ирландия покупала 5% всего английского экспорта и поставляла Англии 4% ее импорта, т. е. имела такое же значение для ее хозяйства, как Канада, и большее значение, чем Новая Зеландия.

Положение в 1929 г. Когда наступил 1929 год и приблизились новые выборы, ни одна из стоявших перед Англией проблем не была разрешена. Лондонское Сити делало хорошие дела: оно спекулировало во-всю, принимая участие и в большом буме на нью-йоркской бирже и в маленьком буме на своем фондовом рынке. Некоторые новые отрасли легкой промышленности, возникшие вблизи Лондона, как то: производство радио, граммофонов, различных принадлежностей домашнего хозяйства и т. д., процветали. Но тяжелая промышленность, бывшая в течение целого столетия основой богатства страны, не могла стать на ноги. «Мы не представляем себе,—говорится в отчете комитета по переброске рабочей силы в промышленности за 1928 г.,—как тяжелая промышленность сможет служить источником существования для всех тех, кто связан с нею в настоящее время, а также для тех, кто при нормальных обстоятельствах должен был бы ждать от нее своего пропитания в ближайшие годы». Свыше 25 процентов лиц, обычно занятых в горной и машиностроительной промышленности, равно как 20 процентов всех судостроительных рабочих, были безработными. В течение последних восьми лет общее количество безработных застрахованных рабочих никогда не падало ниже миллиона.

На выборах консерваторы были разбиты: они получили всего 260 мест в парламенте, в то время как лейбористы получили 287 мест. Рамзей Макдональд сделался премьер-министром и возглавил собою второе рабочее правительство. Однако лейбористы не имели абсолютного большинства. В палате было еще 59 либералов, от позиции которых зависели лейбористы. Правительство должно было изыскивать средства, чтобы не дать умереть с голоду безработным. Ему нужны были деньги, чтобы платить американские долги и выплачивать проценты держателям двухмиллиардного пятипроцентного займа. И при этом надо было доставать деньги такими методами, которые не шокировали бы либералов. Такая задача была бы очень трудна в любое время, но совершенно безнадежной она была в 1929 г., когда экономическая депрессия, непрерывно тяготевшая над миром со времени войны, углубилась и перешла в кризис.

VIII. ВЕЛИКИЙ КРИЗИС

1929-1934 гг.

Самое удивительное, что в начале 1929 г. во всем мире преобладало оптимистическое настроение. Казалось, что мир уже успел оправиться после величайшей в истории войны. Германия снова была на ногах. Вновь созданные государства упрочились. Все страны привели в равновесие свои валюты. Машины производили большее количество товаров с меньшей затратой человеческой энергии. Советская Россия выработала план, по которому она за пять лет должна была избавить от средневековой нищеты 160 миллионов своего населения, а президент Соединенных штатов обещал немедленную ликвидацию нищеты. «Хотя в некоторых отдельных странах,—писал сэр Артур Солтер,—положение относительно и ухудшилось, но весь мир в целом достиг в 1929 г. гораздо более высокого уровня, чем когда-либо раньше; казалось, что он с небывалой быстротой подвигается к таким высотам процветания, о которых раньше никогда нельзя было мечтать».

Никогда в мире не было более обманчивой иллюзии! Не прошло и двух лет, как все изменилось, Германия оказалась на краю революции, новые государства перешли от демократии к диктатуре, почти повсюду валюта сделалась неустойчивой, машины стояли без дела, склады были полны товаров, которых никто не мог купить. Финансовая система Соединенных штатов потерпела крушение, пять южноамериканских республик пережили революцию, на Дальнем Востоке затевалась война, в степях Канады сжигали урожай зерна, в Бразилии жгли и топили кофе, а мировая торговля сократилась наполовину.

Что же произошло? На это чрезвычайно трудно ответить. В старые времена, до войны, капиталистическая система была подвержена движениям прилива и отлива: подъем возрастал, принимая характер бума, затем он сменялся резким падением, после чего снова начиналось постепенное восстановление. Кризис 1929 г. представлял собой одно из таких волнообразных движений, часть промышленного цикла; но в то же самое время он представлял собою нечто большее. Война оставила тяжелое наследство в виде экономического расстройтва. Во-первых, все бешено устремились производить сырье, в частности каучук и олово, и это повело к избытку капиталовложений в эти отрасли. Когда эти вложения дали плоды и увеличенное количество продуктов было выброшено на рынок, разумеется, наступило резкое падение цен. Во-вторых, усиленная конкуренция вызвала рационализацию, научную организацию промышленности с целью снижения издержек производства, а это означало уменьшение количества занятых рабочих. Рабочие, имея меньше денег на расходы, не могли раскупать запасы вновь производимых товаров, а это вело к дальнейшему падению цен. В-третьих, война нарушила мировое финансовое равновесие: военные долги и репарации сделали Соединенные штаты и Францию кредиторами всего мира; 60 процентов всего золотого запаса скопилось в подвалах банков Парижа и Нью-Йорка. В мире было слишком много товаров, а у нуждающихся в них не было денег, чтобы покупать их.

Резкое падение цен и последовавший за ним кризис не были ограничены пределами одной страны или одного континента; это был мировой кризис. Нелегко рассказать историю его возникновения, так как кризису не предшествовало никаких драматических событий. На сей раз перед открытием занавеса не раздалось револьверного выстрела наподобие сараевского; теперь сценой был весь мир, и участниками—каждый мужчина и каждая женщина. Развертывавшаяся драма не была столкновением личностей или идеалов. Это была распространявшаяся повсеместно утрата доверия, ползучий страх, вырастающий до истерики, постепенно опускающийся до цинизма и в конце концов переходящий в робкую надежду.

Для ясности мы ограничимся в этой главе пределами Европы; в остальных разделах книги мы расскажем о ходе кризиса в других частях света, а в конце мы остановимся на тех мерах, которые все страны мира совместно предпринимали, чтобы преодолеть великий кризис.

Поскольку речь идет о Европе, необходимо отметить, что хваленое процветание послевоенного десятилетия имело два больших недостатка. Во-первых, Европа утратила теперь свою монополию в области промышленного производства. В тяжелые годы войны другие страны, как, например, Япония, Индия и английские доминионы, научились изготавливать свои собственные промышленные товары, вместо того чтобы ввозить их из Франции, Германии и Англии. Такие страны, как Канада и Советская Россия, производили сейчас зерно с помощью современных машин; в частности в России производство зерна субсидировалось государством. Эти страны могли продавать зерно по таким ценам, с которыми аграрные страны Европы конкурировать не могли. Народы Восточной Европы—Румыния, Болгария, Венгрия и в меньшей степени Польша и Югославия—жили доходами от экспорта своих сельскохозяйственных товаров. Но стоимость производства в этих странах была высока, в особенности теперь, когда земля была поделена между крестьянами, которые, нерационально обрабатывали свои небольшие участки первобытными методами; к тому же крестьяне были обременены огромной задолженностью за перешедшую в их собственность землю. Страны Восточной Европы не могли экспортировать в прежнем объеме и, следовательно, вынуждены были, в свою очередь, покупать меньше товаров за границей и ограничить свой ввоз путем введения пошлин. Эти ограничения тяжело давили на промышленные страны Европы, которые так нуждались в рынках для своих товаров. Бедность аграрных стран оказывала губительное влияние на остальные страны. В то же время разгоряченный национализм новых государств, возникших на развалинах старых Габсбургской и Римской империй, давал лишний толчок политике усиления таможенных барьеров.

Второй недостаток послевоенного подъема заключался в том, что Европа жила на получаемые ею кредиты. За время с 1924 по 1928 г. Германия получила от иностранных займодавцев 750 миллионов фунтов стерлингов. Она всецело зависела от этих кредитов, и без них она не могла бы финансировать свою промышленность, прибыли которой позволяли ей платить репарации. Кто-то подсчитал, что по-

плану Дауэса Германия должна была выплачивать державам-победительницам по 80 марок в секунду, или по 288 тысяч марок в час, в течение неопределенного срока. В 1929 г. комитет под председательством американского банкира Оуэна Юнга выработал новый план репарационных платежей. План Юнга, по крайней мере, определил период, в течение которого должны были производиться платежи, — этот период был установлен в 59 лет и фиксировал общую сумму подлежащих выплате репараций в 25 миллиардов долларов. Однако в одном отношении план Юнга был еще хуже плана Дауэса: он не предусматривал никакого уменьшения платежей в случае падения мировых цен. Было очевидно, что Германия сумеет платить только в том случае, если сможет попрежнему назначать высокие цены на вывозимые ею товары и будет и дальше получать кредиты в Соединенных штатах. Однако еще до того, как комитет Юнга приступил к своим работам, американцы слепо уверовали в будущность своей собственной промышленности и стали охотнее вкладывать деньги в отечественные предприятия, чем в иностранные. Наконец, в октябре 1929 г. произошла катастрофа: акции на нью-йоркской бирже внезапно упали, и владельцы инвестиций потеряли больше денег, чем они уплатили за свои акции. Эта катастрофа больно задела мир в двух его наиболее слабых местах. Она ударила по кредитору: Америка не могла больше давать денег займы, а в последние месяцы года она начала отзывать из Германии также и свои краткосрочные займы. Во-вторых, катастрофа на нью-йоркской бирже сильно ударила по ценам: Америка, эта богатейшая страна в мире, не могла уже покупать иностранные товары в прежних размерах; в 1930 г. она установила высокие таможенные пошлины, каких еще никогда не знала ее история. Мировые цены падали все ниже и ниже, пока не стали ниже цен 1928 г. Это означало, что все долги в мире увеличились в два раза: деревенский сапожник, который должен был 5 фунтов стерлингов и мог уплатить их, сшив 5 пар сапог, когда сапоги стоили 1 фунт стерлингов, теперь должен был для отдачи долга выработать 10 пар; крестьянин, который уплачивал проценты по своему ипотечному долгу сотней бушелей пшеницы, теперь вынужден был платить за это же целых двести бушелей.

Кризис 1931 г. в Германии и Австрии. Итак, для всех должников наступили тяжелые времена. Но для Германии, обремененной долгами больше, чем какая-либо другая страна, это означало разорение. Чтобы избегнуть его, она должна была во чтобы то ни стало убедить своих кредиторов немедленно облегчить тяготевшее на ней бремя. К несчастью, она не имела больше того единственного государственного деятеля, который мог бы успешно воздействовать на ее кредиторов: Штреземан умер на 52-м году жизни в том самом месяце, когда произошел крах на нью-йоркской бирже. В следующем месяце пало правительство Бриана, стремившегося к созданию франко-германского сотрудничества, и премьер-министром во Францию сделался Тардье, тот самый Тардье, который в свое время обвивал авторов Версальского договора в чрезмерной снисходительности.

1930 год начинался для Германии весьма мрачно. В июне новый германский канцлер Брюнинг, стоявший во главе католической

партии центра, посоветовал президенту Гинденбургу распустить рейхстаг и управлять страной путем чрезвычайных декретов; статья 48-я Веймарской конституции давала ему право поступать так при наличии исключительных обстоятельств. Брюнинг надеялся, что это предотвратит в Германии революцию и позволит выжать из населения необходимые добавочные средства, до тех пор пока не удастся уговорить державы ослабить их нажим. По мнению Брюнинга, виной всего кризиса были репарации; если бы державы дали Германии передышку, отказавшись от своих прав на репарации, можно было бы избежать банкротства и страна была бы спасена.

Франция была убеждена, что Германия преувеличивает стесненность своего положения. Когда Брюнинг выдвинул предложение о таможенной унии с Австрией, Франция поспешно запретила это на том основании, что любая форма австро-германского объединения противоречит будто бы Версальскому договору. Неудача проекта таможенной унии ускорила наступление финансового кризиса. В мае 1931 г. крупнейший венский банк «Кредитанштальт» оказался не в состоянии платить по своим обязательствам. «Кредитанштальт» владел 80 процентами всей австрийской промышленности; его крах означал бы национальное банкротство Австрии и гибель всех денег, вложенных в австрийские предприятия; спасти положение могли только иностранцы, придя банку на помощь своими кредитами. Германия и Англия готовы были предоставить кредиты, но ни та, ни другая не были в состоянии делать пожертвования.

Начался натиск вкладчиков на германские банки, и в течение одной недели из Рейхсбанка было изъято 26 миллионов фунтов стерлингов. Теперь наступила очередь Германии; она также должна была обанкротиться. Президент Соединенных штатов предложил приостановить репарационные платежи на двенадцать месяцев. Французы медлили с ответом на это предложение до июня, когда уже было слишком поздно. 13 июля один из крупнейших германских банков, Дармштадтский банк, объявил о прекращении платежей; пришлось закрыть на два дня все германские банки. Но мир уже теперь меньше интересовался положением Германии, так как в опасности было само лондонское Сити.

Кризис в Англии. Лондонское Сити является мировым банковским центром; все страны держат там свои вклады. При нормальном ходе вещей опасность внезапного и одновременного отозвания большей части этих вкладов была исключена. Сити может спокойно предоставлять чужим странам долгосрочные кредиты, несмотря на то что оно само получает большую часть денег на короткие сроки. Но во время кризиса 1931 г., когда почти все страны стояли под угрозой натиска вкладчиков на их банки, чуть ли не все иностранные государства начали отзываться из Лондона свои резервы. В июле Английский банк вынужден был занять 50 миллионов фунтов стерлингов в Нью-Йорке и Париже, и к концу месяца занятая сумма уже почти растаяла. В начале августа управляющий Английским банком счел необходимым обратиться к правительству с просьбой занять еще 80 миллионов фунтов стерлингов. Он заявил, что без такой помощи банк не сможет сохранить необходимый размер золотого покрытия. Макдональд дал

свое согласие, но возникло другое затруднение: американские банкиры не обнаруживали желания предоставить заем, если Англия не обещает привести в равновесие свой бюджет.

Положение рабочего правительства было затруднительным. В утвержденном весной бюджете канцлер казначейства ставил ставку на улучшение торговли; однако торговля все сокращалась, а гуверовский мораторий лишил Англию 11 миллионов фунтов стерлингов репарационных платежей. Количество безработных увеличилось почти до 3 миллионов. Но что было хуже всего, комиссия по вопросам финансов и промышленности выявила (в отчете Макмиллана от 14 июля) слабость финансовой позиции Лондона и уязвимость всей системы, основанной на получении краткосрочных кредитов и предоставлении долгосрочных. В то же время комиссия по государственным расходам заявила (в отчете Мея от 31 июля), что необходимо добиться экономии в 96 миллионов фунтов стерлингов путем снижения заработной платы, а главное, путем урезок пособий по безработице. Таким образом, рабочее правительство, чтобы получить заем от Америки, должно было давать безработным меньше и даже значительно меньше, чем они получали до сих пор. Макдональд знал, что его коллеги по кабинету не согласятся на снижение пособий по безработице; ввиду этого 23 августа он подал в отставку; второе рабочее правительство перестало существовать.

Все ждали, что теперь король обратится к Болдуину с предложением образовать консервативное министерство. Но все ошиблись. 24 августа король принял Макдональда в Букингемском дворце, и в результате этого свидания Макдональд сделался премьер-министром беспартийного правительства. Он образовал кабинет в составе четырех лейбористов, двух либералов и четырех консерваторов. Это министерство называлось национальным, но это было неправильное название, так как рабочая партия не давала своего согласия на образование нового правительства и исключила Макдональда и его трех товарищей из своих рядов. Национальное правительство имело своей задачей убедить мир в устойчивости Англии; однако едва ли добилось оно чего-либо в этом отношении, так как утечка денег из Английского банка продолжалась. В конце концов стало очевидным, что Англия не может платить своим иностранным кредиторам полностью. 21 сентября 1931 г. через парламент был в спешном порядке проведен закон, освобождавший Английский банк от обязательства обменивать банкноты на золото.

Итак, Англия отказалась от золотого стандарта. Фунт стерлингов уже больше не был равен 20 золотым шиллингам. Этого было достаточно, чтобы повергнуть в хаос все биржи мира. Многие страны держали в Лондоне большие вклады, владели английскими государственными бумагами и вели свою внешнюю торговлю преимущественно на условиях расчета в английских фунтах. Поэтому им не оставалось ничего иного, как последовать примеру Англии и также отойти от золотого базиса своей валюты. К концу 1931 г. Индия, Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Родезия, Австрия, Япония, Португалия, Румыния, Чили, Греция, Сиам и Иран отказались от золотого стандарта.

Вскоре мировой кризис достиг своего кульминационного пункта. Цены упали до низшей точки, расстройство финансов и торговли достигло крайних пределов; повсюду, за исключением, пожалуй, Франции, царил необычайная тревога, многие страны были объаты настоящей паникой. Каких-либо созидательных усилий для устранения депрессии в эту черную зиму нигде не было и в помине.

Национал-социалистская Германия. В течение четырех лет немцы страдали от войны, окончившейся поражением, затем они страдали от инфляции и, наконец, от излишка процветания. Это процветание не имело корней, так как было построено на кредитах, и не приносило плодов, потому что прибыли доставались иностранцам, а реорганизация промышленности сделала два миллиона людей безработными. А теперь Германию постигло банкротство, разрешилась катастрофа, оставившая половину ее молодежи в возрасте от 16 до 32 лет без работы и без всяких видов на ее получение. Неудивительно, что германский народ готов был взбунтоваться против тех двух сил, которые привели его к этому бедственному положению: против держав, своим Версальским договором наложивших на него бремя долгов и позор унижения, и против социал-демократов Веймарской республики, давших ему спекулянтов вместо пророков и хаос вместо довольства. Единственный вопрос заключался в том, какая партия достаточно сильна, чтобы ниспровергнуть республику и силой добиться изменения версальских условий. Коммунисты имели сторонников среди рабочих масс. Националисты преследовали только интересы землевладельцев Востока и промышленников Запада.

История национал-социалистской партии—это история одного человека. Адольф Гитлер родился в 1889 г. Он был сыном таможенного чиновника, проживающего в деревне Браунау в Австрии возле германской границы. Двенадцати лет он остался сиротой и отправился в Вену в надежде получить стипендию и учиться в школе изящных искусств. Однако стипендии он не получил и жил случайной работой, снискивая себе пропитание в качестве подсобного рабочего на строительных работах, маляра и т. п. Рабочие ненавидели его; он покинул Вену и уехал в Мюнхен. К счастью для него началась война, и он очутился в германской армии. Он воевал, получил чин капрала, был ранен, заслужил даже медаль. Но когда был заключен мир, он оказался в Мюнхене снова тем же никому неизвестным человеком, без гроша за душой. В 1920 г. он натолкнулся на политическую группу, состоящую из шести членов и не имевшую определенной программы. Гитлер сделался седьмым членом этой группы и составил программу из 25 пунктов, направленную против евреев, против спекулянтов, против иностранцев, против Веймара и против Версаля. Сейчас эти пункты являются евангелием национал-социалистской Германии.

Партия росла. Она привлекала симпатии лавочников и молодых людей из низшей прослойки среднего класса. Партия получила денежную поддержку от западных промышленников, ненавидевших коммунизм рурских рабочих. К движению присоединилось несколько интеллигентов, между которыми был Иосиф Геббельс. Затем Гитлеру повезло: он встретился с бывшим маршалом Людендорфом, который

вызвался возглавить поход на Берлин—в подражание походу Муссолини на Рим. Это происходило в 1923 г., во время оккупации Рура французами; тогда казалось, что республиканский режим вот-вот падет. Однако не успели националистские отряды отойти несколько миль от Мюнхена, как они были окружены правительственными войсками. Большинство вождей восстания спаслось бегством; одному из них, Герингу, еле удалось бежать: он был серьезно ранен и его на носилках унесли через горы в Италию. Сам Гитлер был арестован и присужден к пятилетнему тюремному заключению. Однако через несколько месяцев он был освобожден.

Когда план Дауэса начал создавать в германской республике известный экономический подъем, казалось, что надежды национал-социалистов похоронены навсегда. В мае 1924 г. партия собрала на выборах 1 900 тысяч голосов и получила 32 мандата в рейхстаг; на декабрьских выборах она собрала всего 900 тысяч голосов и получила только 14 мандатов.

Эти цифры оставались неизменными до той поры, когда кризис придал врагам республики новые силы. В сентябре 1930 г. почти шесть с половиной миллионов немцев голосовали за национал-социалистов. Партия Гитлера располагала уже 107 депутатскими местами в рейхстаге, имела организационный центр в Коричневом доме в Мюнхене, значительную собственную армию из бывших солдат и безработной молодежи.

Демагогия, сочетающая национализм с социализмом, не могла не завоевать симпатии голодной и униженной страны. Гитлер учил, что немцы представляют собой сливки арийской породы, избранный народ белой расы, цивилизация которого служит предметом подражания для всего мира. Вместо никого не удовлетворявшего равенства полов, установленного в Веймаре, он предложил мужчине его традиционное положение главы семьи, а женщине ее обязанности мужней жены, выражающиеся тремя «К» (Kinder, Küche, Kirche—дети, кухня, церковь). Это должно было дать двойную пользу: с одной стороны, снять женщин с рынка труда, а с другой стороны, увеличить рождаемость. Он изображал евреев как воплощение коммунизма, спекуляции и интернационализма.

В то же время Брюнинг восстанавливал против правительства все классы населения, вводя все новые и новые налоги, которые должны были дать Германии возможность платить по ее внешним долгам. Ясно было, что он лишается какой бы то ни было поддержки в народе. Старый президент подыскивал подходящее лицо, которым можно было бы заменить канцлера. Но вокруг не было никого, кому он доверял бы, кроме его собственной знати, баронов из «Клуба господ». Он призвал фон Папена, который образовал «баронский кабинет». Новое правительство не претендовало на симпатии населения, и у него была совершенно определенная политика. Прекрасно понимая слабость социал-демократов (слабость эта заключалась в том, что они избегали пользоваться каким-либо насилием для достижения своих целей), фон Папен выгнал их из прусского правительства, которое они держали в своих руках в течение десяти лет. В 1920 г. подобному перевороту, устроенному тогда Каппом, поме-

шала всеобщая забастовка, но теперь ни одна рука не поднялась, чтобы помочь прусским социалистам. В июле фон Папен одержал вторую моральную победу, на сей раз над союзниками: на Лозаннской конференции репарации были фактически отменены. Для Германии не имело значения то, что ратификация этого решения зависела от согласия Америки простить своим должникам их военные долги. Важно было, что «баронский кабинет» снял с Германии бремя, облегчить которое республиканские министры были бессильны.

Но бароны имели перед собой сильного соперника—национал-социалистов. Необходимо было пойти им на уступки. Ввиду этого президент принял Гитлера и предложил ему место в правительстве. Гитлер отказался: он хотел либо иметь всю власть либо не иметь ничего. Теперь фон Папен энергично готовился к поединку с национал-социалистами: как только рейхстаг собрался, он тотчас же распустил его президентским декретом и решил подавить демагогию Гитлера установлением диктатуры националистов. Печать была подвергнута цензуре, радио было монополизировано, прусский государственный аппарат был фактически подчинен центральному правительству, коммунисты были посажены в тюрьму, а евреи уволены со всех государственных должностей. Фон Папен в своей борьбе с Гитлером так успешно использовал его же оружие, что на ноябрьских выборах число собранных национал-социалистами голов снизилось на два миллиона.

Теперь национал-социалисты готовились к военному перевороту. Президент решил прибегнуть к последнему средству. Он сместил фон Папена и заменил его фон Шлейхером, в руках у которого был рейхсвер. Однако все это было ни к чему. 30 января 1933 г. президент назначил рейхсканцлером Гитлера.

Перед Гитлером стояли две задачи: первой задачей было «нацифицировать» Германию, заменить демократию Веймарской республики национал-социалистской Третьей империей; второй задачей было улучшить экономическое положение страны.

Первая задача оказалась более легкой. 27 февраля здание рейхстага было сожжено. Поджог был приписан коммунистам и оказался не менее удачным средством политической пропаганды, чем опубликование письма Коминтерна в Англии в 1924 г.

Национал-социалисты взялись за разоружение своих противников. Профсоюзы были закрыты, коммунисты брошены в тюрьму, где их подвергали суровому режиму, а часто и пыткам, точь в точь как это было после фашистского переворота в Италии. Из социал-демократов одни признали Гитлера, а другие искупали свои грехи в концентрационных лагерях. Католическая партия центра была распущена: Гитлер ничего не имел против католицизма и даже послал фон Папена в Рим для заключения конкордата с папой, но он, так же как Муссолини в Италии, не хотел допускать вмешательства церкви в политику или в дела светской школы. Лютеранскую церковь заставили отказаться от нападок на национал-социалистов в проповедях. Начатая фон Папеном централизация Германии была доведена до конца. Отдельные государства, входившие в состав Германии, лишились своих прав и были отданы во власть фашистов. Печать, театры,

университетские аудитории и радио были превращены в орудия национал-социалистской пропаганды. Евреи подвергались преследованиям, евреев-торговцев подвергали жестокому бойкоту, а еврейским врачам, юристам и членам других свободных профессий запрещали заниматься их деятельностью. В Германии на сто жителей приходился один еврей; один еврей приходился, примерно, на десять врачей, юристов, архитекторов и ученых. При такой пропорции преследование евреев дорого обходилось Германии.

К 1934 г. Германия была «нацифицирована». Не оставалось ни одного организованного коллектива, который номинально не был национал-социалистским. Гитлер подумывал теперь о роспуске своей коричневой армии, в которой он больше не нуждался. Вожди «коричневых» угрожали сопротивлением. 30 июня Гитлер приказал их расстрелять. Заодно он воспользовался случаем, чтобы убить ряд выдающихся лиц, в том числе фон Шлейхера, которого он подозревал в подготовке заговора против национал-социалистского режима. В августе умер старый президент Гинденбург, и Гитлер объявил себя президентом и канцлером одновременно. Гитлер был на вершине своей власти. У немцев все еще ощущался недостаток продовольствия и других необходимых благ. Бремя репараций было снято, но Германии все еще приходилось платить проценты по иностранным долгам, а ее внешней торговле мешали таможенные барьеры. Гитлер составлял планы переселения горожан обратно в деревню; в свободных профессиях он заменил евреев немцами; молодых людей он посылал в трудовые лагеря, где они выполняли работы на открытом воздухе. Когда наступила зима 1934 г. Германия еще не имела никаких видов на улучшение ее экономического положения.

Диктатура в Австрии. В Австрии, как и в Германии, демократия пала под ударами кризиса. Маленькая австрийская республика была банкротом. В то время как все спасение было в единстве, Австрию раздирали внутренние распри. Социал-демократы города Вены увидели себя окруженными со всех сторон врагами. На севере Гитлер требовал создания национал-социалистской Австрии, на юге Муссолини—фашистской Австрии, а внутри страны католические лидеры убеждали крестьян вооружаться, чтобы защитить себя от германских национал-социалистов и венских социалистов. Наконец, канцлер Дольфус, сам католик и крестьянин по происхождению, получил предупреждение от хеймвера (так называлась армия австрийских фашистов) о том, что хеймвер откажется его поддерживать, если он не отберет у социалистов винтовок, которые те хранили у себя с 1918 г. Перед социалистами стояла дилемма: либо сдать оружие, после чего их постигла бы такая же судьба, какая постигла итальянских и германских социалистов, либо бороться. Они заперлись в своих рабочих домах, в этих новых зданиях, которые считались лучшим в мире образцом рабочего жилищного строительства. Хеймвер совместно с войсками стал бомбардировать их из тяжелых орудий. Бомбардировка причинила домам сильнейшие повреждения; в квартирах было убито много женщин и детей. Это происходило в феврале 1934 г. После четырех дней уличных боев социалисты сдали оружие; их вожди бежали через границу в Чехословакию. Теперь Австрия была

в руках у хеймвера и фашистов¹. Они были в состоянии поддерживать порядок (хотя им и не удалось предотвратить убийство Дольфуса национал-социалистами в июле 1934 г.), но в течение всего 1934 г. они ничем не улучшили экономического положения страны.

Улучшение в Англии. Из всех европейских стран Англия лучше всего сумела преодолеть кризис. Образованное в августе 1931 г. чрезвычайное национальное правительство по существу представляло собой диктатуру. Оно отказалось от золотого стандарта, который оно обещало сохранить, и провело закон об экономии. Этот закон «не устанавливал точно, по каким именно статьям и в каких суммах должна быть достигнута экономия, а предоставлял различным министрам право проводить экономию по линии их ведомств путем одностороннего видоизменения—в порядке простых административных распоряжений—условий действующих договоров в тех пределах, в которых это будет сочтено необходимым. Это являлось весьма серьезным и не имеющим прецедентов изменением английской конституционной практики»². Однако страна одобрила эти меры: на всеобщих выборах в октябре либералы объединились с консерваторами против лейбористов. Наиболее видные английские общественные деятели и все крупные газеты убеждали избирателей в том, что их долг голосовать за национальное правительство; под последним подразумевалась коалиция консерваторов, либералов и горсточки бывших лейбористов, последовавших за Макдональдом. Националисты приложили все усилия, чтобы запугать более бедные слои избирателей, намекая им, что лейбористское правительство имеет какие-то планы в отношении вкладов в почтовых сберегательных кассах. Число лейбористских голосов упало с 36 до 30 процентов общего количества поданных голосов благодаря своеобразию английской избирательной системы, при которой каждый избирательный округ посылает в парламент по одному депутату; потеря 6% голосов повлекла за собой потерю лейбористами 215 мест в парламенте. Национальное правительство имело теперь в палате огромное большинство и могло быть уверенным, что оно останется у власти полных пять лет.

Задачей новой коалиции было помочь английской промышленности. В нормальное время большая ее часть работала на иностранные рынки, но сейчас кризис очень сильно сократил размеры этой внешней торговли. Правительство могло сделать немного для ее восстановления, но это немного как раз и сделали националисты. Колебание фунта было приостановлено, был создан фонд регулирования валюты, с помощью которого курс фунта поддерживался не на много ниже его старого паритета. Благодаря устойчивости фунта иностранные покупатели могли заключать договоры на закупку английских товаров, не слишком рискуя тем, что к моменту наступления срока реализации сделки цены могут сильно повыситься. С другой стороны, благодаря сравнительной дешевизне фунта им теперь легче было покупать

¹ Автор односторонне освещает февральские бои в Австрии, не упоминая о том, что шуйцбундовцы были преданы вождями социал—демократии и единственной партией, которая до конца боролась и возглавила борьбу была Австрийская Компартия.—Прим. ред.

² Статья лорда Пасфилда в журнале «Political Quarterly» за январь 1932 г.

английские товары, чем в 1925—1931 гг., когда курс фунта был высок. Затем правительство конвертировало 200-миллионный 5-процентный военный заем в 3½-процентный. Раньше потеряли значительную часть своих доходов, но зато в дальнейшем владельцы капиталов стали более охотно вкладывать свои деньги в промышленные акции, и, таким образом, для промышленности на рынке оказалось больше свободных капиталов. Для финансирования внешней торговли правительство также нашло средства. Главным доходов некоторых стран, а именно Дании, скандинавских и прибалтийских стран, был экспорт их товаров в Англию. Английское правительство заявило, что оно не допустит ввоза из этих стран, если они не обяжутся принимать в обмен определенное количество английских товаров. Благодаря этому английская экспортная промышленность и судоходство были спасены от полного застоя.

Во времена своего расцвета Англия не очень интересовалась внутренним рынком: продажа товаров 40 миллионам англичан имела мало значения по сравнению с возможностями продажи английских товаров сотням миллионов иностранцев. Но сейчас, во время мирового кризиса, национальное правительство делало все от него зависящее, чтобы как можно более расширить внутренний рынок. Правительство преградило доступ в страну дешевым иностранным товарам, введя высокие таможенные тарифы (тем самым оно окончательно изменило фритредерскому евангелию XIX в.; между прочим, это лишило его поддержки части либералов в коалиции). Оно представляло субсидии судостроительной промышленности и производителям зерна, молока и мяса. Наконец, оно провело очень существенную реформу в области английского сельского хозяйства.

Реформа, о которой мы говорим, была проведена путем так называемых «законов о сбыте» («маркетинг актс»). Это была попытка организовать производителей сельскохозяйственных продуктов таким образом, чтобы они производили и распределяли свои продукты согласованно друг с другом, а не в ожесточенной конкуренции. Необходимый для этого механизм был создан лейбористским правительством в 1931 г.; в 1933 г. он был доделан министром сельского хозяйства в правительстве консерваторов майором Уолтером Эллиотом. «Законы о сбыте» давали право двум третям производителей любого товара планировать количество, качество и цены их продукции. Составленный ими план подвергался критическому рассмотрению в различных комиссиях и ведомствах, после чего в форме законопроекта представлялся на утверждение парламента. В 1933—1934 гг. такие «законы о сбыте» были изданы по некоторым товарам (хмель, молоко, свиньи, бэкон, картофель и др.).

По сравнению с другими странами экономическое восстановление Англии после пережитого кризиса было весьма значительным. В 1934 г. в мире не было ни одной другой страны, которая так преуспевала бы, которая была бы так устойчива, так уверена в своих силах, как Англия. Никакая другая страна не выдержала кризиса так стойко, без паники и уныния, как Англия. Однако это было лишь относительное восстановление. Оно было достигнуто за счет налогоплательщиков, бремя которых стало более тяжелым, за счет учителей,

гражданских и военных служащих, жалование которым было урезано, за счет трудящихся классов, которым приходилось дороже платить за продукты питания, за счет безработных, у которых пособия были снижены настолько, что уровень их существования был теперь ниже минимума, признанного Британским медицинским обществом. Но больше всего восстановление было достигнуто за счет иностранцев. Когда Англия отказалась от золотого стандарта, банкиры и коммерсанты почти всех стран мира, державшие свои деньги в Лондоне как в наиболее надежном месте, потеряли 20 процентов своих сбережений. Иностранные экспортеры лишились больше 20 процентов своих торговых оборотов с Англией, когда та стала нагромождать одни пошлины на другие и устанавливать квоты на всевозможные товары. Особенно сильный удар был нанесен Соединенным штатам, когда в 1934 г. канцлер казначейства отказался от уплаты по долгам Америке, несмотря на значительное превышение доходов над расходами в бюджете.

Природа экономического восстановления во всех других странах была та же, что в Англии, но степень его была различна. Почти во всех странах экономическое положение в 1934 г. было несколько лучше, чем в 1931 г. Но это частичное оздоровление было достигнуто методами негативного характера. Депрессия загнала каждую из европейских стран в ее собственную скорлупу. Каждая страна ограждала себя от других стран таможенными тарифами, валютными ограничениями и вооружениями. Все эти меры задерживали восстановление финансовых и экономических сношений между народами. О действительном восстановлении нельзя было и думать, до тех пор пока не будет восстановлена международная торговля.

Европа под властью диктатуры. В какой мере Англия и другие европейские страны сумели помочь преодолению великого кризиса в международном масштабе, что им удалось и чего не удалось сделать в этом направлении, рассмотрено нами в конце настоящей книги. Здесь нам остается только отметить, что парламентская демократия оказалась неспособной справиться с чрезвычайными обстоятельствами тяжелого времени и что почти в каждой из европейских стран в той или иной форме была установлена диктатура. Диктатура эта отличалась большей или меньшей суровостью в соответствии со степенью неожиданности и глубины кризиса. В Германии и Австрии демократия уступила место тирании. В Польше в октябре 1929 г. Пилсудский, номинально бывший в то время только военным министром, послал отряд солдат в кулуары сейма, чтобы напомнить депутатам о границах их власти. Положение его диктатуры было «легализовано» на последовавших в декабре выборах в сейм, перед проведением которых он из предосторожности посадил в тюрьму вождей оппозиции. В результате от парламентаризма в Польше осталась одна бледная тень. В Югославии король Александр воспользовался убийством в скупщине хорватского вождя Радича как предлогом для роспуска парламента и приостановления действия конституции. После этого он правил Югославией, как диктатор, причем преследовал, главным образом, сербские интересы, вызывая этим резкое недовольство хорватов и словен. В октябре 1934 г. он был убит в Мар-

селе. В 1931 г. его зять румынский король Кароль сделал подобный же шаг в сторону диктатуры; он уволил в отставку Маниу и заменил его на посту премьер-министра стариком, который когда-то был королевским наставником. Венгрия, не принимавшая участия в процветании 1925—1929 гг., не ощутила резкого ухудшения при наступлении депрессии. Но в 1931 г. высокомерный граф Бетлен вынужден был уступить свое место министру, более склонному к раболепству перед Францией. В 1932 г. премьера-франкофила сменил Юлиус Гембеш, предпочитавший принимать помощь от Италии на поставленных им условиях. В Чехословакии, экономически более независимой от других государств, дело обстояло несколько лучше. Масарик и Бенеш все время сохраняли свои посты, и конституция страны не подверглась изменениям, хотя здесь и не допускалось того свободного выражения мнений, которое более старые демократические страны считали сущностью демократического режима. Во Франции и в Англии демократические правительства выдержали испытание, но лишь ценой образования национальных правительств, что означало фактическое устранение парламентской оппозиции.

ЧАСТЬ II

МУСУЛЬМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

IX. РОЖДЕНИЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Считают, что Магомет жил на шестьсот лет позже Христа. Таким образом, основанная Магометом религия, ислам, на шестьсот лет моложе христианства. XIV век христианской эры был критической фазой для христианства: это был период резких и, казалось, неожиданных перемен, период, который историки называют переходом от средних к новым векам. Христиане начали сбрасывать с себя власть папы и Священной римской империи, присягали на верность светским национальным государствам и усваивали новое, независимое мировоззрение, нашедшее свое выражение в рационализме и науках Ренессанса. В XIV в. мусульманской эры, т. е. в наши дни, ислам начал проходить через такую же фазу: авторитет халифа и оттоманского императора был развенчан, мусульмане образовали новые национальные государства и усвоили научную технику механизированного Запада.

Мы оставим в стороне тех мусульман, которые не находятся под мусульманской властью, т. е. мусульман Северной Африки, СССР, Индии и ост-индских островов, и сосредоточим наше внимание на народах, которые в 1914 г. были под властью Оттоманской империи, т. е. на турках, египтянах, на обитателях Аравийского полуострова и на их соседях в Персии и Афганистане. Здесь перемены были наиболее резкими и потому их легче проследить.

Конец Оттоманской империи. Оттоманские турки были поздно обращены в мусульманство. Это было кочевое племя, разбивавшее свои черные шатры из конского волоса на краю пустыни Гоби, до тех пор пока наступление татарских орд не заставило их бежать на запад, в Анатолию, где они осели на земле и приняли мусульманскую веру. Арабы презирали этих новообращенных. Но турки передали арабам такие качества, в которых те наиболее нуждались, а именно организационные способности, выдержку и особый дар управления. Они создали огромную империю, собрав под своей властью все земли от Персидского залива до Адриатического моря.

В XIX в. мусульманская империя турок переживала упадок. Как сказал бы Вольтер, она не была ни мусульманской, ни империей, ни турецкой. Она не была мусульманской потому, что большинство мусульман жило вне ее пределов; а внутри ее границ имелись огром-

ные массы немусульманского населения, как, например, христиане Балканского полуострова и Малой Азии. Она не была империей потому, что эти христианские народности были организованы в независимые государства-церкви, а также потому, что иностранным державам были предоставлены «капитуляции», в силу которых их купцы в Турции подчинялись юрисдикции своих собственных консулов, а не законам Османской империи. И, наконец, она не была турецкой потому, что ее язык и литература были арабскими, и потому, что законы ее были раз навсегда установлены в коране и в сборниках священного предания, и право толкования их принадлежало духовным лицам.

Турки пытались возродить свою империю, подчеркнув, в первую очередь, ее мусульманский характер. Султан Абдул Гамид II (1879—1909 гг.) придавал особое значение священному характеру своей власти: ведь он был не только султаном, но и халифом, т. е. наследником Магомета. Разве не был он единственным независимым мусульманским монархом? Разве не имел он права рассчитывать на то, что мусульмане всего мира будут поддерживать его как монарха, способного спасти их веру от уничтожения неверными? Абдул Гамид провел железную дорогу из Константинополя в Медину, и десятки тысяч паломников стекались в святые места Геджаса, приезжая по железной дороге из России и на судах новых паровых компаний из Индии, Африки и Европы. Но все эти новые средства передвижения, устроенные для паломников, — новые железные дороги, новые паровые линии — несомненно, имели своей целью эксплуатацию верующих для извлечения прибылей. Мусульманский мир видел в султани-халифе не столько духовного отца, сколько политического прожектора. Два движения религиозного ренессанса, происходившие в его царствование, а именно движение Махди в Судане и движение ваххабитов в Центральной Аравии, приняли форму восстаний против власти халифа.

Попытка возродить Османскую империю как центр мусульманства, потерпела неудачу. В течение XIX в. младотурецкие эмигранты в Париже сочиняли планы реорганизации турецких земель по западному образцу: они мечтали о государстве типа Франции, о демократической империи, объединяющей христиан, мусульман и евреев, турок, арабов и балканские народности. В 1908 г. им представился случай осуществить их мечту. В Салониках группа, называвшая себя комитетом «единения и прогресса», подняла знамя восстания. Восставшие требовали, чтобы султан-халиф даровал стране конституцию. К всеобщему удивлению, Абдул Гамид согласился на это и комитет оказался у власти.

Как только новые диктаторы обосновались в Константинополе, тотчас же против них вспыхнула война. Болгария объявила независимость, Греция захватила Крит, Австрия захватила Боснию и Герцеговину, Италия захватила Триполи. Европа враждебно относилась к устремлениям комитета; такое же отношение проявили к нему и арабы. На всем огромном Аравийском полуострове арабы стали готовиться к восстанию. В Багдаде иракские офицеры образовали тайное общество, добивавшееся независимости Месопотамии. В Дамаске

образовались подобные же общества, чтобы бороться за автономию Сирии. В Мекке шериф Гуссейн мечтал о создании арабского королевства, а в глубине Аравии, в центральных оазисах Неджда, некий Ибн-Сауд восстановил власть ваххабитов. Эти четыре движения за независимость не были связаны друг с другом. Они-еще много десятков лет не имели бы шансов на успех, если бы в 1914 г. младотурки не решились вступить в войну на стороне Германии.

Сторонникам комитета единения и прогресса война представлялась ниспосланным свыше счастливым случаем, дающим им возможность вооружиться по современному образцу за счет Германии, отомстить своему старому врагу—царской России—и заставить арабов в пылу новой священной войны позабыть о своей независимости. Эта последняя надежда обманула их. Арабы не видели ничего священного в борьбе за нечестивых младотурок, против мусульман России и Британской Индии. Их вожди решили, наоборот, использовать войну в качестве средства для достижения арабской автономии. В Месопотамии обитатели Ирака не оказали серьезного сопротивления вторжению англичан из Индии. В Дамаске сирийцы изнывали под бременем турецкой военной оккупации и выжидали удобного момента для восстания. В Неджде подкупленный англичанами Ибн-Сауд сохранял нейтралитет. Старый шериф Мекки вел в Каире переговоры с английским верховным комиссаром Египта, обещая ему поднять свои племена против турок, если англичане согласятся признать его королем Аравии.

Сначала предложение Гуссейна не произвело большого впечатления на англичан. Они попробовали непосредственно атаковать Константинополь со стороны Дарданелл. В течение всего 1915 г. турки блестяще боролись, защищая Галлиполийский полуостров. Они были отлично организованы германским генералом Лиман фон Сандерсом; во главе обороны стоял молодой турецкий офицер Мустафа Кемаль. Кемаль показал чудеса упорства и настойчивости и оттеснил англичан до Сувлы. Дарданеллы были спасены.

Между тем, Гуссейн объявил арабское восстание. Турки ответили на это занятием Медины и бомбардировкой святынь Мекки. Взбешенные этим святотатством, племена пустыни впервые в истории объединились. Во главе этих племен стали третий сын Гуссейна Фейсал и молодой англичанин, называвший себя Лоуренсом. Они прошли через весь Геджас до Синайского залива. Теперь англичане затевали новый ход: они решили напасть на Турцию из Египта через Сирию. Генерал Алленби понял, что восстание арабов может быть полезно. Через Лоуренса он снабдил арабов золотом и оружием. Под предводительством Лоуренса и Фейсала арабские племена перерезали линию железной дороги и обеспечили английским войскам безопасность их правого фланга во время похода через Палестину. Турки послали Мустафу Кемалья остановить английское продвижение, но уже было поздно. Армия Алленби прорвала турецкий фронт и оттеснила турок, подвергавшихся все время налетам арабской конницы со стороны пустыни. Турки вынуждены были отойти в горы, к северу от Алеппо. В то же время другая английская армия пересекла Месопотамию и собиралась занять Мосул. Турки, окруженные со всех сторон, под-

писали в ноябре 1918 г. перемирие в Мудросе. В этом документе они отказывались от своих претензий на Египет и на все остальные земли с населением, говорящим по-арабски. От Оттоманской империи оставался ничтожный обломок.

Восстание националистов. На первый взгляд, положение турок было совершенно безнадежно: арабские земли были потеряны, союзники занимали столицу и все порты Анатолии. Но еще не была пущенной в ход третья из сил, составлявших Оттоманскую империю: сила турецкого национализма. Абдул Гамид пытался сделать Турцию мусульманской империей, но потерпел неудачу. Комитет «единения и прогресса» пытался перевести Турцию на рельсы западно-европейского развития, но также не сумел осуществить своей цели. Оставалось еще одно: кто-то должен был сделать Турцию турецким государством. Никто из тех, кому приходилось наблюдать бесчисленные проявления турецкого героизма во время войны, не мог сомневаться в существовании турецкого национального чувства, хотя никто и не мог бы сказать, как его теперь использовать. Султан-халиф Ванэддин боялся турецкого национализма, он считал, что если бы турки попытались теперь, в 1918 г., поднять национальное восстание, то союзники воспользовались бы им, как предлогом для раздела Анатолии. Комитет «единения и прогресса» также боялся его: после падения Алеппо младотурки вообще ступшевались. Единственным человеком, верившим в то, что он в состоянии разжечь огонь турецкого национального духа и тем спасти Турцию, был Мустафа Кемаль. Но Кемаль скрывался в окрестностях Константинополя от англичан, которые внесли его имя в черный список лиц, предназначенных к высылке на Мальту.

Мустафа Кемаль по своему происхождению не принадлежал к тому народу, за свободу которого он боролся. Его отец был наполовину серб и наполовину албанец, а мать—наполовину македонка и наполовину албанка. Он родился в 1881 г. в Салониках, получил военное образование и поступил в турецкую армию. В 1905 г. он получил офицерский чин и с тех пор принимал участие во всех решительно войнах: он воевал с друзьями, с болгарами, с итальянцами в Триполи, с англичанами в Галлиполи, с русскими на Кавказе, наконец, он участвовал в сирийской кампании 1918 г. Среди солдат он пользовался выдающейся репутацией как человек исключительного хладнокровия и безошибочных суждений. Но политики не доверяли ему и не любили его. Во-первых, он даже не пытался скрывать свое презрение к беспочвенным проектам комитета «единения и прогресса». Во-вторых, он отличался неприятным характером и грубым, заносчивым обращением. Вследствие этого признание его заслуг было смешано с враждой и завистью. Ванэддин оценил достоинства Кемалья и в 1917 г. взял его с собой в составе военной миссии в Германию. Но молодой офицер навлек на себя там немилость: он оскорбил Людендорфа, стал на сторону Гинденбурга и терроризировал несчастного Ванэдина, настойчиво требуя от него, чтобы тот выступил против находившегося тогда у власти комитета «единения и прогресса».

К моменту заключения перемирия Мустафа Кемаль не имел ни

одного друга при дворе. Он сумел так устроить, что его послали в Восточную Анатолию для наблюдения за демобилизацией. Здесь, вместо того, чтобы распустить мобилизованные на местах войска, он, наоборот, приложил все свои усилия к тому, чтобы удержать их под ружьем для новой борьбы, для борьбы за независимую Турцию. Напуганный известиями об этой его деятельности, Ванэддин приказал ему вернуться в столицу. Но Мустафа Кемаль отказался выполнить волю султана. «Я останусь в Анатолии,—заявил он,—до тех пор пока турецкий народ не добьется независимости».

Эти слова Кемалья казались пустым бахвальством. Султан и правительство были против него; против него были и союзники. Но в неприступных возвышенностях Центральной Анатолии для него неопасны были все его враги. И то обстоятельство, что эти ненавистные турецкому народу силы были против него, как раз и помогло ему привлечь общественное мнение на свою сторону. Когда султан попытался поднять против него курдов, он извлек из этого пользу для себя: ведь истинный патриот не призвал бы ненавистных курдов расправляться с турками. Когда греки высадились в Смирне при поддержке союзнического флота под командой адмирала Кальторпа, это нашествие чужеземцев, грабивших и сжигавших турецкие деревни, было лишним козырем для его агитации среди масс. Он издал распоряжение о созыве в июле Национального собрания в Эрзеруме. Нелегально съехавшиеся со всех концов Анатолии делегаты избрали Мустафу Кемалья своим председателем. Во второй раз члены Национального собрания съехались в сентябре, на сей раз в Сивасе. Теперь Национальное собрание избрало исполнительный совет, который и должен был защищать дело турецкого народа, поскольку официальное правительство в Стамбуле отказалось возглавить движение. В качестве председателя этого совета Мустафа Кемаль перенес свой главный штаб в Анкару (Ангору), отличную естественную крепость в центре Анатолийской возвышенности и конечный пункт железнодорожного пути из Стамбула. В Анкаре исполнительный совет обнародовал «национальный обет», который должен был стать фундаментом нового турецкого государства. Кемалисты отказывались от всяких притязаний на арабские земли Оттоманской империи, но настаивали на том, чтобы области, «большинство населения которых составляют турки-мусульмане, объединяемые общей религией, общей расой и общими целями... образовали как по существу, так и по форме одно целое, не допускающее деления на части в силу каких бы то ни было соображений».

«Национальный обет» представлял собою лишь декларацию группы мятежников, восставших против правительства султана. Ничто в нем не указывало, что делегаты Национального собрания были националистами на деле, а не только по названию. Есть все основания полагать, что они так и остались бы на долгие годы изолированной группой бунтовщиков, если бы союзники не совершили в первой половине 1920 г. трех ошибок, раздувших скрытый турецкий национализм.

Первой и наименее серьезной ошибкой было простое нарушение слова. После опубликования национального обета в Анкару пришло

известие о том, что союзники готовы признать национальный парламент, если он легально соберется в Стамбуле. Мустафа Кемаль почувал в этом ловушку. Он знал обстановку столицы и сомневался в искренности союзников. Но анкарские делегаты были в восторге от перспективы признания. Они сели в поезд и отправились в Стамбул, где в июле 1920 г. «национальный обет» был формально подтвержден голосованием в парламенте и, следовательно, приобрел силу закона. Делегаты были вне себя от восторга. Однако их торжество было кратковременно. Не прошло и двух месяцев, как союзнические войска под командой генерала Мильна заняли правительственные здания Стамбула и напали на турецкий квартал, где арестовали 40 вождей националистов. Арестованные вожди были сосланы на Мальту. Это был наглядный урок для всей Турции. Мустафа Кемаль был прав: союзникам нельзя было верить.

В это время союзники совершили вторую ошибку. Они опубликовали Севрский договор, под которым под влиянием уговоров союзников три так называемых представителя Турции поставили свои подписи. Чтобы в полной мере оценить все значение этого договора, надо представить себе географическое положение турецкого государства. Турция состоит из высокого плоскогорья в центре, окруженного со всех сторон горными цепями. Эти горы простираются до самого моря, и только в трех местах имеются плодородные прибрежные полосы. Первое такое побережье расположено на берегу Мраморного моря и на юго-западном берегу Черного моря, второе—вокруг города Смирны, где отлично произрастают виноград и оливковые деревья, а третье—в районе Адалии, где условия почвы позволяют возделывать превосходный хлопок и зерновые культуры. По Севрскому договору, первый из этих районов передавался в распоряжение союзнической комиссии. Округ Смирны должен был отойти к Греции, Адалия к Италии. Туркам предстояло быть запертыми в пределах окруженного горами плоскогорья, а чтобы стеречь их со стороны востока, предполагалось создать два новых государства: Армению и Курдистан. Местопребывание правительства должно было быть в Стамбуле, который находился посередине района, подчиненного союзнической комиссии. А Фракия должна была принадлежать Греции.

Севрский договор был наиболее циничным примером империалистской жадности, какую когда-либо проявляло современное правительство. Наряду с Севрским договором условия Брест-литовского договора кажутся мягкими, а условия Версаля—определенно великодушными. Нечто подобное этому договору можно найти разве только в происходившем в XVIII в. разделе Польши. Опубликование Севрского договора доказало туркам, что союзники не останутся ни перед чем, пока не уничтожат Турцию, и что единственная их надежда на спасение—это Мустафа Кемаль и националисты.

Греческая война 1920—1922 гг. Это была очень слабая надежда. Турки поняли это в июне 1920 г., когда Англия, Франция и Италия благословили наступление греков на Турцию. Это была третья и самая крупная ошибка союзников. Они хотели заставить национа-

листов согласиться на их условия при помощи весьма дешевого приема: они направили на них естественного врага Турции—греков. Идея войны с Турцией исходила от греческого премьер-министра Венизелоса и была с энтузиазмом подхвачена Ллойд Джорджем. Осуществление этого плана связано было с весьма незначительными расходами: с предоставлением займа, с пребыванием английского флота в Мраморном море и французской армии в Киликии—и все. Греки имели все шансы выиграть войну: они были прекрасно снабжены военным снаряжением, которое союзники сосредоточили в Македонии во время мировой войны, и разгорячены погромами, которые они учиняли над турецким гражданским населением в течение целого года после их высадки в Смирне. /

Кампания 1920 г. проходила для греков вполне благополучно. На трех фронтах они добились успехов: турецкие национальные войска были вытеснены из Фракии, оттеснены с юго-восточного побережья Мраморного моря; сильная греческая армия продвигалась от Смирны на Ушак. Однако торжество греков было омрачено внутренними раздорами. На выборах в ноябре греческие избиратели голосовали против Венизелоса, и к власти вернулся король Константин. Венизелос был единственным человеком, умевшим объединять союзников. В мае 1921 г. союзники заявили о своем нейтралитете, ограничившись до самого конца войны задачей обеспечения нейтральных зон на Мраморном море и в Киликии. Это был ловкий шаг: в случае победы греков Англия и Франция могли бы утверждать, что они были покровителями Греции, а в случае победы турок они как нейтральные страны могли бы предложить свои услуги в качестве арбитров. Так оно и случилось; и им не мешало то, что они принимали участие в подготовке греков к кампании 1921 г.

В Анкаре Мустафа Кемаль лихорадочно работал над организацией национальных сил. Первым препятствием на его пути было восстание самих турок, правоверных мусульман, которые поддались агитации и выступили на защиту султана-халифа против безбожников-националистов. Кемаль подавил это восстание. Затем ему необходимо было создать из его ополчения регулярную армию. К счастью, в его распоряжении было около пяти тысяч офицеров старой турецкой армии. Особенно выделялся один из них—многообещающий генерал Исмет паша. С помощью этих офицеров Кемаль сумел создать армию из крестьян и искателей приключений, которые приходили к нему в лагерь необученными, невооруженными и часто босыми. Большинство его войск составляли горцы; старшины горных племен не пускали их в регулярную армию националистов, предпочитая наносить удары грекам путем изолированных бесцельных набегов. Один из таких вождей сумел подчинить своему командованию значительную массу нерегулярных войск, известную под именем «зеленой армии». Потребовалось все искусство Мустафы Кемала, чтобы дискредитировать вождя зеленых и влить его силы в регулярную армию. Но даже и регулярная армия Кемала не представляла собой настоящего войска: она насчитывала всего 25 тысяч бойцов, была плохо снаряжена, почти не имела артиллерии. С точки зрения западных специалистов

военного дела такая армия могла вызывать лишь презрение. Но она была воодушевлена непобедимым духом. Дух этот увлекал ее вперед; каждый солдат знал, что он сражается за существование своей родины.

С другой стороны, греческая армия состояла из 80 тысяч превосходно вооруженных и отлично снабженных солдат. Целью борьбы была столица националистов Анкара. Греки наступали от Измида и Ушака на восток, стремясь захватить всю полукруглую линию железной дороги Стамбул—Смирна. К концу июля они взяли Эски-Шехир, узловую станцию, где анкарская ветка отделяется от главной магистрали. Волей-неволей Мустафе Кемалю пришлось отдать войскам приказ отойти на реку Сакария. Это была последняя оборонительная линия, прикрывавшая Анкару. Если бы греки могли прорвать ее, Анкара пала бы, и турецкое национальное движение было бы окончательно разбито.

В течение четырнадцати дней на Сакарии шли горячие бои. Наконец, греки дрогнули и начали отступление на Эски-Шехир. Анкара была спасена. Современная история знает мало битв, решавших исход войн, но сражение на Сакарии надо отнести именно к числу таких битв. Она показала миру, что турецкие националисты—непобедимая сила. В муках этих четырнадцати дней была рождена турецкая нация. Непосредственным результатом этой победы явился тайный договор, который Франция заключила с анкарским правительством, и увод французской 80-тысячной армии из Киликии

К началу 1922 г. положение турок все еще было серьезным. Греки удерживали Эски-Шехир и всю местность к востоку от него. Но среди греческих войск уже началась деморализация, и у них нехватало стойкости, чтобы отразить наступление, предпринятое в августе Кемалем. Шаг за шагом отступали греки под напором противника. Они отступали вдоль железнодорожной линии по направлению к Ушаку. После Ушака отступление превратилось в бегство, закончившись позорной посадкой последних остатков греческих войск на пароход в Смирне в тот самый час, когда турецкий авангард уже вступал в город.

За поражением греков на полях сражений последовало поражение англичан в переговорах. Мустафа Кемаль требовал предоставления ему права изгнать греков из Фракии. Англичане, державшие в своих руках Дарданеллы, не соглашались на проход турецких войск через проливы. Мустафа Кемаль продолжал настаивать на своем; Ллойд Джордж не уступал. Казалось, что вот-вот начнется новая война. К счастью, роковой исход был предотвращен генералом Харингтоном, созвавшим в октябре конференцию в Мудании для заключения перемирия. В результате переговоров на этой конференции Турции было разрешено в нарушение Севрского договора занять Восточную Фракию. Победоносные турки получили все то, чего они с самого начала добивались в своем «национальном обете».

Лозаннский договор в 1923 г. Турецкие националисты вышли победителями из войны; но этого было еще недостаточно. Организация националистов по существу была военной организацией, но вождь

ее не имел никаких званий, кроме звания гази, что означает победитель. Он не был признан официальным турецким правительством, т. е. константинопольским правительством султана-халифа, и не мог быть уверен даже в том, что имеет за собой большинство Национального собрания в Анкаре. Первым шагом Мустафы Кемала было превратить группу своих сторонников из военной в политическую организацию. Он объезжал страну, стараясь, насколько это было возможно, использовать свою популярность победителя греков, чтобы склонить массы в пользу националистов, которые теперь назывались «народной партией». Вскоре он уже имел достаточно сторонников, чтобы держать в страхе Национальное собрание.

Конференция для выработки условий, регулирующих отношения между Турцией и союзниками, должна была собраться в Лозанне в ноябре 1922 г. Союзники послали приглашение о посылке делегации на имя султана-халифа. Это проявление педантичности было оскорблением для Национального собрания. Гази извлек из него выгоду: он в спешном порядке провел через собрание закон, разделявший звания султана и халифа, и затем второй закон, упразднявший султанскую власть. Племянник Ванэددина стал халифом, а сам Ванэددин спасся чудом: ему удалось незаметно выскользнуть из дворца, после чего он был доставлен англичанами в больничной карете на английское военное судно. Последний султан Османской империи, гроза неверных, сошел со сцены.

Переговоры в Лозанне превратились в поединок между лордом Керзоном и Исмет пашой, другом Мустафы Кемала. Трудно представить людей более противоположных, чем изысканно вежливый, и в то же время высокомерный английский дипломат и несговорчивый приземистый турецкий воин. Требования Исмета были очень просты. Он настаивал на условиях, установленных в «национальном обете», и не хотел ни в чем уступать. После продолжавшихся четыре месяца споров Керзон покинул Лозанну, ничего не добившись, и конференция была прервана. Одно время казалось вероятным, что Национальное собрание вынесет порицание Исмету: среди членов собрания усиливалась оппозиция против политики его и гази; эту оппозицию возглавлял Рауф бей. Но Кемаль добился отклонения собранием резолюции с выражением осуждения, после чего Исмет паша вернулся в Лозанну. Место Керзона на конференции было теперь занято сэром Горацием Рэмбольдом, и в июле 1923 г. договор был подписан. Условия договора означали полный триумф турецких националистов. Вместо раздела Турции, которого союзники требовали в Севре, Лозаннский договор устанавливал суверенную власть Турции над всей Анатолией и, что еще более удивительно, над Константинополем и Восточной Фракией. Христианские меньшинства в Турции лишились своей автономии, миллион греков, живших в Западной Анатолии, подлежали выселению в Грецию. Короче говоря. Турция впервые в ее истории становилась настоящей нацией. И только в одном пункте союзники не нашли возможным удовлетворить желание турок: вопрос о юго-восточной границе Турции не был разрешен, — он должен был быть урегулирован позднейшим соглашением.

Турция избавилась теперь от иностранной агрессии, но и только. Вся работа по строительству новой Турции была впереди. Казалось, сами турки имели так же мало представления о будущей природе нового государства, как и внешний мир. Одни из них стояли за союз с Советской Россией, оказавшей Турции помощь в ее борьбе против западного империализма; другие считали, что новая Турция, будучи самостоятельным мусульманским государством, должна явиться ядром возрождения ислама; наконец, третьи полагали, что дух новой Турции найдет для себя наилучшее выражение в конституционной монархии по западному образцу.

Когда после подписания мирного договора было созвано Национальное собрание, Мустафа Кемаль и Исмет паша подготовили законопроект о провозглашении в Турции республики и заставили собрание принять этот закон. Около половины членов собрания не принимало участия в голосовании: фактически это был переворот. Но тем не менее, когда Мустафа Кемаль объявил себя президентом новой Турецкой республики, это имело под собой какое-то подобие законного основания. Новая конституция давала Кемалю фактически неограниченные полномочия: будучи президентом республики он держал в своих руках кабинет министров, как вождь народной партии он являлся полновластным хозяином единственной в стране политической организации, а как главнокомандующий он распоряжался армией.

Упразднение халифата. В годы, следовавшие за провозглашением республики, Мустафа Кемаль произвел коренную революцию во всей жизни своего народа. Турецкая революция была, несмотря на всю ее неожиданность, не новым движением, а осуществлением вековых стремлений, насильственным рождением той концепции общества, которая уже давно созревала в умах турок. Политика Мустафы Кемалья заключалась в том, чтобы вызвать к жизни национальный дух турок и тем обеспечить свободу турецкого народа. Для этого он должен был изгнать арабского демона, который мучил Турцию, и установить в ней мусульманскую религию.

Через несколько месяцев после избрания его в президенты газы решил упразднить халифат. Это был огромный риск: все турки были мусульманами, духовными детьми халифата. Они могли подняться на защиту святого престола, если бы Мустафа Кемаль не подыскал благовидного предлога для проведения задуманного шага. В константинопольских газетах было опубликовано письмо к республиканскому правительству с требованием, чтобы халифату оказывалось больше почтения. Письмо это было подписано двумя индийскими мусульманами, в том числе Ага ханом. Ага хан был известен в качестве приверженца англичан, пользовавшегося их дружбой и покровительством. Для Мустафы Кемалья не представило труда убедить турецкое общественное мнение в том, что письмо представляет собой тонкий ход, имеющий целью укрепление халифата подорвать турецкое национальное движение. Он весьма искусно использовал национальное чувство против религиозного в Национальном собрании. Депутаты почти единогласно потребовали упразднения халифата. Абдул Меджид и члены турецкой императорской семьи были

спешно отправлены в Европу, чтобы с ними не струсилось чего-нибудь худшего.

После этого была проведена полная секуляризация¹ Турецкого государства. Закон, отменявший халифат, устанавливал, что «устарелые религиозные суды и кодексы должны быть заменены современными научными гражданскими кодексами. Религиозные школы должны уступить место светским правительственным школам». В соответствии с этим религиозные законы шариата были заменены гражданским кодексом, заимствованным у Швейцарии, уголовным кодексом, составленным по образцу итальянского, и торговым — по образцу германского. В Анкаре была открыта высшая юридическая школа для подготовки юристов и администраторов. Школы при мечетях (медресе), которым в течение многих веков принадлежала монополия начального обучения и которые ограничивались обучением детей за зубриванию наизусть корана, были заменены государственными школами, где дети обучались чтению, письму и арифметике. Посещение этих школ было обязательно для всех детей в возрасте от 6 до 16 лет.

Конечно, нельзя было и думать, что отделение церкви от государства не вызовет никакого противодействия. В Национальном собрании приобрела силу новая политическая партия, называвшая себя «прогрессистами» и противопоставлявшая себя кемалистам. Очевидно, при поддержке прогрессистов в Курдистане вспыхнул огромный мятеж. Курды были единственным нетурецким народом, оставшимся под властью турок. Это были правверные до фанатизма мусульмане, первобытные и воинственные. В марте 1925 г. они объявили священную войну против безбожной республики, упразднившей халифат. Их религиозный пыл усилился еще более благодаря политическому недовольству, так как сорванный кемалистами Севрский договор предусматривал независимость курдов. Во главе со своими шейхами курды подвергли осаде города восточной Турции, убивая всех турок, попадавших им в руки. Анкарецкое правительство пыталось послать в Курдистан войска, но высокие горы являлись непреодолимым препятствием, а железнодорожный путь через Сирю находился в руках французов; последние же, будучи заинтересованы в нефти курдского Мосула, отказались пропустить турецкие войска. Лишь через три месяца восстание было подавлено. Мустафа Кемаль воспользовался подавлением курдского мятежа, чтобы свирепо расправиться с прогрессистами: он распустил их партию, казнил одиннадцать их вождей и создал новое послушное министерство во главе с Исметом. Но все же правительство продолжало расправу с шейхами и дервишами, стоявшими за спиной восстания. У шейхов были отняты их права и привилегии, а дервишские монашеские ордена были закрыты, и их имущество конфисковано.

Таким образом, уничтожены были последние материальные основы ислама в Турции. Статья 2-я республиканской конституции гласила, что «ислам является государственной религией Турции»; в 1928 г. эта статья была безболезненно исключена.

¹ Переход из духовного состояния в светское.— П р и м: р е д:

Социальные реформы Мустафы Кемалю. Теперь перед Кемалем стояла трудная задача—превратить Турцию с ее редким земледельческим населением в сильную и цветущую страну. Решение этого вопроса заключалось в просвещении народа. Энергичная пропаганда должна была научить турок от мусульманских суеверий, школы должны были научить их чтению и письму и разъяснить им все материальные выгоды европейской цивилизации, а техническое образование должно было ознакомить их с тем, как пользоваться машинами, как их ремонтировать и изготовлять.

Гази начал с упразднения чисто внешнего признака, отличавшего Турцию от Запада. Он решил упразднить феску, которую носили все мужчины в Турции. Сначала он ввел новый головной убор—кепи—для своей личной охраны. Затем он издал приказ о введении кепи во всей армии. После этого он сам стал появляться в панаме. Это было актом большого личного мужества. «Если бы английский король или президент Американских соединенных штатов появились публично в одежде каторжника, то это не произвело бы большого впечатления. В глазах рядового турка шляпа являлась клеймом животного, признаком нечистого, принадлежностью проклятых христиан и чужеземцев»¹. Мустафа Кемаль заявил, что феска—это признак невежества. Ношение фески было объявлено уголовным преступлением. На этой почве в ряде городов происходили волнения, но гази был неумолим. Наконец, турки отказались от сопротивления. «Они стали носить старые соломенные шляпы, неумело сшитые их женами из куска материи, шляпы, поспешно импортированные из Австрии, словом, всевозможные головные уборы с козырьками или полями, какие только торговцы могли раздобыть для них. Они носили все, что отвечало приказу гази Мустафы Кемалю...»² Упразднение фески означало разрыв с мусульманской традицией, так как мусульманин должен молиться пять раз в день с покрытой головой и при каждой молитве падать ниц, касаясь лбом земли. Как же выполнять этот ритуал, если на голове у молящегося головной убор западного фасона с козырьком или полями?

Следующим шагом по пути приобщения Турции к западной культуре было изменение положения женщины. В городах турецкие женщины согласно восточному обычаю повсюду были отделены от мужчин. Они никогда не появлялись на улице без чадры, в трамвае они сидели за перегородкой, в театре их места были отгорожены решеткой. В деревне женщины не носили чадры, но здесь они были на положении рабынь, выполнявших черную работу для своих мужей и господ. Мустафа Кемаль уже давно решил изменить все это. После взятия Смирны он влюбился в молодую турчанку, получившую образование в Европе, горячую поборницу европейских идей женского равноправия. Кемаль женился на ней и уговорил ее как первую женщину страны подать пример другим женщинам, выступая на политических митингах без чадры и в европейской одежде. Начиная с 1926 г. он взялся сам за проведение радикальных перемен в поло-

¹ Г. Армстронг, Мустафа Кемаль.

² Там же.

жении турецкой женщины. Ношение чадры было запрещено, перегородки в трамваях уничтожены, решетки на театральных галлерей сняты. Открыты были женские школы, женщины стали допускаться к участию в деловой жизни и к занятию свободными профессиями. В 1929 г. женщины были допущены к участию в выборах в органы местного самоуправления. Труднее было изменить отношение к женщине среди крестьян. Распространенный в деревне обычай многоженства, дававший крестьянам возможность иметь у себя в хозяйстве дешевую рабочую силу, находил себе оправдание в текстах корана. Мустафа Кемаль не решился запретить многоженство, но он издал указ, в котором резко осудил этот обычай. И теперь редко можно встретить турка, у которого было бы больше одной жены.

Эмансипация женщин встретила меньше сопротивления со стороны населения, чем какая-либо другая из всех проводившихся Кемалем реформ; и в то же время ни одна из них не вызвала большего внутреннего разлада. Вырванные из замкнутого круга семьи, турецкие женщины не смогли сохранить равновесия, очутившись среди созданного мужчинами бурного течения деловой жизни города. Смятение и отчаяние охватили их; в эти годы среди турецких женщин было больше самоубийств, чем где бы то ни было на свете. Внутренний разлад не миновал и собственной семьи газа: его жена, постоянно вмешивавшаяся в политику, стала для него невыносимым бременем, и он должен был развестись с ней. А его приятельница и советчица Халиде Эдиб претендовала на такую большую роль в определении политической линии, что он отправил ее в ссылку. Феминизм газа был продиктован скорее сознанием целесообразности, нежели искренним убеждением.

Оставалось еще одно крупное препятствие, мешавшее усвоению турками западных идей и методов. Это был арабский алфавит, которым писали турки. Буквы арабского алфавита невозможно передать ни на одном из западных языков, так как в нем не имеется гласных, а согласные представляют собою такие звуки, изобразить которые наши согласные не в состоянии. Мустафа Кемаль решил упразднить арабский алфавит. Он начал с предписания о том, чтобы слова арабского происхождения были устранены из турецкого языка. Затем он заперся в своем доме в окрестностях Анкары и стал изучать латинский алфавит. Когда он изучил его, он объявил, что намерен официально посетить Стамбул. С тех пор как он в последний раз приезжал в бывшую столицу, прошло уже десять лет. Тогда, в 1918 г., Мустафа Кемаль был никому неизвестный офицер, презираемый политиками и вызывавший подозрение у офицеров союзнических войск, занимавших в то время город. Сейчас он был создателем и диктатором Турецкой республики. Однако он возвращался теперь в Стамбул не в качестве диктатора, а в качестве школьного учителя. Кемаль читал своим слушателям лекции не о политике, а о латинском письме; стоя у доски, с мелом в руке, он показывал, как надо писать буквы нового алфавита. Влияние его было так велико, что идея заразила всех; пока президент объезжал страну со своей доской, министры и судьи, адвокаты и профессора, последовав его примеру, изучали новый алфавит. Вскоре после этого Национальное собрание

издало декрет, устанавливавший, что лица, не владеющие новым алфавитом, не могут занимать никаких должностей на государственной службе.

Проведя в пять месяцев реформу, которая должна была бы внедряться в течение целого поколения,гази осуществил внешнюю сторону культурной реформы, но совершенно упустил ее внутреннее содержание. Новое поколение турок легко научилось читать и писать, но оно оказалось оторванным от своего духовного наследия: написанная арабским шрифтом турецкая литература сделалась для них книгой за семью печатями. Тем не менее,гази достиг своей цели: изгнав арабские слова и арабский алфавит, заменив греческие названия городов турецкими (Константинополь стал Стамбулом, Смирна—Измиром, Ангора—Анкарой), он дал Турции язык, который был бесспорно турецким, а введением латинского шрифта он облегчил туркам восприятие западной цивилизации. Дальнейшей ассимиляции помогли такие меры, как введение грегорианского календаря, введение европейской числительной системы и позже—метрической системы.

К концу 1928 г. турецкая революция была завершена в одной области, а именно в области просвещения. Мустафа Кемаль пришел к убеждению, что мусульманская религия не содержит в себе абсолютно ничего, что могло бы способствовать прогрессу и росту деловитости и работоспособности. Он хотел добиться, чтобы эти добродетели Запада были усвоены также и турками. Для этого он должен был заставить свой народ проникнуться западной культурой в достаточной степени, чтобы достигнуть того процветания, которое было необходимо для независимости Турции. Он был достаточно умен, чтобы понять, что начинать надо с изменения понятий о законах, о женщине, об одежде и языке. Методы, которые он применял, были резкими и порою смешными, но они привели к намеченной им цели: турки начали усваивать западное мировоззрение. Теперь они были достаточно подготовлены для проведения практических реформ.

Экономические реформы. По своим природным возможностям Турция была богатой страной. Она обладала «благоприятным климатом, непочатыми источниками водной энергии, плодородными речными долинами, большими горами, полными еще не исследованных запасов минералов, лесными богатствами, обширными пространствами плодородной земли для возделывания, которые, если принять во внимание размеры страны, таили в себе большие экономические возможности, чем даже Канада»¹. Однако в действительности Турция была бедна до нищеты. Мало того, что она была разорена войной, обременена долгами и деморализована усталостью от 25 лет непрерывных войн, но ее народ не имел никакого представления о том, как развить природные богатства своей страны. Редкое сельское население (всего 9 миллионов населения на территорию в 210 тысяч квадратных миль) все еще обрабатывало землю теми же методами, которые применялись тысячу лет назад. Турки пахали деревянной сохой, бороновали бревном с прикрепленными к концу его камнями, а еще чаще применяли для этого ручной труд своих женщин. В Турции

---

¹ A. J. Toynbee and K. P. Kirkwood, Turkey.

было мало шоссейных и еще меньше железных дорог. В торговле турки ничего не понимали; они оставляли это занятие грекам и армянам, которые теперь были изгнаны из Турции.

В проведении аграрных реформ газиз подал личный пример. Он жил в окрестностях Анкары на образцовой ферме, где производил опыты, применяя новейшие методы обработки земли. Он построил у себя образцовую систему водопровода и ирригации, выращивал показательное стадо скота, для чего специально импортировал быков из Швеции, обрабатывал землю с применением тракторов, молотил и молот с помощью самых новейших западных машин. Турция не располагала большими средствами для производства подобных опытов, но она была в состоянии обеспечить существование восьми сельскохозяйственных училищ для обучения специалистов. Правительство основывало сельскохозяйственные банки для кредитования крестьян. Эти банки отпускали семена и сельскохозяйственные машины тем, кто мог представить достаточную гарантию в том, что он продуктивно использует их. Постепенно стальные плуги и тракторы стали появляться в турецкой деревне. Они имеются сейчас еще далеко не повсюду, но начало положено, и Турция уже никогда не сможет вернуться к первобытным методам обработки земли, которые применялись в Анатолии на заре истории и в период, предшествовавший рождению республики.

Для того чтобы Турция могла извлечь из своих материальных ресурсов максимум того, что они могут дать, одним аграрных реформ было недостаточно: необходимо было развить ее торговлю и промышленность. В торговом отношении Турция занимает исключительно выгодное положение, находясь на перекрестке путей между Европой и Азией. Турция производит много продуктов, на которые имеется постоянный спрос за границей: смирнские винные ягоды и турецкий табак считаются лучшими в мире, а собираемые турками урожаи хлопка и маслин во много раз превышают собственные потребности республики. Условия послевоенного мира не благоприятствовали международной торговле, но Кемалю удалось заключить выгодные торговые договоры—с Россией, Италией и даже Югославией, Румынией и Грецией. (Между прочим, договор с Венизелосом, заключенный Кемалем в Анкаре в 1930 г., означал окончание 500-летней борьбы между греками и турками.) Внутренняя торговля развивалась по мере улучшения средств сообщения. Некоторое представление о темпе этого улучшения может дать тот факт, что за каждый год своего существования республика прокладывала в среднем по 150 километров железнодорожного пути.

Только промышленность отсутствовала в общей картине экономического возрождения Турции. До создания республики в Турции фактически не было промышленности. Сейчас имеется несколько табачных и ковровых фабрик, кроме того, существует несколько государственных текстильных предприятий, изготавливающих одежду для армии и флота. Но развитие промышленности зависит от капиталовложений, а финансы являются самым слабым местом республики. Турки всегда были плохими финансистами; это факт общеизвестный. Турецкие султаны никогда не могли придумать никаких источников

пополнения государственной казны, кроме вымогательства, взяточничества и монополий. Методы кемалистов были немногим лучше. Единственная разница заключалась в следующем: вместо того, чтобы получать взятки от иностранцев и продавать им монополии, кемалисты брали деньги только от турок. Но у последних удавалось получать гораздо меньшие суммы, да и делали они за это гораздо меньше полезного для страны, чем иностранцы. Сам президент не разбирался в финансах и предоставил управление ими Исмету. Последний был почти так же несведущ в этой области. Исмет образовал государственные монополии: табачную, спичечную, спиртовую, соляную и сахарную. Но и самый лучший финансист не мог бы пустить живую кровь кредита по венам турецкой промышленности, до тех пор пока заграничные кредиты были принципиально запрещены. Промышленники жаловались, что никакое расширение промышленности без кредитов невозможно; они выражали недовольство тем, что народная партия расходует слишком много денег на армию и слишком мало на субсидирование промышленности и что она в то же время не разрешает им получать заграничные кредиты.

Кемалистская диктатура. Эти жалобы навели Мустафу Кемалю на мысль—проверить популярность принципов националистов и способности его министра Исмета, создав в стране партию оппозиции. Этот опыт должен был быть полезен еще и в том отношении, что он научил бы турецкий народ технике управления через ответственное правительство. Начиная с 1925 г. Мустафа Кемаль разрешал существование только одной партии—народной. Какая то ни была критика, устная или в печати, была воспрещена, и всякое проявление политической оппозиции считалось изменой. В 1930 г. гази разрешил Фетхи паше организовать наряду с народной вторую партию—либерально-республиканскую, и дал ему указания, чтобы он построил свою оппозицию на принятых в Англии принципах открытой критики с трибуны собраний и в печати, сохраняя дружеские личные отношения с членами правительства.

Этот опыт оказался неудачным. Турки были совершенно неспособны понять, как это настоящий правитель может поощрять такую бы то ни было критику. Они сочли это признаком слабости: должно быть, думали они, гази стал стареть и потерял свою прежнюю силу. В Национальном собрании дебаты были достаточно сдержанными; они вращались вокруг вопроса о допустимости для Турции заключения иностранных займов. Но вне стен собрания политические митинги сопровождались беспорядками. Либерально-республиканская партия Фетхи сделалась сборным пунктом для старых сил реакции, строго подавлявшихся в течение последних пяти лет. Дервиши бросили клич религиозного возрождения. В Смирне появился шейх, выдававший себя за Махди, провозвестника второго пришествия мессии. На востоке курды брались за оружие. В течение лета 1930 г. Мустафа Кемаль предоставлял оппозиции полную свободу. Это было лето открытого мятежа. Затем внезапно он обрушился на оппозицию: он запретил либерально-республиканскую партию, казнил шейха и двадцать восемь его сторонников и прогнал курдов назад в их горные деревни. Турки были в восторге.

Они увидели, что их президент действует так, как он это делал в прежнее время, и это вдохнуло в них новую жизнь. В конце концов газы—настоящий победитель; он достоин того, чтобы следовать за ним.

Мустафа Кемаль имел все основания быть довольным провалом своего эксперимента. Он задал целительную встряску Исмету, он имел возможность определить настроение общественного мнения и получил, так сказать, мандат на продолжение своей диктатуры. «Турецкий народ должен в настоящее время отказаться от политики,—заявил он в 1932 г.,—пусть он интересуется сельским хозяйством и торговлей. В течение ближайших десяти-пятнадцати лет я еще должен править. После этого я, пожалуй, найду возможным разрешить ему высказываться свободно».

Иностраный историк, который пожелал бы определить значение кемалистской революции, должен быть весьма осторожен. Ортодоксальный мусульманин горюет о материализме современных турок; он опечален видом наполовину опустевших мечетей, в которых молящиеся не снимают обуви и читают свои молитвы не по-арабски, а по-турецки; его приводят в ужас современные турецкие женщины, снявшие чадру и танцующие языческие танцы в объятиях чужих мужчин, и мужчины, приветствующие знакомых при встрече поднятием шляпы и обнажающие голову вопреки велению пророка. Однако все это не имеет существенного значения. Не имеет большого значения и то, что западные нации рукоплещут «современности» Турецкой республики: им нравится новый Стамбул, в котором трамваи ходят по расписанию и запрещено нищенство, и новая Анкара, которая из малярийной деревни с 5 тысячами жителей превращена в современный город, распланированный западным профессором для населения в 120 тысяч человек. Неважно, что думает о кемалистской революции мусульманская и христианская церковь; важно одно—совпадает ли турецкая революция с направлением естественного развития духа турецкого народа.

Турки—кочевники по происхождению: они перенесли свои шатры Стамбула в Анкару так же легко и естественно, как их предки переходили с летних пастбищ на зимние. Они—воины по своей природе: свою гражданскую борьбу против арабской культуры они вели совершенно в духе военной кампании, подчиняясь приказам военного вождя. Они—прирожденные поклонники равенства: они свергли султанскую власть и создали республику, где единственным основанием для продвижения человека на высшие должности являются его заслуги. Но прежде всего анатолийские турки—это нация. Они сбросили с себя духовные путы Востока и экономические путы Запада и при этом не порвали окончательно своей связи ни с исламом, ни с обществом западных наций. Из пепла Оттоманской империи возродился феникс турецкого народа; и эта заслуга целиком принадлежит Мустафе Кемалю.

Х. АРАБЫ И СОЮЗНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Турция никогда не могла бы так удачно устроить свою судьбу, если бы во время мировой войны союзники не отняли у нее ее арабских

областей. Намерения союзников относительно этих областей были окутаны тайной. У арабов было впечатление, что после войны их независимость будет признана державами. Поэтому-то они и дрались против турок в Геджесе и Сирии. Английский верховный комиссар в Египте сэр Генри Мак-Магон просил Гуссейна, губернатора Мекки и главу потомков пророка—шерифов, объявить арабское восстание. Гуссейн требовал, чтобы за это союзники признали независимость всего Аравийского полуострова за исключением Адена. После переговоров, во время которых были сделаны на известный период исключения также в отношении районов Басра—Багдад и Алеппо—Бейрут (в первом из этих районов Гуссейн признал интересы Англии, во втором—интересы Франции), Мак-Магон предложил от имени английского правительства «признать и оказать поддержку независимости арабов на всей территории, расположенной в границах и пределах, предложенных шерифом Мекки».

Раздел Аравии союзниками. По мере того как война продолжалась, у арабов появились основания сомневаться в искренности английских обещаний. Распространился слух, что Англия и Франция заключили тайный договор о будущем устройстве Аравии (соглашение Сайкса—Пико, май 1916 г.). В 1917 г. эти слухи были подтверждены русским большевистским правительством, которое опубликовало упомянутый договор. По условиям англо-французского соглашения, Месопотамия и два палестинских порта должны были быть переданы в управление Англии, Сирийское побережье предназначалось к передаче в управление Франции, Дамаск, Алеппо и Мосул признавались зоной французского влияния, а Палестина должна была стать международной зоной. «Арабы,—пишет Халиде Эдиб,—никогда после этого не могли оправиться от пережитого разочарования. Обещание независимости оказалось не чем иным, как разделом земель с говорящим по-арабски населением между Англией и Францией». Затем англичане опубликовали обещание евреям (декларация Бальфура), в котором они обязывались создать для еврейского народа «национальный очаг» в Палестине, т. е. в стране, которая в настоящее время уже является отечеством для живущих в ней арабов. Еще более ясным напоминанием о ненадежности союзнических обещаний являлся тот факт, что англичане распоряжались Ираком и поручили управление им офицерам своей индийской армии.

Однако, когда было заключено перемирие, арабы все еще были открыты надеждами. В конце концов не было ничего удивительного в том, что в пылу военных действий Англия могла иногда забывать свои обещания. Но ведь, так или иначе, основой мира будут четырнадцать пунктов президента Вильсона. «Решение каждого территориального вопроса, связанного с настоящей войной, должно исходить из интересов того населения, которого оно касается, и быть направленным к его благу; оно не должно быть просто следствием компромисса или улаживания претензий между соперничающими друг с другом государствами»,—так гласил третий пункт вильсоновских условий. Казалось, что он был специально составлен для того, чтобы сделать недействительным соглашение Сайкса—

Пико! Двенадцатый пункт условий шел еще дальше: «Народностям, находящимся сейчас под властью Турции, должна быть гарантирована безусловная безопасность и абсолютно беспрепятственная возможность самостоятельного развития». В то время надежды на Вильсона возлагали не одни только арабские народы.

Разочарование не заставило себя ждать. Когда представители Египта заявили о своем желании принять участие в мирной конференции, им было в этом грубо отказано. Протекторат Англии над Египтом не был отменен, наоборот, в 1919 г. он был официально признан даже Соединенными штатами. Из всех бывших областей Оттоманской империи на конференции был представлен один Геджас, и то не королем Гуссейном, мечтавшим стать правителем объединенной Аравии, а его сыном Фейсалом, открыто выступавшим против устремлений своего отца и ограничивавшим свои притязания более скромной целью—признания его собственной власти над Дамаским государством.

Для парижских миротворцев вопросы Востока имели второстепенное значение. Естественно, что на первом плане были европейские вопросы: сначала надо было произвести раздел гогенцоллернской и габсбургской империй и лишь потом можно было заняться Оттоманской империей. К тому же все без исключения делегаты великих держав имели весьма смутное представление об Аравии. Разумеется, они знали, что Аравия—это огромный полуостров, равный по размерам Индии, что он представляет собою большую пустыню, по краям которой находятся годные для возделывания полосы земли. Они знали также, что эти окраины полуострова имеют большое стратегическое и экономическое значение: Египет—благодаря Суэцкому каналу, Палестина, Сирия и Ирак—благодаря проходящим через них путям в Индию, Мосул и Персидский залив—благодаря месторождениям нефти. Но о центральной части Аравии они не имели никакого понятия; об Ибн-Сауде и возглавляемом им движении ваххабитов они, пожалуй, и не слыхали. Их советником по арабским вопросам был Т. Лоуренс, присутствовавший в Париже в качестве переводчика Фейсала. «Единственный человек, который, казалось, знал все и всех и имел доступ к «большой тройке»—Клемансо, Ллойд Джорджу и Вудро Вильсону—был Лоуренс. Не знаю, как он это устраивал, но он все время был вхож в их частные апартаменты. И так как он был чуть ли не единственным лицом, досконально знавшим все географические и расовые проблемы Востока, то надо думать, они были рады его советам».¹ Но даже Лоуренс очень мало знал об Ибн-Сауде.

За кулисами мирной конференции и в перерывах между обсуждением более жгучих тем продолжались в течение долгих месяцев всевозможные происки и интриги в вопросе о будущем Востока. Участники конференции чувствовали, что надо сдержать данные арабам обещания. Эти обещания были подтверждены совсем недавно, а именно 30 ноября 1918 г., англо-французской декларацией, уста-

---

¹ Robert Graves, Lawrence and the Arabs.

навливавшей, что «Англия и Франция преследуют цель... полного и окончательного освобождения так долго угнетавшихся Турцией народов и создания национальных правительств и органов управления, черпающих свою власть в инициативе и свободном выборе местного населения». Экономические соображения также говорили в пользу этого: английское военное министерство жаловалось, что управление Ираком обходится в 30 миллионов фунтов стерлингов в год. Английский империализм проявлял в этих вопросах большую заинтересованность. Если англичане уйдут из Ирака, то что помещает Турции захватить его? А что будет с контролем над Суэцким каналом? И что станет с претензиями Франции в Сирии?

Система мандатов. Наконец, летом 1919 г. начало вырисовываться компромиссное решение. Это решение известно под именем мандатной системы, основные принципы которой были сформулированы в 22-й статье устава Лиги наций. Мы считаем необходимым привести здесь первую часть этой статьи:

«1. Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые вследствие войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира. Благосостояние и развитие этих народов составляют священную миссию цивилизации и подобает включить в настоящий статут гарантии осуществления этой миссии.

2. Лучший метод практически осуществить этот принцип— это доверить опеку над этими народами передовым нациям, которые в силу своих ресурсов, своего опыта или своего географического положения лучше всего в состоянии взять на себя ответственность и которые согласны ее принять: они осуществляли бы эту опеку в качестве мандатариев и от имени лиги.

4. Некоторые народности, принадлежавшие ранее Оттоманской империи, достигли такой степени развития, что их существование в качестве независимых наций может быть временно признано под условием, что советы и помощь мандатария будут направлять их управление впредь до того момента, когда они окажутся способными сами руководить собой. Пожелания этих народностей должны быть прежде всего приняты в соображение при выборе мандатария».

Тогда же внесено было предложение о посылке международной комиссии для выяснения того, каковы же именно «желания этих народностей». Но Франция отказалась назначить своего представителя, вследствие чего поездка комиссии так и не состоялась. Союзные державы сами договорились о распределении мандатов: в начале 1920 г. ими было решено, что мандат на Ирак получит Англия, что Сирия, т. е. страна, лежащая между горами Тавра и Синайской пустыней, должна быть разделена на две части, причем Англия получит мандат на южную часть (Палестину) и на примыкающую к ней полосу пустыни (которая отныне становилась особым государством под именем Трансйордании), а Франция получит мандат на северную часть, т. е. на побережье Ливана и на арабское королевство Дамаска, королем которого был Фейсал. Название Сирии сохранялось только за этой северной частью.

Мандатная система должна была гарантировать стратегические и экономические интересы западных держав.

Среди обещаний, данных арабам, было далее предоставление королевских престолов членам династии шерифов. Сам Гуссейн, которому теперь шел уже шестьдесят седьмой год, был официально признан королем Геджаса. (Союзникам это было не страшно, так как в экономическом отношении Геджас не был самостоятельным, а всецело зависел от паломников, приезжавших ежегодно в святые места морским путем, т. е. через порты Красного моря или по железной дороге.) Старший сын Гуссейна—Али должен был унаследовать после него трон Геджаса. Его второй сын—Абдулла намечался на трон подмандатного Англии Ирака. Третий его сын Фейсал был королем Дамаска. Таким образом, союзники оказали почет семье пророка на его родине.

Никаких шагов к тому, чтобы вознаградить—хотя бы только для виду—остальных подданных Оттоманской империи, помогавших союзникам в мировой войне, предпринято не было. Армяне, которым была обещана автономия, были отданы на милость турок, что на деле привело к массовой резне. Соединенные штаты отказались принять мандат на Армению. Египтяне были оставлены под протекторатом Англии. Король Неджда Ибн-Сауд оказался окруженным своими врагами—шерифами.

Так победоносные союзники разделили в 1919 г. и в первые месяцы 1920 г. владения Оттоманской империи. Такое решение вопроса не разрешило ничего. Сами его авторы не надеялись, что установленный ими порядок будет продолжительным, но они не думали, что решение их окажется столь неудачным, как это показала действительность.

Французы в Сирии. Принимая мандат на Сирию, Франция определенно шла в разрез с желаниями туземного населения. Никто не знал, к чему стремились три миллиона жителей Сирии: между мусульманскими крестьянами и землевладельцами, между горцами из Джебель-Друза и ливанскими купцами существовали расовые, экономические и религиозные противоречия, делавшие какое бы то ни было общее соглашение между ними по вопросу о форме правления невозможным. Но зато было отлично известно (благодаря американской комиссии по обследованию положения в Сирии), что все сирийцы были против мандата и что если их все же вынуждали соглашаться на мандат, то они предпочли управление любой другой страны, кроме Франции. Таким образом, французам приходилось вводить мандатный режим силой и силой же поддерживать его.

В августе 1920 г. военная экспедиция под командованием генерала Гуро выгнала Фейсала из Дамаска и объявила существовавшее два года арабское королевство ликвидированным. Вместо королевской власти Франция организовала военное управление. «Разделяй и властвуй»,—такова была политика французов. Они разделили свою подмандатную территорию на пять отдельных государств: Ливан, Латакию, Александретту, горную область, названную ими государством Джебель-Друз, и на более обширную область вокруг Дамаска, которую они называли «государством Сирии». Каж-

дое из этих пяти государств имело свои органы управления, свой бюджет, свой флаг; связь между ними была ничтожна, их объединяли только французские офицеры и чиновники и общая валюта — обесцененные французские франки.

Сирийцы были возмущены таким разделом их страны и встревожены тем расположением, которое французы оказывали христианскому меньшинству. В одном районе за другим отдельные группы мусульман поднимали мятежи; но первое серьезное сопротивление оказали французам мужественные племена друзов. В 1925 г. французы пригласили несколько вождей друзов в Дамаск на конференцию и там предательски заключили их под стражу. Это вызвало общее восстание друзов, к которым присоединились также дамаскинцы. Французы ответили бомбардировкой Дамаска, этого старейшего города в мире. В «Таймсе» от 27 октября был напечатан рассказ очевидца бомбардировки: «Сорокавосемичасовая бомбардировка и грабежи мародеров оставили, как и следует ожидать, тяжелые следы. Весь район, расположенный между Гамидие и Прямой улицей, превращен в развалины. Гамидие нанесены значительные повреждения, но гораздо хуже разрушения, причиненные Прямой улице. Ее навес из листового железа в центральной части улицы был сорван и отброшен на сто ярдов, а в другом месте он повис, как часть потерпевшего аварию аэростата. На обоих базарах все лавки были разрушены снарядами тяжелых орудий или пулеметами пробивавшихся через город танков, изрешетившими все железные ставни лавок, либо же уничтожены огнем...»

Восстание было подавлено лишь через несколько месяцев — когда численность французских войск в Сирии была увеличена до пятидесяти тысяч человек, и деревни, в которых, по имевшимся предположениям, должны были скрываться повстанцы, были сожжены посланными для этого сенегальцами.

Методы подавления восстания друзов вызвали такое возмущение во всем цивилизованном мире, что Франции пришлось назначить губернатором Сирии выдающегося политика Анри де Жувеналья, который счел необходимым заявить мандатной комиссии Лиги наций, что Франция ставит себе целью заменить мандат постоянным договором с сирийским народом. Теперь впервые появилась возможность сотрудничества сирийцев с французами. Принцип, установленный мандатной комиссией и позже примененный также англичанами в Ираке, заключался в том, что мандатарий должен организовать свободные выборы в учредительное собрание, которое само вырабатывает основной закон. Когда закон этот и созданное на его базе правительство будут признаны французами, Франция сможет предложить сирийцам подписать мирный договор. Англичане подписали свой договор с Ираком в 1923 г., даровав Ираку независимость и предоставив его королю Фейсалу самостоятельно решить, какие английские силы должны на будущее время оставаться в его королевстве.

Де Жувеналь сделал свое заявление в 1926 г. Лишь через два года после этого было созвано учредительное собрание, затем французы отказались признать выработанный собранием основной закон. Только в ноябре 1933 г. Франция внесла проект договора на рассмот-

рение сирийской палаты депутатов. Палата собралась в полном составе: она состояла из 53 умеренных депутатов, относившихся благожелательно к французскому правительству, и лишь из 27 националистов. И тем не менее, договор был отклонен: против него голосовало 46 депутатов. В этом договоре было кое-что такое, чего не могли переварить даже умеренные. Так, французы настаивали на том, чтобы существующее деление Сирии на пять отдельных государств было сохранено и чтобы за Францией было оставлено право содержать в Сирии такое количество военных лагерей, казарм, аэродромов и войск, какое она сама сочтет необходимым.

Англичане и евреи в Палестине. Политика англичан в Палестине потерпела такой же провал, как и политика Франции в Сирии. Арабы ненавидели французов, но еще большую ненависть они питали к англичанам. В Сирии население более или менее представляло себе свое будущее: французы были последовательны в своем империализме. Но в намерениях англичан в Палестине трудно было разобраться; англичане утверждали, что они преследуют интересы арабов, но при этом проявляли благожелательное отношение к иммиграции в Палестину евреев, переселявшихся туда со всех концов света, и рассматривали их как привилегированную часть населения страны.

Большинство этих евреев были сионисты, т. е. принадлежали к организации, ставящей себе целью превратить Палестину в еврейский национальный очаг, в средоточие устремлений разбросанных по всему миру двенадцати миллионов евреев: Идея сионизма зародилась у некоего доктора Герцля, когда он присутствовал в качестве корреспондента на разбирательстве дела Дрейфуса в 1894 г. В течение тридцати лет сионистскому движению удалось поселить на святой земле около ста тысяч евреев. Еврейская иммиграция не беспокоила арабов: они знали, что евреи едут в Палестину, спасаясь от преследований, и лишь только они станут обременительны для страны, их можно будет выселить оттуда. Недоразумения и раздоры начались тогда, когда иностранная держава взяла сионизм под свое покровительство.

Англия проявляла интерес к сионистскому движению еще до войны. Она тогда предложила евреям в качестве национального очага Уганду. Вождь сионистов доктор Вейцман твердо стоял на том, что только Палестина может удовлетворить духовные нужды его народа, и английское предложение было отвергнуто. Во время войны Вейцман сделался необходимым человеком для англичан: «Работая для адмиралтейства,—пишет сионист лорд Мельчет,— Вейцман усовершенствовал свой искусный и сложный способ перегонки спирта из дерева. В то время подводная кампания немцев и вся ненормальная обстановка войны делали невозможным получение достаточного количества спирта; а между тем, этот продукт был абсолютно необходим для изготовления взрывчатых веществ. Ллойд Джордж сам рассказывает об этом в своих мемуарах. Он говорит, что это был один из серьезнейших кризисов, с которыми нашему министерству снабжения приходилось сталкиваться во время войны, и что нас спас блестящий талант доктора Вейцмана».

2 ноября 1917 г. английское правительство опубликовало зна-

менитую декларацию Бальфура: «Правительство его величества относится благожелательно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа. Оно приложит все усилия к тому, чтобы облегчить достижение этой цели. При этом, однако, не должно быть предпринято ничего, что могло бы нанести ущерб правам существующего нееврейского населения в Палестине или правам и политическому положению евреев в других странах».

Англия приняла от Лиги наций мандат на Палестину на базе декларации Бальфура: она взяла на себя обязательство «обеспечить создание еврейского национального очага, обеспечить сохранение арабского национального очага и подготовить все население Палестины в целом к искусству самоуправления». Это была настоящая утопия.

Эта попытка потерпела неудачу. Арабы продолжали ненавидеть евреев, видя в них неверных, эксплуатирующих их страну, а сионисты ненавидели «выродившихся» арабов. При этом те и другие выражали резкое недовольство англичанами, вся политика которых была настолько нерешительна, что казалась лицемерной.

С момента заключения перемирия до передачи им мандата англичане управляли Палестиной при помощи военных властей, благожелательно относились к арабам (их союзникам по кампании 1918 г.) и не доверяли евреям. Затем в 1920 г. в Иерусалим был послан сэр Герберт Сэмюэль, которому поручено было придерживаться условий мандата. Арабы отказывались признавать мандат. В Иерусалиме и Яффе вспыхнули серьезные беспорядки. А когда в 1923 г. Сэмюэль назначил всеобщие выборы, мусульманские круги сорвали их, отказавшись принимать участие в голосовании.

Следующий верховный комиссар добился больших успехов. Арабы оценили личные достоинства лорда Плэмера. Когда бум 1925 г. сменился экономическим кризисом и много евреев обанкротилось и поспешно покинуло страну, арабы были в восторге: им казалось, что остается только спокойно ждать, и сионизм исчезнет сам собой. Но период спокойствия был непродолжителен. Когда в июле 1929 г. лорд Плэмер оставил свой пост и экономический кризис в Палестине окончился, в Иерусалиме произошли кровяные столкновения между арабами и евреями. Наконец, английский правительство поняло, что арабы действительно имели основания быть недовольными. В Палестину была послана следственная комиссия, и в результате ее работ министр колоний лорд Пасфилльд опубликовал «Белую книгу», в которой проводилась мысль о необходимости ограничения еврейской иммиграции. Необходимость эта обосновывалась ссылкой на содержащееся в декларации Бальфура обещание о том, что «не будет предпринято ничего, что могло бы нанести ущерб правам нееврейского населения Палестины». «Белая книга» вызвала бурю протеста со стороны влиятельных евреев. Рамзей Макдональд склонился перед натиском этой бури и написал доктору Вейцману письмо, в котором дал такое смягчающее толкование «Белой книги», что от нее ничего не осталось. Эти колебания не усилили английского престижа в Палестине.

Между тем, арабы продолжали питать недовольство. Палестина,

говорили они, принадлежит нам. Арабы пока еще составляют в стране большинство: на одного еврея приходится шесть арабов. Они платят теперь Англии два с половиной миллиона фунтов стерлингов дани, тогда как раньше они платили туркам только сто восемьдесят тысяч фунтов. Они не осмеливаются напасть на евреев, так как за их спиной стоят англичане. Между тем, англичане не скоро откажутся от власти над Палестиной. Они затратили на переоборудование Хайфского порта и на сооружение нефтепровода Ирак—Хайфа миллион фунтов стерлингов. Когда в 1933 г. Хайфский порт был открыт, арабы устроили беспорядки в Иерусалиме. Беспорядки были легко подавлены; тем не менее, их организаторы достигли своей цели, продемонстрировав недовольство арабов перед всем миром.

Арабы Палестины не могут рассчитывать на помощь своих братьев в пустыне. Английский мандат на Палестину включал мандат на Трансиорданию. Но здесь англичане провозгласили королем второго сына Гуссейна, Абдуллу (намечавшаяся кандидатура Абдуллы на трон Ирака отпала). Англичане выстроили прекрасный дворец для Абдуллы в Амани и превосходные аэродромы и гаражи для своих бомбовозов и броневиков. Затем в 1925 г. они захватили территорию вокруг Маана и Акабы и присоединили ее к Трансиордании. Таким образом Палестина была отделена от пустыни. В Трансиордании нет евреев, но там нет и арабской независимости, так как действительным правителем страны является британский резидент в Амани.

Мандатная система обанкротилась в Сирии и Палестине прежде всего потому, что для мандатариев обладание этими странами имело особо серьезное значение. Сирия и Палестина снова становились тем, чем они были в средние века, т. е. важнейшим торговым путем между Востоком и Западом. Для мандатариев было чрезвычайно важно держать в своих руках новейшие автомобильные и воздушные пути, соединяющие Средиземное море и Персидский залив, держать в своих руках новые нефтепроводы. Во-вторых, мандатная система обанкротилась потому, что как Франция, так и Англия поддерживали меньшинство: в одном случае христиан, а в другом евреев, вместо того чтобы поддерживать арабское большинство. По той же причине потерпела неудачу английская политика поддержки династии шерифов в Геджасе.

Саудия. Восстанавливая потомка пророка на королевском престоле Священной области, Англия рассчитывала заслужить одобрение мусульманского общественного мнения. В действительности же результат получился совершенно обратный, «Гуссейн,—пишет Фильби в своей книге «Аравия»,—стал на путь деспотизма. Он сохранял внешние формы современного управления, совершенно вытравив его существо. Все управление Геджасом было сосредоточено в руках короля. Всякий служащий государственного аппарата заранее считался казнокрадом; ему не платили ничего или платили очень мало, предполагая, что все, что ему нужно для себя, он удержит из проходящих через его руки казенных доходов. Сам король лично заведывал государственным телеграфом, телефоном и радио,

(последнее частью осталось в стране со времени войны, частью же было развито самим королем). Весь автомобильный транспорт, на который возлагались большие надежды, как на средство поднятия благосостояния страны, был забронирован для исключительного пользования короля. Аэропланы давно вышедших из употребления типов приобретались по высоким ценам, а потом стояли без употребления и покрывались ржавчиной, так как король никогда не подписывал предлагавшихся ему на утверждение договоров на закупку запасных частей и принадлежностей, подозревая всякий раз какое-нибудь мошенничество. Армия сидела на голодных пайках и большей частью не получала жалованья. К министрам король относился так, как если бы они находились в личном услужении у него. Представителям иностранных государств оказывалось весьма мало уважения. Однажды дело дошло до такого комического случая: король, увидев в бинокль, что на поле для игры в гольф в землю вколачивались маленькие красные флажки, которые должны были указывать расположение ямок, тотчас же послал одного из своих адъютантов снять эти оскорбительные эмблемы. Короче говоря, к 1924 г. методы управления Геджасом сделались притчей во языцех. Народ стонал под игом тирании, спастись от которой было невозможно, так как она, повидимому, пользовалась покровительством Англии. Почти все население с сожалением вспоминало о спокойном житье при старой турецкой власти).

В 1924 г. покровительство Англии было лишь кажущимся, так как Гуссейн претендовал на то, чтобы быть королем всех арабских стран, и отказывался признавать мандаты. Это был отважный старик, упорно рассматривавший полученные им от Англии за время с 1916 по 1919 г. шесть миллионов фунтов стерлингов как законно причитавшееся ему вознаграждение за оказанную им помощь в войне, а не как взятку за будущее подчинение.

Между тем, в Центральной Аравии появился вождь, имевший, пожалуй, больше оснований возражать против притязаний Гуссейна на верховное господство над всей Аравией, чем англичане. В XVIII в. секта арабов из оазисов Неджда возглавила движение в пользу возрождения наиболее чистой формы мусульманской религии. Ваххабиты, как они назывались по имени своего основателя, отказывались признавать власть халифа и все позднейшие дополнения к учению пророка. Они требовали буквального соблюдения всех велений корана и в том числе содержащегося в коране запрещения бриться и курить табак, играть в карты и пить вино, одеваться в шелка, золото и серебро, носить всякого рода украшения и заниматься колдовством. Ваххабиты покорили Центральную Аравию и овладели «священными городами» Геджаса. Но это было уже очень давно. Впрочем, живущее поколение еще помнит то время, когда последний ваххабитский правитель был изгнан из Неджда: это было в 1885 г. Сын этого правителя Абдул Азиз II Ибн-Сауд рос в нищете на берегах Персидского залива. Когда отец его удалился в изгнание, ему было всего пять лет. Но он рос с печатью вождя на челе. Он вырос и в буквальном смысле слова: Ибн-Сауд был ростом в шесть с половиной футов и сильно выделялся среди малорослых арабов.

Когда Ибн-Сауду исполнилось 22 года, он покинул берега Персидского залива и, собрав небольшое войско из своих соплеменников, взобрался на стены столицы Неджда, захватил турецкий гарнизон врасплох и овладел городом. В течение следующих десяти лет Ибн-Сауд сделался крупным военачальником. Турецкое правительство решило, что есть смысл платить известную сумму королю Геджаса Гуссейну, чтобы тот выступил походом против Ибн-Сауда. Гуссейн взял в плен брата Ибн-Сауда, вынудил Ибн-Сауда признать верховную власть турок и уплатить в качестве подарка Гуссейну тысячу фунтов стерлингов. Это было в 1912 г. С тех пор началась непримиримая вражда между шерифом и ваххабитами.

В том же 1912 г. Ибн-Сауд основал организацию, которой, даже не будь всех других его достижений, было бы достаточно, чтобы увековечить его имя в истории арабского народа. Сторонниками Ибн-Сауда были кочевые племена, странствующие по пустыне от одного источника к другому. В периоды засухи или голода у них был только один способ избежать смерти—это разбойничьи набеги на источники других ваххабитских племен или их соседей и набеги на караваны путешественников, идущих на поклонение святым местам. Ибн-Сауд поставил себе задачей, во-первых, распространить учение ваххабизма и, во-вторых, прекратить разбойничьи набеги. Решение этой задачи он нашел в создании ордена военных рыцарей—ихванов, или «братьев». «Братья» должны были нести военную службу в войсках Ибн-Сауда и в перерывах между походами заселять относительно более плодородные уголки пустыни и заниматься там земледелием. Эти колонии ихванов были в одно и то же время военными гарнизонами, сельскохозяйственными поселениями и религиозными школами для распространения ваххабизма. Первая такая колония была основана в 1912 г.

В 1913 г. Ибн-Сауд отомстил туркам, захватив Эль-Хассу и расширив владения ваххабитов до Персидского залива. В мировой войне союзники купили нейтралитет Ибн-Сауда, уплачивая ему по пять тысяч фунтов стерлингов в месяц. Это было во много раз меньше того, что они платили за нейтралитет его врагу Гуссейну. Но он нуждался в деньгах и удовлетворился уверениями англичан, что материальная поддержка, оказываемая ими шерифу, не будет использована против ваххабитов. Эти обещания были нарушены летом 1918 г., когда войска Гуссейна три раза нападали на оазис Хурмы, в котором жили ваххабиты. Но Ибн-Сауд не остался в долгу: внезапной атакой он занял Хурму и чуть не захватил в плен сына Гуссейна Абдуллу, который позорно бежал из города в одном белье.

Завоевание Гаила в 1921 г. расширило владения Ибн-Сауда до границ Иракского королевства. Англичане поняли, что настало время договориться с ваххабитами. Была созвана конференция в Кувейте, но никакого соглашения на ней достигнуть не удалось. Ибн-Сауду не нравилась политика англичан, посадивших членов дома шерифов на престолы Трансиордании, Ирака и Геджаса, а Англия была недовольна набегами ваххабитских племен на границы Ирака. «Ибн-Сауд должен был бы отмежеваться от действий своих

приверженцев. Это будет единственный верный выход из положения, иначе мы фактически окажемся в состоянии войны с ними», — так писала Гертруда Белл в 1922 г. С тех пор Англия все время фактически состояла в войне с Ибн-Саудом.

Когда в начале 1924 г. Мустафа Кемаль упразднил османский халифат, Абдулла, этот наименее уравновешенный из сыновей Гуссейна, уговорил своего отца принять на себя звание халифа. В то же самое время Англия перестала платить Гуссейну и Ибн-Сауду за их нейтралитет. Таким образом, у Ибн-Сауда была двойная причина для нападения на шерифа. Он задумал повести наступление одновременно в трех местах. В Трансиордании и Ираке ваххабиты потерпели неудачу: английская авиация без труда уничтожила своими бомбами караваны их верблюдов. Но в Геджасе английской авиации не было. Ибн-Сауд оттеснил армию Али до Дждды на берегу Красного моря. Старый шериф — ему было теперь уже семьдесят лет — бесстрашно оставался в Мекке, но в конце концов его убедили отречься. Ибн-Сауд прибыл в Мекку. Но он не вступил в нее торжественно, как подобает победителю, а вошел пешком в простом плаще смиренного паломника. В это лето верующие, совершавшие паломничество в Мекку, удивлялись спокойствию, царившему в священном городе; спокойствие это обеспечила им наиболее пуританская секта мусульманского мира.

Теперь Ибн-Сауд был владыкой Геджаса и Неджда. Не было ничего труднее, чем слить эти два королевства воедино. Племена Центральной Аравии были исконными врагами Геджаса. Они только и мечтали о том, как бы совершить набег на священную землю и перебить космополитические банды паломников, осквернявших Мекку своим табаком, вином и пышностью своих богатых нарядов. Ибн-Сауду приходилось сдерживать своих соплеменников. Он держал их на привязи и в то же время все больше и больше раздражал их: он разрешил постройку железной дороги Дждда — Мекка, организовал автобусное сообщение со священными городами и проводил различные мероприятия по охране здоровья и созданию различных удобств для паломников. В результате всего этого в 1927 г. число паломников достигло небывалых размеров: сто тысяч верующих посетили Мекку. «Братья» были оскорблены в своих лучших чувствах. Ибн-Сауд, говорили они, изменил своим ваххабитским идеалам; он занимается нечестивым колдовством, сооружая в Аравии радиостанции и разъезжая в автомобилях. На это Ибн-Сауд мудро отвечал: «Сейчас мусульмане пробуждаются от векового сна. Они должны владеть двоякого рода оружием: это, во-первых, благочестие и повиновение богу, во-вторых, такие материальные орудия, как аэродромы и автомобили». С этой точкой зрения Ибн-Сауда согласился весь мусульманский мир, за исключением «братьев». Они подняли восстание и своими набегами на пограничные районы Ирака продемонстрировали свое пренебрежительное отношение к заключенным Ибн-Саудом договорам с англичанами. Англичане помогли Ираку: с помощью своей бомбардировочной авиации они отогнали захватчиков обратно в Неджд, где Ибн-Сауд, наконец, перебил их вождей и заставил «братьев» изъявить ему покорность.

Наконец-то Геджас и Неджд были действительно объединены. Теперь Ибн-Сауд был властелином всей Аравии от Красного моря до Персидского залива, от Индийского океана до Сирийской пустыни. Сейчас главной опасностью для него представляли находившиеся под английским протекторатом государства, которые полукругом охватывали его северные границы. В 1924 г. он прорвал это кольцо и захватил полосу земли между Транспорданией и Ираком; но англичане заставили его отказаться от нее. Ибн-Сауд обладал важнейшим для деспота качеством: он знал пределы своих возможностей и понимал, что против англичан он бессилен. Поскольку англичане уже обосновались на территории, соединяющей Палестину с Персидским заливом, поскольку они провели через нее свои нефтепроводы, властелину Аравии пришлось сдерживать свой гнев и заключить добрососедские договоры со своим врагом Абдуллой в Транспордании и с другим своим врагом, Фейсалом и его сыном, в Ираке. Это было неизбежно. Единственная возможность экспансии представлялась на юге, где мусульманский правитель Йемена еще сохранял независимость своего государства. В 1934 г. Ибн-Сауд покорил Йемен.

«Воистину, — сказал пророк Магомет, — в начале каждого поколения бог будет посылать своему народу человека, восстанавливающего учение божие». Ибн-Сауд был таким человеком. Пусть ваххабиты осуждают его за то, что он осквернил себя колдовством современной цивилизации, за то, что он разделил трапезу с дьяволом, основав гарантированный египетским правительством государственный банк и разрешив Англо-американский нефтяной компании производить нефтяные разведки в его владениях. Мировой экономический кризис лишил мусульман Египта, Индии и Ост-индских островов, возможности совершать паломничество в обычных размерах и резко сократил доходы Геджаса; это заставило Ибн-Сауда пойти на уступки. Но ни послевоенные проекты англичан, стремившихся превратить Аравию в английский протекторат, ни даже мировой кризис не помешали Ибн-Сауду добиться признания его королем Саудии, как единственного правоверного сына пророка, властвующего над обширным королевством.

XI. НОВОЕ КОРОЛЕВСТВО ИРАК

Ирак — новое слово для нашего уха. До войны он назывался Месопотамией и был известен лишь в качестве предполагаемого местоположения библейского эдема и в качестве средоточия трех мощных цивилизаций древнего мира. Во время войны Ирак приобрел известность как место, где английские войска под командованием генерала Таунсенда понесли поражение и где в конце концов англичане одержали победу, отвоевав Багдад у турок в марте 1917 г. Но и тогда никто еще не знал как следует этой страны; государственные деятели союзников, как и широкая публика, имели слабое представление о положении, и о проблемах Месопотамии.

Английское владычество 1918—1920 гг. В 1918 г. фактическое положение в Ираке было таково. Англичане завоевали три турецких

провинции—Ба́сру, Багдад и Мосул—с территорией, равной половине Соединенного королевства, и с населением в два миллиона иракских арабов, полмиллиона курдов и около двухсот пятидесяти тысяч айсоров-христиан. Турки были изгнаны из Месопотамии. Вместо турецкой власти полковник Вильсон создал новый административный аппарат, находившийся в руках английских чиновников. Начальство Вильсона в Лондоне не имело единой точки зрения в вопросе о том, какой политики следует придерживаться: каждое из трех министерств—министерство иностранных дел, министерство по делам Индии и военное министерство—имело свой проект будущего устройства Ирака. Сами обитатели Ирака не имели определенного плана; для них было ясно лишь одно—они не хотели менять старый деспотизм турок на новый деспотизм англичан. И только Вильсон точно знал, к чему он стремился: он хотел, чтобы Ирак был под английским протекторатом. «Если мы хотим,—писал он,—чтобы наша арабская политика увенчалась успехом, мы должны как можно скорее укрепить другие политические узы и вести нашу торговую политику в соответствии с этой целью. Если мы построим железные дороги, соединяющие Ирак с Сирией и Египтом, если мы дадим населению хорошие дороги, дешевый телеграф, обильную литературу и хорошие школы и университеты... тогда, я надеюсь, нам удастся чего-либо добиться. Но без этих прочных уз мы никак не сумеем побороть арабскую замкнутость». Вильсон поставил перед собой грандиозную задачу—восстановить порядок и создать материальное благополучие в стране с первобытной экономикой, в стране, не имеющей никаких современных средств сообщения кроме 650 миль железнодорожного пути и 10 миль мощных битым камнем дорог, и к тому же оккупированной огромной иностранной армией. Он работал с наполеоновской энергией; организованное им управление безусловно стояло на должной высоте. Но за последние двенадцать месяцев деятельности Вильсона (он был отозван в 1920 г.) Ирак обошелся английскому правительству в тридцать с лишним миллионов фунтов, а арабская «замкнутость» осталась такой же, какой она была раньше.

Больше того, когда в Багдаде было объявлено, что Англия получает мандат на Ирак, жители Ирака подняли восстание. В арабском переводе слово «мандат» однозначуще со словом «подчинение». Значит Ирак будет находиться в подчинении у англичан, и все обещания союзников были обманом! Туземцы перерезали английских должностных лиц в местностях, расположенных в глубине страны. Весь район Среднего Евфрата сбросил в себя власть англичан.

Совершенно ясное представление о положении в Ираке английская публика получила из письма Лоуренса, напечатанного в газете «Таймс» от 22 июля 1920 г. «Нет ничего удивительного,—писал Лоуренс,—что за два года терпение обитателей Ирака истощилось. Правительство, которое мы установили в Ираке, является по своей форме английским. Его делопроизводство ведется на английском языке. В его штате имеется четыреста пятьдесят служащих англичан и нет ни одного ответственного месопотамца. Во времена турок 70 процентов гражданских чиновников были туземцы. Наша восьмидесяти-

тысячная армия в Ираке занята не охраной границ, а несением полицейских обязанностей. Она наводит страх на местное население, чтобы держать его в повиновении. При турецкой власти расположенные в Месопотамии два армейских корпуса имели в своем составе 60 процентов арабов среди офицеров и 95 процентов— среди остальных чинов. Устранение местного населения от участия в защите страны и в управлении ею вызывает обиду и раздражение».

Мандат. В боях, происходивших в промежуток времени от июля до октября, было убито свыше двух тысяч англичан и индусов; потери арабов оценивались в 8 450 человек. Выход из положения заключался в том, чтобы предоставить арабам возможность управлять своей страной. В октябре сэр Перси Кокс заменил полковника Вильсона на его посту в Багдаде и немедленно предложил нескольким виднейшим гражданам Ирака сформировать кабинет. Образованное таким образом министерство было первым арабским правительством в Месопотамии за все время с XIII в. «Да здравствует арабское правительство! Предоставьте арабам ответственность и доверьте им вести их собственные дела. Они справятся с ними в тысячу раз лучше, чем это сделали бы мы»,—так писала Гертруда Белл; никто из европейцев, кроме разве Лоуренса, не знал арабов, лучше ее. Самоуправление, предоставленное англичанами Ираку, было весьма ограниченным. На конференции в Каире в 1921 г. министр колоний Уинстон Черчилль принял решение отозвать английскую армию из Ирака. Но он заменил ее английскими воздушными силами: авиация является гораздо более действенным и в то же время более дешевым орудием для поддержания порядка в этой стране. Кроме того, на конференции было решено, что Ирак получает короля-араба. Когда местное общественное мнение раскололось в вопросе о выборе короля, англичане выслали кандидата «националистов» и тем обеспечили принятие выдвинутой ими кандидатуры шерифа Фейсала.

Король Фейсал. Жизнь Фейсала была полна трудностей. В дни своего детства он был фактическим пленником султана Абдул Гамида в Стамбуле. Затем он жил в Геджасе, под властью своего грозного отца. Позже он руководил арабским восстанием и, наконец, нес тяжелое бремя в качестве короля Дамаска до тех пор, пока не был низложен французами. Однако ничто не могло сравниться с теми трудностями, с которыми он столкнулся, сделавшись королем Ирака. Как ставленник англичан Фейсал, разумеется, вызывал подозрения в глазах своих новых подданных. Как бывший король Дамаска он возбуждал ненависть у своих французских соседей Сирии. Как правоверный мусульманин-суннит он не мог пользоваться доверием у арабов Ирака, которые были шиитами, и теперь, когда Ирак был под властью государя-суннита, опасались посягательства на неприкосновенность их священных городов на Евфрате. А как член дома шерифов он был врагом своего другого соседа, Ибн-Сауда в Неджде.

В этой обстановке Фейсал действовал с поразительным искусством. Это был человек большого природного достоинства и исклю-

чительного терпения и такта. Он никогда не отклонялся от своей основной политической линии, которая состояла в том, чтобы создать арабское национальное государство, уважаемое его соседями и пользующееся поддержкой англичан. Когда министерство колоний телеграммой предложило Фейсалу, чтобы он в своей коронационной речи упомянул, что высшей властью в стране является английский верховный комиссар, Фейсал отказался сделать это, решительно указав, что он—независимый государь, состоящий в договорных отношениях с Англией; такой характер взаимоотношений между Англией и Ираком получил официальное подтверждение в договоре 1923 г. После этого Франции было уже неудобно продолжать отказывать Ираку в своем признании: в 1925 г. было подписано франко-иракское соглашение, разрешавшее транзитную торговлю между Ираком и Сирией. Затем был заключен договор с Ираном. Фейсал обнаружил свои добрые намерения по отношению к шиитам и раздобыл достаточно денег для сооружения дороги, которая должна была соединить Багдад с Тегераном. Труднее было достигнуть примирения с Ибн-Саудом: установление границы посреди пустыни—всегда дело довольно трудное, но когда к тому же одна из сторон настаивает на постройке аэродромов у границы, переговоры не могут не быть напряженными. Впрочем, в 1930 г. состоялось личное свидание Фейсала с Ибн-Саудом, и с тех пор между обоими государствами установились сравнительно мирные отношения.

Движение в пользу усвоения современной культуры, охватившее в послевоенные годы все мусульманские страны, не могло не захватить Ирака. Новое королевство не могло позволить себе игнорировать западную технику, без которой оно должно было бы оставаться бедной страной кочевников и земледельцев, легкой добычей для любого вооруженного агрессора. Фейсал понял это; он поощрял введение западных методов повсюду, где они не противоречили соблюдению мусульманской религии. Он подавал личный пример, путешествуя в автомобиле и на самолете, хотя до войны жители Ирака никогда не видели автомобиля, а аэроплан большинство их до сих пор считает дьявольской птицей. Он носил европейскую одежду и послал своего младшего брата Зейда и его сына Гази учиться в Англию. Свою жену и дочь он держал в восточном затворничестве: потому что пророка не подобало доходить до тех крайностей, до которых дошли в своем подражании Западу турки.

Проблема Мосула. Одну проблему так и не удалось разрешить Фейсалу: мы говорим о проблеме Мосула. Мосульская область, в течение многих веков находившаяся под властью турок, была в 1916 г. обещана Франции. Когда Мосул был включен в состав подмандатной территории Ирака, французы согласились отказаться от своих претензий на него лишь при условии, что им будет выплачиваться четвертая часть прибыли от нефтяных разработок. Для эксплуатации мосульских месторождений нефти была основана Иракская нефтяная компания. Вложения западных капиталистов в это предприятие быстро достигли цифры в десять миллионов фунтов стерлингов. Через Сирийскую пустыню был проложен нефтепровод, чтобы отправлять по нему нефть в Хайфу и Триполи. Финансовое

благополучие Иракского королевства зависело от отчислений, которые Иракская нефтяная компания должна была вносить ему из своих прибылей.

В древние времена Мосульская область была территорией Ассирийского государства; арабской землей она никогда не была. Большинство ее обитателей были курды. На этом основании турки, в своем национальном обете отказавшиеся от всех притязаний на области Оттоманской империи с говорящим по-арабски населением, заявили после войны претензию на возврат им Мосула. Они хотели объединить полмиллиона курдов Мосула с тремя миллионами курдов, живущих к северу от горного хребта Зога, и подчинить их турецкой власти. С другой стороны, союзники в Севрском договоре признали, что Северный Курдистан должен стать независимым государством, к которому мосульские курды смогут при желании присоединиться. После того как ратификация этого договора была отклонена, союзники изменили свою политику. Теперь они заявляли, что Мосульская область стратегически необходима новому иракскому государству. Для курдов такая точка зрения являлась тяжелым ударом: они были с незапамятных времен врагами месопотамских арабов и предпочитали турецкую зависимость подчинению Ираку. Курды мужественно сопротивлялись иракскому владычеству. Они были отличными бойцами, однако на этот раз борьба была для них непосильной. Англичане с помощью айсоров захватили Мосул и назначили правительство из английских чиновников. Таким образом, курды очутились между двух огней—империализма Франции и Англии, с одной стороны, и нарождающегося нового национализма Турции, Ирака и Ирана (в котором живет семьсот тысяч курдов)—с другой. Прекрасной курдской расе, потомкам древних мидян, угрожала опасность полного уничтожения.

Айсоры-христиане. Подобная же судьба ожидала и другую расу, которую военные нужды Англии забросили во время войны на территорию Ирака. До войны около сорока тысяч айсоров жили в Турции. Они вели тяжелое существование христианской народности, окруженной мусульманами. Но они гордились своей религией, представляющей собою несторианскую ветвь, и не обнаруживали никакой тенденции к тому, чтобы раствориться среди мусульманских народов. Когда вспыхнула война, английские агенты уговорили их молодежь оставить родные очаги и вступить в войну против турок. После войны они очутились в никому не принадлежащей полосе земли между Турцией и Ираком. Турция, совершенно естественно, отказалась разрешить им вернуться в их анатолийские деревни: они сами бросили свой жребий и теперь должны мириться со своей судьбой! Однако англичане стали сеять вражду между айсорами и их новыми соседями. Они использовали айсоров в качестве вспомогательных войск против курдов, а затем возложили на них охрану английских аэродромов в Ираке. Поручить выполнение этой обязанности европейским войскам стоило бы слишком дорого, а доверить это иракским арабам было опасно. Настоящие преследования айсоров начались в 1924 г., когда турки разгромили их поселения в упомянутой промежуточной полосе. В поисках спасения тысячи

беженцев айсоров перекочевали в Ирак, где англичане обещали им постоянное убежище.

В 1933 г. Англия вынуждена была отказаться от своего мандата на Ирак, и данные айсорам обещания были забыты. Иракские министры решили уничтожить неверных. Они уговорили англичан сбросить с самолетов над лагерями айсоров листовки с обещанием гарантировать им безопасность, если они сложат оружие; как и следовало ожидать, айсоры сдались. Несколькими днями позже иракские войска хладнокровно перерезали их.

Это происходило в октябре 1933 г. В сентябре Фейсал умер от разрыва сердца, вызванного утомлением от трудного путешествия из Европы в Багдад. Ему больше, чем кому-либо из арабских вождей, следует поставить в заслугу ту активную роль, которую он сыграл в качестве акушера при рождении арабского национализма. Правда, такова же была и роль Ибн-Сауда. Но в то время как Ибн-Сауд помог появлению на свет королевства Геджаса—Неджада и присоединенных областей, прибегнув к кесареву сечению, Фейсал предоставил процессу рождения Ирака итти нормальным ходом. Он согласился стать королем Ирака в условиях английского мандата; он подписал в 1923 г. договор с Англией, согласившись на военную поддержку англичан; он дождался принятия Ирака в Лигу наций в 1932 г., что формально означало конец английского мандата. Ирак был первой подмандатной территорией, ставшей независимым государством. Когда Фейсал умер, его дело еще не было доведено до конца. Линия Мосульского нефтепровода осталась символом зависимости Ирака от западного мира.

Фейсалу наследовал его сын Гази I, молодой человек двадцати одного года. Гази получил образование в Англии, и, несмотря на это (или, пожалуй, именно поэтому), он не был горячим поклонником западных методов. Он знал, что величайшей опасностью для молодого государства является излишнее внимание, оказываемое ему его покровительницей Англией. Эта опасность получила свое ясное выражение в словах полковника Вильсона еще в первые месяцы его управления Ираком. Вильсон писал тогда: «Для воздушных коммуникационных путей Британской империи на Востоке Багдад и Басра являются тем же самым, чем Суэцкий канал является для нашей морской торговли с Азией».

Значение этих слов становится особенно понятным в свете новейшей истории Египта.

ХП. ЕГИПЕТ. БОРЬБА НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ С ИМПЕРИАЛИЗМОМ

Присущие английскому империализму противоречия нигде не выступают так ясно, как в Египте. Англия начала проявлять интерес к египетским делам еще тогда, когда Наполеон I захватил дельту Нила и нанес удар коммуникационным путям Англии на Востоке. Когда Наполеон III построил канал через Суэцкий перешеек, этот интерес превратился в страсть. Банкротство египетского

хедива¹, послужило предлогом для скупки англичанами контрольного пакета акций Суэцкой компании, а попытка Араби паши добиться силой осуществления лозунга «Египет для египтян» явилась поводом для военной оккупации страны. Двадцать два года управляли англичане Египтом; однако юридически верховная власть над Египтом ни в какой мере не принадлежала им. Египет был частью Оттоманской империи. Формально англичане были там лишь чиновниками и офицерами египетского хедива и его верховного владыки султана-халифа. Они соблюдали все внешние формы оттоманского режима: рискуя получить солнечный удар, они носили феску; рискуя казаться смешными, они прибавляли турецкий титул паши к своим не вяжущимся с ним английским фамилиям. В 1914 г., когда была объявлена война между Англией и Оттоманской империей, продолжать эту игру стало невозможно. 18 декабря Англия объявила, что «Египет переходит под защиту его величества и будет отныне составлять британский протекторат».

Английский протекторат. Но даже и теперь цели английской политики не были изложены с достаточной ясностью. Внешняя форма египетской независимости была сохранена: хедив получил почетный титул султана. Англичане заявили, что протекторат—это мера военного времени и не означает постоянного присоединения Египта к Британской империи. Египтянам не было предложено присоединиться к союзникам и принять участие в войне против центральных держав. Вследствие этого египтяне очутились в весьма ненормальном положении: «Египет,—пишет лорд Ллойд,—не был ни воюющей, ни нейтральной страной. Он находился в самом центре борьбы и все же не принимал в ней участия... Для Англии Египет стал театром военных действий, вооруженным лагерем величайшего значения, но для самих египтян он оставался страной, занятой своими собственными серьезными проблемами и лишь косвенно заинтересованной в исходе вооруженной борьбы».

Было ясно, что такое положение должно тяжело отразиться на египтянах. Но никто не мог предвидеть тех ужасных страданий, которые им пришлось в действительности пережить. Несмотря на то что англичане обещали не обращаться к египетскому народу за военной помощью, они использовали вспомогательный египетский корпус для активной борьбы против турок и заставляли тысячи феллахов (методами, почти не отличавшимися от рекрутского набора) поступать на скверно оплачивавшуюся службу в египетские трудовые батальоны. На всем пространстве дельты Нила было введено военное положение, и жители ее превратились в дровосеков и водноносов для двухсоттысячной армии союзников. Англичане реквизировали хлеб и скупали далеко не по щедрым ценам весь урожай хлопка. Подвергнуты были реквизиции также верблюды и ослы, к которым египтянин питает такое же чувство привязанности, как англичанин к своей лошади. Правда, владельцы гостиниц и лавок в Каире и Александрии богатели, но все население в целом ненавидело англичан всей душой и не могло дожидаться прекращения войны

---

¹ Титул наследственного вице-короля Египта.—П р и м. р е д.

и обещанной после этого конституции. В то время в египетских деревнях феллахи пели такую песню:

Горе нам, Уингэйт! ¹
Ты отнял у нас наш хлеб,
Ты отобрал наш скот,
Ты увел наших детей,
Ты оставил нам только нашу жизнь.
Теперь, ради аллаха, оставь нас в покое!

Когда было заключено перемирие, египтяне, естественно, были уверены, что им уже недолго осталось ждать конца своих мучений. Ведь базой мирных переговоров должен был быть вильсоновский принцип самоопределения. К их величайшему удивлению английские власти не разрешили им послать делегацию в Париж. В то время как Абиссиния и Геджас послали свои делегации, Египту не было дано возможности выступить на мирной конференции и отстаивать свои требования. Сопротивление такому решению англичан было быстро организовано неким Заглулом. Заглул организовал партию (получившую название Вафд), которая требовала не больше не меньше, как полной автономии Египта. Англичане ответили на это высылкой в марте 1919 г. Заглула и трех других лидеров Вафда.

Восстание националистов. Эта мера англичан вызвала в Египте сильное возбуждение, вылившееся в форму всеобщего бойкота. Египетские националисты перерезали телеграфные провода и разрушили железные и шоссейные дороги вокруг Каира, так что столица оказалась отрезанной от внешнего мира. На линии Суданской железной дороги путь был разобран в 200 местах. Почти повсюду движение бойкота проходило без кровопролития, и только в одной сельской местности было убито восемь англичан. Это заставило союзников уделить некоторое внимание Египту: они послали лорда Алленби подавить восстание. К счастью, Алленби был достаточно умен, чтобы понять, что восстание это не было искусственным продуктом агитации полуобразованных политиков. Он понял, что это было нечто более серьезное: это было национальное движение, а национализм, как и религия, только выигрывает от преследования. Раньше египетское национальное движение имело сторонников исключительно среди более образованных классов. Во времена Араби паши к нему принадлежало молодое офицерство, а в последнее время—студенты, юристы и журналисты, составлявшие немногочисленную туземную интеллигенцию. В результате войны египетское национальное движение охватило также и миролюбивых по природе феллахов.

Алленби призвал египетских лидеров и предложил им сотрудничать в деле восстановления порядка. С этой целью он вернул Заглула из ссылки. Теперь Вафд перешел к новой тактике: он прекратил насильственные действия и стал применять более свойственные англичанам методы мирных забастовок и пикетов. Мало-помалу общественное мнение в Англии убедилось, что только прекращение английского протектората над Египтом может внести успокоение

¹ Реджинальд Уингэйт был английским верховным комиссаром Египта в 1916—1918 гг.

в умы египтян. По крайней мере, таково было впечатление, создавшееся у лорда Мильнера, который в декабре 1919 г. был послан в Египет во главе специальной комиссии для расследования положения в Египте.

Но одно дело было отказаться от протектората и совершенно другое—предоставить Египту полную независимость (таково было требование Заглула, который вскоре был вторично сослан за организацию бойкота комиссии Мильнера). Наконец, английское правительство согласилось на компромисс и сформулировало условия новых взаимоотношений Англии и Египта в своей декларации от 28 февраля 1922 г. Декларация эта гласила:

«Английский протекторат над Египтом считается законченным, и Египет признается независимым суверенным государством».

Однако дальше декларация устанавливала:

«Следующие вопросы остаются в исключительной компетенции правительства его величества до того времени, когда на основе свободного обсуждения и дружественного сближения взглядов обеих стран окажется возможным заключить соглашения по этим вопросам между правительством его величества и правительством Египта:

а) безопасность коммуникационных путей Британской империи в Египте;

б) защита Египта от всякой иностранной агрессии или вмешательства, как прямого, так и косвенного;

в) охрана иностранных интересов в Египте и охрана меньшинств;

г) вопросы Судана.

Впредь до заключения таких соглашений существующий порядок остается без изменений».

«Независимое суверенное государство». Политическая история Египта после 1922 г. представляет собой непрерывную борьбу за соглашение с Англией по приведенным четырем «резервированным» англичанами пунктам. Особенно ожесточенными были споры относительно первого и четвертого вопросов. «Под коммуникационными путями Англии,—писал лорд Ллойд,—следует понимать не только Суэцкий канал, но все пути морского, воздушного и сухопутного сообщения со странами Британской империи—Индией и Австралией, а также с Ираном, Ираком и Китаем, где на карту поставлены наши неисчислимые политические и торговые интересы. Кроме того, сюда же относится и наше воздушное сообщение с африканскими территориями». Египтяне были готовы согласиться, что эти коммуникационные пути являются жизненно необходимыми для благоденствия Британской империи, но они считали, что гарантии неприкосновенности этих путей не должны быть вырваны у египетского правительства силой. Ведь предоставили же англичане совсем недавно независимость южноафриканским государствам и Южной Ирландии, не требуя от них во что бы то ни стало таких «материальных гарантий», так почему же они не хотят оказать подобное же доверие населению Нижнего Нила?

Вопрос о Судане был не менее твердым орешком. Судан представляет собою обширную территорию, в которую входят верховья Белого и Голубого Нила; тот, кому принадлежит Судан, держит

в своих руках все водоснабжение Египта. Выдвигая требование о передаче им Судана, египтяне приводили тот же аргумент, на котором англичане основывали свое право на Суэц, а именно: вся экономическая жизнь их страны зависела от Судана. Помимо этого, египтяне указывали еще на то, что с населением Судана их объединяют общая религия, язык и политические узы: религией той и другой страны является ислам, язык у обоих арабский («Судан» — арабское слово и означает «черные»), и наконец, в XIX в. Египет и Судан находились под властью одного государя — Мехмеда Али, который основал город Хартум. На эти соображения англичане возражали, что это они отвоевали Судан Египту после махдистского восстания 1883—1895 гг., что только благодаря английской предприимчивости в Судане развилось хлопководство и были построены железные дороги и гавани и что поэтому англичане имеют все основания разделить с Египтом верховную власть над этой территорией.

Английская позиция в вопросе о четырех «резервированных» пунктах вызвала чувство горькой досады у египетских националистов. Каждый из доминионов Британской империи, указывали они, пользуется более широким самоуправлением, чем то, которое английская декларация 1922 г. предоставляет «независимому суверенному Египту».

Руководство Заглула. Очень многое зависело от личности вождя Вафда. Заглул был кумиром египтян. Они гордились его блестящей карьерой: Заглул родился простым феллахом; молодым человеком он принимал участие в восстании Араби паша в 1882 г., а позже благодаря своим способностям дошел до поста министра просвещения, сделавшись наиболее популярным в народе министром. Народ обожал Заглула: его высокую угловатую фигуру, никогда не покидавшее его чувство юмора, его бесхитростный образ жизни, его непритворную любовь к развлечениям и его дар пророческого красноречия. Никто в послевоенном Египте никогда не пользовался и малой долей той популярности, какая окружала Заглула. Первого короля Египта Фуада, этого ставленника англичан на египетском престоле, египтяне открыто ненавидели: Фуад вырос в Италии и не имел понятия о египетских делах. После своего возвращения из вторичной ссылки Заглул сделался премьер-министром нового египетского парламента, имея за собой сильное большинство. Если бы английские дипломаты могли убедить его в правильности их точки зрения, египетская проблема была бы разрешена. Они не сумели это сделать и обвинили Заглула в революционной непримиримости. Когда египетское национальное движение, как это бывает со всеми движениями подобного рода, дошло до точки кипения и, вырвавшись из повиновения своему вождю, вылилось в серию политических убийств, англичане возложили всю ответственность за гибель своих чиновников на Заглула. Напряженность положения достигла своего апогея в 1924 г., когда в Каире был убит главнокомандующий египетской армией и генерал-губернатор Судана Ли Стэк. Заглул вынужден был уйти в отставку. Начался период репрессий, во время которого функции внутреннего управления осуществлял король Фуад. Фуад придерживался старого способа деспотического управления через личных «друзей короля». Англия, повидимому, пред-

почитала в Египте такой режим всякой попытке представительного образа правления, ибо, когда в 1926 г. всеобщие выборы дали огромное большинство Вафду, новый верховный комиссар Англии лорд Ллойд заявил о недопустимости назначения Заглула премьером. Заглулу пришлось покориться. Тем не менее, он остался самым влиятельным человеком в стране. Когда в 1927 г. он на шестьдесят седьмом году жизни умер, весь Египет облекся в траур.

Диктатура Сидки паши. Смерть Заглула несколько не приближала соглашения с Англией. В 1930 г. лейбористское правительство предложило Египту новый договор: Египту разрешалось иметь свою собственную армию со своим командным составом при условии что в случае войны Англия будет иметь право использовать Египет в качестве военной базы для своих операций; должность верховного комиссара отменялась, а Судан должен был находиться под совместным управлением обоих государств. Египетский парламент отклонил этот договор: для преемника Заглула, Мустафы Нахас паши, пришедшего к власти после победы националистов на выборах 1929 г., уступки, предлагавшиеся англичанами в этом договоре, были недостаточны. Король Фуад воспользовался расположением к нему Англии и распустил парламент.

Начиная с 1930 г. друг Фуада Измаил Сидки диктаторски правил Египтом. В октябре этого года он обнародовал новую конституцию. По этой конституции королю предоставлялось право приостанавливать работу парламента или совершенно роспускать его. Из ста членов сената шестьдесят назначались королем. Выборы в палату депутатов были двухстепенные: население принимало непосредственное участие только в первой стадии выборов, в которой оно избирало по одному выборщику на каждые пятьдесят избирателей, и затем уже эти выборщики избирали депутатов в палату. Такая урезанная конституция была равносильна полному отсутствию представительного образа правления. Вафду было запрещено устраивать собрания; его газеты были закрыты; на выборах 1931 г. все партии в Каире были арестованы. Во время этих выборов в столкновениях с полицией были ранены сотни людей. Как и следовало ожидать, выборы дали Сидки паше значительное большинство.

Читатель уже знает, что возникшее повсюду вместе с послевоенным экономическим подъемом движение в пользу демократического самоуправления не могло удержать свои позиции в годы экономического кризиса. Послевоенный хлопковый бум принес Египту баснословные богатства: цены на землю взлетели вверх, цены на хлопок поднялись за время между 1916 и 1920 гг. почти на тысячу процентов. В течение десяти лет египтяне не знали, куда девать деньги, и ярко сверкали огни политических реформ. Но затем наступило резкое падение цен, и, следуя примеру других, более искушенных в демократии стран, Египет перешел к диктатуре, которая должна была провести страну через тяжелые годы кризиса.

В 1934 г. египетский вопрос еще оставался неразрешенным. В столице независимого суверенного государства все еще был расквартирован иностранный гарнизон и чужая держава все еще распоряжалась Суэцким каналом и Суданом.

ХІІІ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИРАНА

В отличие от других рассмотренных нами мусульманских государств Иран никогда не входил в состав Османской империи, но судьбы его так тесно связаны с судьбами мусульманских государств, а история его так напоминает историю Турции, что мы считаем вполне уместным здесь на ней остановиться.

В начале текущего столетия Иран сделался добычей английского и русского империализма. В 1907 г. Англия и Россия подписали соглашение о разделе Ирана на зоны влияния, причем южная половина Ирана передавалась Англии, а северная—России. Падение царизма в 1917 г. означало отказ России от всяких притязаний в Иране, в связи с чем открылись блестящие перспективы для английского министра иностранных дел лорда Керзона. Керзон мечтал распространить господство Англии на все пространство от Персидского залива до Каспийского моря, присоединив, таким образом, к Британской Индии новую великолепную пограничную область. В 1918 г. английские войска оттеснили турок за турецко-персидскую границу и заняли все укрепленные пункты Ирана. Шаху не оставалось ничего иного, как подписать (в 1919 г.) соглашение, устанавливавшее военный и политический контроль Англии над Ираном.

Переворот Реза хана. Однако мечты англичан были грубо разбиты. В Северном Иране повстанцы захватили провинцию Гилян и начали наступление на плодородные равнины Мазандерана. Среди разгромленных персидских казаков был один молодой офицер, родом из мазандеранской деревни, который близко принимал к сердцу нависшую над его родиной опасность. В 1921 г. этот никому неизвестный кавалерист с войском, состоявшим всего из трех тысяч человек, вступил в Тегеран, арестовал всех высших должностных лиц, заставил шаха назначить его главнокомандующим и военным министром и стал военным диктатором Ирана. Соглашение с Англией было расторгнуто.

Кавалериста звали Реза хан. Он долго служил в персидской¹ казачьей дивизии, которая была организована царской армией и во главе которой стояли русские офицеры. Реза хан не имел за собой никакой организации, никаких влиятельных кругов, которые поддерживали бы его. Он захватил власть исключительно благодаря силе своего характера и заражавшей окружающих вере в персидское национальное движение. В октябре 1923 г. он сделался премьер-министром Ирана. Шах уехал «с визитом» в Европу. Чуть ли не в тот же самый день другой военный провозгласил себя первым президентом Турецкой республики. У Реза хана был соблазн пойти по тому же пути, что и Мустафа Кемаль, и образовать в стране республику. Однако здесь влияние религии было слишком сильно, чтобы он мог последовать примеру нечестивых турок. Иран оставался империей без императора до 1925 г., когда учредительное собрание провозгласило Реза хана шахом. Он выбрал себе титул Реза шах Пехлеви, что означает на древнеперсидском языке парфянин. За четыре года после

¹ Это была царская дивизия, сформированная для осуществления колониальной политики царской России в Персии.—Прим. ред.

переворота он восстановил в стране законность и порядок. Феодалные князьки один за другим вынуждены были покориться центральной власти; англичане отозвали своих офицеров из южноперсидских пехотных полков; и даже шах Хейсал, пользовавшийся при поддержке англичан частичной независимостью от Ирана (его владения на Шат-Эль-Араб имели огромное значение для Англо-иранской нефтяной компании), подчинился новому тегеранскому правительству.

Новая независимость Ирана. Иран завоевал свою независимость. Но в наше время независимость можно сохранить, только если защищать ее современными средствами. Перед Реза-ханом стояла трудная задача, он должен был применить у себя западную технику, необходимую для обороны страны, не передавая, однако, при этом командных постов западным специалистам, так как последние стали бы проводить политические устремления Запада. Вместе с тем, он не мог рассчитывать, что иранцы сами справятся с освоением западной техники; почти четвертая часть их еще вела кочевую жизнь. В Иране не было тех сливок воспитанной на западной культуре интеллигенции, какие имелись в Турции. Реза хан был вынужден передать значительную часть дел иностранцам с Запада. Управление финансами он передал в руки американцев во главе с доктором Мильспо, управление таможнями он поручил бельгийцам, а часть работы по просвещению—французам. Англичане были хозяевами Англо-иранской нефтяной компании, в предприятиях которой было занято двадцать тысяч иранцев; эта компания доставляла нефть по нефтепроводу из Рамуза на остров Абадан, где Англия строила огромный нефтеочистительный завод и порт. И что еще более важно, англичане настаивали, чтобы Иран скорее построил железную дорогу Багдад—Тегеран и организовал воздушное сообщение между Ираном и Индией.

Иран отчаянно нуждался в улучшении своих средств сообщения. «Из-за транспортных затруднений,—писал доктор Мильспо в 1924 г.— в Иране бывает так, что в одном месте пшеница и ячмень гниют на полях, и в то же время в другом месте, всего в каких-нибудь шестистах милях расстояния от первого, население умирает от голода». Вместе с тем, для иранцев было крайне важно, чтобы новые дороги не находились в руках иностранцев. Новый шах весьма искусно возбуждал англичан против русских. Он отказался дать свое согласие на проект Багдадско-тегеранской железной дороги, но разрешил провести вместо этого шоссейную дорогу, а английской воздухоплавательной компании «Импириэль Эйруэйс» он предоставил право соорудить аэродромы для их воздушной линии Каир—Карачи, с тем что аэродромы эти становятся собственностью Ирана. В то же время он разрешил Советскому Союзу организовать воздушное сообщение по линии Москва—Тегеран и обещал проложить железную дорогу от Каспийского моря к Персидскому заливу. В качестве конечных пунктов этой дороги он выбрал на севере точку на Каспийском море, лежащую вне территории русских владений, а на юге— точку на Персидском заливе, которая находилась вне пределов господства Англии. По всем данным, конечным пунктом дороги на юге должен был быть Мохамара (Шат-эль-Араб), но это было слишком близко к Ираку. Поэтому конечная станция была построена в Бендер

Бушир, пустынной точке на Персидском заливе. В 1930 г. шах сам открыл южную часть дороги. Если верить корреспонденту «Таймс», открытие дороги прошло не гладко: королевский поезд «дважды сходил с рельс, и в конце концов загорелся паровоз».

Гораздо труднее было добиться экономической независимости. Иран экономически несамостоятелен: его снабжение зависит от других стран. Так, почти все свои хлопчатобумажные ткани, сахар и машины он получает из-за границы. Что касается двух последних предметов, то шах ни в какой мере не сумел избавить свою страну от необходимости ввозить их из-за границы. Но в отношении хлопчатобумажных тканей (а это основная статья иранского ввоза) ему удалось кое-чего добиться: в пяти крупнейших городах он основал хлопчатобумажные фабрики. Чтобы выравнять свой внешнеторговый баланс, Иран вывозит нефть, ковры, фрукты и опиум. Его экспорт нефти всецело зависит от английского рынка. Англо-иранская нефтяная компания платит Ирану отчисления, составляющие около четверти всего иранского бюджета. Но это достаточно неприятная форма государственного дохода: иранское общественное мнение весьма болезненно воспринимает тот факт, что компания ежегодно распределяет между иностранными акционерами свыше двух миллионов фунтов стерлингов прибыли. Экспорт ковров и фруктов зависит от иностранных таможенных тарифов. Наконец, что касается опиума, то возможности его сбыта на зарубежных рынках всецело зависят от отношения международного общественного мнения к этой торговле с точки зрения морали. Лига наций выразила пожелание, чтобы Иран прекратил возделывание мака и заменил его другими культурами. Реза хан ответил, что он охотно ограничит возделывание мака, если другие члены Лиги снизят пошлины на остальные предметы персидского вывоза. На этом переговоры и кончились.

Никто не откажет Реза хану в признании его заслуг в деле упорядочения внутреннего положения в Иране. До 1921 г. авторитет шахского правительства не простирался дальше городского рва Тегерана; сейчас его слово является законом во всех провинциях Ирана. В этой огромной стране (двенадцать миллионов ее населения разбросаны на территории, по своим размерам в три раза превышающей Францию) порядок был установлен не путем убеждения: меджилис так же бессилен, как турецкий парламент при Мустафе Кемале. Управление Ираном осуществляется с помощью армии, которая насчитывает в мирное время семьдесят с лишком тысяч человек.

Лучших воинов дают Ирану кочевые племена. Перед Реза ханом стояла трудная задача—сохранить их военную доблесть и в то же время покончить с той привычкой к разбойничьим налетам, с той склонностью к анархии, которые порождает кочевая жизнь. Он нашел выход в том, чтобы передать заботу о кочующих стадах небольшой части семей, а все остальные семьи поселить в качестве хлебопашцев в земледельческих районах страны. В то же время он окружил земли этих племен кольцом владений крестьян-собственников, которых он поддерживал субсидиями.

С первого взгляда как будто напрашивается внешняя параллель между послевоенной историей Турции и Ирана: и в той и в другой стране происходило движение национального возрождения, возглавляемое солдатом, присвоившим себе диктаторскую власть; и в той и в другой стране были отменены иностранные капитуляции и достигнута известная ступень западной техники; и в той и в другой проявляется резкое недоверие к иностранцам. (Иран зашел в этом отношении так далеко, что в 1933 г. особым декретом запретил своим высшим гражданским военным чинам встречаться с европейскими женщинами и бывать на устраиваемых иностранцами приемах.) Но эти общие черты не должны заслонять собою имеющиеся значительные различия. Различия эти так же велики, как велика разница между неуравновешенной, внезапно прорвавшейся стремительной силой Мустафы Кемаля и монументальным Реза ханом. Поставленные перед необходимостью сбросить с себя старые оковы, турки вместе с оковами содрали с себя живое мясо, нанеся жестокие удары своей традиционной культуре. Иранцам не нужно было прибегать к такому насилию. Правда, они упразднили религиозные суды, но они сохранили мусульманские законы о браке и разводе. Их культура неизмеримо глубже турецкой: шиитский ритуал ислама утвердился в Иране, когда турки были еще дикими кочевниками в пустыне Гоби.

Подчиненное положение Афганистана. В начале XX в. национализм и стремление к усвоению западной культуры были явлениями, общими для большинства мусульманских государств. Но не всегда эти движения увенчивались успехом. Так, например, в Афганистане их постигла решительная неудача. Афганцам долгое время приходилось быть буфером между Россией и Англией, что, разумеется, создавало для них чрезвычайно тяжелое положение. Русская революция 1917 г. устранила опасность со стороны русского империализма, и афганский король Аманулла считал, что теперь он сможет обойтись без поддержки Англии, поддержки, особенно унижительной потому, что англичане были исконными врагами Турции и султана-халифа, главы мусульманского мира. В 1919 г. Аманулла посылал через Хайберский перевал военные экспедиции против Британской Индии. Но уже прошли те времена, когда бойцы афганских племен могли тягаться с западными солдатами; их оружие было бессильно против современных бомбовозов и пулеметов. Аманулла вынужден был заключить в 1921 г. договор с Англией. Ему повезло в том отношении, что англичане не настаивали на включение в договор параграфа об английском контроле над внешней политикой Афганистана. Он подписал также договор с Советской Россией. Сейчас ему казалось, что он может без всякого риска провести у себя западные реформы по примеру Мустафы Кемаля и Реза хана. Но Аманулла не принадлежал к числу тех национальных вождей, которые увлекают за собой народ, а его подданные были более ортодоксальными приверженцами мусульманской религии, нежели иранцы или турки. В 1923 г. недовольство реформами вылилось в бунты, а в 1929 г. Аманулла заставили отречься от престола. Его преемники были не более счастливы. Брат его правил всего несколько дней; потом на несколько месяцев власть захватил узурпатор; после этого

королем сделался Надир шах, пробывший на престоле четыре года. Сравнительная продолжительность царствования Надир шаха объясняется поддержкой, которую оказывала ему Англия: она предоставила ему беспроцентный заем в 750 тысяч фунтов стерлингов и 10 тысяч винтовок с 5 миллионами патронов. Но в ноябре 1933 г. Надир шах был убит, и на шаткий трон афганского королевства взошел его девятнадцатилетний сын Загир шах.

Заключение. Несколько десятков лет тому назад мусульманский мир был еще средневековым. Подобно христианству в средние века ислам был нечто большее, чем метафизическая вера: это была система социального и личного поведения. Все правоверные мусульмане-сунниты признавали верховную власть халифа. Мусульмане всех толков считали, что их одежда, их речь, их манеры, их поведение в отношении жен, детей и окружающего мира неверных должны устанавливаться учеными мужами и тем толкованием, какое они дают корану и священным преданиям пророка. Но уже тогда исламу угрожало вторжение западного мира: англичане были хозяевами в Индии, Египте и на Персидском заливе, русские распоряжались в Туркестане и Северном Иране, французы—в Северной Африке, а Османская империя была связана по рукам и ногам иностранными капитуляциями. Западный империализм принес с собой западные идеи, и с течением времени стало ясно, что исламу необходимо выбрать одно из двух: либо приспособиться к западной цивилизации, либо дать ей поглотить себя.

Положение сделалось критическим во время мировой войны, когда Турция, Сирия, Палестина, Ирак, Египет и Иран превратились в театр военных действий для борющихся друг с другом западных наций. Сначала казалось, будто Запад поглотит ислам: в годы, непосредственно следовавшие за окончанием войны, Сирия, Египет и Ирак находились под властью французов и англичан, которые фактически установили там военное положение, а Ирану и Турции угрожала тогда непосредственная опасность раздела их территорий. Но Турция завоевала независимость под руководством Мустафы Кемалея, Иран—под руководством Реза хана, Аравия—под руководством Ибн-Сауда. Путем национальных восстаний обитатели Египта, Ирака и Сирии закрепили за собой право самостоятельного управления своими внутренними делами и выбора своих правительств.

Сейчас мусульманский мир свободен. Но это уже не старый средневековый мусульманский мир. Внешняя перемена была необычайно резкой; многие даже считают, что старый ислам умер и что современный Восток уже совсем не является мусульманским. И в самом деле, большей части его прежних характерных черт уже не существует. Халифат исчез, и никто не пошевелил пальцем для его спасения. Не подлежит сомнению, что если когда-нибудь халифат и возродится, то это будет не в мусульманской форме светской власти, а в виде власти духовной, по образцу современного папства. Положение женщины в мусульманских городах изменилось; женщина уже больше не является собственностью мужа в экономическом смысле слова. В частности Турция предоставила женщинам все политические права наравне с мужчинами. Арабский алфавит

уже не служит общим признаком для всех мусульманских языков. В СССР и в Турции он заменен латинским шрифтом, и эта реформа несомненно получит дальнейшее распространение. В Иране, Египте и Ираке, а также в турецких странах понемногу перестают носить арабское платье, и скоро во всех мусульманских городах оно станет встречаться только в виде исключения. Мусульманские народы доказали свою зрелость, научившись пользоваться политическим и экономическим оружием Запада. Они обеспечили свое дальнейшее существование, окрасившись в защитный цвет западного мира. В мире государств-наций ислам также обратился к национализму. Там, где раньше главным противоречием был антагонизм между мусульманином и неверным, между шиитом и суннитом, сейчас наиболее резко выступает другой антагонизм—между патриотом и иностранцем. Нетерпимость к иностранцам доходит до крайности. Капитуляции, которые турки молча терпели со времен основания Османской империи, теперь отменены; англичанин, до войны бывший привилегированной особой в большинстве мусульманских стран, теперь вызывает больше недоверия к себе и больше нападок, чем какой-либо другой неверный. Национализм, означающий рост политической нетерпимости, вызвал к жизни новый дух религиозной терпимости: сунниты и шииты работают вместе в Ираке, сунниты и последователи учения Заратустры—в Иране, а копты и мусульмане совместно заседают в египетском кабинете министров.

Темпы приспособления к западной культуре были, разумеется, различны в зависимости от степени общения тех или иных стран с Западом. Турция уже сейчас представляется собой современное государство, в такой же мере перестроившееся «на западный лад», как любой из его европейских соседей на Балканах. Аравия Ибн-Сауда, наоборот, еще остается средневековой.

Как мы уже сказали, положение мусульманского мира напоминает сейчас положение христианства в эпоху Возрождения. Мусульманский мир делится теперь на ряд новых государств. Одни из них являются светскими по духу, другие имеют своей основой идеи протестантского возрождения; но все они стремятся обеспечить свое существование обращением к рационалистическому духу научного исследования. В эпоху Возрождения самоверные умники, оплакивая отступление от чистоты веры и распространение языческой науки и литературы, заявляли, что христианство переживает упадок. В наше время муллы выступают с теми же жалобами в отношении ислама. И однако после Возрождения христианство создало новую цивилизацию и завоевало полмира. Было бы нелепо проводить эту параллель слишком далеко и предсказывать такое же будущее и для ислама; но, пожалуй, нелишне будет подчеркнуть, что усвоение мусульманскими народами культуры «неверных», которая, в сущности, есть не что иное, как развитие арабской науки и греческой философии, воспринятых Европой эпохи Возрождения, является признаком не упадка, а возмужалости.

ЧАСТЬ III

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

XIV. ИНДИЯ НА ПУТИ К САМОУПРАВЛЕНИЮ

Дальний Восток—термин неопределенный, но не более неопределенный, чем то представление, которое имеет средний европеец о двух великих культурах, к которым применяют этот термин. Индия и Китай, изолированные от остального мира океанами, горами и пустынями Азии, создали изумительные самобытные культуры, которые существовали вначале обособленно; впоследствии они объединились по мере распространения буддизма, создавшего духовную связь между ними, а также между государствами Индо-Китая, островами Ост-Индии и Японией. Когда, наконец, благодаря современным средствам сообщения удалось преодолеть природные преграды Азии, Дальний Восток стал местом, где торговцы с Запада создавали себе состояния. Прежде всего под контроль английской торговой компании подпала Индия. Затем торговцы с Запада проникли в Китай. Иностранное вторжение вызывало возмущения, но пришельцы обладали современным оружием. Восстание китайцев (1842 г.) против импорта опиума Англией вызвало войну, в результате которой англичане вынудили у Китая земельные концессии и привилегии. Индийское восстание (1857 г.) было подавлено и привело к включению Индии в состав Британской империи. Тем временем Франция, Голландия и Англия разделили Индо-Китай и Ост-Индию. Одна только Япония сумела противостоять экономическому завоеванию, и то только благодаря тому, что переняла у Запада методы ведения войны и организации промышленного производства и присоединилась к борьбе за рынки на азиатском материке.

После войны все дальневосточные страны (вместе взятые, они занимают одну треть всей суши и имеют около половины всего населения мира) охватил одно и то же движение. Их охватил дух национализма, который служит для них силой воскрешающей их традиции и которым они пользуются как орудием защиты против Запада. Это период национальных восстаний. Этот процесс начался до 1918 г. и к 1934 г. еще далеко не закончился. Можно считать, однако, что именно этот период был критическим. Наша задача заключается поэтому в том, чтобы проследить движение в пользу реформ в Индии, ход китайской революции, этапы японской империалистической экспансии и восстания в Ост-Индии.

Английский империализм путем ряда последовательных завоеваний и аннексий подчинил своей власти две трети обширного континента и назвал эту территорию Британской Индией. Индия была разделена на пятнадцать провинций, подчиненных английским губернаторам и английским законодательным советам, ее единство поддерживалось при помощи генерал-губернатора и центрального законодательного совета, ответственных перед английским парламентом. Остающаяся треть этого континента состояла из почти шестисот индийских государств; многие из них управлялись индийскими князьями, которые являлись их наследственными правителями, но все эти государства находились под косвенным контролем Англии. Завоеватели гордились тем, что упразднили такие явно жестокие обычаи, как человеческие жертвоприношения и самосожжение жидов вдов на похоронных кострах их мужей, гордились и тем, что провели в Индии железные и шоссейные дороги и одарили ее другими благами западной цивилизации. Они в своем самодовольстве забывали, что справедливость требует, чтобы индусы управляли собой сами. Жертвы, принесенные индусами во время войны, должны были послужить напоминанием об этом. Полтора миллиона индусов служили в английских войсках за пределами Индии и сорок миллионов фунтов пожертвовала Индия на нужды войны. Индийские политики только повторяли слова государственных деятелей союзных стран, когда заявляли, что Индия имеет право на самоуправление. В 1916 г. Индийский национальный конгресс и Всеиндийская мусульманская лига признали, что целью их политики является завоевание самоуправления для Индии. Национал-либералы (или «умеренные») в принципе присоединились к этой точке зрения, хотя они и склонялись к применению на практике принципа постепенности. Эти три партии, конечно, не являлись представителями масс, но они довольно верно представляли имущие классы. В частности имелось полное основание считать конгресс национальной партией, так как со времени своего основания в 1885 г. его влияние непрерывно возрастало, и он завоевал симпатии по всей Индии. В начале конгресс был партией интеллигентов, но он приобрел сторонников и вне ее рядов.

Английское правительство не могло далее игнорировать стремления к самоуправлению. В 1917 г. государственный секретарь по делам Индии Монтэгу объявил, что «политика правительства его величества, с которым правительство Индии находится в полном согласии, состоит в том, чтобы все больше привлекать индусов к разным отраслям управления и постепенно развивать органы самоуправления, с тем чтобы постепенно ввести систему ответственного правительства в Индии, составляющей неотъемлемую часть Британской Империи».

Несмотря на это заявление и внешнее принципиальное согласие между английскими и индийскими политиками, в последующие годы в Индии было больше волнений и больше враждебности между англичанами и индусами, чем когда-либо со времени восстания сипаев. Это объясняется тем, что Индия в течение ряда поколений находилась на положении покоренной страны; завоевание одинаково нала-

гает свой отпечаток на духовный облик завоевателей и покоренных. Англичане привыкли управлять Индией, они не могли себе представить, что индусы могут сами успешно управлять своими делами. Когда англичане решились доверить индусам ту или иную отрасль управления, они сохранили за собой под тем или иным видом контроль над их деятельностью.

Реформа 1919 г. Впервые это проявилось в 1919 г., когда английский парламент в соответствии с докладом Монтэгу и лорда Челмсфорда утвердил новый закон об управлении Индией. Индусам, входившим в состав провинциальных советов Британской Индии, была предоставлена возможность руководить некоторыми отраслями управления, переданными в их ведение, а именно: сельским хозяйством, народным образованием, здравоохранением и общественными работами. Контроль обеспечивался тем, что финансы оставались в руках английского губернатора; индусам же разрешалось раскладывать на переданные им отрасли управления только небольшую сумму, и если бы, например, они захотели организовать систему начального обучения, для которого английские власти фактически ничего не сделали, то им пришлось бы это предпринять за счет сельского хозяйства или здравоохранения. Английский губернатор и его чиновники держали в своих руках контроль над всеми другими отраслями провинциального управления, начиная с земельных доходов и кончая полицией. Эта система разделения властей известна под названием «диархии». Принцип диархии не распространялся на центральное правительство; центральная власть оставалась в руках англичан, хотя и существовало индийское законодательное собрание, имевшее право обсуждать и голосовать, но не законодательствовать. Реформы касались только Британской Индии. Индийские государства, занимавшие свыше одной трети всей страны, оставались под властью индийских князей, правивших в духе деспотизма, и их английских советников.

Реформы Монтэгу—Челмсфорда вызвали разочарование в Индии. Вслед за опубликованием доклада Монтэгу—Челмсфорда последовало несколько небольших вспышек террора, и англичане, понимая, что эксперимент с диархией закончится неудачей, если будет допущено какое-либо нарушение законности и порядка, издали распоряжение, получившее известность под названием билля Роулета. В силу этого распоряжения полиции предоставлялось право подвергать аресту и заключать в тюрьму всех подозрительных лиц без судебного приказа или решения. Индийский национальный конгресс был возмущен этим усилением английского гнета и объявил на один день прекращение всех работ. Это должно было явиться мирным протестом, но в некоторых городах возмущение масс вылилось в мятеж. В Амритсаре (в Пенджабе) большая толпа собралась на площади. Гражданские власти вызвали войска, чтобы рассеять ее. Английский генерал Дайер приказал солдатам стрелять; 400 индусов было убито, 1 200 ранено.

Сообщение о событиях в Амритсаре произвело в Индии огромное впечатление. Негодование и скорбь индусов удвоились, когда стало известно, что палата лордов одобрила действия генерала Дайера

и что ему поднесли 26 тысяч фунтов стерлингов, собранных по подписке.

Ганди и гражданское неповиновение. Быть может, наиболее серьезным последствием событий в Амритсаре было то, что они убедили одного индийского патриота в том, что английское господство в Индии является злом. Всю свою жизнь Ганди был сторонником Великобритании. В ранней молодости он отправился в Лондон изучать право и стал членом адвокатской корпорации в Иннер Тэмпль. Он вернулся в Индию в 1891 г., двадцати двух лет от роду, проникшись глубоким уважением к английским нравам и учреждениям. С 1893 по 1914 г. Ганди жил в Южной Африке. Во время англо-бурской войны он создал там отряд Красного креста, которым руководил, организовал госпиталь для борьбы со вспышкой чумы в Йоганнесбурге и находился во главе отряда по переноске раненых во время зулусского восстания 1908 г. В эти годы он стремился, главным образом, к тому, чтобы добиться признания прав индийских рабочих в Южной Африке. Он не был обыкновенным агитатором; его учение основывалось на религиозных принципах, и он боролся не при помощи насилия, а при помощи пассивного сопротивления. Это движение пассивного сопротивления продолжалось в течение восьми лет и привело к отмене несправедливых постановлений, направленных против индусов. Во время мировой войны Ганди, вернувшись в Индию, содействовал набору рекрутов для Англии.

Его современники верили в него, как в великого мудреца, который имеет право руководить людьми. Национальный конгресс признал его своим вождем. «Сварадж», или самоуправление, говорил Ганди, должно начаться с управления самим собой. Человек способен посвятить себя управлению своими ближними только тогда, когда он освободился от зависти, гнева и злобы. Для того чтобы добиться политического «свараджа», не следует производить насилий или уклоняться от наказания. Для этого можно прибегать только к «сатьяграха», что по-индусски означает «сила души» или «сила правды»; англичане предпочли перевести это слово, как «пассивное сопротивление» или, что более употребительно, как «гражданское неповиновение».

Именно Ганди убедил конгресс ответить на события в Амритсаре посредством «сатьяграха». Вначале он стоял за то, чтобы индусы сотрудничали с англичанами для проведения реформ Монтэгю—Челмсфорда, но события в Амритсаре убедили его в том, что английское господство не может принести добра Индии. Была объявлена кампания гражданского неповиновения, индусы должны были бойкотировать английские школы и суды, не признавать английские учреждения и отказываться от покупки английских товаров. Последующие события показали, что индусы все еще не понимали, какой смысл Ганди вкладывал в «сатьяграха». Он поддерживал протест мусульман против тех постановлений Севрского договора, которые касались халифата; но индийское движение в защиту халифа привело к ужасной резне между последователями индуизма и мусульманами, во время которой в Малабаре было убито 3 тысячи мусульман. Первая кампания гражданского неповиновения потер-

пела неудачу. Ганди объяснил эту неудачу тем, что сам он не достиг духовного очищения. Он удалился от политики на шесть лет, из которых два года (1922 и 1924) провел в тюремном заключении; его деятельность в остальное время не вызвала у него никаких конфликтов с властями.

С английской точки зрения «сатьяграха» была мятежом, который в этой своей форме был, быть может, предпочтительнее, чем открытое восстание, но с которым было еще труднее бороться. Не было никакого способа заставить индусов покупать английские товары. Националисты, когда их арестовывали за гражданское неповиновение, не оказывали сопротивления; они покорно отправлялись в тюрьму. В 1922 г. тюрьмы были переполнены политическими заключенными. Англичане постепенно стали понимать, что среди индусов действует новая сила.

Программа конгресса. Прошло несколько лет, прежде чем была вновь поднята конституционная проблема. Тем временем конгресс активно проводил ту часть своей программы, которую можно назвать конструктивной. Эта часть программы состояла из пяти пунктов. Первый заключался в восстановлении ручного прядения и ткачества в деревнях. До английского завоевания Индия прядла свою собственную пряжу и ткала свои собственные ткани. При английском господстве хлопок вывозился в Ланкашир и привозился обратно в виде готовых тканей. Это было причиной голодания сотен тысяч туземцев. «Это бедствие едва ли имеет себе равное в истории торговли,— писал в 1834 г. генерал-губернатор.—Скелеты текстильных рабочих покрывают равнины Индии». Ганди проповедывал восстановление деревенского ручного ткачества. «Только в этом,—говорил он,—заключается немедленное, практическое и окончательное разрешение важнейшего из всех вопросов, стоящих перед Индией, вопроса, который ставится вынужденным безделием подавляющей части индийского населения в течение почти шести месяцев в году вследствие отсутствия подходящей подсобной работы в сельском хозяйстве и хроническим голоданием масс, являющимся следствием этого». Выпрядка двух тысяч ярдов пряжи давала теперь такие же права для вступления в партию конгресса, как уплата членского взноса, и всем членам конгресса было предложено носить только дмотканную одежду. Производство дмотканной ткани должно было послужить основой возрождения деревни. В Индии имеется свыше полумиллиона селений, в которых живет три четверти населения страны, скученное в глиняных хижинах, добывающее себе обработкой земли скудное пропитание; получаемый им иногда ничтожный излишек идет на уплату процентов ростовщику, у которого все в долгу, а также для уплаты поземельного налога и ренты землевладельцу, находящемуся под покровительством английских властей. Конгресс не разрешил этого «важнейшего из всех вопросов», но он приступил к его разрешению. Всеиндийская ассоциация прядильщиков, созданная Ганди, к 1933 г. организовала производство тканей в 7 тысячах деревень, поддерживая тем самым двести тысяч прядильщиков и пять тысяч ткачей. Таким образом, деревня сама начала заботиться о своем благосостоянии, и этот факт значительнее, чем приведенные цифры.

Второй пункт программы конгресса запрещал потребление всякого рода наркотиков и алкоголя. Это было равносильно бойкоту Англии, так как алкогольные напитки ввозились, главным образом, английскими коммерсантами, а торговля опиумом была монополией правительства.

Третий пункт предусматривал одинаковые правила нравственного поведения для мужчин и женщин. Ганди выступил против всей восточной системы затворничества женщин, против проституции и против индусского обычая детских браков.

В-четвертых, конгресс стоял за единение между последователями индуизма и мусульманами. В Индии имеется 239 миллионов последователей индуизма и 77 миллионов мусульман; они не изолированы в отдельных частях страны и живут бок о бок. Столкновения между ними стали в Индии хроническим явлением. Английские власти очень мало содействовали их взаимопониманию. Попытка установления между ними взаимопонимания, очевидно, может быть успешной только в том случае, если она будет исходить от самих индусов. Призывая к единению между последователями индуизма и мусульманами, конгресс не разрешил этой проблемы, так как он состоял в большинстве своем из последователей индуизма, и мусульмане продолжали опасаться, что демократическая конституция, в пользу которой выступал конгресс, приведет к угнетению мусульманского меньшинства.

Наконец, Ганди убедил конгресс включить в свою политическую программу упразднение «неприкасаемости». Основой индуизма является кастовая система. Всякий индус по рождению принадлежит к определенной касте и остается в ней до самой своей смерти, не вступает в брак с лицами, принадлежащими к другой касте. Существует около двух тысяч каст и подкаст. Ниже всех по своему правовому положению стоят внекастовые индусы, которых насчитывается в общей сложности около 60 миллионов. Это так называемые «неприкасаемые»—индус, принадлежащий к определенной касте, считает себя оскверненным, если он прикоснется к пище, приготовленной внекастовым индусом или к воде, которую тот набрал, или если на него упадет тень внекастового индуса. «Неприкасаемые» не допускаются в храм и к деревенским колодцам. По учению ортодоксального индуизма, люди, согрепившие в какой-то прежней своей жизни, рождаются вновь внекастовыми индусами и должны искупить свои грехи жизнью в нищете. Хотя Ганди и признавал кастовую систему как основу индусского общества, но он выступил против традиционной точки зрения в этом вопросе и заявлял, что всякое человеческое существо священо и никто не должен считаться нечистым.

Комиссия Саймона. Новая конституция Индии была провозглашена в бурной обстановке. С самого начала единственная партия, способная организовать сильную оппозицию, отказалась сотрудничать в проверке диархии на практике—конгресс не принял никакого участия в выборах 1920 г. Но после неудачи гражданского неповиновения влиятельная группа членов конгресса, которую возглавляли Дас и Мотилал Неру, создала организацию свараджистов и получила большее число мест при выборах 1928 г. в законодательные органы.

Их участие в выборах не привело ни к чему и дало только повод для публичного обсуждения недостатков диархии. Английский контроль над финансами вызывал больше всего недовольства. В 1926—1927 гг. целую бурю вызвало решение правительства стабилизировать рупию, которая с начала войны была оторвана от золотого стандарта. Правительство имело в виду установить курс рупии на уровне 1 шиллинга 6 пенсов вместо прежнего курса в 1 шиллинг 4 пенса. Это было бы выгодным для иностранных импортеров, так как увеличило бы их выручку за товары и одновременно создало бы затруднения для индийских экспортеров, так как повысило бы цены на их товары. Это означало, по выражению ораторов конгресса, «смертный приговор для миллионов индийских земледельцев». С этим были согласны индийские коммерсанты в Бомбее и промышленники из Ахмедабада. Правительству удалось провести закон, но оно получило представление о сильнейшей оппозиции местных промышленников действующих заодно с популярным в стране конгрессом.

Английское правительство поняло теперь, что в Индии наступило время дальнейших конституционных реформ. Вопрос заключался в том, какие нужны реформы. Было решено, что в Индию будет немедленно отправлена комиссия, которая доложит парламенту о результатах реформ 1919 г. и о мерах, которые нужно принять в данный момент.

Работа комиссии была обречена на неудачу с того самого момента, как стал известен состав ее членов. Она состояла из семи членов английского парламента под председательством сэра Джона Саймона. В ее составе не было ни одного индуса. Индусы разных оттенков и мнений сочли это вызовом. Английское правительство поспешило разъяснить, что оно, разумеется, охотно включило бы индусов в состав комиссии, но оно желало получить единодушный и беспристрастный доклад: индусы были либо мусульманами, либо последователями индуизма, и комиссия, состоящая из представителей только одной религии, не могла бы считаться беспристрастной, а если бы в составе комиссии были члены, принадлежащие к обеим религиям, то она не могла бы быть единодушной.

Это не показалось убедительным для индийского общественного мнения, но среди членов палаты лордов имелся индус, представителем Индии на имперской конференции также был индус, индусы участвовали и в прежних комиссиях. Назначение комиссии Саймона в таком составе было принято как оскорбление. Конгресс и либеральная федерация бойкотировали ее членов. Крайнее и умеренное течения индийского национального движения вовсе не были намерены ожидать, пока англичане опубликуют свой доклад, а английский парламент (который уделял в среднем не более сорока восьми часов в год индийским делам) соберется составить новую конституцию. В октябре 1929 г. вице-король лорд Ирвин несколько рассеял недоверие. Он заявил: «Я уполномочен ясно заявить, что конечной целью конституционного развития Индии, намеченного декларацией 1917 г., является достижение статута доминиона». Он добавил, что после опубликования доклада комиссии Саймона будет создана конференция круглого стола, на которой «правительство встретится с предста-

вителями Британской Индии и индийских государств для обсуждения формы новой конституции, которая должна быть представлена парламенту».

Однако конгресс нельзя было успокоить перспективой возможных уступок в будущем. Ганди и Мотилал Неру сообщили вице-королю, что конгресс не сможет принять участия в конференции, если статут доминиона не будет дарован немедленно. Это, разумеется, не было во власти вице-короля. Тогда конгресс собрался и принял ряд резолюций. Было заявлено, что целью конгресса является полное самоуправление, а не только статут доминиона; членам конгресса было предписано не принимать больше участия в провинциальных или центральных законодательных органах и исполнительный комитет конгресса был уполномочен объявить гражданское неповиновение, если это потребует обстоятельствами. С этого момента началась война между националистами и властями.

1 марта 1930 г. Ганди писал вице-королю: «Я считаю британское господство проклятием», добавляя, что он не намерен причинить «никакого ущерба ни одному англичанину лично и ни одному законному его интересу, который у него имеется в Индии». Националисты требовали, помимо всего прочего, полного запрещения спиртных напитков, снижения курса рупии с 1 шиллинга 6 пенсов до 1 шиллинга 4 пенсов, снижения вдвое подоходного налога и отмены соляного налога. Если эти условия не будут приняты в течение десяти дней, то Ганди обещал призвать своих последователей к возобновлению «сатьяграха»: «Веруя неоспоримо и непоколебимо в действительность непротivления, я совершил бы грех, если бы ждал дольше».

6 апреля Ганди начал кампанию гражданского неповиновения. Он отправился из Ахмедабада в Данди и там наскреб горсточку соли, нарушив тем самым закон, который воспрещал индусам добывать соль. Он сделал правильно, что выбрал именно этот закон в качестве символа английского гнета, так как налог, дававший ежегодный доход в пять миллионов фунтов стерлингов, ложился всей своей тяжестью на самые бедные слои населения. Гражданское неповиновение, которое последовало за этим, приняло гораздо более широкие размеры и более серьезный характер, чем то движение, которое развернулось десять лет назад. Миллионы людей участвовали в бойкоте иностранных товаров, и в частности тканей, устраивали пикеты вокруг винных лавок, отказывались платить налоги. В течение первых двух месяцев движения свыше четырех тысяч человек было заключено в тюрьму. К концу 1930 г. 54 тысячи человек было приговорено за гражданское неповиновение. Власти были в затруднении. Когда члены конгресса забывали свои собственные приказы и принципы и прибегали к насилию, тогда задача полиции была простой: применение дубинок, аресты и приговоры были легким делом. Но совершенно деморализующее действие на полицию производил арест сторонников непротivления, в особенности, когда среди них было так много женщин. Кроме того, борьба стоила дорого. Бюджет индийского правительства в 1930—31 г. дал дефицит в 10 875 тысяч фунтов стерлингов. Индийский экспорт в Англию упал на 29,6 процента, а иностранный импорт в Бомбей снизился на 17,1 процента.

Не было никаких признаков ослабления гражданского неповиновения, хотя Ганди и Мотилал Неру находились в тюрьме.

Тем временем был опубликован доклад комиссии Саймона. Это было хорошо составленный, преисполненный благих намерений, документ; его много читали в Англии, и он оживил интерес английского общественного мнения к индийским делам, но он не сыграл никакой роли в истории Индии, так как он не был положен в основу дискуссии на конференции круглого стола, собравшейся в Лондоне в ноябре 1930 г. Конгресс не был представлен на конференции, а избранные английскими властями делегаты Британской Индии и индийских государств не могли считаться выразителями индийского общественного мнения. Конференция оказалась совершенно неспособной выработать конституцию и, когда в январе 1931 г. она прервала на время свои занятия, еще не было принято никаких решений.

Политика вице-короля лорда Ирвина. В этот момент вице-король сделал важный шаг к установлению мира. В феврале 1931 г. Ганди, освобожденный из тюрьмы, имел ряд бесед с лордом Ирвином. Оба поняли друг друга, и в результате их переговоров было заключено соглашение: Ганди согласился прекратить гражданское неповиновение и побудить конгресс принять участие в дальнейшем обсуждении политической реформы, а вице-король обещал, что жителям соляных районов будет разрешено беспрепятственно добывать соль и будет прекращено судебное преследование лиц, арестованных за «ненасильственный» мятеж.

После заключения соглашения между Ирвином и Ганди индийская драма стала разыгрываться в Лондоне, где в течение всей осени 1931 г. происходила вторая сессия конференции круглого стола. На этот раз в качестве делегата национального конгресса присутствовал Ганди, но он должно быть сожалел о своем приезде. В качестве одного из многих индийских делегатов его мнение не имело веса, и при холодном свете Лондона он казался непрактичным идеалистом, политика которого не имеет ничего общего с действительностью. Конференция не была подходящим местом для пророка; делегаты бились над громадной задачей— создать конституцию для страны, которая в двадцать раз больше Англии, и имеет в двадцать раз более разнородное население. К моменту окончания сессии соглашение не было достигнуто.

Полицейский режим и Белая книга. По возвращении в Индию Ганди увидел, что перемирие нарушено. Преемником лорда Ирвина был назначен лорд Уиллингдон, который не чувствовал никакой симпатии к националистам. Лорд Уиллингдон был непреклонен и неумолим. Он издал ряд указов, дававших полиции в Бенгалии и других местах неограниченные права для подавления антианглийских выступлений. Индийское крестьянство начало чувствовать удары мирового экономического кризиса: в Соединенных провинциях и в Пенджабе вспыхнуло крестьянское восстание. В некоторых частях страны наряду с «ненасильственным» гражданским неповиновением начались террористические акты. Было убито несколько английских чиновников и на бенгальского губернатора было проведено покушение. На северо-западной границе возникло новое

движение: мусульмане-патаны нашли себе вождя в лице Абдулы хана, организовавшего армию, которую он назвал армией служителей бога и которая стала известна под названием «красных рубашек». Он утверждал, что является членом конгресса и намерен соблюдать принцип «ненасилия». Англичане начали с ним бороться при помощи силы.

Возможно, что, если бы лорд Уиллингдон согласился на требование Ганди о назначении ему свидания, соглашение было бы достигнуто. Но новый вице-король предпочел заключить Ганди в тюрьму. Английское общественное мнение одобрило это решение. В журнале «Punch» появилась карикатура, на которой был изображен Ганди в тюремной камере и рядом с ним лорд Уиллингдон, играющий ключами от камеры и бормочущий: «Теперь мы услышим настоящую голос Индии».

Полиции было дано право арестовывать по простому подозрению, реквизировать здания и транспортные средства, задерживать поезда, письма, телефонные переговоры и телеграммы, считать уголовным преступлением всякую попытку нападения или бойкота. Вводя полицейский режим, правительство стремилось подавить национальное движение. Во всей Индии полиция пустила в ход оружие, в Гуджарате в течение первых восьми месяцев 1932 г. полиция ранила 2 638 человек а в Северо-западной провинции управление при помощи чрезвычайных указов сопровождалось сожжением домов, уничтожением посевов, блокадой деревень и избиением крестьян. Все националистические организации были объявлены вне закона (включая не только национальный конгресс, но и мусульман-националистов, национальную христианскую партию, комитеты борьбы против «неприкасаемости», комитеты по проведению запрещения спиртных напитков и многие другие организации). Собрания конгресса были закрыты, его издания запрещены, его средства конфискованы и все сколько-нибудь известные члены конгресса были арестованы. В результате националисты приобрели ореол мучеников, и национализм, несмотря на преследования, распустился пышным цветом. Престарелый лидер умеренных Сапру правильно выразил общее мнение, когда сказал, что «недовольство правительством, отрицательное к нему отношение, озлобление почти в каждой семье в Индии сейчас сильнее, чем когда бы то ни было на моей памяти».

В то время как английские власти в Индии были заняты подавлением индийского национального движения во всех его проявлениях, в Лондоне состоялась третья сессия конференции круглого стола и правительство опубликовало «Белую книгу», содержащую проект новой индийской конституции. «Белая книга» представляла собой шаг вперед по сравнению с реформами 1919 г. Так, например, Индия должна была превратиться в федерацию, объединяющую Британскую Индию и индийские государства; в провинциях Британской Индии индусам предоставлялось самоуправление, а не только контроль над некоторыми отраслями управления: в выборах в законодательные органы должно было участвовать большинство населения; центральное правительство становилось ответственным,

с соблюдением некоторых гарантий, не перед английским правительством в Лондоне, а перед индийским законодательным собранием.

«Белая книга» была попыткой выработать в Англии конституцию для Индии, но за индусами не признавалось право избрать учредительное собрание, чтобы выработать собственное политическое устройство. «Белая книга» не давала также индусам ответственного правительства, так как казна оставалась в руках англичан. «Белая книга» предоставляла индийскому министру финансов контроль только над 20 процентами бюджета, остальная же часть закреплялась за англичанами для нужд армии и государственного аппарата.

Индийская промышленность. Рассмотренный нами период начинается с обещания предоставить Индии самоуправление; он заканчивается в тот момент, когда в деле выполнения этого обещания был сделан шаг вперед. Но среди всех этих споров мы склонны забывать, что основной проблемой для Индии является проблема экономическая. Индийская деревня постоянно находится на грани голода. По некоторым подсчетам, около 40 миллионов человек питаются только один раз в день, и общеизвестно, что средняя продолжительность жизни в Индии меньше двадцати пяти лет. В результате реформ 1919 г. руководство сельским хозяйством в провинциальных правительствах перешло к индусам, однако поскольку не было средств согласованной политики между отдельными провинциями, то в результате ничего из сделанного не вышло. Первой задачей нового правительства Индии будет планирование хозяйства Индии как единого целого, чтобы накормить миллионы голодающих. Это будет означать модернизацию сельского хозяйства и развитие промышленности. Нельзя отрицать, что промышленность Индии сильно развилась благодаря заказам военного времени, послевоенному «буму» и протекционному тарифу. Это развитие пошло, однако, не на пользу всего населения в целом, а лишь на пользу английских и индийских промышленников.

Полезно напомнить об условиях труда на индийских фабриках. Например, в Амритсаре на ковровых фабриках большинство рабочих—дети моложе четырнадцати лет, работающие в течение 11 часов за вознаграждение в $2\frac{1}{2}$ пенса в день; в индийской дубильной промышленности заработная плата составляет в среднем меньше 5 пенсов в день; в трущобах Бомбея рабочие живут по шесть и более человек в одной комнате и 660 детей из 1 000 умирает на первом году жизни¹.

XV. КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Китайские представители на Парижской мирной конференции точно знали, чего они хотели. Президент Вильсон сформулировал их пожелания в своих четырнадцати пунктах: «Упразднение по возможности всех экономических барьеров и установление разных

¹ См. Report of the Royal Commission on Labour in India (H. M. Stationery Office, 1931).

условий торговли... свободное, справедливое и абсолютно беспристрастное урегулирование всех колониальных притязаний... в интересах населения, которого это касается». Словом, Китай хотел освободиться от иностранного господства—он хотел экономической и политической свободы.

Это требование означало очень многое, ибо свыше полувека индустриальные государства «развивали» Китай в качестве рынка сбыта для своих товаров и источника сырья. На юге французы захватили Аннам, а на севере германцы захватили Шаньдун. Россия и Япония воевали друг с другом из-за Трех восточных провинций (Манчжурии). Эта война закончилась для Японии захватом Кореи и установлением ее контроля над экономическими ресурсами Южной Манчжурии, тогда как Россия сохранила контроль над Китайско-восточной железной дорогой, которая ведет к Владивостоку через Северную Манчжурию. Самые выгодные позиции в Китае были заняты Великобританией. Население и торговля Китая концентрируются около трех больших рек—Синзян, Ян-цзы и Желтой реки. Захватив остров Гонконг, Англия установила контроль над торговлей Кантона и Желтой реки. Получив «концессии», т. е. право создавать укрепленные кварталы в китайских портах, Англия захватила львиную долю обширной торговли Шанхая и долины реки Ян-цзы. Обладание Шаньдуном, провинцией с сорокамиллионным населением, дало Германии контроль над Желтой рекой, но Англия, владевшая в Шаньдуне лишь одним портом, заключила англо-японский союз, просуществовавший с 1902 до 1922 г., и тем самым помогла Японии задержать усиление германского и русского влияния на севере страны.

Все эти иностранные привилегии в Китае были закреплены договорами и имели поэтому юридическое основание. Другой вопрос—можно ли было оправдать их с точки зрения морали. Договоры были навязаны Китаю под угрозой штыков (первый из них был подписан в 1842 г., после войны, начатой Англией с Китаем, чтобы заставить китайского императора предоставить английским торговцам право продавать опиум китайцам). Они привели к разному ограничению китайского суверенитета. В «Манчестер Гардиен» корреспондент А. Ренсом писал: «Ни один здравомыслящий человек не может отрицать, что политика (иностранцев) в Шанхае представляет собой систематическое нарушение китайских прав. Если мы проследим историю внешних сношений Китая с 1842 по 1914 г., то увидим, что это была история постепенной потери независимости, история установления иностранного контроля над китайским хозяйством. Размеры таможенных пошлин Китая определялись иностранцами в интересах иностранных фабрикантов. Небольшие доходы, которые получались от этих пошлин, шли, в первую очередь, на уплату процентов по займам, которые оказалось необходимым заключить, главным образом, из-за иностранной агрессии. Водные пути сообщения обслуживались большей частью иностранными судами. Железные дороги сооружались иностранцами и в большинстве случаев оставались под их контролем. Даже для расходования на внутренние нужды тех средств, на которые не предъявляли притязаний иностранцы, стало

требоваться согласие иностранного дипломатического корпуса в Пекине. Иностранцы стали получать все большие прибыли от операций с китайскими капиталами и таким путем заняли господствующее положение в отношении любого из своих китайских конкурентов». Эти захваты вызывали особое озлобление из-за презрительного отношения к китайцам иностранцев, которые оказались не в состоянии оценить существующую два тысячелетия китайскую культуру («более высокую, чем наша,—по словам Бертрана Расселя,—во всем, что способствует человеческому счастью»). Они не переставали обращаться с китайцами, как с низшей расой, и считали их недостойными посещать иностранные клубы в качестве гостей или гулять в парках и на набережных, построенных иностранцами к тому же на китайские деньги.

Китайские делегаты на Парижской конференции потребовали пересмотра договоров, которые дали иностранцам эту власть над Китаем, и возврата Китаю Шаньдуна. Нет ничего удивительного, если союзные державы заявили, что «они не полномочны обсуждать эти требования» на мирной конференции. Китай не объявлял войны центральным державам до августа 1917 г. и не принял фактически участия в военных действиях. Япония получила на конференции Шаньдун и мандат на тихоокеанские острова к северу от экватора, принадлежавшие Германии. Китайские делегаты ушли с пустыми руками. Они отказались подписать Версальский договор и не получили ничего кроме места в Лиге наций.

Три принципа Сун Ят-сена. Китай был бессильно отомстить за оскорбление и фактически не имел правительства. С 1644 по 1911 г. в Китае правила манчжурская династия. Младокитайцы низложили императора и провозгласили республику, потому что манчжуры отказались проводить реформы и не могли или не хотели сопротивляться иностранному вторжению. Вождь этой революции Сун Ят-сен хотел сделать Китай независимым государством—он поставил себе сверхчеловеческую задачу. Китай по своей территории равен Западной Европе, а население его еще более многочисленно. После революции 1911 г. власть перешла к одному из сановников манчжурской династии. После его смерти в 1916 г. военные губернаторы, назначенные им в отдельные провинции, стали независимыми правителями. Правда, в северной столице, в Пекине, формально существовало правительство, но оно превратилось в посмешище благодаря своему прислужничеству перед генералами, распоряжавшимися правительственной казной по своему усмотрению. На юге, в Кантоне, существовало другое правительство—правительство национальной партии Сун Ят-сена—гоминдана. Китайская делегация в Париже состояла из представителей северного и южного правительств. Это был единственный случай, когда оба правительства согласились сотрудничать друг с другом.

Торжество Японии в Париже побудило китайское общественное мнение повернуться в сторону гоминдана. Во время войны Япония заставила беспомощных пекинских министров принять так называемые двадцать одно условие, имевших целью превратить Китай в экономический придаток Японии. Гоминдан был единственной

организацией, которая могла сопротивляться требованиям Японии. Сун Ят-сен в речи, произнесенной им в марте 1921 г., разъяснил три принципа, которые являлись программой его партии. Первый принцип—национализм. В соответствии с этим принципом должны быть ликвидированы иностранные концессии, договорные порты, сферы влияния и т. п. Китаем должны править китайцы совместно с четырьмя национальными меньшинствами—манчжурами, монголами, татарами и тибетцами. Второй принцип—демократия. Население должно иметь право избирать законодательное собрание и отзывать своего делегата, если он более не выражает желания населения. Некоторые основные вопросы должны разрешаться самим населением путем референдума, население должно иметь право законодательной инициативы путем подачи петиций законодательному собранию. В этой демократической республике исполнительная власть должна принадлежать министрам, ответственным перед законодательным собранием. Для перевода третьего принципа на европейских языках нет соответствующего термина,—быть может, наиболее ясно передают его содержание выражения «социальная справедливость» или «благополучие народа». Сун Ят-сен подразумевал под этим перераспределение народного богатства для того, чтобы обеспечить человеческое существование для каждой китайской семьи.

Промышленность в Китае носила кустарный характер. Современное промышленное производство существовало только на побережье, где оно было организовано иностранцами в их собственных интересах. Целью политики Сун Ят-сена было создание при помощи займов современной промышленности, принадлежащей китайцам.

«Стремления китайского народа могут осуществиться только в том случае,—заявил Сун Ят-сен, излагая третий принцип,—если мы поймем, что для возрождения государства мы должны приветствовать приток иностранного капитала в возможно больших размерах и должны также привлечь иностранных ученых и опытных специалистов. Тогда в течение нескольких лет мы создадим собственную крупную промышленность и накопим технические и научные познания».

Три принципа настолько явно соответствовали западным образцам, что Сун Ят-сен, естественно, рассчитывал, что западные державы помогут ему провести их в жизнь. В 1921 г. он обратился за помощью к Америке, но Америка отказала. Он обратился тогда к Англии и Японии, но Англия предпочла поддерживать генерала У Пей-фу, который распоряжался долиной Ян-цзы, а Япония поставила ставку на Чжан Цзо-лина, правителя Манчжурии. У гоминдана оставалась единственная надежда—обратиться за помощью к Советской России. В годы изгнания Сун Ят-сен встречался в Европе со многими из тех людей, которые правили в этот момент Россией, и знал, что русская и китайская революции имеют много общего, обе страны боролись с империалистическими вождениями капиталистических государств и с несправедливостью и отсталостью социальной системы.

В 1924 г. началась реорганизация гоминдана для превращения его в боевую партию. Был открыт прием в партию крестьян и рабочих. Далее было постановлено, что обсуждение какого-нибудь вопроса допускается лишь до принятия решения по этому вопросу исполнительным органом партии; когда решение принято, оно должно выполняться всеми членами партии беспрекословно. Местные организации, или ячейки, высылали делегатов на провинциальный съезд, который выбирал делегатов на партийный съезд; этот последний избирал членов центрального исполнительного комитета гоминдана.

Национальная партия получила, таким образом, надлежащую организацию. Следующим шагом было создание армии. Была образована военная школа в Вампу для подготовки китайских офицеров. Начальником школы был молодой китаец по имени Чан Кай-ши, о котором речь будет дальше. Офицеры, выпущенные школой Вампу, обучили армию гоминдана, которая оказалась в состоянии навести порядок во всей провинции Гуандун, столицей которой является Кантон.

В марте 1925 г. умер от рака Сун Ят-сен. В ранней юности, будучи студентом-медиком в Гонконге, он боролся за освобождение Китая. Уже в 1895 г. он находился в изгнании и создал китайскую революционную лигу в Японии, Голландии и Европе. За его голову была назначена высокая цена, и он часто находился на волосок от смерти (однажды он был схвачен на центральной улице Лондона Пикадилли и заключен в китайском императорском посольстве). Начиная с 1911 г. он был бесспорным вождем китайской революции. Его смерть вызвала в Китае глубокую скорбь. Вошло в обычай склонять голову перед портретом Сун Ят-сена, который имеется в каждой школе и в каждом учреждении. Всякая официальная церемония начинается с чтения его завещания:

«Сорок лет я посвящал свои силы делу национальной революции. Задачей ее является обеспечить Китаю независимость и равноправие. Опыт сорока лет показал мне, что, для того чтобы достигнуть этой цели, народ должен подняться и мы должны бороться совместно со всеми теми нациями мира, которые признают нас равноправными. Революция еще не достигла своей цели. Поэтому все, кто стремится к той же цели, что и я, должны действовать в соответствии с принципами, изложенными в моих трех книгах—«Метод создания нации», «Генеральный план реконструкции национального правительства» и «Три народных принципа»,—а также в декларации, провозглашенной по случаю первого съезда народных представителей, и должны приложить все усилия к тому, чтобы достигнуть первых двух задач—созыва народного съезда и отмены неравных договоров. Важно, чтобы это было выполнено в возможно более короткий срок. Такова моя последняя воля и завещание».

Военные правители Северного Китая. Сун Ят-сен умер в тот момент, когда он пытался добиться присоединения некоторых генералов к программе националистов. Северные провинции находились под неограниченной властью примерно дюжины военных губернаторов; трое из них вели нескончаемую гражданскую войну за

установление контроля над обреченным пекинским правительством. Трудно представить себе три более своеобразных группы. В 1918—1922 гг. наиболее могущественный из них был Чжан Цзо-лин, правитель Манчжурии. Он был маленького роста и скромный по внешности, всю свою жизнь он провел на войне. Чжан Цзо-лин не имел никакого образования кроме того, которое он получил, как он говорил, в «школе лесов», т. е. скитаясь и бродяжничая. Он выдвинулся впервые в качестве руководителя бандитской шайки, известной под названием «рыжие бороды». Во время русско-японской войны 1904 г. он и его соратники помогали японцам и, хотя впоследствии он находился на службе у китайского правительства, но все время получал субсидии от Японии; последняя имела особые основания стремиться к хорошим отношениям с самым сильным человеком в Манчжурии. В Мукдене, который являлся его резиденцией и находился на территории, арендованной Южноманчжурской железной дорогой, принадлежащей японцам, у него имелся арсенал, который мог снабдить его всем тем вооружением, за которое он мог уплатить. Нужные средства он добывал обычно при помощи налетов на манчжурских крестьян и экспедиций за пределы Великой стены. В 1920 г. Чжан Цзо-лин осуществил свои мечты и овладел Пекином.

Наиболее сильным соперником Чжан Цзо-лина в эти годы был У Пей-фу—выдающийся ученый, который получил ученую степень при старом режиме, когда официальную должность можно было получить лишь в результате строгого экзамена на знание учения Конфуция. Стратегически положение У Пей-фу было сильнее, потому что под его контролем находилась железная дорога между Пекином и Ханькоу, расположенным на Ян-цзы. Свое вооружение он получал от металлургических заводов в Ханьяне, а для оплаты своего снаряжения он пользовался тем же самым источником, что и его соперник,—его армия жила поборами с гражданского населения. Невозможно описать страдания китайского населения, находившегося под властью этих военных правителей. В обычные годы солдаты оставляли крестьянам достаточно, чтобы просуществовать, но в годы неурожая, как, например, в 1920 г., умирали от голода, конечно, не солдаты, а крестьяне.

В 1922 г. между Чжан Цзо-лином и У Пей-фу произошло большое сражение за овладение Пекином. Чжан Цзо-лин его проиграл и удалился в Манчжурию. Победу решило вмешательство Фын-Юй-сяна—одного из генералов У Пей-фу. Фын Юй-сян был во многих отношениях наиболее замечательным из китайских генералов. Человек гигантского роста, принявший христианство, он женился на секретаре союза женской христианской молодежи и считал своим героем Оливера Кромвеля. Он раздавал библии своим солдатам, ежедневно устраивал молитвенные собрания; его солдаты шли в атаку с пением «вперед, воины Христа». В его армии наблюдалась строжайшая нравственная дисциплина, и однажды он публично ударил одного полковника за посещение публичного дома. Он стремился подавать пример своим солдатам, носил простую одежду и питался чрезвычайно скромно. Он запрещал грабежи. Пока у него хватало средств регулярно оплачивать своих солдат, ему удавалось доби-

ваться соблюдения этого запрещения, но когда денег не было, ему приходилось прибегать к методам Робин Гуда—захватывать караваны серебра по пути в Пекин и делить выручку между своими солдатами, оплачивая в первую очередь солдат и в последнюю—офицеров. Для того чтобы удержать своих людей от грабежей, он занимал их в часы досуга постройкой дорог. Благодаря этому он смог прийти в 1920 г. на помощь У Пей-фу в нужный момент. У Пей-фу назначил «христианского генерала» правителем Пекина, и Фын Юй-сян оставался лояльным по отношению к своему начальнику вплоть до 1924 г., когда Чжан Цзо-лин вновь начал наступление. Все предзнаменования были в пользу У Пей-фу, но в критический момент Фын Юй-сян оставил его и вернулся в столицу. У Пей-фу бежал.

Заняв в Пекине руководящее положение, «христианский генерал» стал делать вид, что в отличие от других генералов он не преследует чисто корыстные цели. Его правление в Пекине основывалось на принципах, близких в программе Гоминдана. В 1926 г. его старые соперники—Чжан Цзо-лин и У Пей-фу заключили союз против него, и «христианский генерал» бежал, предоставив своей армии с боем пробиваться в Северо-западный Китай.

Северный поход Гоминдана. Лидеры националистов в Кантоне решили теперь осуществить смелый план—начать поход на север, захватить Ханькоу, пока У Пей-фу занят своей войной против Фын Юй-сяна. Они полагали, что если им удастся продвигаться по Ян-цзы до Шанхая, самого крупного города в Китае, то, опираясь на Ян-цзы, они смогут продвигаться на север до Пекина и весь Китай окажется тогда под властью националистов. Националисты были полны надежд. Военная академия в Вампу выпустила тысячи офицеров, у них было семь армий, по 14 500 человек в каждой. Кроме того, со времени смерти Сун Ят-сена события развивались в пользу гоминдана. В Шанхае увольнение нескольких рабочих с одного иностранного предприятия в мае 1925 г. привело к демонстрации против империалистических эксплуататоров. Полиция шанхайского международного квартала открыла огонь по демонстрантам, которые в большинстве своем состояли из небогатых студентов. В виде протеста были объявлены всеобщая забастовка и бойкот английских товаров. По всему Китаю прокатилась волна возмущения против Англии. Кантон воспользовался этим, чтобы устроить демонстрацию против Англии в Гонконге. Между китайскими и английскими войсками, защищавшими концессию в Шамине, произошла перестрелка. Гоминдан выпустил сообщение, что 52 китайца убиты и 117 ранены, и объявил бойкот Гонконга; 30 тысяч китайских рабочих со своими семьями бросили работу у английских предпринимателей и переселились в Кантон.

Националисты начали свой поход на север в июне 1926 г., когда волна антиимпериалистического движения достигла наивысшей точки. Их армии под руководством Чан Кай-ши отбросили войска У Пей-фу за Ян-цзы и захватили Ханькоу—город, занимающий прекрасное положение в самом центре Китая; отсюда начинается также Восточная железная дорога на Пекин. Руководители гоминдана перевели сюда свою главную квартиру из Кантона и объявили Ханькоу новой

столицей Китая. В то время как войска Чан Кай-ши спускались по Ян-цзы, чтобы захватить Нанкин и китайские кварталы Шанхая, руководители гоминдана лихорадочно взялись за работу, чтобы превратить Ханькоу в подлинный центр национального движения. Рабочие были организованы в профессиональные союзы и на протяжении восьми недель в результате целого ряда забастовок заработная плата была повышена на 50 процентов. Владельцы японских фабрик согласились повысить заработную плату, но самое крупное предприятие в городе—английская табачная фабрика—предпочло уволить своих рабочих и закрыть предприятие. Иностранные резиденты в городах, расположенных на реке Ян-цзы, были охвачены страхом. Толпы китайцев шествовали по улицам с красными знаменами и антиимпериалистическими плакатами. Английские газеты призывали в Шанхае английское правительство объявить войну революционерам. К счастью английское правительство не потеряло голову. Понимая, что за спиной гоминдана стоит все население Китая, английское министерство иностранных дел послало своего представителя в Ханькоу, чтобы заключить соглашение с министром иностранных дел национального правительства. Этот пост занимал в то время Евгений Чен, который родился в Тринидаде и был английским подданным. По соглашению между Ченом и О'Малли, Англия отказалась от своей концессии в Ханькоу и Цзинцзяне. Должно было послеловать соглашение по другим вопросам, если вожди гоминдана удержат под своим контролем своих последователей. На всякий случай Англия послала в Шанхай три военные бригады.

До сих пор все шло хорошо. Под контролем националистов находилась долина реки Ян-цзы—этой великой артерии Китая. Иностранные державы, казалось, готовы пойти на уступки. На севере Фын Юй-сян—«христианский генерал»—присоединился к гоминдану, обещая оказать поддержку армиям гоминдана в их борьбе с пекинскими генералами. Внешне националисты как будто почти одержали победу. На самом деле их положение было безнадежно, так как гоминдан раскололся.

Еще накануне смерти Сун Ят-сена наметились признаки раскола в партии. По одну сторону находились купцы, комиссионеры и т. д.—вся группа средней буржуазии, стремившаяся к тому, чтобы ввести в Китае конституцию, при которой можно было бы вести торговлю на выгодных началах. По другую сторону, представляя собой левое крыло, находились все те, которые хотели совершить революцию и считали, что перераспределение богатств имеет более важное значение, чем выгодная торговля с иностранными государствами. Правительство в Ханькоу находилось в руках левого крыла, руководителями которого были Евгений Чен и вдова Сун Ят-сена. Чан Кай-ши всегда симпатизировал правому крылу. Он воспользовался тем, что в его распоряжении имелась большая армия, и создал в апреле 1927 г. в Нанкине правительство; одновременно он отказался признать группу, находившуюся в Ханькоу, исполнительным органом гоминдана.

Государственный переворот Чан Кай-ши мог бы не удался, если бы левое крыло было единодушным. Чан Кай-ши знал, что едино-

душия не существует. С 1921 г. существовала китайская коммунистическая партия, входившая в состав III Интернационала. Коммунисты были членами гоминдана. Споры между коммунистами и левым крылом сделали гоминдан легкой добычей Чан Кай-ши. Он послал свои войска против Ханькоу. Левое крыло было разбито, и вся партийная организация оказалась в руках Чан Кай-ши. В июле 1927 г. он приступил к разгрому коммунистического движения. Последовала волна белого террора, сопровождавшаяся крайними жестокостями. Последней опорой коммунистов был Кантон, где 14 декабря (1927 г.) была провозглашена коммуна; после трехдневных боев она была подавлена войсками Чан Кай-ши:

Нанкинское правительство. В конце 1927 г. Чан Кай-ши восторжествовал. Он объявил себя преемником Сун Ят-сена и сторонником трех принципов. Для того чтобы обосновать свои притязания, он женился на невестке Сун Ят-сена (хотя это влекло за собой развод его с третьей женой и принятие «христианства»), назначил шурина Сун Ят-сена Т. В. Суна министром финансов, а сына Сун Ят-сена Сун-фо, человека, совершенно неустойчивого, сделал своим доверенным лицом. В июне 1927 г. Чан Кай-ши захватил Пекин и переименовал его в Бейпин (это означает «Северный мир», а прежнее название означало «Северная столица»). Он объявил Нанкин столицей, а себя самого президентом Китая. Со стороны казалось, что Китай объединен под властью республиканского правительства, которое именует себя гоминданом и на словах признает «три принципа». Но в действительности единство Китая не было восстановлено и не могло быть и речи о каких-либо принципах. В Манчжурии, Чжан Цзо-лин и его сын Чжан Сюэ-лян были совершенно независимы друг от друга, несмотря на родство. На северо-западе укрепился Фын Юй-сян, которого убедили сохранять мир, подарив ему три миллиона долларов. В Южном и Центральном Китае имелось множество коммунистов.

Сила Чан Кай-ши заключалась в том, что его поддерживали купцы и землевладельцы. Действуя в их интересах, он распустил рабочие профессиональные союзы и приостановил захват земли крестьянами. «В настоящее время, — заявил он, — мы не боимся, что землевладельцы и капиталисты будут угнетать крестьян и рабочих, мы боимся скорее обратного». Эта политика, разумеется, получила одобрение со стороны иностранных держав, которые поторопились признать нанкинское правительство и заключили договоры с Чан Кай-ши. На основании новых договоров Бельгия, Англия, Соединенные штаты и другие державы дали обещание постепенно ликвидировать свои концессии и упразднить капитуляции. Взамен этого нанкинское правительство представило иностранцам право приобретать землю в Китае. Чан Кай-ши принял все меры, чтобы получить иностранные займы. Он особенно стремился к тому, чтобы получить займы от Японии и Соединенных штатов, и для того, чтобы расположить их в свою пользу, побудил Чжан-Сюэ-ляна захватить Китайско-восточную железную дорогу, принадлежавшую СССР, — эта попытка закончилась позорной неудачей.

Имущие классы Китая и империалистические державы имели все основания к тому, чтобы быть довольными Чан Кай-ши. Правда,

с ним было трудно иметь дело: он был вспыльчив, скрытен и властолюбив, но они научились обращаться с ним, памятуя то, что написали о нем еще во время Северного похода: «Если его тонко похвалить и говорить с ним вежливо, то можно от него многого добиться. Не следует только никогда считать себя выше или ниже его. Следует всегда быть на равной с ним ноге, никогда не следует показывать, что хотят захватить хотя бы частицу его власти».

Другим классам Китая нанкинское правительство принесло меньше пользы. Для рабочих и крестьян Чан Кай-ши был такой же генерал, как все остальные, хотя и более сильный и более беспощадный, чем все другие, под властью которых им приходилось страдать. Гоминдан был его орудием и он пользовался им для жесточайшей эксплуатации масс. В провинциях, находившихся под его властью, налоги были самые высокие, а заработная плата самая низкая; его солдаты производили самые беспощадные грабежи. Для рабочего класса не имело никакого значения, что нанкинское правительство было популярно среди иностранных держав, что Лига наций посылала в Нанкин советников из Женевы, что столица перестраивалась американскими архитекторами, а армия была реорганизована германскими офицерами. Это были не те реформы, ради которых многие из рабочих присоединились к гоминдану в 1925—1926 гг. Под словом национализм они понимали Китай, в котором не было иностранного влияния, под словом демократия—Китай, где не было милитаризма; им Китай представлялся осуществлением социальной справедливости, в результате которой крестьяне владели бы достаточным количеством земли, чтобы прокормить своих детей, не опасаясь наводнения или голода, где рабочие получали бы хорошую заработную плату, а рикши не должны были бы доводить себя до смерти своей работой.

Советский Китай в 1931 г. Оппозиция к нанкинскому правительству Чан Кай-ши постепенно сгруппировалась вокруг двух центров. В Кантоне начало создаваться новое левое крыло гоминдана: недовольные генералы и члены нанкинской группировки вроде Сун-фо и Евгения Чена создали другое гоминдановское правительство в Кантоне в мае 1931 г., именуя себя юго-западным политическим советом. Этот совет был менее единодушен в вопросе о своих задачах и менее способен управлять, чем нанкинская организация гоминдана. Совершенно другой вид оппозиции возник в форме коммунизма. Китайская коммунистическая партия была объявлена Чан Кай-ши в 1927 г. вне закона, но преследования ее не разрушили. Коммунистические ячейки, которые были созданы во время Северного похода, возобновляли свою деятельность, как только соответствующий район становился вне досягаемости для репрессий. Коммунизм облегчал, если не разрешал, крестьянскую проблему голода и наводнения. Нет поэтому ничего удивительного, что обширные районы Центрального Китая оказались под властью советов. Насколько широко распространялась, насколько хорошо управляла, в какой мере была централизована советская власть, историки в настоящее время еще не имеют возможности установить. Мы ограничимся тем, что процитируем сообщение двух наименее пристрастных наблюдателей. Сэр Джон Хоп-Симпсон говорит о коммунизме на севере от Ян-цзы следующее: «Когда я прибыл в

Китай в 1931 г., там имелось советское правительство, под властью которого находились значительные части провинции Хубэй и сравнительно незначительные районы в Хенане и в других местах. Это правительство существовало, по крайней мере, шесть лет и было настолько хорошо организовано, что имело монету собственной чеканки и собственное банкнотное обращение, собственную телефонно-телеграфную сеть, собственные школы и больницы и, разумеется, собственную армию. На северном берегу Ян-цзы, приблизительно в 60 милях к западу от Ханькоу, на столбе была сделана крупным китайским шрифтом надпись: «Здесь начинается территория советского правительства Китая». Начиная с этого места на запад, по реке выше, чем на 150 миль, тянулась советская территория»¹.

Говоря о территории к югу от Ян-цзы А. Д. Тойнби обращает внимание «на расширяющуюся зону коммунистической территории. По обе стороны водораздела между бассейном реки Ян-цзы и южного приморья—это барьер, который в настоящее время все более и более изолирует Кантон от Нанкина».

В сентябре 1931 г. Япония начала наступление против дезорганизованного Китая, раздираемого гражданской войной и разоренного продажными правителями. Мы оставим революционный Китай и обратимся к внутреннему развитию Японии, которое привело ее к манчжурской кампании.

XVI. ПРОБЛЕМА ЯПОНИИ

Семьдесят лет назад Япония была средневековым государством, отрезанным от материка законами, которые воспрещали иностранцам всякий доступ на ее землю и запрещали японцам строить суда, на которых они могли бы проникнуть в другие страны. Социальная система была феодальной—дворяне (самураи) владели землей и всеми богатствами. Самураи обладали всеми достоинствами и всеми недостатками аристократической касты. Они придерживались строгого нравственного кодекса, который, подобно кодексу средневековых христианских рыцарей, ставил честь превыше всего: если дело шло о чести, то самурай считал себя вправе убить своего противника; он предпочитал убить себя, чем жить обесчещенным. Но, подобно рыцарям средневекового христианского мира, дворянские кланы и их приверженцы вели бесконечную борьбу друг с другом. Микадо был императором только по имени. Власть принадлежала тому клану, который одерживал верх в борьбе. Япония не знала мира и процветания, и империя Восходящего солнца погружалась все глубже и глубже в нищету.

В конце концов новое поколение самураев поняло, в чем заключается несчастье их страны. В итоге Япония отказалась от своей изоляции, открыла свои порты иностранным торговцам и перестала чуждаться современных экономических и политических идей. Японские реформаторы заимствовали на Западе демократическую конституцию с выборным парламентом и ответственным перед ним правительством. Однако хотя форма и была западная, но дух остался японским. Для

¹ «Problems of Peace», Series 8, Allen and Unwin.

того чтобы закон, принятый парламентом, получил силу, требовалось утверждение императора, а советы императору давала группа людей, известных под названием совета старейшин. Император осуществлял руководство армией и флотом не через посредство министров, ответственных перед кабинетом, а через начальников штаба, которые были ответственны только перед ним. Вооруженные силы были, таким образом, независимы от парламента. В новой Японии самураи образовали офицерский состав вооруженных сил.

Император не был только номинальной главой Японии, он почти буквально был ее богом. Слово «Япония» происходит от китайского выражения, означающего восходящее солнце, и японцы считают, что они находятся под особым покровительством бога-солнца. Создатели новой Японии сделали это учение краеугольным камнем своей политической системы: нынешний император, род которого правит Японией в течение двух тысяч лет, происходит непосредственно от бога-солнца: его должны поэтому почитать, как бога, и повиноваться ему, как богу. Была введена новая система обязательного обучения, для того чтобы внедрить еще до получения каких-либо знаний обязанность безусловного повиновения сыну неба—микадо, служение которому представляет собой осуществление полной свободы. Япония превратилась в современное государство, но японский патриотизм коренным образом отличается от патриотизма западных наций. Патриотизм—это религия японцев. В конце XIX в. Япония начала играть роль в экономической жизни Дальнего Востока. Когда она была изолирована от остального мира, она была экономически самодовлеющей. Выйдя из своей изоляции, Япония, население которой возросло, стала искать на материке средства для своего существования. Западные державы уже начали раздел Китая на сферы влияния. Япония почувствовала связанную с этим опасность, и в особенности от притязаний России на Корею, так как Корейский полуостров угрожал самому сердцу Японской империи. Корея находилась тогда под номинальным господством Китая и китайское правительство было явно неспособно защитить полуостров от России или кого-нибудь другого. Имея это в виду, Япония в 1894 г. объявила Китаю войну и создала из Кореи «независимое королевство», а впоследствии, в 1905 г., вопреки своим заверениям, Япония аннексировала Корею и превратила ее в составную часть Японской империи.

В результате этой войны Япония аннексировала также Ляодунский полуостров, который представляет собой южную оконечность Манчжурии. Россия заявила против этого протест, и Япония покорно вернула Ляодун Китаю. Вслед за этим Россия совершенно невозмутимо захватила Ляодун и провела линию Китайско-восточной железной дороги через Южную Манчжурию на Ляодунский полуостров, где были построены два порта—Порт-Артур и Дайрен. Россия, наконец, достигла своей цели и получила незамерзающий порт на Тихом океане.

При поддержке Англии, с которой она состояла в союзе, Япония начала в 1904 г. войну с Россией и к изумлению всего мира разбила ее, одержав блестящую морскую победу. Япония отвоевала Ляодун и захватила Южноманчжурскую железную дорогу, которую китайское правительство предоставило ей в концессию на 35 лет.

Война с Россией превратила Японию в великую восточную державу. Мировая война 1914 г. превратила ее в мировую державу. Верная своему союзу с Англией, она присоединилась к союзникам, несмотря на то что это означало бороться бок о бок с Россией. Японцы, однако, очень мало участвовали в военных действиях. Их задача заключалась в том, чтобы снабжать союзников снаряжением и военными материалами, охранять Тихий океан и вести торговлю в Азии, пользуясь своим флотом. Трудно было представить себе более выгодное дело. В результате войны промышленное производство Японии удвоилось, а активное сальдо ее торгового баланса составило 2 миллиарда долларов. На мирной конференции ей дали не только Шаньдун и те острова, которые представляли собой прежде морские базы Германии на Тихом океане, но и предоставили также постоянное место в Совете Лиги наций, что было равносильно признанию Японии мировой державой.

Япония создала себе во время войны состояние. Но основы процветания народного хозяйства страны не могут быть заложены во время войны. Когда прекратились военные заказы и кончился «бум», перед японскими государственными деятелями встала во весь рост грозная проблема. Япония не была более самодовлеющей страной. Ее население увеличивалось небывалыми темпами: в 1846 г. оно равнялось 26 миллионам, а в 1920 г. дошло до 56 миллионов человек. Теперь уже не могло быть речи о возврате Японии к прежнему состоянию изоляции, когда она была аграрной страной. Плотность населения была почти в четыре раза больше, чем в Англии. Сельское хозяйство не могло более обеспечить существование новых миллионов людей, а каждый год население увеличивалось на 800 тысяч человек.

Единственным выходом для Японии было превратиться в промышленный центр Востока; только при помощи индустриализации она могла найти средства к существованию для своего все растущего населения. Однако здесь имелось одно серьезное препятствие. Ее природные богатства в виде угля и железной руды были незначительны, снабжение ее промышленности топливом зависело от импорта из-за границы. Снабжение ее сырьем также зависело от иностранных государств: в отношении хлопка—от Америки и Индии, шерсти—от Австралии, от Голландии и Америки. Шелк был единственным важным сырьем, которое она могла производить у себя. В отношении рынка для своих товаров Япония зависела от Британской империи и Соединенных штатов. Положение было, выражаясь мягко, ненадежно: если бы Британская империя или Соединенные штаты прекратили продажу сырья и покушку хлопчатобумажных изделий и шелка, Япония была бы разорена.

Политические партии. Все партии в Японии были согласны, что в будущем единственная надежда заключается в политике индустриализации в крупном масштабе. Они расходились, однако, по вопросу о том, при помощи каких средств можно этого добиться лучше всего. Имелись две крупные политические партии: сейюкай, что соответствует приблизительно (очень приблизительно) английским консерваторам,—которая делала ударение на развитие внутренней торговли при помощи государственных субсидий промышленности и сельскому

хозяйству, и минсейто, которая, подобно старым английским либералам, возлагала свои надежды на развитие внешней торговли в условиях жесткой бюджетной экономии и дружественных отношений с иностранными государствами. В оппозиции к обеим политическим партиям находились милитаристы, во главе которых стоял генеральный штаб. Милитаристы не были политической партией, но у них был большой престиж, так как военное дело все еще считается в Японии наиболее почетным занятием. Милитаристы обладали также большой властью, так как генеральный штаб был независим от кабинета и имел большое влияние на микадо. Политика генерального штаба была проста: Япония должна создать себе наиболее сильные в мире армию и флот и держать курс на завоевание чужих территорий.

Можно было бы ожидать, что обе политические партии станут в оппозицию к милитаристам, не только по моральным соображениям, но также и в связи с тем, что их политика потребовала бы крупных расходов. Однако политики Японии были продажны. Они представляли интересы двух соперничающих кланов, а не интересы страны. В результате переворота 1867 г. феодальная власть дворянства была упразднена, и выходцы из знатных фамилий, не поступившие на военную службу, занялись торговлей, промышленной и финансовой деятельностью. При помощи своих семейных связей и официального влияния они создали огромные тресты, которые контролировали все отрасли хозяйства Японии. Крупнейший из этих трестов—это концерн семьи Мицуи, который заинтересован, главным образом, в банках, в легкой и тяжелой промышленности, но больше всего в военной промышленности. Клан Мицуи стоит за спиной партии сейюкай. Почти такое же значение имеют концерн семьи Мицубиси, который поддерживает партию минсейто и контролирует судостроение и машиностроительную промышленность, общества морского страхования и транспортные предприятия, электропромышленность и авиастроение. Хотя эти партии в принципе находились в оппозиции к милитаристам, но не подлежит сомнению, что они были заинтересованы в военной экспансии. Сейюкай рассчитывала в частности получить выгоду от эсигнований на армию, а минсейто—от ассигнований на флот.

События 1918 г. сыграли на-руку милитаристам. Франция и Англия находились в состоянии войны с Советской Россией; Япония послала определенное количество войск, чтобы помочь Колчаку удержаться против красных на восточном фронте. Япония послала войска больше, чем ей полагалось, и захватила Китайско-восточную железную дорогу и восточную часть Сибирской железной дороги. Она мечтала о разгроме Советской России, о японской Манчжурии и, быть может, о монопольном положении на громадных рынках Китая. Наряду с усилением своей армии она решила увеличить свой флот.

Вашингтонская конференция. Эти мечты Японии были внезапно рассеяны Соединенными штатами. Америка начала усиленное военноморское строительство и взяла такие темпы, которые Япония была не в состоянии выдержать. Американцы были недовольны, что Япония установила контроль над прежними германскими островами в Тихом океане, где находились станции американской подводной телеграфной сети. Более того, Америка заявила открытый протест про-

тив политики Японии в отношении Китая. Америка вела в отношении Китая политику открытых дверей, другими словами, такую политику, при которой имелась одинаковая возможность для всех наживаться за счет китайцев, но сохранялась территориальная целостность Китая. В 1915 г., предъявив Китаю 21 требование, Япония явно нарушила этот принцип.

В 1921 г. казалось, что война на Тихом океане неизбежна, но в последний момент президент Гардинг созвал в Вашингтоне конференцию девяти держав. Японское общественное мнение, включая милитаристов и большинство партии сейюкай, считало, что конференция будет ловушкой и что Япония должна отказаться от участия в ней. Но, японский премьер-министр был другого мнения и послал в Вашингтон виконта Като, представителя клана Мицубиси.

В Вашингтоне Япония отказалась от своих притязаний на господство на море и согласилась установить между своим флотом и флотом Англии и Соединенных штатов соотношение 3:5:5. В отношении Китая, Япония формально признала принцип открытых дверей, и стороны обязались «не поддерживать какое бы то ни было соглашение своих граждан, имеющее целью создать сферы влияния или обеспечить им исключительные привилегии в определенных частях китайской территории». Продолжая быть уступчивой, Япония вернула Китаю Шаньдунский полуостров, и сократила свою армию на 60 тысяч человек.

«Опасные мысли». Япония, таким образом, добилась передышки, чтобы привести в порядок свои дела. Однако правители Японии еще не успели оценить трудности, которые должны были встретиться на этом пути, как произошла огромная катастрофа. 1 сентября 1923 г. наиболее населенная часть Японии была разрушена землетрясением. Восточная столица Токио и крупный порт Иокогама также были разрушены. Во время землетрясения и вызванных им больших пожаров погибло 160 тысяч человек и нанесен был убыток в 550 миллионов фунтов стерлингов.

Разрушения, произведенные землетрясением, были скоро восстановлены. Столица была отстроена заново в течение семи лет, был создан более красивый, более просторный город, с широкими улицами и железобетонными зданиями, но в эти годы обнаружили трещины не только в физической, но и в социальной структуре Японии. Продолжительность рабочего дня была очень велика, а заработная плата мала. Предприниматели не признавали для рабочих никакой жизни, кроме работы; многие рабочие спали на фабриках, остальные жили в полуразрушившихся трущобах, загромождающих город. Начиная с 1919 г., когда 35 тысяч рабочих в Кобе восстали под предводительством христианского проповедника Кагава, стачки были частым явлением, но оставались безрезультатными. Профессиональные союзы в городах не признавались и были бессильны. В этих условиях коммунистическая идея, естественно, получила распространение среди студентов. Правительство партии сейюкай делало все, для того чтобы подавить «опасные мысли». Однако идея проникла в рабочий класс, и сообщение о победе английской рабочей партии на выборах 1924 г. придало мужество руководителям рабочего класса и побудило их

организовать мощное движение за реформу конституции. В этом году пало реакционное правительство сейюкай в связи с разоблачением спекуляций опиумом в Манчжурии и растраты денег, предназначенных для военных операций в Сибири. На смену ему пришел кабинет, в составе которого были виконт Като и барон Сидехара. Новое правительство издало закон об избирательном праве мужчин и казалось, что если бы удалось преодолеть внутренние разногласия, то последовала бы реформа конституции. Однако советники микадо не дали ему утвердить этот проект до того, как был издан закон о «сохранении мира»; в силу этого закона попытки ниспровержения конституции или нападки на систему частной собственности становились уголовными преступлениями, которые (в результате изменений, внесенных в этот закон в 1928 г.) карались смертной казнью.

Политика Японии в 1922—1930 г. Военные расходы Японии доходили до 48 процентов всего бюджета и никогда не опускались ниже 28 процентов. В 1924 г. Соединенные штаты издали закон об иммиграции, в силу которого японцам закрывался доступ в Америку. Начиная с 1907 г., японское правительство на основе заключенного им «джентльменского соглашения» отказывало в выдаче паспортов кули, и после этого японское население Соединенных штатов уменьшилось. Аннулируя «джентльменское соглашение» и издавая закон, полностью закрывающий японцам доступ в Америку, Соединенные штаты сознательно нанесли оскорбление Японии. В старое время японские государственные деятели ответили бы на это войной или самоубийством. Милитаристы были недовольны этой политикой, но ничего не могли сделать. Им снова был дан отпор в 1930 г., когда Рамзей Макдональд созвал в Лондоне конференцию для обсуждения вопроса об ограничении числа вспомогательных морских судов, которые не были включены в Вашингтонское соглашение. Представители японского флота отказались изменить свою программу строительства; тогда Макдональд, нарушая все дипломатические условности, обратился через их голову в Токио к премьер-министру, который и дал согласие на эти ограничения.

Лондонское соглашение было ратифицировано в октябре 1930 г. Спустя две недели японский премьер-министр был убит милитаристами.

Экономический кризис в Японии. В 1930 г. мировой экономический кризис поразил Японию со всей силой. В течение одного года японская внешняя торговля упала почти на одну треть. Ни в одной стране падение внешней торговли не было столь резким.

Около половины всего населения Японии занимается земледелием. Крестьяне обрабатывают небольшие участки, работая до изнеможения, чтобы оросить и прополоть свои жалкие рисовые поля. С каждым годом положение становилось хуже. Арендная плата постоянно увеличивалась. Цена риса, которая была устойчивой в течение нескольких лет, начала теперь резко падать.

Положение городского населения было не лучше. Его существование зависело от трех основных отраслей—судоходства, шелковой и текстильной промышленности. Мировой кризис лишил суда грузов и снизил цены на шелк и хлопчатобумажные ткани. К тому же китайцы

объявили бойкот японским товарам, а английские доминионы защищались от экономического кризиса при помощи таможенных барьеров, через которые не могли проникнуть японские экспортеры. Япония обратилась к войне как к выходу из кризиса.

XVII. МАНЧЖУРИЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МАНЧЖОУГО

18 сентября 1931 г. на Южноманчжурской железной дороге взорвалась бомба. Этот взрыв явился для Японии сигналом для вторжения в Манчжурию. Без объявления войны, без всяких дипломатических предупреждений японские солдаты изгнали Чжан Сюэ-ляна из Мукдена. Никто из тех, кто находился на месте событий, не сомневался в намерениях Японии. «Я имею данные о стремлении установить марионеточное независимое правительство Манчжурии под японским военным контролем», — говорилось в телеграмме одного американского очевидца, отправленной в Нью-Йорк и помещенной в «Геральд трибюн».

Начиная с 1644 г., когда манчжурская династия вступила на пекинский престол, Манчжурия была частью Китайской империи и носила название Трех восточных провинций. Вплоть до начала XX в. эти провинции, которые занимают территорию, равную Франции и Германии вместе взятым, были очень отсталыми в экономическом отношении. Россия к тому времени получила право провести Китайско-восточную железную дорогу, чтобы сократить путь к Владивостоку, и начала постройку линии от Харбина к Дайрену и Порт-Артуру. После русско-японской войны Китай предоставил Японии, как мы указали выше, концессию на 35 лет на Южноманчжурскую дорогу. Япония создала общество Южноманчжурской железной дороги для контроля над железнодорожной линией и эксплуатации прилегающей к ней территории.

Общество Южноманчжурской железной дороги. Для Японии Манчжурия была страной неограниченных возможностей. Девственные леса и земли Манчжурии могли дать необходимое сырье японской промышленности. Минеральные богатства Манчжурии — уголь, железная руда, сланцы — могли дать те ресурсы, которых недоставало японцам. Земли Манчжурии, годные для сельскохозяйственной обработки, могли обеспечить Японию необходимым продовольствием. Общество Южноманчжурской железной дороги взялось за работу с необычайной энергией. К 1930 г. японцы инвестировали в Манчжурии свыше 2 миллиардов иен, Южноманчжурская железная дорога построила не только железные дороги, но и заводы, фабрики химических удобрений, порты и целые города. Порт Дайрен был совершенно перестроен, и через него экспортировалось 60 процентов мирового сбора соевых бобов и бобовых продуктов. Угольные копи, которые в 1907 г. давали не свыше 300 тонн в день, стали давать 30 тысяч тонн. Залежи железной руды, которые считались нерентабельными, стали разрабатываться и приносить прибыль.

Эти гигантские предприятия пользовались китайским трудом. Ежегодно около одного миллиона китайцев бежало от голода и наводнений, свирепствовавших на родине, чтобы получить заработок на

Южноманчжурской железной дороге или поселиться на землях, которые примыкали к железнодорожной линии. Китайские националисты были недовольны, что экономическое развитие их страны шло на пользу иностранцам—китайцы работали, а японцы получали прибыль. Националисты не могли, однако, сопротивляться. Чжан Цзо-лин создал в Манчжурии совершенно автономную власть и был тесно связан с японцами. Они отпускали ему в кредит оружие и дали ему займы так много денег, что он смог построить железнодорожную сеть в 500 миль, примыкающую к Южноманчжурской дороге.

В конце концов Чжан Цзо-лин все же рассорился с японцами. Он стремился установить свою власть над всем Китаем и перевел свою главную квартиру в Пекин. Но это не входило в расчеты японцев, и Южноманчжурская железная дорога отказалась перевозить его войска. Чжан Цзо-лин ответил на это постройкой параллельных линий, которые, если бы они правильно эксплуатировались, могли бы отвлечь грузы от японской линии и от Дайрена. В 1928 г. он был убит—в него была брошена бомба, которая, что было довольно подозрительным, взорвалась в тот момент, когда его поезд проходил через мост, охраняемый японцами. Его преемником стал его сын Чжан Сюэ-лян, начавший открыто сопротивляться Японии. Он присоединился к гоминдану и отказался платить проценты по займам, которые заключил его отец. Более того, он вдохновлял налеты на японские поселения. Японцы составляли в Манчжурии меньшинство: китайское население достигало 20 миллионов, а японцев было 220 тысяч. Японцы, проживавшие в Манчжурии, послали в 1930 г. делегацию в Токио, чтобы потребовать вмешательства со стороны правительства. Барон Сидехара вежливо отказал им: «Неразумно,—сказал он,—подходить к дипломатическим проблемам XX столетия с точки зрения XIX».

Год спустя барон Сидехара и его «политика XX столетия» были сметены экономическим кризисом. Взрыв бомбы 18 сентября дал повод для того, чтобы изгнать Чжан Сюэ-ляна из Мукдена.

Японцы вторгаются в Манчжурию. В момент вторжения японцев в Мукден заседал в Женеве Совет Лиги наций, на котором были представлены Китай и Япония. Китай сразу обратился к Лиге наций на основании статьи 11-й устава Лиги. Совет Лиги наций постановил, что японские войска должны быть уведены из Манчжурии не позже 16 ноября.

Но японцы не имели никакого намерения уводить свои войска. 18 ноября они захватили Цицикар. Их настроения характеризуются теми прокламациями, которые они сбрасывали со своих самолетов.

«Чжан Сюэ-лян, этот хищный, распутный и отвратительный юноша, создал временное мукденское правительство, чтобы строить козни на той территории, которая находится в безопасности под охраной войск великой Японской империи... Императорская армия, которая в соответствии с принципами справедливости стремится защитить свои интересы и защитить массы, никогда не признает временное правительство Чжан Сюэ-ляна, и оно поэтому вынуждено принять решительные меры для уничтожения этого правительства. Население должно положиться на снисходительность и могущество великой Япон-

ской империи и обязано противодействовать созданию правительства Чжан Сюэ-ляна; в противном случае будет считаться, что оно сопро- тивляется армии великой Японской империи»¹.

«Отвратительный юноша» не осознал своей гнусности, и японцы завладели всей Манчжурией. Через год после начала военных дей- ствий все китайские армии в Манчжурии были разбиты, и Япония объявила о преобразовании Трех восточных провинций в «независи- мое» государство Манчжоуго. В этом новом государстве в каждом ведом- стве имелись японские советники, а его военной силой была японская армия. Свергнутый император манчжурской династии Генри Пу И, который в течение последних десяти лет жил под охраной японцев, вышел из своего уединения, чтобы стать первым президентом, а впо- следствии, в феврале 1934 г., — императором нового государства.

Сражение под Шанхаем. В Манчжурии дела Японии шли хорошо, но она потерпела серьезное поражение в Шанхае. Шанхай является одним из пяти крупнейших портов мира и важнейшим портом Китая. Город находится в бухте, образуемой рекой Вампу в 18 милях от реки Ян-цзы. Все богатства города сосредоточены в международном квар- тале. Несмотря на то что в этом квартале проживает свыше миллиона китайцев, он управляется консульским корпусом, представляющим 19 иностранных держав, включая Японию. К югу от международного квартала находятся французская концессия и китайский туземный квартал. К северу, ближе всего к реке Ян-цзы, расположен китай- ский квартал Чапэй и конечный пункт железной дороги, ведущей из Нанкина, В феврале 1932 г. Япония послала к Шанхаю военный флот, чтобы напугать китайцев и заставить их прекратить бойкот японских товаров. Китайцы приняли вызов и стали защищать Чапэй от японского нападения, скрываясь в окопах, расположенных вдоль линии, ведущей от вокзала Нанкинской железной дороги к укрепле- ниям на реке Ян-цзы. Япония должна была теперь либо атаковать, либо позорно отступить. Она решила атаковать. Японские самолеты разрушили Чапэй бомбардировкой, но к удивлению всех, включая и китайцев, китайские войска не испугались бомбардировки, ура- ганного огня и штыковых атак. Япония была ошеломлена. Понеся большие потери, она заключила перемирие и покинула Шанхай в мае 1932 г.

В сражении под Шанхаем Япония потеряла не только людей и деньги, она потеряла симпатии всех иностранных держав, имевших интересы в Китае. Во время своего нападения на Чапэй Япония использовала северную часть международного квартала в качестве базы для своих вооруженных сил, состоявших из 25 тысяч бойцов, 40 военных судов, 200 самолетов и целого отряда танков, несмотря на то что это являлось нарушением международного права и тех обеща- ний, которые были даны английскому генеральному консулу. Использо- вав международный квартал в качестве базы, Япония подвергла граждан других иностранных держав опасности контратаки со стороны китайцев и поставила под угрозу иностранные торговые права в Ки- тае. Западные державы могли еще примириться со вторжением в Манч-

¹ Chib Mengt, China Speaks, Macmillan, 1933.

журию, но они не могли смотреть сквозь пальцы на нарушение прав международного квартала в Шанхае.

Позиция Лиги наций. Лига наций послала комиссию во главе с лордом Литтоном для исследования положения на Дальнем Востоке. Комиссия представила доклад, в котором указывала, что японское вторжение в сентябре 1931 г. не оправдывалось соображениями самозащиты, и рекомендовала державам не признавать Манчжоуго, которое являлось игрушкой в руках Японии; она предлагала также потребовать от японцев эвакуации всей Манчжурии кроме железнодорожной зоны. Тем временем Япония совершенно невозмутимо захватила Жэхэ, подчинила Манчжоуго, Внутреннюю Монголию и заняла все укрепленные пункты, являющиеся ключом к Пекину. 24 февраля 1933 г. Лига наций одобрила доклад Литтона. В ответ на это Япония заявила о своем выходе из состава Лиги наций.

Япония, разумеется, нашла что сказать в свое оправдание. Она действовала в интересах населения Манчжурии совершенно так же, как Ост-индская компания и английское правительство действовали в интересах населения Индии или как Соединенные штаты действовали в интересах населения Панамы, когда они насильно отделили Панамскую республику от Колумбии. Она утверждала, далее, что ее действия соответствуют договорам. Она предъявила протокол, якобы подписанный в Пекине в 1905 г., в силу которого китайское правительство обязалось не строить железнодорожных магистралей вблизи или параллельно Южноманчжурской дороге и не сооружать вообще никаких железнодорожных линий, которые могут нарушить монополию этой дороги. Япония напомнила о 21 условии, принятом Китаем в 1915 г., в силу которого Япония получала в концессию до 2007 г. копи и железные дороги в Манчжурии. Китай пренебрегал этими договорами. Более того, китайское правительство не сумело поддержать порядок в Восточных провинциях, повинно в бандитских налетах и не уплатило процентов по займам, полученным от Японии. Она указывала, что Манчжурия не аннексирована Японией и что Манчжоуго представляет собой независимое государство под властью императора из манчжурской династии, которого население предпочитает военной власти Чжан Сюэ-ляна.

В ответ на это Китай указывал, что пекинский протокол был подложным, что 21 условие никогда не было ратифицировано каким-либо китайским законодательным собранием и что эти условия были подписаны по принуждению и поэтому не имеют силы, что неуплата процентов не дает кредитору права вооруженного вмешательства и что режим Манчжоуго держится только при помощи японских войск.

Нет надобности входить в анализ этих аргументов. Остается фактом, что Япония одним ударом разрушила весь тот карточный домик, который, начиная с 1918 г., с таким усердием строили государственные деятели в качестве барьера против военной агрессии. В силу устава Лиги наций «члены лиги обязуются уважать и охранять от внешней агрессии территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов лиги». В силу договора девяти держав, подписанного в Вашингтоне в 1922 г., «договаривающиеся державы, кроме Китая, соглашаются: уважать суверенитет,

независимость, территориальную и административную целостность Китая; предоставить полную и всяческую возможность Китаю развиваться и сохранять эффективное и стабильное правительство». Согласно пакту Бриана—Келлога, подписанному в Париже в 1928 г., «высокие договаривающиеся стороны соглашаются, что разрешение всех споров и конфликтов какого бы то ни было характера и какого бы то ни было происхождения, которые могут возникнуть между ними, будет происходить не иначе, как при помощи мирных средств». Япония нарушила устав Лиги наций Вашингтонский договор и пакт Бриана—Келлога. Создание механизма, при помощи которого война могла бы быть объявлена вне закона, должно было начаться снызова.

Власть милитаристов в Японии. В результате японского вторжения Манчжоуго, являвшееся номинально независимым государством фактически оказалось под властью Японии. Железная руда, уголь, бобы и злаки, леса Манчжурии были в распоряжении Японии. Акция Лиги наций—если можно назвать акцией ее упрощения—убедила население (Манчжоуго), что от великих держав нельзя ожидать ни понимания, ни сочувствия.

Милитаристы захватили Манчжурию в сентябре 1931 г. под свою собственную ответственность. Барон Сидехара и правительство минсейто, которое находилось тогда у власти, пытались их удержать и заключить соглашение с Чжан Сюэ-ляном, но генеральный штаб устранил их, и в декабре 1931 г. правительство минсейто подало в отставку и было заменено кабинетом сейюкай. Новое правительство было более агрессивным по своему настроению (оно поддерживало шанхайскую авантюру), но все же недостаточно агрессивно ибо через несколько дней после опубликования доклада Литтона премьер-министр Инукайи вступил в переговоры о заключении перемирия с Китаем. Против него и его сторонников из треста семьи Мицуи выдвинули обвинение в отсутствии патриотизма. Инукайи и глава концерна Мицуи были убиты молодыми патриотами, которые стреляли в них из револьверов морского образца. Общественное мнение, которое в течение многих лет колебалось между милитаризмом, «опасными мыслями» и участием в спекулятивных операциях Мицуи и Мицубиси, теперь круто перешло на сторону милитаристов. Героем и фактическим диктатором Японии стал военный министр генерал Араки.

Японская кампания в Манчжурии была успешна в значительной мере благодаря Араки. Это он придумал для японских солдат лозунг: «Убивайте и не давайте пощады». Он сделал больше, чем это. Он дал обоснование современному настроению японского империализма. Он назвал его «Кодо», «путь императора», который представляет собой дальнейшее развитие «пути богов». Эта «философия» напоминала ту, которая получила распространение на западе под именем фашизма. Высшим благом является служение государству, и чистой расы следует дорожить больше всего. Во всяком случае, в речи, произнесенной генералом Араки в марте 1933 г., как бы слышится голос Гитлера:

«Его величество является олицетворением японского нравственного начала и смысл нашего существования заключается в том, чтобы

содействовать процветанию императорского дома и распространению японских нравственных начал».

«Кодо» не только утверждает превосходство японской расы, «Кодо» исходит из того, что Япония должна выполнить на Востоке священную миссию и избавить восточные народы от господства белых рас. В силу доктрины Монроэ Соединенные штаты объявили себя защитником всех американских народов, и европейским державам было воспрещено приобретать новые территории или политические права на американском континенте. В настоящее время Япония выдвигает тот же самый принцип по отношению Азии.

Угрозы по адресу Советской России. Угрозы Японии были направлены, в сущности, против третьей страны—Советской России. Захват Японией Манчжурии, по которой проходит Китайско-восточная железная дорога, естественно, внушал беспокойство Москве. Можно было предполагать, что Советская Россия окажет сопротивление Японии. Однако вся энергия Советского Союза требовалась для экономической реконструкции. Советский Союз предложил продать железную дорогу Японии, чтобы обезопасить свои границы, заключил договор с европейскими державами и Соединенными штатами и сосредоточил в Сибири крупную армию.

В течение всего 1934 г. весь мир ожидал возникновения советско-японской войны. В Японии было распространено мнение, что кризис возникнет после 1935 г., когда на конференции в Вашингтоне будут пересматривать морские соглашения и когда вступит в силу японское заявление о выходе из Лиги наций. В бюджете Японии на 1934—35 г. около половины всех расходов предназначалось на военные нужды, что представляло собой увеличение на 20 процентов против предыдущего года. Общая сумма этих военных расходов была на три процента выше, чем ассигнования на военные нужды по бюджету Германии в 1913 г. О том, какое напряжение вызывают эти военные расходы, можно судить по тому, что японские военные ассигнования равны ассигнованиям Англии на военные нужды, хотя бюджет Японии составляет лишь четверть английского бюджета. Но японцы не колебались, и в 1934 г. школьники писали сочинения на тему: «Кризис 1936 г.».

XVIII. ДОСТИЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Китайская революция бурлит уже четверть столетия, и все же она находится еще только в своей начальной стадии. Не может быть и речи о том, чтобы определить сейчас ее конечные результаты, но на протяжении этих 25 лет в жизни Китая появились некоторые новые факторы, которые могут оказать влияние на дальнейшую историю страны. Эти факторы мы попытаемся охарактеризовать.

Литературное возрождение. Быть может, те изменения, которые произошли в культурной жизни Китая, лучше всего характеризуют жизнь человека, которого считают вождем умственного движения современного Китая. Ху Ши родился в 1891 г. Его отец был ученым и занимал высокое официальное положение, а мать была неграмотной крестьянкой. Отец хотел сделать из него ученого, и когда мальчику было всего три года, он знал уже около 800 иероглифов. Впо-

следствии в сельской школе мальчик проводил по 12 часов в день; там он выучил наизусть китайских классиков, которые представляли собой в то время основу образования всякого китайца.

Родись Ху Ши на несколько лет раньше, он продолжал бы изучение классиков, чтобы подготовиться к экзамену в Пекине, где каждый кандидат подвергался на несколько дней заключению в одной из тысячи экзаменационных камер, а в императорском Китае можно было получить административную должность или стать преподавателем только после сдачи такого экзамена. Однако в 1905 г. конкурсные экзамены и изучение классиков в высшей школе были отменены. Ху Ши отправился в Шанхай, где в течение шести лет изучал труды западных философов—Гоббса, Декарта, Канта и в особенности Гексли, Спенсера и Дарвина. Учение Дарвина о естественном отборе произвело на него такое сильное впечатление, что он принял имя Ши, что означает «наиболее приспособленный». В эти годы он зарабатывал на жизнь для себя и матери, давая уроки английского и китайского языков. Затем он получил стипендию для поездки в Америку за счет фонда, созданного из платежей, которые Китай производил Соединенным штатам в связи с боксерским восстанием. С 1910 по 1917 г. он учился в Корнельском и Колумбийском университетах. Одним из его профессоров в Колумбийском университете был Джон Дьюи, который стал его другом и оказал большое влияние на его жизнь. У Дьюи Ху Ши научился ценить логическое мышление и проверять гипотезы при помощи фактов. Ху Ши стал материалистом: еще мальчиком он потерял веру в религиозные учения Китая—таоизм и буддизм, а также в богиню милосердия Кван-инь, которая была излюбленным божеством его матери. В сочинениях одного древнего и еретического философа он нашел следующее место, которое произвело на него глубокое впечатление: «Тело является материальной основой духа, и дух не что иное, как функция тела. Дух для тела—это то же самое, что острота для отточенного ножа. Никто никогда не слышал, чтобы острота продолжала существовать, после того как уничтожен нож. Как можем мы предположить, что дух продолжает существовать, когда тело умерло?». Ху Ши не верил в личное бессмертие. Он писал: «Все бессмертно. Все, чем мы являемся, все, что мы делаем, все, что мы говорим, бессмертно в том смысле, что оно производит свое действие где-то в этом мире и что это действие, в свою очередь, приведет к известным последствиям где-то в другом месте. И так это продолжается бесконечно во времени и пространстве».

Вооруженный этой философией, Ху Ши вернулся в Китай в 1918 г. Он не принял никакого участия в политике во время революции, так как он придерживался принципа непротивления (за пять столетий до Христа китайский философ Ляо Цзы учил, что «высшая добродетель ничему не сопротивляется и что вода, которая ничему не сопротивляется, сама непреодолима»). Он считал, что основная задача революции заключается не в политической области, а в создании новой литературы, которая была бы понятна массам и могла бы выражать современные идеи. Литературным языком Китая был язык Конфуция, но уже с первого столетия нашей эры он был непонятен массам, которые создали свой собственный, новый язык. Овладеть письмом

можно было только после многих лет обучения. Благодаря этому управление находилось в Китае в руках небольшого круга избранных лиц, знающих классиков. Наряду с этим литературным языком постепенно выработалась новая письменность. Народные новеллы писались на языке пей-хуа, который при помощи сотни знаков давал возможность передать местные наречия. Миллионы людей учились самоучкой языку пей-хуа и читали литературу на этом языке. Но они этого стеснялись, так как пей-хуа рассматривался правящим классом как вульгарный, заслуживающий презрения язык. Ху Ши взял на себя задачу добиться признания этого языка в качестве национального китайского языка. Он писал свои поэмы и памфлеты на народном языке, и его примеру последовали молодые китайские интеллигенты, которые признавали его своим вождем. Были созданы издательства, которые выпускали в сотнях тысяч экземпляров учебники и памфлеты на народном языке. В школах началось обучение пей-хуа. Это привело к тому, что Китай начал становиться грамотной страной.

Эта реформа так колоссальна по своему значению, что ее можно сравнить лишь с той резкой переменой, которая произошла в Европе, когда национальные языки начали заменять латинский, который был единственным литературным языком Европы: когда Чосер стал писать на английском языке, Данте—на тосканском, а парижские поэты на французском. Вместо тысячи наречий и одного литературного языка, понятного только чиновникам и ученым, Европа получила несколько гибких и богатых национальных языков, при помощи которых создавалась новая культура, означавшая переход от средних веков к новому времени. Добившись прав гражданства для пей-хуа, Ху Ши создал возможность такой же культурной революции в Китае.

Взгляды Ху Ши получили распространение во всех университетах Китая. Он считает буддизм величайшим врагом Китая, тот самый буддизм, который распространился из Индии в первом столетии нашей эры и создал основу духовной жизни страны. По его мнению, буддизм является в настоящее время пережитком, не дающим возможности Китаю приспособиться к условиям современной жизни. Ху Ши, который является Вольтером китайской революции, стремится заменить буддизм «творческим пониманием», представляющим собой переделку материализма применительно к древним учениям Китая. Он стремится к тому, чтобы его ученики отказались от веры в личное бессмертие и от культа предков. Он хочет, чтобы они отказались от поклонения богу: «На основе всех наших научно проверенных знаний мы должны признать, что вселенная и все, в ней существующее, подчиняются естественным законам движения и развития («естественным», в китайском смысле означает «имманентным»), и нет никакой нужды в концепции сверхъестественного правителя или творца». В этом отношении учение Ху Ши вполне соответствует китайским традициям, так как конфуцианство не содержало никакой сверхъестественной религии и учило только правилам гармоничной жизни. Ху Ши считает, что одна из наиболее важных задач для современного Китая—усвоение западной техники для овладения силами природы.

Культурное возрождение дало китайцам язык, на котором они могут легко научиться писать и читать, и философию, которая примиряет внешние противоречия друг другу традиции Китая и западной цивилизации. Однако, до сих пор не созданы учреждения и административная машина для распространения благ этого возрождения среди масс. Учреждено несколько тысяч новых начальных школ: в 1919 г. их было 147 тысяч, а в 1928 г. несколько больше 158 тысяч. С западной точки зрения число средних учебных заведений явно недостаточно: в 1921 г. в Китае имелось всего 2 тысячи с лишним средних школ, в которых обучалось 400 тысяч человек. Нанкинские министры были щедры на обещания. Например в 1930 г. они утвердили программу, которая предусматривала подготовку одного миллиона учителей, постройку одного миллиона школ, увеличение числа школьников на 40 миллионов и обучение грамоте 200 миллионов взрослых. Они смело заявляли, что эта программа будет выполнена в течение 20 лет.

Социальные перемены. На Западе более всего известно, что китайцы носят косы, а ноги китайянок бинтуются. Эти два обычая символизировали две обязанности, которыми руководятся китайцы в своей жизни: в знак преданности императору мужчины сплетали свои волосы в косы, в знак преданности семье девушкам бинтовали ноги. Со времени революции косы исчезли—их срезали в 1911 г. в знак эмансипации; забинтовывание ног также вышло из моды. Обязанности по отношению к императору и семье исчезли. Европейцам трудно представить себе, что означало собой разрушение патриархальной семьи. Семья для китайца не только родной дом, это больше, чем клан; семья была в своем роде государством, в известном смысле она была религиозной ассоциацией, она налагала определенную моральную дисциплину. Все это изменилось: юноши вправе свободно избирать себе жен и занятия, они ценят свою независимость, и их не отягощают более обязанности, которые прежде выполняли послушные сыновья по отношению к своим родителям. Девушки не уродуют свои ноги, стригут волосы, носят, если им это хочется, европейское платье и выходят замуж по любви, сохраняя при этом иногда свою девичью фамилию и конкурируя с мужчинами в отдельных профессиях и на общественной работе.

Революция уничтожила также традиционную социальную структуру Китая. В прежнее время китайское общество разделялось на четыре группы—ученых, крестьян, ремесленников и торговцев. Как мы указали выше, ученые занимали все государственные и общественные должности, они были китайской аристократией. Крестьяне, которые составляли огромное большинство населения, обрабатывали самые маленькие земельные участки в мире, получая ничтожные доходы. Поэты и моралисты единодушно восхваляли сельскую жизнь. Ремесленники следовали традициям своего ремесла, существовавшего более 2 тысяч лет, и пользовались надлежащим уважением. Торговцы были обычно посредниками на службе у иностранцев, и их поэтому презирали. Самую низшую ступень составляли солдаты—их было слишком мало и они стояли слишком низко с общественной точки зрения, чтобы их можно было считать классом.¹ В настоящее время

правлящий класс состоит из военных, ставших политиками, торговцев, ставших финансистами и банкирами, и из бывших студентов западных университетов; последние возвращаются на родину, полные презрения к крестьянам и ремесленникам, бесчисленными планами их перевоспитания. В их словах очень много презрения и очень мало практических мероприятий. Р. Фын¹ пишет: «Если бы меня спросили, кто является наименее производительным работником в мире, я бы ответил: китайский крестьянин. Действительно, он работает днем и ночью, в снег и дождь, использует всю энергию своего 7-летнего ребенка, своей 80-летней бабушки, своего 6-месячного осла и 39-летнего буйвола. И несмотря на это, он с трудом может отогнать волка от своего порога. Заслуживает ли он того, чтобы его соседи хвалили его как самого искусного земледельца? Должен ли он довольствоваться своим теперешним уровнем жизни? Несмотря на все ценные приемы, имеющиеся в китайском сельском хозяйстве, кое-что в нем в корне неблагоприятно». Трудно отрицать справедливость этих слов, но до сих пор еще ни одно правительство современного Китая не было достаточно устойчивым и изобретательным, чтобы улучшить участь крестьянина.

Промышленное развитие. По словам Сун Ят-сена, первым шагом на пути к улучшению китайского сельского хозяйства является создание китайской промышленности. Несомненно, что на пути к индустриализации страны уже сделан большой шаг, и это является наиболее очевидным достижением революции, но основные отрасли промышленности до сих пор находятся в иностранных руках. Между 1920 и 1930 гг. число текстильных фабрик в Китае увеличилось с 54 до 127, а общее количество фабрик—с 763 до 1 975. Но, по словам Тоуни, в 1931 г. под контролем иностранцев все еще находилось «свыше четверти всей железнодорожной сети Китая, свыше трех четвертей ее железной руды, угольные копи, в которых добывалось свыше половины всего количества угля, более половины всего капитала, вложенного в текстильную промышленность, меньшая, но далеко не незначительная часть капиталов, вложенных в нефтяные промыслы, в мукомольную промышленность, табачные фабрики и банки».

Промышленность Китая все еще переживает период младенчества. Там до сих пор существуют длинный рабочий день и низкая заработная плата. В разных местах условия, конечно, различны, но в среднем рабочий день составляет 12 часов. В Шанхае имеются фабрики, где рабочий день длится 16 часов. Даже шахтеры работают под землей по 12 часов в сутки. Что касается заработной платы, то ее нельзя сравнивать с той, которая существует на Западе. Некоторое представление дает тот факт, что в Фушуне и Кайлане, в двух наиболее крупных районах, принадлежащих иностранцам, средняя почасовая заработная плата составляет только 40 центов. Применение детского труда—явление обычное. Женский труд применяется весьма широко, 70 процентов всех промышленных рабочих в Шанхае—женщины.

---

¹ Директор отдела сельскохозяйственного образования Национальной ассоциации обучения взрослых.

Правда, рабочий день не был короче и заработная плата не была выше ни в кустарной, ни в домашней промышленности, господствовавших в Китае до введения машинного производства. Однако существует большое различие между работой ремесленника и рабочего на фабрике. Тоуни по этому поводу пишет: «Разница та же самая, как между неопрятной домашней обстановкой и плохо содержимой тюрьмой. Снисходительный хозяин, который работал со своими наемными рабочими, как отец с членами своей семьи, заменяется деспотическим мастером, положение которого зависит от количества продукции, которую он дает. Темп работы устанавливает не старый рабочий, искусный в своем ремесле, а машина. Добродушная, полудомашняя атмосфера старомодной мастерской с ее болтовней, курением, перерывами в работе, чтобы выйти на порог и поболтать с прохожим или принять участие в уличной драке, с обедами, в которых участвует рабочий и хозяин, с бесконечным чаепитием, уступает свое место монотонной фабричной работе, где не существует никаких правил, обеспечивающих необходимый отдых, безопасность и чистоту, при наличии которых только и может быть сносно эта работа». В Китае фактически не существует рабочего законодательства. Первый фабричный закон был издан в 1924 г., и хотя с тех пор были изданы еще многие другие законы, нанкинское правительство сделало очень мало или даже ничего не сделало, чтобы провести их в жизнь. Рабочие не имеют организаций для защиты своих интересов; профессиональные союзы существовали с 1918 г. и были могущественны, но при Чан Кай-ши были ликвидированы.

Коммунизм. Единственным правительством в Китае, которое действительно обеспечивает рабочим защиту их интересов, является советское правительство. В 1934 г. Красный Китай занимал значительную территорию. Там имелся марксистский университет. Столицей этой части Китая являлся Жуйцзин в провинции Цзянси, но в руках советов до сих пор еще нет промышленных центров. Важны, однако, не столько современные успехи коммунистического движения в Китае, сколько возможности его развития. Взамен разложившихся политических, семейных и классовых устоев Китая революция не выдвинула вначале ничего кроме национализма. Национальное чувство пробудилось, но после раскола, происшедшего в 1927 г. в гоминдане, не было никакой надежды на то, что это приведет к объединению государства. Национализм являлся политической идеей, но он не указывал никаких экономических средств для осуществления этой идеи.

Для китайцев коммунизм прежде всего означает освобождение от иностранной эксплуатации и от анархического индивидуализма генералов, капиталистов и чиновников вырождающегося гоминдана.

Следует добавить, что войска Чан Кай-ши терпели неудачу в борьбе со своими противниками.

Сейчас еще рано предсказывать будущее китайского коммунизма. Но если мы вспомним ту огромную силу сопротивления, которую обнаружил Китай в забастовках и бойкотах, и ту кипучую деятельность, которую развил гоминдан в 1925—1927 гг., то мы должны

притти к заключению, что для Китая не исключена возможность выхода из современной анархии при помощи коммунизма, видоизмененного в соответствии с китайскими традициями.

Китай в 1934 г. Революционные задачи, поставленные Сун Ят-сеном, были в 1934 г. еще далеки от осуществления. Принцип национализма был признан всеми политически сознательными китайцами. Гоминдановское правительство, руководимое Чан Кай-ши, правит не более чем полудюжиной провинций Китая. К западу от них расположен советский Китай, власть которого распространяется на три или четыре провинции. На юге находится другое правительство, центром которого является Кантон. Внутри страны вообще не имеется никакой определенной власти, а внутренняя часть страны занимает очень большую территорию,—достаточно сказать, что путешествие из Нанкина во-внутрь Китая длится столько же, сколько путешествие из Нанкина в Лондон. В Сычуани два генерала сражались в течение всего 1933 г., чтобы завладеть доходом от торговли опиумом; эта борьба стоила жизни 30 тысячам человек. На севере—в Манчжурии, Жэхэ, во Внутренней Монголии и в части провинции Хэбай фактически господствует Япония.

Также далек от осуществления в 1934 г. был принцип демократии. Идеалом Сун Ят-сена было управление для народа и при помощи народа. Национальное правительство считало себя демократическим, но в действительности это было не что иное, как диктатура гоминдана, осуществляемая Чан Кай-ши. Выборы не производились. Гоминдан был правительством. Если бы Сун Ят-сен был жив, он сказал бы, что революция вступила во вторую свою фазу—фазу политической опеки. В этот период партия должна была бы приучить народ к самоуправлению в тех частях страны, которые находились под ее властью. В действительности гоминдан ничего этого не делал. Правители ничего не делали для того, чтобы подготовить третий период революции—фазу конституционного правительства. Они пользовались своей властью для того, чтобы наполнить свои карманы и сулить выполнение неосуществимых программ. Местные отделения гоминдана, не чувствуя никаких препятствий со стороны центра, прославились своим произволом и вымогательствами.

Что касается третьего принципа—социальной справедливости, то мы видели, насколько далек от осуществления этого идеала современный Китай. Преступления не караются, законы не выполняются. Народ все еще является жертвой наводнений и голода, и тысячи людей каждый год становятся солдатами, надеясь, что их поведут в такие провинции, где продовольствие имеется в избытке. Реки и порты все еще охраняются иностранными военными судами и оккупированы иностранными армиями.

Несмотря на все это, будущее Китая внушает большие надежды. Благодаря революции был разрушен мертвый литературный язык и положено начало литературному возрождению; в китайскую культуру проникли западные идеи; иностранная эксплуатация встретила решительное сопротивление; нравственные узы сыновнего долга оказались разорванными. Человеку была дана возможность вести свою собственную жизнь, сочетая индивидуализм с общим благом

при помощи советских методов. Это является немалым достижением для революции, которая длится только 25 лет и захватила 400-миллионный народ.

ХІХ. ИНДО-КИТАЙ И ОСТ-ИНДИЯ

Движение в пользу реформ в Индии и Китае отозвалось в странах Индо-китайского полуострова. Эти страны являются колониями Англии и Франции. Под властью Англии находятся Бирма и Малайя. Франция захватила Индо-Китай. Только Сиам сохранил номинально свою независимость, но следует помнить, что Сиам менее богат каучуком и оловом, чем Малайя.

Сепаратизм в Бирме. Движение против господства западных держав приняло различные формы в каждой из стран Индо-Китая. Во французских колониях—в Аннаме, Тонкине, Кохинхине и др.—оно было подавлено в самом зародыше до того, как наступила та эпоха, о которой здесь идет речь. В Бирме это движение появилось в виде агитаций за отделение от Индии. Нет никаких оснований считать Бирму частью Британской Индии. Жители Бирмы принадлежат к другой расе и исповедуют другую религию, у них другая социальная структура (нет кастовой системы и затворничества женщин) и их страна отделена от Индии почти непроходимой горной цепью. Тем не менее, в докладе Монтэгу—Челмсфорда предлагалось сохранить существующий порядок вещей, при котором Бирмой управляет индийское правительство. Реформы 1919 г. не распространялись на Бирму. Только в 1923 г. жителям Бирмы удалось добиться уступок, в результате которых некоторые отрасли управления были переданы в ведение министров-туземцев. Но эти уступки были ничтожны, так как министры назначались английским губернатором.

Когда вопрос о предоставлении Индии прав доминиона стал предметом обсуждения, жители Бирмы потребовали отделения от Индии; им казалась приемлемой перспектива временного английского режима, но не перспектива постоянного управления со стороны Индии. Они добились того, что комиссия Саймона рекомендовала, чтобы Бирма имела управление по образцу самостоятельных колоний. Это привело к созыву конференции круглого стола, в результате которой английское правительство выдвинуло проект новой конституции. За английским губернатором были сохранены большие права, но жителям Бирмы было дано заверение, что «правительство его величества будет стремиться к тому, чтобы эти права не помешали продвижению Бирмы на пути к самоуправлению».

Падение абсолютной монархии в Сиаме. Сиамское королевство—на туземном языке Муанг-тай, т. е. «королевство свободных»,—сохранило самодержавный строй, но было независимым государством. Территория Сиамы была урезана во время целого ряда аннексий его пограничных территорий со стороны французского Индо-Китая и Британской Малайи. Права Сиамы были сильно сужены договорами об экстерриториальности. Согласно этим договорам, европейцы были подсудны собственным судам, находящимся вне юрисдикции Сиамы. Европейцы злоупотребляли этими договорами, распространив эту привилегию экстерриториальности на

иностранцев вообще, даже на китайских рабочих, которые устре-
млялись в Сиам во все большем количестве.

Во время мировой войны Сиам, сдавленный с двух сторон ан-
глийскими и французскими владениями, поневоле присоединился
к союзникам. В воздаяние за это на мирной конференции Германию
и Австро-Венгрию заставили отказаться от прав экстерриториаль-
ности. Этим самым был подорван весь принцип капитуляций.
Сиамские юристы заняты были разработкой нового судебного
кодекса. Теперь, после отказа Германии и Австро-Венгрии от своих
привилегий, иностранные державы не имели оснований настаивать
на особых судах в Сиаме, после того как будет введено новое судо-
устройство. В связи с этим в 1920 г. Соединенные штаты отказались
от своих прав экстерриториальности, а в 1926 г. их примеру после-
довали Франция, Англия и Голландия. Китайские националисты
не замедлили сделать из этого определенный вывод: если иностран-
ные державы могут признать суверенным одно восточное государ-
ство, то они могут признать суверенным и другое. Однако державы
отказались признать какую-либо аналогию между небольшим,
но единым государством с 10-миллионным населением, где добыча
олова и каучука находилась в зачаточном состоянии, и громадной
страной с 400 миллионов жителей, природные ресурсы которой
были безграничны и где не имелось устойчивого правительства.
Англия имела особое основание относиться к Сиаму благожелатель-
но: добыча ценного тикового дерева находилась в английских
руках и самодержавный монарх был англофилом. Единственное,
что упустила из виду Англия, было то, что в Сиаме разгоралось
сильное национальное движение и его вожди ориентировались
на Кантон, а не на Лондон. Молодой сиамский юрист, получивший
образование в Париже, Луанг Прадит, быстро собрал вокруг себя
большое число последователей среди туземцев, недовольных само-
державным строем. В июне 1932 г., когда сиамского короля не было
в столице, в нескольких полках произошло восстание. Луанг Пра-
дит представил королю на утверждение проект конституции, на
которую тот вынужден был согласиться. Был создан националь-
ный сенат, и казалось, что дни деспотизма в Сиаме прошли. Но
путь к свободе не может быть гладким: в апреле 1933 г. силы реак-
ции организовались, сенат был распущен, а Луанг Прадит изгнан.
Два месяца спустя последовал новый государственный переворот,
после которого сенат собрался вновь и Прадит вернулся из изгна-
ния. Реакционные силы вновь подготовили удар, но на этот раз
конституционное правительство оказалось достаточно сильным,
чтобы подавить оппозицию: оно ликвидировало реакционное вос-
стание, происшедшее в октябре 1933 г., и Луанг Прадит взял власть
в свои руки. Конституционное правительство не было парламен-
тарной демократией. Оно было на деле диктатурой сиамской народ-
ной партии, которая была организована по образцу гоминдана
и преследовала национальную политику.

Сингапурская морская база. Англия могла отнестись спокойно
к национальному движению, зарождавшемуся в индо-китайских
странах, а также к империалистическим притязаниям Японии

в юго-западной части Тихого океана, так как она владела Малайей. Малайя не только является самым большим источником каучука и олова. Самое важное—это то, что Сингапур—остров, расположенный у оконечности Малайского полуострова,—является ключом к Тихому океану, таким же ключом к западной части этого океана, как Панама к восточной. В Сингапуре скрещиваются пути из Суэца, Китая и Японии, Индии, Австралии и Новой Зеландии. Как правильно указал еще в 1819 г. сэр Стамфорд Рэффелс, когда он аннексировал этот остров, «он дает нам власть над Китаем и Японией, Сиамом и Камбоджей, не говоря уже об (Ост-индских) островах». В послевоенные годы английское правительство хорошо учитывало важное значение Сингапура. В 1921 г. парламент ассигновал 10,5 миллиона фунтов стерлингов (это ассигнование было впоследствии снижено до 7,7 миллиона фунтов стерлингов) для постройки величайшего на Востоке дока для морских судов. Первый лорд адмиралтейства в речи, произнесенной им в парламенте 18 марта 1924 г., разъяснил, какими соображениями было продиктовано это строительство:

«Сингапур, по сути дела, находится в английской части света. Фактически он является центром одной из самых богатых и наиболее быстро развивающихся частей империи. Он является ключом к Индийскому океану, по берегам которого расположены три четверти владений империи. По берегам этого океана находятся великие южные доминионы, Индия и наши восточно-африканские владения. Там живут три четверти всего населения империи. В этом огромном океане у нас нет ни одной базы, годной для починки современного судна... Через этот океан ежегодно перевозится примерно на один миллиард фунтов стерлингов наших грузов и значительная часть грузов из других стран, принадлежащих к империи».

Национальное движение в Голландской Ост-Индии. Нам остается остановиться на истории двух больших групп островов, которые входят в то целое, которое именуется Дальним Востоком. Погоня за нефтью и каучуком превратила Ост-индские острова и американские Филиппины в один из важных элементов мировой экономической системы. Это и понятно, так как лучшая нефть в мире добывается на Борнео, а добыча каучука на Филиппинах, как многие утверждают, при необходимости может полностью покрыть всю потребность Соединенных штатов. Эти острова приобрели также новое политическое значение в связи с превращением Японии в третью по своему могуществу морскую державу мира и в связи с ее притязаниями на доминирующее положение на Дальнем Востоке. Руководящие туземные круги на этих островах понимали, какие громадные перспективы сулит эксплуатация этих островов западным империалистам, и движение за автономию возникло как в Голландской Индии, так и на Филиппинах.

Население Голландской Ост-индии составляет свыше 50 миллионов человек. В обитаемых районах плотность населения так же велика и нищета его так же ужасна, как в Японии и Китае. Голландцы утверждали, что промышленное развитие принесет туземцам облегчение. Но развитие фабричного производства на Яве и Суматре обогатило

голландцев, а туземцы остались такими же бедными, какими были раньше. Яванцы были магометанами, и они пришли в возбуждение, когда до них дошло известие о революции, происшедшей на Среднем Востоке во время войны. Кроме того, у них были перед глазами и другой, более им близкий пример борьбы за освобождение: в Китае происходила революция, центром которой являлся южный порт Кантон. Голландцы имели как будто столь же добрые намерения, как англичане, в отношении своих подданных на Востоке, и в 1916 г. Генеральные штаты Голландии дали такое же обещание Ост-Индии ввести там самоуправление, как английский парламент дал Индии в 1917 г. Голландцы создали в Батавии Народный совет, но население утверждало, что этот совет не является народным, в сущности не может даже называться советом. Они были правы, так как большинство членов совета не избиралось, а назначалось голландцами. Притом власть народного совета не распространялась на финансы, которые, как и все важные вопросы, оставались в компетенции Генеральных штатов Голландии. В результате голландцы вынуждены были пойти на уступки. В 1925 г. они дали Ост-Индии новую конституцию, в силу которой туземцы избирали 38 членов совета из общего числа 61. Но время для мелких уступок было упущено. Революция носилась в воздухе на Востоке. Гоминдан уже начал свой поход на север от Кантона. В 1925 г. в промышленных центрах Ост-Индии были забастовки. На Яве в 1926 г. и на Суматре в 1927 г. вспыхнули волнения. Голландцы беспощадно подавили восстание и пытались успокоить свою совесть, уверяя самих себя, что волнения являются делом рук кучки коммунистических агитаторов. Однако, несмотря на то что около тысячи коммунистов было сослано на Новую Гвинею, национальное движение продолжало развиваться. Под влиянием этого движения были созданы Народный банк и Институт национального образования, который организовал 40 школ с интернатами, чтобы дать молодому поколению индонезское, а не европейское образование. На школах красовалось следующее изречение: «Ремесленник, делающий прекрасные и полезные предметы, гораздо ценнее для общества, чем чиновник». Была сделана попытка последовать указаниям Ганди и содействовать развитию отечественного производства товаров, которые получались из-за границы. До 1934 г. национальное движение не имело значительных успехов. Однако голландские и другие европейские империалисты на Дальнем Востоке уже начали понимать, что им удастся сохранить господство только в том случае, если они дадут туземцам право самим решать свои собственные дела и будут развивать богатства этих островов не только в интересах капиталистов метрополии, но и в интересах туземцев.

Филиппинские острова и Соединенные штаты. Соединенные штаты получили Филиппины от Испании в 1898 г. и столкнулись с той же самой проблемой, что и англичане в Индии. Подобно Индии Филиппины находятся на расстоянии 3 тысяч миль от метрополии, и подобно индусам жители этих островов были частью магометанами, частью последователями индуизма. Во вступительной части к американскому закону Джонса 1916 г. говорится: «Народ Соеди-

ненных штатов намерен и всегда намеревался отказаться от своих суверенных прав на Филиппинские острова и признать их независимость, как только там будет организовано устойчивое правительство».

Однако точка зрения Америки в вопросе о Филиппинских островах со времени войны коренным образом изменилась. Япония превратилась в большую морскую державу на Тихом океане, в связи с чем возникла угроза для излюбленной американцами политики открытых дверей на необъятных рынках Китая. Создание сильной базы на Филиппинах стало для США необходимостью. Еще большее значение имеет то, что американские деловые люди оценили возможности экономической эксплуатации этих островов. Вопрос о независимости Филиппин был снят с очереди. Вместо покладистого Гаррисона губернатором был назначен генерал Вуд, и острова оказались, таким образом, в ведении военного министерства Соединенных штатов. Генерал Вуд, которого характеризовали как человека с военным складом ума, окружил себя людьми, настроенными еще более воинственно, чем он сам. Он упразднил парламентское правительство и подчинил филиппинцев сильной власти американцев.

Можно многое было сказать в пользу этой перемены. Правительство Филиппин в дни губернаторства Гаррисона было продажно, как правительство всякой страны, которой следовавшие друг за другом завоеватели мешали управлять собой самостоятельно. Правящим классом было среднее сословие—касики, которые в сущности представляли собой не что иное, как клику, ибо они составляли лишь 6 процентов всего населения. Они занимались, главным образом, ростовщичеством и угнетали крестьянство. Кроме того, они принадлежали к римско-католической церкви и не чувствовали никакой симпатии к магометанам, жившим на южных островах.

Не подлежит сомнению, что магометане приветствовали восстановление американской власти, и возможно, что крестьянство предпочитало управление американцев режиму, созданному касиками.

Тем не менее, политически сознательные филиппинцы возмутились. Американцы обманули их доверие. Вкусив однажды сладость свободы, касики не захотели подчиниться военной диктатуре. Кризис на Филиппинах вспыхнул в 1926 г., когда возникли волнения в Индии, когда китайские националисты наложили руку на Ян-цзы и когда явайские рабочие восстали против голландцев. Генерал Вуд без труда подавил восстание. В декабре 1926 г. генерал Вуд коротко и сжато сформулировал новую американскую политику следующим образом: «Филиппинская проблема является частью тихоокеанской проблемы Америки, которая касается не только Филиппинских островов, но также Америки и других держав. Эту проблему нельзя разрешить болтовней агитаторов. Решение ее не может быть делом одного человека, и она должна быть разрешена в соответствии с желаниями и интересами не только филиппинцев, но и населения других стран. Задача Америки будет выполнена, когда Америка скажет об этом, но не раньше. Мы начинаем теперь новую эру—эру экономического развития Филиппин. Политическая независимость невозможна, пока не будет достигнута экономическая независимость».

ЧАСТЬ IV

АФРИКА

XX. ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ; СИСТЕМА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В бурном историческом потоке XX в. история Африки напоминает тихую заводь. Газеты пишут об Аравии, Индии и Дальнем Востоке, но не об Африке. Западноевропейская публика изредка слышит об открытии алмазных месторождений в Южной Африке, о походах французов в Северной Африке или о росте экспорта какао или табака из этой части света,—и это все. Африка как будто находится в тихой заводи. Между тем, под этой тихой поверхностью проходит то же самое сильное и глубокое течение, которое вдохнуло новую жизнь в азиатские народы, подымается та же самая волна возмущения против Запада—она только не поднялась еще на поверхность.

Во имя чего? Сто лет назад для западноевропейских народов Африка, за исключением ее прибрежных районов, была неведомой страной. Только в конце XIX в. индустриальные страны Европы поняли, какие возможности представляет собой этот континент в качестве источника сырья. Тогда начался захват Африки, который закончился подчинением всей Африки—от Марокко до Капштадта—за исключением Либерии и Абиссинии¹, которые номинально остались независимыми. Было много разговоров о цивилизаторской миссии белой расы, о том, что она обязана принести культуру и просвещение в самые темные углы Африки, но реальным мотивом для захвата было стремление эксплуатировать африканское население и сырьевые ресурсы. Большинство империалистических государств было в этом отношении совершенно откровенно. Португалия разделила свою юго-восточную африканскую колонию между четырьмя концессионными компаниями, которые стали собственниками земли и туземцев. В Германии в 1902 г. состоялся колониальный конгресс, на котором германская политика в Африке была

---

¹ В 1936 г., после семимесячной героической обороны абиссинского народа, итальянские фашисты захватили столицу Абиссинии и большую часть ее территории.

Аннексия Абиссинии не была признана ни Лигой Наций, ни отдельными государствами. Абиссиния и сейчас остается членом Лиги нации и считается независимым государством. —Прим. ред.

сформулирована следующим образом: «Колониальный конгресс полагает, что экономические интересы отечества требуют, чтобы Германия стала независимой от иностранного сырья и чтобы для германских готовых изделий были созданы рынки, свободные от иностранной конкуренции. Германские колонии должны в будущем выполнять эту двойную роль, если бы даже ради этого пришлось заставить туземцев работать на общественных работах или в сельском хозяйстве».

В 1914 г. Германия предложила исключить Африку из сферы военных действий, но союзники не согласились на это предложение. В Камеруне, в германской юго-западной Африке и в германской Восточной Африке белые пользовались помощью черных в своей борьбе друг с другом. «В течение четырех лет было убито или умерло от болезней в результате войны между белыми, больше африканцев, чем в течение 40 лет, а быть может, и в течение целого столетия тех войн, которые вели черные между собой»¹. Тем временем между союзниками были заключены неофициальные соглашения о разделе германских колоний.

После войны африканская проблема предстала перед империалистическими державами в новом свете. На мирной конференции союзники присвоили себе старые германские колонии под видом мандатов, а не аннексировали их. В уставе Лиги наций было при этом указано, что в этих странах должен найти применение принцип, что «благосостояние и развитие местного населения является священным долгом цивилизации...» Франция получила мандат на Того и Камерун, Англия — на западную часть Того, западную часть Камеруна и Танганайку, а Южноафриканский союз — на бывшую германскую Юго-западную Африку.

Белые эксплуататоры Африки начали понимать, что их экономические интересы также требуют заботы о туземцах. Принудительный труд является наиболее непроизводительным из всех видов труда. Для того чтобы превратить туземца в умелого рабочего, его нужно обучить, дать ему кой-какое образование и обеспечить сносные условия существования. Но если дать туземцу образование, то он начнет требовать, чтобы ему дали возможность управлять своими делами самостоятельно, а это может повредить интересам европейцев. В этом был весь вопрос.

Франция применила систему централизованного управления, предоставив своим африканским подданным право получения французского гражданства и обязав их нести воинскую повинность. Англия попыталась применить в тех колониях, которые были непригодны для белых поселенцев, систему децентрализованного управления. В колониях, пригодных для поселения белых, Англия и Южноафриканский союз применили третий способ, который в своем африканском варианте может быть назван системой колониального управления.

План Сарро. Внезапно во время мировой войны французы осознали те возможности, которые открываются для них в их коло-

---

¹ Prof. J. Huxley, Africa View.

ниальной империи. До войны средний француз представлял себе довольно туманно, что Франции принадлежит значительная часть Африки от Средиземного моря до Нигера—Мадагаскар, Антильские острова и Индо-Китай. Но французы считали колонии невыгодными; быть может, там и находит применение французский героизм, но колонии вызывают излишнее напряжение во французских финансах. Война заставила Францию вспомнить о своей колониальной империи. В колониях было мобилизовано около двух миллионов человек, из них сражалось на фронтах 680 тысяч бойцов. Наконец, стало ясным, что колониальная империя включает в себе большие ресурсы, и Сарро выдвинул проект их использования. «Франция,—заявил он,—чтобы укрепить себя в будущем, должна потребовать от своих колоний и протекторатов людей для армии, деньги для своего бюджета, сырье и другие продукты для своей промышленности и торговли, а также продовольствие и валюту». Такими же мотивами руководствовались английская колониальная политика в XVII в. и японская в XX в. В своих деталях план Сарро сводился к следующему: «Колонии примерно разделяются на несколько групп, каждая из которых должна производить определенные продукты, для чего она обеспечивается необходимыми возможностями развития... Западная и Центральная Африка должны давать масло и лес. Западная Африка должна также подобно Золотому берегу давать какао и выращивать хлопок в долине реки Нигера. Северная Африка должна сосредоточить свое внимание на продуктах продовольствия и фосфатах. Индо-Китай помимо риса должен давать хлопок, шелк и каучук. Мадагаскар должен давать мясо и зерновые продукты, а Антильские острова—сахар и кофе. Продукты каждой колонии должны идти в общий национальный котел. Такое разделение труда должно было дать максимальные результаты, и в действительности вся колониальная империя должна была превратиться в громадную фабрику, применяющую все методы промышленной специализации»¹.

Успех плана Сарро, очевидно, зависел от двух факторов: готовности туземцев сотрудничать с французами и готовности французского правительства вложить в колонии крупные суммы денег.

Что касается готовности туземцев, то французы приложили все старания, чтобы установить хорошие взаимоотношения с африканцами. Французские чиновники, готовясь к отъезду в Африку, изучали не только африканские языки, но и африканскую антропологию и религию в Высшей колониальной школе. В самой Африке они старались не обособляться: они не видели ничего позорного в том, чтобы превратиться в туземца, и в том, чтобы вступать в тесные отношения с местным населением. «Идеал лучших французских администраторов,—говорит Тойнби,—заключался в том, чтобы дать возможность всякому способному африканцу приобщиться к западной культуре. Французам были чужды расовые и религиозные предрассудки, они были готовы широко открыть двери всякому иностранцу любого цвета кожи, который мог воспринять французскую культуру». Первобытные народы Западной и Экваториальной Африки на это

---

¹ S. H. Roberts, French Colonial Policy.

откликнулись. Племенная организация этих народов была слаба, традиции у них не было—им льстило, что французы проявляют к ним интерес, что они берут себе в жены их женщины, им нравилось вести их образ жизни и сражаться в рядах их армии. Они не видели ничего недопустимого в том, чтобы подчиниться приказам из Парижа, так как французские чиновники также им подчинялись. Им было дано право получить французское гражданство, и им льстило это, хотя немногие воспользовались этой возможностью.

Тунис и Алжир. Французская политика в Западной и Экваториальной Африке могла бы оказаться вполне успешной, если бы Париж предоставил необходимые средства для грандиозных планов общественных работ и экономического развития. Но эти средства не были получены. Это объяснялось отчасти тем, что французы по традиции не любят платить налогов. Другая причина заключалась в том, что Франция не пользовалась никакой популярностью среди туземцев Северной Африки, где магометанство оставалось громадной силой. Магометане Туниса, Алжира и Марокко отнюдь не были польщены попытками французов брататься с ними. Они считали свою культуру равной французской, а свою религию несравненно более высокой, чем все то, что могла им предложить Франция. Французам пришлось поэтому опираться на силу, и те деньги, которые могли бы пойти на экономическое развитие их африканских колоний, были затрачены на военные экспедиции.

Тунис находится под французским протекторатом с 1881 г. До 1914 г. колонизация его французами шла беспрепятственно, но во время и после мировой войны египетское национальное движение нашло отклик среди тунисцев. В 1920 г. они потребовали всеобщего избирательного права и равноправия с французами. Французы оказались в затруднительном положении. В Тунисе жило 54 тысячи французов, и Франции отнюдь не хотелось вступать в столкновение с туземцами; а также еще и потому, что там имелось 85 тысяч итальянцев, и Италия ожидала только удобного повода для вмешательства. Помня об этом, Франция поспешила пойти навстречу националистам и создала экономические советы (в 1922 г.), через посредство которых туземцы могли сотрудничать с французами в деле развития сельского хозяйства страны. Постепенно прекратились разговоры об экономическом бойкоте французов, прекратились также антифранцузские демонстрации на улицах. Франция могла опять вздохнуть свободно. Самоуправление в Тунисе не было введено.

В Алжире не было национального движения и не было восстаний. В 1921 г. Франция предоставила туземцам участие в местном управлении, и после этого в Алжире все было спокойно.

Французы находились в Алжире в течение ста лет, и за это время они прочно связали Алжир с Францией. В политическом отношении Алжир был французской префектурой, где 831 тысяча европейских колонистов (из них 400 тысяч французов) жили за счет эксплуатации труда пяти миллионов туземцев. Закон о натурализации, изданный в 1919 г., дал алжирцам право вступать во французское гражданство. В Алжире действовали французские законы. Франция, казалось, была намерена ассимилировать алжирских маго-

метан настолько, чтобы они слились полностью с французской нацией, как в свое время слились различные народности, населявшие Францию. Сельское хозяйство страны не развивалось. С 1920 г. стал падать экспорт. Алжир оставался, однако, спокойным.

Лиотэ и Марокко. Марокко больше всего причинило беспокойства Франции. Положение там было затруднительно с самого начала завоевания этой колонии. Германия препятствовала французской экспансии в Марокко, а сопротивление местных племен и горные цепи замедляли и затрудняли проникновение внутрь страны. В 1914 г. казалось, что Франция решила эвакуировать Марокко: правительство приказало Лиотэ отправить обратно две трети своей армии и отступить к побережью. Правительство считало, что «судьба Марокко будет решена в Лотарингии». Но Лиотэ имел талант Нельсона. Он отослал войска, но, вместо того чтобы отсупить к портовым городам, оставил побережье без всякой защиты и послал оставшиеся у него военные силы в горы, чтобы продолжать покорение местных племен. Этот маневр удался: портовые города не подверглись нападению, в замиренной зоне туземцы и французы жили бок о бок совершенно мирно, и Лиотэ покорил всю страну вплоть до Среднего Атласа.

Лиотэ подобно всем талантливым полководцам знал, что применять военные силы можно лишь в известных границах.

Представление о задачах протектората в Марокко было ближе к английской идее децентрализованного управления, чем к ортодоксальной французской политике централизации и ассимиляции. «Протекторат,—саявлял Лиотэ,—означает экономическое и моральное завоевание народа, а не покорение его при помощи силы. Это возможно при помощи тесного сотрудничества, когда мы управляем ими мирно при помощи его собственных властей и в соответствии с его обычаями и законами».

Западная французская зона Марокко граничила с испанской зоной. Население этой горной страны по обе стороны границы состояло не из марокканцев, говорящих на арабском языке, а из берберов, которые принадлежат к белой расе, никогда не были приобщены к западной или арабской культуре. Формально они исповедывали магометанство, но не знали ни магометанских законов, ни арабского языка—языка корана. Лиотэ проводил в отношении берберов особую политику, имея в виду сохранить их собственную организацию и их родной язык. Испанцы избрали более простой путь. Их представления о колонизации немного изменились с того времени, как Кортес поймал в ловушку Монтезуму и завоевал Мексику. Они двинули на завоевание берберов крупные военные силы. Эта политика возмутила национальное чувство берберов. В 1921 г. берберы восстали против Испании и уничтожили испанскую власть во всей этой зоне. Из Испании посылалась одна военная экспедиция за другой, но они наталкивались на упорное сопротивление этого народа. Возмущение среди берберов перебросилось на французскую зону, и в 1925 г. Риф объявил себя независимым государством.

Война за независимость этого народа будет излюбленной темой для всякого романтически настроенного историка. Неукротимые

племена, которые в течение столетий не поддавались влиянию ислама и христианства; неприступные горы, среди которых они сражались; их вождь Абд-эль-Крим, который превратил их в силу, способную сражаться против объединенных армий Франции и Испании, вооруженных новейшими орудиями войны и т. д.—все это материал, из которого делаются кинематографические фильмы. Берберы, разумеется, проиграли войну, и Абд-эль-Крим сдался французам в 1926 г.

Тем временем Лиотэ подал в отставку, и для закрепления его экономических успехов в Марокко был послан другой, менее сангвинический администратор. На побережье, в равнинах и в горах Атласа воцарились мир и спокойствие; были проложены дороги (в 1926 г. длина дорожной сети равнялась 3 тысячам километров против 18 километров в 1913 г.), и порт Казабланка был расширен настолько, что смог пропускать 70 процентов всего экспорта Марокко. Марокко стало окупать расходы по своему управлению, но французский налогоплательщик должен был оплачивать военные расходы, и поэтому на осуществление плана Сарро не было средств.

Попытка Франции превратить свои африканские владения в экономический придаток к метрополии потерпела неудачу. Поражение в Тунисе, политика притеснения туземцев в Алжире, постоянные войны в Марокко—все это делало эти районы все более непривлекательными для французских колонистов. Западная и Экваториальная Африка задыхались от недостатка капиталов и развивались очень медленно. Несмотря на бурные восторги, которые вызвала колониальная выставка в Марселе в 1922 г., и несколько менее бурный энтузиазм, который вызвала выставка в Париже в 1931 г., Франция получала из колоний меньше одной десятой части всего своего импорта. С каждым годом становилось яснее, что Франция все менее и менее в состоянии обеспечить развитие колоний.

XXI. БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ. СИСТЕМА ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Колониальная политика Англии противоположна французской. Французская колониальная империя представляет собой единое целое, и задачей колониальной политики является возможно более быстрое превращение каждой колонии во французский департамент. Британская империя представляет собой совокупность различных организмов, и задачей колониальной политики является превращение каждой отдельной колонии в самостоятельное целое, имеющее собственную культуру и собственную жизнь. С точки зрения французских колониальных деятелей единство означает единообразие, а с точки зрения английской единство означает сотрудничество между отдельными самостоятельными организациями. В соответствии с этим французский метод сводился к смешению французов с туземцами, к приобщению туземцев к французской цивилизации. Напротив, англичане были против всякого общения с туземцами и в особенности против смешанных браков; в колониях англичане образовали обособленную касту. В области политической французский

метод означал централизацию, а английский—децентрализацию при сохранении контроля в руках англичан, проживающих в колониях. В области экономической французский метод сводился к подчинению интересов колонии интересам Франции при помощи контроля над таможенной политикой, тогда как англичане были более склонны учитывать экономические интересы каждой отдельной колонии. Но интересы колонии не всегда совпадают с интересами африканских туземцев. В результате захватов в Африке в руках Англии оказалось много районов, пригодных для расселения европейских колонистов, и в этих районах интересы колоний были подменены интересами колонистов.

Три английских протектората в южной Африке. Полстолетия тому назад Англия установила официальный протекторат над тремя районами южной части африканского материка—Базутолэнд, Бечуаналэнд и Свазилэнд. Эти протектораты остались в руках англичан и после создания Южноафриканского союза, несмотря на то что эти области были окружены со всех сторон его территориями. Английская политика свелась к сохранению власти местных вождей и к предоставлению возможности этим племенам приобщиться к европейской цивилизации. Эта политика проводится до сих пор.

Базутолэнд населен племенем банту, насчитывающим полмиллиона человек. Каждый житель владеет здесь в среднем 15 акрами земли. Земля разделена на участки и находится в общественном владении. Правителем является верховный вождь, при котором состоит Национальный совет, состоящий из 95 членов, назначаемых вождем, и 5 членов, назначаемых английским комиссаром. Английский комиссар не вмешивается в дела туземцев, хотя он взимает налог для покрытия расходов по содержанию дорог, школ, больниц и своего аппарата. Налог равнялся до 1920 г. 20 шиллингам с каждой хижины, но в этом году английский комиссар повысил этот налог, несмотря на оппозицию Национального совета, до 28 шиллингов. Особый налог взимается также при многоженстве—по 25 шиллингов с каждой жены, кроме первой. В 1927 г. был введен новый налог в 3 шиллинга с каждого совершеннолетнего мужчины для покрытия расходов на школы.

В Бечуаналэнде положение приблизительно такое же, с тем отличием, что там имеется много разных племен и достаточно белых колонистов для того, чтобы в послевоенные годы можно было создать Совецательный комитет из европейцев. Англичане взимают налог (до 1932 г.—25 шиллингов, а с тех пор—28 шиллингов), туземные вожди имеют право взимать другие сборы по своему усмотрению (в 1930 г. вождь племени баманквата Шекеди потребовал поставки одного быка с каждого члена племени для того, чтобы покрыть расходы по поездке в Англию).

В Свазилэнде положение осложняется тем, что там имеется значительно большее количество белых, владеющих двумя третями всей земли. Земля недостаточно плодородна, чтобы обеспечить существование населения при существующих методах обработки, а тем более для того, чтобы давать излишек, требующийся для уплаты растущих налогов. Большое число местных жителей вынуждено

покидать свои села и заниматься на работу на фермах и рудниках в Южноафриканском союзе.

Система управления в Нигерии, Танганайке и Кении. Еще до мировой войны 1914 г. лорд Легард придал в Нигерии системе децентрализованного управления более эластичные формы. Он сохранил в неприкосновенности туземное управление и привлекал английских чиновников скорее в качестве советников, чем в качестве администраторов. Он установил ограничения для иностранцев, в частности в области приобретения земли. Вместе с тем, он сам принял все меры к тому, чтобы привести туземную систему управления в надлежащее состояние и ликвидировать экономический застой. Он достиг в этом отношении так х успехов, что этот период в Нигерии отмечен быстрым увеличением сельскохозяйственного производства и торговли. Хозяйство страны настолько укрепилось, что в 1918 г. английское правительство в последний раз ассигновало субсидии в пользу Нигерии. После войны политика децентрализованного управления в том виде, какой придал ему лорд Легард, была распространена англичанами на мандатную территорию Танганайки. Однако здесь применение этой политики натолкнулось на значительно большие трудности. В Нигерии имелась туземная административная организация, имелись могущественные эмиры и магометанские традиции, которые способствовали установлению определенного порядка по крайней мере на территории, находившейся в распоряжении отдельных племен. В Танганайке туземцы находились на гораздо низшей ступени развития, чем в Нигерии. Их административная система была слаба, и их племенные власти развращены германской системой управления через платных туземных вождей. При этой системе туземные вожди в глазах туземного населения становились простыми агентами иностранцев, и туземцы не считали их защитниками своих интересов. Было очень просто ввести английские методы управления по отношению к туземцам, но значительно труднее было восстановить их собственную административную организацию. Вплоть до 1925 г. в этом отношении было достигнуто очень мало, но в этом году верховным комиссаром Танганайки был назначен сэр Дональд Камерон, и он начал применять в Танганайке те методы, которые применял Легард в Нигерии. Туземные вожди не назначались правительством, а за каждым племенем было признано право иметь своего собственного наследственного или выборного вождя. Налоги не собирались английскими властями; вместо этого туземные власти собирали свои налоги и вносили их в туземную казну. Часть этих поступлений шла в пользу английского правительства для покрытия административных расходов, и из этих отчислений определенная сумма выдавалась туземному вождю для оплаты его собственных чиновников. Споры не рассматривались английскими судами, а вместо этого были восстановлены туземные суды, которые применяли местное обычное право. Английский районный комиссар имел право знакомиться с постановлениями туземных судов и требовать пересмотра дела или отмены постановления, если он считал это необходимым.

Эта система действовала не вполне гладко. Английские чинов-

ники часто бывали придирчивы, и английские власти не всегда целесообразно расходовали получаемые ими средства.

О результатах децентрализованного управления в Танганайке можно лучше всего судить, сравнив систему управления в Танганайке с той системой, которая существует в соседней с ней Кении. Здесь имеется большой горный район, который соединяется с морем при помощи железной дороги Уганда—Момбаса. Этот район больше всего подходит для расселения европейских колонистов. Там имеется около 70 тысяч европейцев, т. е. на сто туземцев приходится, приблизительно, по одному европейцу. Английское правительство решило установить в Кении такую систему управления, которая удовлетворяла бы нужды колонистов. Колонисты едут в Кению ради наживы. Но нажиться они могут только в том случае, если в их распоряжении имеются дешевый туземный труд и монопольное право на лучшие земельные участки. Чтобы обеспечить колонистам эти условия, для туземцев были установлен целый ряд ограничений.

Прежде всего туземные племена были лишены права на горный район, занимающий 16 тысяч квадратных миль. Для них были выделены так называемые «резервации», где земля была настолько неплодородна, что туземцам определенную часть года приходилось работать в европейских поселениях, чтобы обеспечить себя пропитанием.

Во-вторых, туземцы были лишены всякого участия в управлении. Правительственный совет состоял из английского губернатора и двадцати членов, из которых одиннадцать избиралось европейскими колонистами, пять—индусами, двое—арабами. В состав совета входил, кроме того, христианский миссионер, представлявший якобы интересы туземцев и назначавшийся английским губернатором. Состав совета изменялся, но лишь в сторону усиления представительства от колонистов, которые, как сказано выше, относились совершенно пренебрежительно к туземцам.

В-третьих, туземцы облагались большими налогами. Поступления от налогов не только не шли на нужды туземцев, но часть их расходовалась на покрытие расходов по обучению детей европейцев и на оказание им медицинской и агрономической помощи. В 1931 г. профессор Гексли писал: «В настоящий момент в Кении прямое обложение туземцев сводится к налогу в 12 шиллингов с хижины (т. е. 12 шиллингов с каждого взрослого мужчины и с каждой его жены). Расходы правительства на нужды образования туземцев составляли в 1925 г. $2\frac{1}{4}$ пенса на одного туземца, тогда как расходы на образование для европейских колонистов составляли свыше 2 фунтов на человека».

В-четвертых, правительство грубо нарушило свои обязательства в отношении туземцев, находящихся в так называемых резервациях. Границы этих резерваций были проведены таким образом, что колодцы в пограничных участках оставались на земле, отходившей от туземцев. Туземные племена протестовали против этого, но правительство успокоило их тем, что обещало в будущем сохранить в неприкосновенности их новые земли. После этого около озера Виктории, на территории резервации, было найдено золото. Пра-

вительство немедленно нарушило свое обещание и передало золотосносные районы европейским концессионерам.

В-пятых, для туземцев, которые не проживали со своими единоплеменниками в резервациях, были созданы крайне тяжелые условия. Туземцам было разрешено обрабатывать часть участков, принадлежащих колонистам, при условии, что 180 дней в году туземец будет работать на колониста. Эта система обладала всеми недостатками и не имела ни одного достоинства феодальной системы. Туземец терял связь со своей племенной организацией, которая представляла собой основу его социальной жизни, и становился рабом.

Тем не менее, правительство не проявляло никакой склонности изменить свою политику. Министерство колоний время от времени пыталось ограничить злоупотребления колонистов. В 1923 г. министерство колоний заявляло: «Кения является прежде всего африканской страной, и правительство его величества считает необходимым указать, что, по его мнению, интересы африканских туземцев имеют первостепенное значение. В тех случаях, когда интересы туземцев и колонистов сталкиваются, надлежит отдать предпочтение первым». Однако ничего не изменилось, ибо люди, находящиеся в колонии, следили за тем, чтобы предпочтение отдавалось интересам колонистов, а не туземцев. Местный губернатор в 1925 г. заявлял: «Правительство ожидает, что административные лица окажут надлежащее содействие тому, чтобы туземцы в их районе работали на земле, отведенной для колонистов». В течение всего послевоенного периода туземцев заставляли работать на колонистов. Администрация принимала все меры к тому, чтобы заставить туземцев выполнять свои трудовые договоры, и разыскивала и возвращала назад тех из них, которые убегали в свои деревни. В 1934 г. комиссия по вопросу о земле в Кении представила свой доклад в парламент. В этом докладе наряду с прогрессивными идеями содержались самые суровые и жестокие предложения. В докладе порицалась система разделения страны на строго ограниченные резервации и предлагалось предоставить в распоряжение туземцев большее количество земли. В то же время предлагалось, чтобы горный район в 16 тысяч квадратных миль оставался в распоряжении колонистов на вечные времена. Предлагалось также разрешить сдачу в аренду африканцам определенных земель, находящихся вне туземных резерваций, а некоторые другие районы открыть и африканцам и европейцам. Но речь шла здесь о таких районах, где свирепствовали всякого рода эпидемии. В 1934 г. в Кении продолжала существовать система колониального управления.

XXII. ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

В Южноафриканском союзе существовала та же система колониального управления. Здесь положение осложнялось тем, что колонисты принадлежали к двум антагонистическим группам. Первые колонисты были голландцы, фанатичные кальвинисты, которые отправились в Южную Африку, чтобы избавиться от своей нечестивой родины и вести независимую жизнь в стране, где вся тяжелая

работа выполнялась бы почти даром людьми другой расы. На юге они столкнулись с исключительно культурным племенем африканцев—банту. Это племя вначале боролось за свою независимость, но было в конце концов покорено завоевателями самым жестоким способом. Положение голландцев было вполне благополучным, несмотря на то что на побережье жили английские поселенцы. Но открытие золотых россыпей и месторождений других драгоценных металлов привлекло в страну десятки тысяч англичан. Между англичанами и бурами вспыхнула война, в результате которой в 1909 г. был создан Южноафриканский союз, представляющий собой почти независимую часть Британской империи. Английские и голландские колонисты продолжали эксплуатацию горных и сельскохозяйственных ресурсов союза в своих интересах. Все хозяйство колонистов зависело от неограниченного притока рабочей силы со стороны банту.

Англичане и голландцы. Трудно было предполагать, что голландцы и англичане в Южной Африке быстро сольются в один народ. Они говорили на разных языках, имели различные традиции и различные идеи относительно экономического будущего Южноафриканского союза. Голландцы цеплялись за свой идеал независимости, стремясь превратить Южную Африку в независимую республику, не имеющую никаких связей с Британской империей. Они создали национальную партию, и их лидером стал крупный демагог генерал Герцог. Англичане, жившие в Южной Африке, стремились сохранить связь с империей, и это их стремление было тем более сильно, что англичан было меньше голландцев. Экономические соображения говорили в их пользу, так как горные предприятия зависели от английского капитала и английского рынка. Южноафриканская партия, как стала именовать себя эта группа колонистов, нашла себе лидеров в лице двух буров—генерала Бота и генерала Сметса.

Возникновение мировой войны 1914 г. довело разногласия между партиями до кульминационной точки. Бота хотел присоединиться к союзникам, Герцог настаивал на нейтралитете Южной Африки. Бота одержал верх, и Южноафриканский союз объявил войну. Но перед тем вспыхнуло национальное восстание в Трансваале и Оранжевом свободном государстве, которое Бота подавил, прибегнув к оружию. После этого Южноафриканский союз стал играть значительную и весьма выгодную для себя роль в мировой войне. Бота захватил германскую Югозападную Африку. Сметс руководил военной экспедицией в германской Восточной Африке и был впоследствии назначен членом имперского военного кабинета. Национальная депутация обратилась к мирной конференции с ходатайством о признании Южноафриканского союза самостоятельной республикой. В ответ на это ходатайство было указано, что «предварительно требуется согласие по этому вопросу в войне Южноафриканском союзе». В качестве вознаграждения за свое участие в войне Южноафриканский союз получил место в Лиге наций и мандат на Югозападную Африку, которая должна была, по всем данным, войти в состав Южноафриканского союза.

Правительство генерала Сметса. Генерал Бота умер по своему

возвращении с мирной конференции. Его преемником на посту премьер-министра стал Смэтс.

Выборы 1919 г. дали Смэтсу большинство в четыре голоса. Но когда закончился послевоенный промышленный бум и в связи с этим обанкротился важнейший южноафриканский банк, когда упали цены на алмазы и спрос на страусовые перья сократился, а потом исчез вовсе, премьер-министр окончательно потерял популярность в стране.

В этот момент на южноафриканской политической сцене появилась новая фигура. Значительное число квалифицированных рабочих эмигрировало из Европы в Южную Африку, куда их влекла высокая заработная плата, которую получали там квалифицированные рабочие. Однако предприниматели стали применять для квалифицированной работы африканцев, которым они платили низкую заработную плату. Европейские рабочие создали собственную партию, для того чтобы защитить себя от конкуренции туземцев, и эта партия, получившая название рабочей партии, заключила союз с националистами, которые были всегда готовы ограничить права туземцев. Создание этой коалиции привело к поражению Смэтса на выборах и к приходу к власти Герцога, который оставался на посту премьера с 1924 до 1933 г.

Теперь уже больше не поднимался вопрос о превращении Южной Африки в республику. Националисты должны были отказаться от этого лозунга, чтобы обеспечить себе голоса английских рабочих. Но антибританские настроения еще были очень сильны. Герцог стал заменять английских чиновников голландскими, и в 1925 г. голландский язык был объявлен государственным языком Южноафриканского союза. Неприязнь голландцев к англичанам постепенно стала исчезать, и стремление к выходу из состава Британской империи ослабело, когда на имперской конференции 1926 г. было дано следующее определение статута доминионов: «Они являются автономными частями Британской империи, равными по своему положению, и не подчиняются друг другу ни в каком отношении в своих внутренних делах, хотя они и объединены друг с другом общей верностью короне и добровольно ассоциированы в качестве членов Британского содружества наций». Большинство южноафриканцев (за исключением генерала Смэтса) истолковало эту формулу в том смысле, что все члены Британской империи, добровольно ассоциированные друг с другом, могут отказаться от верности короне, когда они того пожелают.

Антитуземная политика генерала Герцога. Основная задача генерала Герцога заключалась в том, чтобы держать в подчиненном положении туземцев. Колонисты Южной Африки считали, что пять миллионов туземцев должны быть чернорабочими у европейских колонистов, которых насчитывалось всего три четверти миллиона. До прихода к власти генерала Герцога в отношении туземцев проводилась политика, полностью совпадавшая с той политикой, которая проводилась в Кении.

В силу земельного закона 1913 г. туземцам было воспрещено приобретать землю вне так называемых резерваций. Это ограниче-

ние было бы терпимым, если бы в резервациях было достаточно земли. Но земли было недостаточно: в Натале только 28 процентов всей земли было включено в резервации, в Капштадтской провинции— 7 процентов, в Трансваале—3 процента и в Оранжевом государстве—только 0,5 процента. Туземцы составляли 68 процентов всего населения. Более половины всего туземного населения осталось без земли. Два миллиона туземцев работало в качестве арендаторов на фермах колонистов и три четверти миллиона туземцев направились в города, чтобы найти себе там заработок.

В политической системе доминиона для туземцев не было никакого места. В Трансваале и Оранжевом свободном государстве туземцы были лишены права голоса. В Натале туземцам предоставлялись избирательные права при наличии определенных условий, причем эти условия были таковы, что фактически туземцы этими правами воспользоваться не могли. В Капштадтской провинции избирательным правом пользовалось около 16 тысяч туземцев. Пять миллионов туземцев были лишены гражданских прав. По подсчетам, сделанным в 1933 г., 1 100 тысяч детей туземцев не получали никакого образования. Правительство тратило по 25 фунтов 13 шиллингов на каждого европейского ребенка (всего у европейцев насчитывалось 384 тысячи детей); на каждого из 300 тысяч туземных детей расходовалось не более 2 фунтов 3 шиллингов и 6 пенсов. В то же время туземцы облагались тяжелыми налогами. Европейцы в возрасте до 21 года освобождались от всяких налогов, а после этого обложение проводилось лишь в меру их платежеспособности.

Положение туземцев было наиболее тяжелым в городах и горных районах. Туземцы приходили в города в поисках работы, но там не было никакой организации, которая могла бы оказать им помощь, и они вынуждены были соглашаться на любую оплату своего труда. В предприятиях горной промышленности туземцы получали около 2¹/₂ шиллингов в день, которые уплачивались большей частью натурой. В то же время туземцы, поступавшие на работу в эти предприятия, должны были по закону проработать там не менее одного года. В обрабатывающей промышленности туземцы получали в среднем 48 фунтов стерлингов в год, тогда как средняя годовая зарплата европейских рабочих составляла 248 фунтов стерлингов. Экономическая комиссия в своем докладе указывает, что «относительно высокий уровень заработной платы европейских рабочих объясняется широким применением труда неквалифицированных туземных рабочих. Европейские колонисты имеют возможность поддерживать уровень жизни, приближающийся скорее к уровню жизни в Америке, чем в Европе. Это возможно в стране, которая беднее, чем большинство стран Западной Европы, только потому, что в их распоряжении имеются массы покорных, низкооплачиваемых туземных рабочих».

Предприниматели опасались, что туземцы сорганизуются и потребуют улучшения условий их существования, что и случилось, когда уроженец Нисасы Климент Кадалие организовал союз работников промышленности и торговли. Квалифицированные рабочие опасались, что туземцы станут выполнять квалифицированную ра-

боту, хотя в этом отношении их в известной мере ограждал закон об ученичестве 1932 г. Для того чтобы стать учеником, требовалась известная подготовка, и туземец, не имея возможности получить какое-либо образование, не мог стать квалифицированным рабочим. Еще сильнее была неприязнь к туземцам среди третьей группы европейцев—«белых бедняков», которые не смогли обеспечить себе существование в сельском хозяйстве и бежали в города в поисках работы. Однако предложение дешевого туземного труда было огромным. Для этой группы европейцев не оставалось никакого другого выхода, и они вынуждены были соглашаться на заработную плату, получаемую туземцами. Это означало понижение их жизненного уровня до уровня жизни туземцев. Но в противном случае им пришлось бы жить на общественную или частную благотворительность. По мнению профессора Йоганнесбургского университета Макмиллана, «белые бедняки представляют собой не что иное, как ту резервную армию безработных, которая образуется повсюду, где индустриализация по западному образцу разрушает старую аграрную систему». Таких «белых бедняков» насчитывалось около 300 тысяч: «одна пятая часть белого населения союза вечно находится в нищете, и имеется много людей совершенно опустившихся».

Генерал Герцог видел только один способ разрешения «туземной проблемы». Он решил проводить непреклонно старую политику угнетения туземцев. При нем в отношении туземцев был проведен целый ряд репрессивных мероприятий. В силу специального закона, изданного в 1926 г., туземцы были лишены права выполнять квалифицированную или полуквалифицированную работу в рудниках. Предпринимателям было предложено заменять туземных рабочих европейскими везде, где только возможно. Правительство соглашалось покрывать половину связанных с этим дополнительных расходов, если провинциальные власти будут оплачивать другую половину.

Одно время казалось, что политика Герцога имеет шансы на успех. Открытие новых алмазных месторождений на землях, принадлежавших правительству в Намаквалэнде, и «платиновый бум» 1925 г. возбудили всеобщий оптимизм. Однако вскоре выяснилось, что замена туземцев «белыми бедняками» обойдется слишком дорого и общественное мнение заняло по отношению к правительству отрицательную позицию. В центре избирательной кампании 1929 г. был вопрос о туземных законах, и национальная партия получила только 145 тысяч голосов, тогда как южноафриканская партия получила 156 тысяч голосов. К счастью для Герцога представительство в парламенте не определялось пропорционально числу голосов, и он сохранил большинство. Антитуземная политика продолжалась; избирательные права туземцев Капштадтской провинции были сужены, в 1930 г. был издан закон о мятежных сборищах, а в 1932 г. был издан закон о найме туземцев.

Экономический кризис в Южной Африке. В 1930 г. мировой кризис поразил и Южную Африку. Сельскохозяйственные цены упали: цены на маис—вдвое, цены на пшеницу—до одной четверти прежнего уровня. Бедствия фермеров увеличивались благодаря ряду

засушливых лет и вследствие эпизоотий, которые были настоящим бичом. Эти бедствия были еще более страшны для туземцев, живущих в резервациях; тысячи из них умерли голодной смертью. Цены на алмазы упали, самые большие рудники закрылись, и тысячи рабочих остались без работы. Еще более тяжелый удар был нанесен Южной Африке в 1931 г., когда Англия отказалась от золотого стандарта. Южноафриканский резервный банк потерял полтора миллиона фунтов стерлингов; экспортеры потеряли на тех суммах, которые они хранили в Лондоне, около 20 процентов. Самым важным вопросом в то время был вопрос о золотом стандарте. Националисты считали, что Южная Африка должна сохранить золотой стандарт, и указывали, что это является единственно честной и патриотической политикой. Южноафриканская партия считала, что нужно последовать примеру Англии, и указывала, что падение курса южноафриканской валюты означает повышение цен на золото, а в Южной Африке добывается половина мировой добычи золота. Спор закончился в декабре 1932 г., когда банки подверглись натиску со стороны вкладчиков, — в течение трех дней из банков было изъято 3 миллиона фунтов стерлингов. Правительство оказалось вынужденным отменить золотой стандарт.

Герцог был дискредитирован, но не ушел от власти. Он сохранил свой пост премьер-министра, уступив требованиям общественного мнения о заключении перемирия между партиями, и в 1933 г. привлек в состав правительства Смэтса и пять других лидеров южноафриканской партии. Старый спор между обеими партиями потерял свою остроту с предоставлением Южной Африке статута доминиона. Финансы союза были в этот момент в цветущем состоянии благодаря повышению мировых цен на золото. После отказа от золотого стандарта Южная Африка могла продавать золото по самой высокой цене. В 1933 г. в казначейство потекли миллионы. Прибыли золотопромышленников по сравнению с предыдущим годом увеличились вдвое. Коалиция установила налог на сверхприбыль и использовала дополнительные доходы по бюджету на облегчение положения фермеров, снизив процент по всем ипотечкам до 5 и предприняв устройство оросительной системы на реке Ваал.

«Туземная проблема». Никто не рассчитывал на то, что цена на золото всегда останется высокой. Золотые ресурсы союза не были неисчерпаемы, с каждым годом добыча золота становилась все труднее, и издержки повышались. Постепенно южноафриканские лидеры оказались лицом к лицу с основной проблемой Южной Африки. Эта проблема заключалась не в том, чтобы обогатить несколько тысяч горнопромышленников, увеличив их прибыли от добычи золота. Задача не заключалась также и в том, чтобы субсидировать сельскохозяйственный экспорт белых фермеров и экспортеров за счет прибылей золотопромышленности. Проблема заключалась в том, чтобы обеспечить мирное существование бок о бок людей разной расы и разной цивилизации. Та же самая проблема вставала в других частях Африки. Но в Южноафриканском союзе имелось больше возможностей для ее разрешения, чем в какой бы то ни было другой стране. В Южной Африке имелось большое, хотя и не безграничное

богатство в виде драгоценных металлов. В Южной Африке имелось достаточно чугуна и стали и сельскохозяйственных ресурсов, чтобы обеспечить нужды всего местного африканского и европейского населения, хотя эти ресурсы и не могли служить основой для обширной экспортной торговли. Туземное население не состояло из дикарей: у племени банту имелись большие культурные традиции. В целях повышения заработной платы были приняты меры к стабилизации спроса на туземный труд в городах и на рудниках; это должно было также способствовать повышению культурного уровня туземцев, живущих в городах, до такой степени, что они могли начать потреблять изделия местной промышленности и стать опорой; а не угрозой белой цивилизации.

Все эти идеи носились в воздухе в 1934 г., и они постепенно проникали в сознание политических лидеров. Покупки земли для резерваций, насаждение арендного хозяйства, обеспечение туземцев школами и повышение их заработной платы должно было потребовать больших денег, но золотой бум увеличил доходы правительства, а затраченные деньги с течением времени должны были возвратиться в форме повышения производительности труда туземцев и роста их потребления.

Однако сохранялась старая колониальная политика, которая особенно последовательно проводилась в послевоенные годы. Интересы 5 миллионов туземцев приносились в жертву интересам европейцев, численность которых была втрое меньше. Брожение среди туземцев все усиливалось, подогреваемое сообщениями об успешных восстаниях против белых эксплуататоров за границей и столкновениями между вождями туземцев и политическими лидерами белых в самой стране. Возникал вопрос, изменят ли южноафриканские деятели свою политику в отношении туземцев до того, как она приведет к падению их власти. До 1934 г. лидеры союза не проявляли никакой склонности к изменению своей политики. Казалось даже, что они намерены расширить ее применение, так как в этом году они в третий раз обратились к Великобритании с предложением передать Южноафриканскому союзу английские протектораты: Базутолэнд, Бечуаналэнд и Свазилэнд.

ЧАСТЬ V

АМЕРИКА

XXIII. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В 1918—1929 гг.

Быть может, эту книгу следовало бы начать с главы об Америке, так как центральное место после войны занимали на мировой арене Соединенные штаты. Вмешательство Америки в войну обеспечило победу союзников в 1918 г. Предложение американского президента было принято Германией в качестве базы для заключения мира. Центральная Европа была спасена от голода в 1918 г. при помощи американцев, а в 20-х годах нашего столетия американские изделия и американская техника получили права гражданства во всем мире. Американская культура была разнесена по всему миру сотнями тысяч путешественников (американцы внезапно оказались обладателями достаточного количества денег и досуга для путешествий), тысячами коммивояжеров, стремившимися продать американские изделия или дать займы денег всем желающим, и, наконец, американскими фильмами. Говорят, что после войны на американские фильмы ходило больше народа, чем в церкви, мечети или буддийские храмы. Америка платила за все и поэтому могла задавать тон. Тон задавала финансовая олигархия, а мотивом было—«больше продукции». В первой трети XX в. американская культура была господствующей, подобно тому как в XIX в. господствовала английская, в XVIII и XVII вв.—французская, а в XVI в.—испанская. Между тем, Америка находилась в известном смысле в стороне от остального мира. Соединенные штаты вели политику изоляции и придерживались этой политики в течение всего описываемого нами периода. В 1918 г. они отказались вступить в Лигу наций и не желали помочь разрешению тех проблем, которые возникли в результате войны. В 1933 г. они покинули мировую экономическую конференцию и отказались помочь разрешению еще более серьезных международных проблем, возникших в связи с кризисом.

Американскую историю можно поэтому рассматривать отдельно от истории остального мира. Ответить надо на три вопроса: первый—благодаря чему Соединенные штаты стали самой богатой страной в мире, второй—что они сделали с этим богатством, и третий—как наступил крах.

Самая богатая страна в мире. На первый вопрос ответить легче всего. Богатства Соединенных штатов заключаются в природных

ресурсах страны. Соединенные штаты являются самым крупным производителем сырья в мире: одна треть всей мировой добычи угля добывается в Соединенных штатах; они дают половину всей мировой продукции чугуна, половину мирового сбора хлопка, три четверти всей пшеницы и нефти. Из главнейших видов сырья Соединенные штаты не имеют только каучука и олова, и мы увидим, что было предпринято Соединенными штатами для того, чтобы обеспечить страну этими продуктами. Американцы сумели использовать эти ресурсы в максимальной степени: они создали систему железнодорожного и автомобильного транспорта, не имеющую себе равной, и изобрели новые методы производства. Массовое производство является американским изобретением. Форд показал, что, производя автомобили в большом количестве и по низкой цене и уплачивая рабочим высокую заработную плату при коротком рабочем дне и высокой производительности труда, можно добиться громадных прибылей.

Война 1914 г. дала Соединенным штатам возможность превратиться в мировую фабрику. В то время как другие промышленные государства все свои силы отдавали борьбе, Соединенные штаты захватили иностранные рынки, в частности в Латинской Америке и на Дальнем Востоке, и, более того, стали снабжать индустриальные государства—одинаково и союзников и центральные державы—продовольствием, одеждой и военным снаряжением. В течение двух с половиной лет Америка оставалась нейтральной и продавала свои товары обеим воюющим сторонам. Когда английская блокада стала препятствовать торговле Америки с центральными державами, начались даже разговоры о войне против Англии. Однако впоследствии общественное мнение стало склоняться в противоположную сторону. В конце концов президент Вильсон убедился, что американское общественное мнение его поддержит, если он объявит войну центральным державам. Вильсон не имел никакого намерения посылать войска в Европу и проливать американскую кровь. Он рассчитывал, что американское участие в войне сведется к снабжению «союзных» держав военным снаряжением и продовольствием в гигантских масштабах. Однако союзные государственные деятели сумели его убедить, что победу можно будет одержать только при помощи американских солдат. В конце концов Америка отправила в Европу армию в полтора миллиона человек и к началу 1919 г. держала наготове еще миллион людей для отправки через Атлантический океан.

Америка приносила жертвы, но она создавала себе состояние. Когда началась война, Америка была должна другим странам 3 миллиарда долларов, а когда война закончилась, этот долг не только был полностью погашен, но весь мир задолжал Соединенным штатам 10 миллиардов долларов.

Конец вильсонизма. К ноябрю 1918 г. волна идеализма схлынула. Жертвы войны были необычайно велики, и списки погибших лишали всякого смысла фразы о «правах малых наций» и «святости договоров». Вильсон любил произносить такие фразы—они разносились по всей Европе и Азии и сделали Вильсона чрезвычайно популярным во всем мире. Американцы с тревогой замечали, что весь мир ждет,

что американский президент продиктует условия мира и ожидает от них еще новых жертв для спасения Европы. На американцев 14 пунктов Вильсона не произвели никакого впечатления, и они не одобряли его намерения отправиться на Парижскую конференцию. Когда Вильсон вернулся и привез с собой Версальский договор и устав Лиги наций, ему рукоплескали. Но эти рукоплескания относились не к договору и не к Лиге наций; американцы рукоплескали потому, что президент вернулся и можно будет положить конец его политике вмешательства в европейские дела.

Конституция Соединенных штатов ставит президента в странное положение. Теоретически он более могущественен, чем любой конституционный монарх; он является главой исполнительной власти, назначает министров, гражданских чиновников и членов верховного суда. Он избирается на четыре года и часто его переизбирают на новый четырехлетний срок. Однако в действительности он зависит полностью от конгресса: все законы должны проходить через конгресс и все договоры должны быть ратифицированы конгрессом, а с конгрессом трудно иметь дело. Он состоит из двух палат—из сената и палаты представителей. Сенат состоит из представителей 48 штатов и всегда стремится оградить интересы отдельных штатов от всяких посягательств со стороны президента и федерального правительства. Члены палаты представителей избираются в округах, созданных скорее по признаку географическому, чем по признаку населенности, что приводит к тому, что небольшие города и сельские районы имеют больше представителей, чем крупные города, и в результате этого члены палаты подходят к общеполитическим вопросам с местной, узкой точки зрения. В большинстве случаев членами палаты являются малообразованные люди, не имеющие опыта в государственных делах, кругозор которых не выходит за пределы их округа и основной интерес которых заключается в том, чтобы быть переизбранным после истечения короткого двухлетнего срока их полномочий. Члены конгресса, даже те, которые принадлежат к партии, выдвинувшей кандидатуру президента на выборах, по традиции относятся к нему недоверчиво.

Вильсон пришел к власти при поддержке демократической партии в 1913 г., и в 1917 г. его полномочия были продлены еще на четыре года. Он был тогда настоящим воплощением демократических идеалов. Вся Америка в эти знаменательные дни 1917 г. была преисполнена демократическим духом. Другая крупная партия—республиканская—стояла за американизм, защищала интересы американских деловых людей против «иностранных» пришельцев—евреев, ирландцев, католиков и т. д. Когда республиканцы в конгрессе напали на Лигу наций, созданную Вильсоном, которая, по их мнению, может втянуть Америку в европейские дела, их поддерживала вся страна. Даже демократам не нравилась статья 10-я устава Лиги наций, которая гласит: «Члены лиги обязуются уважать и охранять от внешнего нападения территориальную целостость и существующую политическую независимость всех членов лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства». По мнению американцев,

это обязательство должно было неминуемо вовлечь в будущем Америку в войны, которые ее не касаются. Вильсон разъяснил, что совет Лиги наций не может выносить никаких решений без согласия Америки, так как постановления совета должны быть единогласны. Конгресс не принял это во внимание и не согласился на присоединение Америки к Лиге наций, а сенат отказался от утверждения Версальского договора. Идеалистические фразы Вильсона казались бессодержательными и неискренними, столь же бессодержательными, как проповедь о воскрешении умершего для человека, который потерял всякую веру. С Вильсоном случился удар, и он в течение 17 месяцев—до окончания срока своих полномочий в мае 1921 г.—оставался инвалидом

«Стопроцентный американизм». В то время как американцы спорили об интернационализме и страстно отрекались от Лиги наций, созданной ими же в 1917 г., на свет родился совершенно незаметно другой продукт американского идеализма. Запрещение спиртных напитков уже долгое время было идеалом пуритански настроенных американцев. Еще до войны эту точку зрения разделяли правительства многих штатов, но имелось мало шансов, что удастся провести запрет спиртных напитков в федеральном масштабе. Для издания федерального закона, воспрещающего спиртные напитки, требовалось изменить конституцию, а для изменения конституции необходимо было большинство двух третей в каждой палате конгресса и согласие трех четвертей всех штатов. Это мероприятие не могло собрать такого большинства в нормальных условиях, но 1917 год не мог считаться нормальным годом. В августе 1917 г. сенат 65 голосами против 20 принял постановление о том, чтобы представить на утверждение штатов поправку к конституции, воспрещающую спиртные напитки. К концу 1917 г. палата представителей приняла такое же постановление, и тем самым в конгрессе в пользу этого мероприятия высказались две трети голосов. К январю 1919 г. его одобрили три четверти всех штатов, и 18-я поправка стала частью конституции. В октябре 1919 г. этот закон, относивший к алкогольным напиткам все напитки, содержащие свыше 0,5 процента алкоголя, вступил в силу. Сейчас трудно себе представить, что закон о воспрещении спиртных напитков прошел без шума и без больших споров, но в то время никто не думал, что встретятся какие-либо затруднения при проведении его в жизнь.

Воинственное настроение по отношению к австро-германцам направило теперь против врагов, находящихся внутри страны. Наиболее явным врагом были рабочие, которые были настолько «непатриотичны», что протестовали против вздорожания жизни и устраивали забастовки, чтобы добиться повышения заработной платы. Страх перед коммунизмом принимал абсурдные формы. Срыв стачек считался патриотическим актом. Когда бостонские полицейские чиновники образовали профессиональный союз, комиссар полиции уволил 19 руководителей этого союза, а когда полиция ответила на это забастовкой, губернатор Массачусетса вызвал войска и заявил, что «ни одна организация ни при каких обстоятельствах и нигде не имеет права устраивать забастовок, нару-

шающих общественную безопасность». Этот губернатор стал героем дня. Это был Кальвин Кулидж. В январе 1920 г. генерал-атторней приказал произвести облаву на коммунистов во всех штатах. Было арестовано свыше 6 тысяч подозрительных лиц, и американская публика вообразила, что ее спасли от революции. Несмотря на то, что при этих массовых арестах было найдено всего три револьвера, никто не хотел признавать, что это мероприятие было совершенно не обосновано.

Усиление джингоистских течений проявилось еще во многом другом. Ку-Клукс-Клан, тайное общество, которое было создано, чтобы терроризировать негров, в 60-х годах прошлого века, возобновило свою деятельность и стало терроризировать избирателей, присяжных заседателей и чиновников в интересах «чисто американских». Клан насчитывал в 1921 г., согласно «Нью-Йорк Таймс», полмиллиона членов. Он считал своими врагами негров, евреев, католиков и вообще всех тех, кого он подозревал в том, что они не являются лицами северной расы и не принадлежат к протестантизму. Члены Ку-Клукс-Клана терроризировали свои жертвы при помощи анонимных писем, бойкота; они вымазывали людей дегтем, обваливали их в перьях и прибегали даже к линчеванию. Своей приверженностью к чистоте расы, своим пристрастием к террористическим методам во имя порядка, своим конспиративным характером и факельными шествиями Ку-Клукс-Клан послужил примером для германских национал-социалистов.

Национализм показывал себя в еще более комичном виде, запретив преподавание эволюционной теории. С точки зрения американцев дарвинизм означает, что негр может постепенно превратиться в белого человека,—дарвинизм следует поэтому запретить. Власти штата Тенесси запретили учителям «преподавать всякую теорию, отрицающую сотворение человека богом согласно библии, и внушать вместо этого, что человек происходит от низших животных». Когда в связи с этим в Дейтоне был начат процесс, от имени правительства штата выступал в качестве обвинителя Уильям Дженнигс Брайан, который был министром иностранных дел при президенте Вильсоне.

Федеральное правительство не принимало никакого участия в деятельности Ку-Клукс-Клана или в процессе в Дейтоне, но оно следовало общему националистическому течению, издав ряд законов, запретивших иммиграцию в США неамериканцев. Соединенные штаты постепенно заселялись иммигрантами—сперва англичанами, шотландцами и голландцами, затем германцами и скандинавами, потом ирландцами и итальянцами и выходцами с Балканского полуострова, не говоря уже о лицах желтой расы. К началу текущего столетия иммигранты из бассейна Средиземного моря превосходили по своей численности иммигрантов из Северной Европы, и потомки первоначальных колонистов из Северной Европы, которые положили начало американской культуре, решили, что пришло время закрыть границу. В 1921 г. были изданы законы, дополненные в 1924 г., которые запрещали доступ в Соединенные штаты иммигрантам из Азии и ограничивали иммиграцию лиц латинской, славянской и кельтской расы, сохранив преимущества для иммигрантов

северной расы. С 1924 по 1927 г. разрешалась иммиграция только 165 тысяч человек в год, причем для русских был установлен максимум в 2 248 человек, для итальянцев—в 3 845, тогда как для иммигрантов из Германии был установлен контингент в 51 тысячу, а из Англии и Ирландии—в 62 тысячи человек. Для канадцев и мексиканцев доступ был свободным, так как они легко могли американизироваться.

Годы изобилия. Дух национализма, который захватил всю страну после перемирия, предрешал поражение демократов на президентских выборах 1920 г. Вильсонизм был предан анафеме. Американцы хотели иметь правительство, которое дало бы им возможность заняться их собственными делами. Уоррен Гардинг, кандидат республиканской партии, стал президентом. Его политика, которая, по его словам, означала возврат к «нормальным условиям», была той политикой, которую требовала страна. Он созвал Вашингтонскую конференцию; при ее помощи Америка предотвратила войну на Тихом океане и обеспечила американским коммерсантам открытые двери на Дальнем Востоке. Он ввел высокие пошлины на импортные готовые изделия, оградив внутренний рынок для американских промышленников.

При Гардинге и его преемнике Соединенные штаты пережили семь лет небывалого процветания. Никогда еще ни в одной стране не было больше возможностей для быстрого обогащения страны, чем в Америке в 1922 г. К этому времени промышленность уже вышла из потрясений, которые были вызваны прекращением военных заказов. Более того, американская промышленность обладала как бы мировой монополией для своих новых отраслей промышленности: автомобильной, радиопромышленности и кинопромышленности. Промышленники полностью использовали открывавшиеся возможности. В 1920 г. в Соединенных штатах было меньше 7 миллионов автомобилей. В 1929 г. их насчитывалось 23 миллиона—на каждые пять жителей по одному автомобилю. В 1920 г. радиопромышленность продавала на 6 миллионов долларов продукции, в 1929 г. было продано свыше чем на 842 миллиона долларов. Развитие кинопромышленности дошло до того, что в каждой деревне было по кинематографу. Телефонная сеть развилась настолько, что в каждом частном доме и в каждом номере любой гостиницы имелся телефон. В каждом городском здании было установлено центральное отопление. Швейная и обувная промышленность развились настолько, что негры и мексиканские рабочие в Соединенных штатах имели блестящие ботинки и европейские костюмы.

Казалось, что способность американцев поглощать эти новые изделия массового производства безгранична. Когда приближалась точка насыщения, промышленники напускали на публику целую армию агентов по продаже или начинали новую рекламную кампанию, чтобы убедить публику в том, что радио, телефоны, ванны, которые считались раньше предметами роскоши, стали теперь предметами необходимости. Спрос поддерживался благодаря умелой организации продажи и рекламы. Потребительский спрос, казалось, ограничен был только суммой денежных средств, которая имелась

у населения на руках. Американские промышленники преодолели и это затруднение, приучив публику покупать в рассрочку: не было никакой надобности ожидать получения заработков для того, чтобы купить нужный предмет,—его можно было купить за счет будущих заработков. Это триумфальное шествие американской промышленности продолжалось в течение всего третьего десятилетия текущего столетия, пока уровень жизни в Америке не превысил уровень жизни во всем остальном мире.

Сбыт американской промышленности не ограничивался внутренним рынком. Соединенные штаты посылали свои готовые изделия—машины, трикотаж, хлопчатобумажные ткани—в малоразвитые страны Африки, Азии и Южной Америки (этот последний рынок был наиболее важным—о нем речь будет ниже), покупая взамен продовольствие и сырье—кофе, сахар, шелк, каучук и олово. Соединенные штаты продавали в Европу свое собственное сырье—хлопок, медь, пшеницу и нефть, покупая взамен все то немногое, что можно было купить в Европе,—предметы роскоши и тонкие изделия, которые американцы еще не научились производить; но в большинстве случаев Европа могла предложить только бумажные ценности—участие в своих прибылях. В результате американцы оказались обладателями облигаций германских муниципалитетов, польских промышленных предприятий, румынских телефонных компаний и т. д. Из всех товаров, которых в Америке имелось в избытке в послевоенные годы, там больше всего имелось капиталов. Американцы наживали больше, чем они могли истратить. Банки были перенасыщены вкладами, которые им некуда было поместить. Правительство накопило золотой запас в 4,5 миллиарда долларов, который был настолько велик, что оно не знало, что с ним делать,—нельзя было пустить это золото в обращение, не вызвав головокружительного подъема цен и не нарушив хозяйственное равновесие страны. Америка находилась в нелепом положении: она не знала, что ей делать со своими деньгами. Большое количество денег было затрачено на безумную спекуляцию, например, во Флориде в 1924—1926 гг., когда получила распространение идея, что это побережье может стать американской Ривьерой. Однако вскоре поняли, что наиболее выгодным помещением избыточных капиталов является инвестирование их за границей. Американские капиталы устремились в Китай, Южную Африку, Южную Америку (в этой части света инвестиция приняла наибольшие размеры и имела наиболее важные последствия), а также в Европу. Таким путем Америка создала свою империю при помощи финансов, так же как англичане в предшествующем столетии создали империю при помощи торговли.

Американцы с некоторым основанием смотрели в послевоенные годы на весь остальной мир сверху вниз. Они разрешили проблему производства и в течение семи лет находились в таком состоянии процветания, которого никогда ранее не видел мир. Если бы ее финансовым фараонам и приснились тощие коровы, то в Америке не было Иосифа, который смог бы истолковать этот сон.

Признаки упадка. На этой картине процветания имелись, однако, темные пятна. Самое темное пятно было на среднем западе—в зер-

новом районе, положение которого предвещало недоброе. Послевоенное процветание не коснулось фермеров. Во время войны собственный интерес и патриотические побуждения заставили фермеров увеличить свою продукцию: они прикупали земли и машины, платили за все высокие цены и вошли в неоплатные долги, но получали хорошую прибыль. После войны цены на сельскохозяйственные продукты упали (в 1919 г. один бушель пшеницы стоил 2 доллара 14 центов, а в 1923 г.—93 цента), а издержки производства фермеров достигли невероятно высокого уровня—фрахты стоили дорого, налоги были высоки и платежи по ипотекам чрезвычайно тяжелы (ипотечная задолженность фермеров в 1919 г. достигла 4 миллиардов долларов).

В самом Вашингтоне во время президентства Гардинга случилась скандальная история. Гардинг был добродушным ничтожеством. Он заполнил правительственные посты своими друзьями, в выборе которых был не особенно разборчив. Он назначил Чарльза Форбса директором Бюро ветеранов, в ведении которого находились военные пенсии, и Форбс сумел растратить там 200 миллионов долларов. Он назначил генерал-атторнеем¹ Догерти. Никто не сможет определить, во что обошелся казне Догерти. Однако наихудший скандал случился с нефтью. Морское министерство Соединенных штатов купило три крупных нефтяных промысла, которые, казалось, должны были навсегда обеспечить нефтью американский флот,—один промысел в Элкхилс, в Калифорнии, другой—в Буэна Виста и третий—в Типот-Дом, в Йоминге. Министр внутренних дел Альберт Фолл убедил Гардинга передать промыслы из ведения морского министерства в ведение министерства внутренних дел. После этого Фолл сдал в аренду промыслы в Элкхилс одному дельцу по фамилии Синклер, а промыслы в Типот-Дом другому дельцу по фамилии Догени. Трудно было объяснить, почему арендная плата, уплачиваемая этими дельцами морскому ведомству, была так низка. Еще менее понятным было, почему министр внутренних дел получил «заем» в 260 тысяч долларов от Синклера и в 100 тысяч долларов от Догени.

Гардинг умер в августе 1923 г., прежде чем все эти скандалы получили огласку. Эта внезапная смерть была подозрительно неожиданной. Его преемником стал Кальвин Куспидж. Новый президент сохранил министров своего предшественника, но под давлением общественного мнения был вынужден произвести расследование нефтяных скандалов. Морской министр счел целесообразным подать в отставку. Министр внутренних дел был признан виновным во взяточничестве и приговорен к тюремному заключению на один год. Догени и Синклер были оправданы (в 1929 г. последний был приговорен к тюремному заключению за оскорбление суда). Арендные договоры на промысла в Типот-Дом и Элкхилс были признаны недействительными, но лишь после того, как они оставались в силе в течение не-

---

¹ Генеральный атторней—главный юриконсульт федерального правительства и его представитель в Верховном суде.—П р и м. р е д.

скольких лет. Истинные размеры злоупотреблений правительства Гардинга никогда не были раскрыты.

Не только лица, занимавшие высокие посты, были продажны. Продажность стала общим явлением в Америке, когда дело шло о применении закона о воспрещении спиртных напитков. Конгрессу казалось, что проведение этого закона не встретит затруднений, и он ассигновал на это несколько жалких миллионов. Если бы члены конгресса хоть немного призадумались, они поняли бы, что для того, чтобы воспретить спиртные напитки, надо не только закрыть торгующие ими бары, но и установить надзор на всей границе вдоль Атлантического и Тихоокеанского побережья и вдоль канадской и мексиканской территорий. Они поняли бы, что воспрещение спиртных напитков потребует надзора за всеми аптеками, где продается спирт для медицинских целей, и за каждым заводом, где спирт производится для промышленных целей; что придется установить надзор за пивоваренными заводами, которым было разрешено производить слабоалкогольное пиво; что будет не так легко бороться с устройством перегоночных аппаратов, стоящих всего несколько сот долларов, в частных домах. Другими словами, закон о воспрещении спиртных напитков можно было бы провести в жизнь только в том случае, если бы вся страна этого захотела. Значительное большинство голосовало за этот закон, совершенно так же, как большинство в Англии всегда стоит на стороне пуританского воскресенья, так как пуританство в крови англо-саксов. Это не мешает, однако, громадному большинству англичан нарушать пуританские правила воскресного отдыха. Американцы не оказали никакого содействия правительственным органам в проведении запрещения продажи спиртных напитков. Власти в штатах, за немногими исключениями, отнеслись к этому закону совершенно равнодушно. Муниципальные власти не скрывали своей неприязни к этому мероприятию. Алкогольные напитки стали привлекать американцев подобно тому, как молодые люди приучаются курить только потому, что это воспрещается. Для богатых классов употребление спиртных напитков стало одним из проявлений снобизма. Обход закона о воспрещении спиртных напитков превратился в своего рода национальный спорт. Правительство было совершенно беспомощно. В 1925 г. казначейство организовало милицию, которая обходилась в 20 миллионов долларов в год, для того чтобы следить за выполнением закона. Но в то же время товарищ министра финансов должен был признать, что не более 5 процентов контрабандного импорта алкогольных напитков перехватывается его агентами.

Пренебрежительное отношение к этому закону распространилось и на другие законы. Американский уголовный мир вышел из своего подполья, создавая себе крупные состояния на контрабандной продаже спиртных напитков. Эти антиобщественные элементы выступали совершенно открыто, терроризировали судей и чиновников и шантажировали дельцов. В 1927 г. в Америке вошел в оборот новый термин—«раккет», что означает вымогательство денег под угрозой насилия. Газеты сообщали об убийствах и дневных грабежах с такой же регулярностью, как о биржевых котировках. «Гангстеры» на-

столько терроризировали население, что суды редко решались приговаривать их к какому-либо наказанию за убийство или другое уголовное преступление. Если суды и выносили обвинительный приговор, то под предлогом, что подсудимый виновен в представлении фальшивых деклараций налоговым органам о своих доходах.

Американские суды выносили строгие приговоры только неграм. С точки зрения американцев люди черной расы, которых насчитывается в Америке около 10 миллионов, что составляет около одной десятой части всего населения, были большим позором для американской цивилизации, чем бедствующие фермеры в зерновых районах, продажные вашингтонские чиновники и города, переполненные гангстерами. Негры фактически были лишены всяких политических прав. Суды приговаривали их только потому, что у них кожа черного цвета; часто негры подвергались линчеванию. В южных штатах негры не имели права голоса и не имели даже права взглянуть на белых женщин в публичных местах. В прежние времена негры жили только в южных штатах, но после войны они стали переселяться на север, где работали на фабриках. Целые кварталы в крупных городах заселялись неграми. Но американцы продолжали подвергать их остракизму и притеснять их, не желая даже и думать о том, что это меньшинство населения когда-нибудь восстанет для защиты своих прав «в самой демократической стране мира».

Таким образом, процветание Соединенных штатов в 20-х годах нашего столетия имело много темных сторон. Однако никто не придавал им серьезного значения. Фермеры всегда ворчали, волна преступлений была, разумеется, позорным явлением, но после войны во всех странах возрастали преступления, и это было вполне естественно. А что касается политиков и людей, им подобных, то они были бы глупцами, если бы они не создавали себе состояния, когда деньги шли к ним в руки. Отличительной особенностью Америки в послевоенное десятилетие был бурный оптимизм. В американской хозяйственной системе не было никаких недочетов—откуда они могли взяться, раз Америка была богаче, чем когда-либо раньше, богаче, чем какая-либо другая страна в мире? Немногие моралисты указывали, что богатство и счастье—разные вещи. Такие писатели, как Льюис, Драйзер, Менкен, Натан, Липман, писали сатиры на Америку 20-х годов, но кто принимал их всерьез? Иностранские критики обвиняли американцев в том, что они принимают комфорт за культуру, и напоминали им, что они не создали никаких произведений искусства и что американским художникам приходится учиться в Париже. Они не создали никакой музыки кроме джаза, вдохновителями которого являлись негры—народ, который был отвержен и подвергался остракизму в Америке. Америка смеялась над этой критикой. В Америке не было культуры в европейском смысле слова, культуры, которая является продуктом зрелости или даже увядания. Американцы были молодым народом. Пятьдесят лет назад основная проблема Америки заключалась в том, чтобы освоить землю, уничтожить девственные леса и превратить пустыню в обработанную землю. Она показала свою силу и одержала победу. Она укротила стихию и взнуздавала ее так, как это не удавалось ни одному

народу. Америка была самой богатой страной в мире, и этого было достаточно.

Ставка на процветание. Таково было настроение в Америке в 1927 г. Дела шли хорошо, и все мечтали только о том, чтобы это положение продолжалось и дальше. Когда полномочия Кулиджа истекли, республиканцы хотели выдвинуть его кандидатуру в президенты и на третье четырехлетие. Ввиду отказа Кулиджа выдвинули кандидатуру министра торговли, так как торговля находилась в цветущем состоянии, и глава ведомства торговли должен был быть поэтому «человеком будущего». Министр торговли Герберт Гувер был хорошим администратором, выдающимся инженером и к тому же был известен за границей. Демократическая партия по обыкновению колебалась в выборе, так как почти невозможно было найти кандидата, приемлемого для всех различных группировок этой партии. Южные штаты были готовы поддержать кандидатуру Мак-Аду, зятя президента Вильсона. Восточные штаты имели популярного кандидата в лице Смита, губернатора Нью-Йорка. После 103 перебаллотировок демократическая партия выдвинула кандидатуру Смита.

Страна относилась спокойно к выборам, ибо кого бы ни избрали, ничто неожиданное не могло случиться. Казалось, при всех обстоятельствах было обеспечено процветание. Американцы готовы были поставить ставку на будущее процветание, и они это сделали. Это приняло форму скупки акций компаний, будущее которых казалось наиболее радужным. Весной 1928 г. сотни тысяч людей, которым никогда не приходило ранее в голову играть на бирже, скупали акции Джeneral моторс, Радио-Корпорейшн и предприятий Монгомери-Уорд. Цены этих акций повышались все сильнее по мере того как их скупало все большее и большее количество людей. Опытные владельцы акций понимали, что курсы этих акций стоят значительно выше, чем это следовало: как бы блестяще ни было будущее промышленности, как бы высоко ни стояли дивиденды, у акционеров не было никаких шансов вернуть себе стоимость этих акций. Они поэтому начали продавать их. В июне курсы на бирже заколебались и упали. Однако после избрания Гувера—что было предсказано, так как республиканская партия была в конце концов партией процветания—биржевые курсы поднялись вновь. Рядовой инвестор был уверен, что дела будут в дальнейшем все улучшаться, и он твердо решил покупать акции, которые давали ему возможность принять участие в прибылях эпохи процветания. Даже наиболее осторожные люди пожимали плечами, начинали покупать акции, рассчитывая на то, что сумеют продать их в нужный момент.

Оптимистическое настроение продолжалось в течение всего 1928 г. Гувер заявил, что он обеспечит Америке «новые четыре года процветания», и все ему верили. Так, погоня за акциями промышленных предприятий, общее стремление «играть» на обещанном процветании, начавшееся еще до прихода к власти Гувера, продолжались со все возрастающей силой в течение всего 1928 г., всей весны и лета 1929 г. Все слои населения были охвачены спекулятивной манией. Биржевики с Уолл-Стрита были заинтересованы в том, чтобы взвинтить

курсы на ценные бумаги еще выше, уверенные в том, что знание дела подскажет им, когда нужно будет сбыть с рук эти акции. Промышленники совершенно забыли об осторожности, они не создавали резервов, а выплачивали полностью все свои прибыли в виде дивидендов, чтобы привлечь еще больше капиталов в свои предприятия. Следует иметь в виду, что американская промышленность была организована для массового производства и что массовое производство может себя оправдать только при максимальной загрузке предприятия. Банкиры соперничали друг с другом, чтобы найти заемщиков, которые обеспечили бы максимальный доход от займов. Они создавали компании для покупки и продажи ценных бумаг, спекулируя деньгами своих вкладчиков. Они вкладывали все новые и новые капиталы в южноамериканских республиках. Они настойчиво предлагали германским муниципалитетам увеличить свою задолженность и боролись друг с другом, чтобы получить возможность предоставить займы новым государствам в юго-восточной части Европы (дошло до того, что не менее 14 американских банков послало в Белград своих представителей, чтобы добиться права на заключение югославского займа). Рядовые американские граждане приняли участие в спекуляции, научились читать финансовую прессу и вкладывали все свои сбережения в ценные бумаги, курсы которых беспрерывно повышались на нью-йоркской бирже.

В начале 1929 г. тревога охватила казначейство. Вместо того чтобы вкладывать свои средства в правительственные займы, публика интересовалась только промышленными акциями. Федеральное резервное бюро—этот правительственный орган по надзору за банками—пытался остановить спекуляцию. Биржевые курсы было заколебались, но Нейшенел Сити банк не имел никакого намерения допустить прекращение спекуляций в этот момент. Председатель этого банка Чарльз Митчелл заявил, что он верит в будущее и банк готов дать займы 20 миллионов долларов биржевикам. Самое странное заключалось в том, что президент и министр финансов Меллон поддерживали в этом отношении банкиров. Бум продолжался.

Крах. Рано или поздно крах должен был наступить. Он наступил в конце сентября 1929 г. Дело Хэтри в Лондоне показало Америке, какие мошеннические проделки могут скрываться за финансовыми операциями. Министр торговли в речи, произнесенной им на собрании руководителей республиканской партии, заявил, что перспективы для американской промышленности не являются особенно обнадеживающими. Известные финансисты начали продавать свои бумаги, а неизвестные спекулянты стали им подражать. Курсы на нью-йоркской бирже перестали подыматься, заколебались и внезапно в четверг утром 24 октября 1929 г. сильно упали. Сцены, разыгравшиеся на нью-йоркской бирже, напомнили мятеж. Миллионы американских акционеров в течение нескольких часов потеряли все свои деньги. Против нью-йоркской биржи, в помещении банка Моргана, крупнейшие нью-йоркские банкиры собрались на чрезвычайное заседание. Они решили ассигновать 240 миллионов долларов, чтобы остановить панику, и после обеда их агенты

обходили биржу и покупали крупные партии акций. На один или два дня паника стихла, но она вновь началась в понедельник, и лихорадочная сброска ценных бумаг продолжалась в течение всей недели. По некоторым подсчетам американские граждане потеряли в течение октября 40 миллиардов долларов, т. е. сумму, в пять раз большую, чем вся сумма «союзных» долгов Америке.

И все-таки, несмотря на разорение сотен тысяч американцев и на массовые банкротства и самоубийства, американцы продолжали оставаться оптимистами. Они не могли поверить, что их хозяйственная система в самой своей основе переживает кризис. В мае 1930 г. президент Гувер заявил: «Мы прошли уже через самое худшее, и соединенными усилиями мы быстро подыдемся вновь». Президент стремился поддержать бодрое настроение духа, но для оптимизма не было никаких оснований. Европейские государства воздвигали таможенные барьеры и не допускали американских товаров. Английская промышленность, в частности автомобильная, начала бить американскую ее же собственным оружием—дешевым массовым производством. Восточные страны не могли более покупать американских товаров, так как падение цены серебра уменьшило их покупательную способность. Американские фермеры были готовы поднять восстание. Рекордный урожай 1928 г. заставил их реализовать свое зерно по ценам ниже себестоимости, и они отказывались платить проценты по своим ипотечным долгам. Кризис продолжался в течение всего 1930 г., число банковских банкротств достигло тысячи, число безработных возросло до 6 миллионов.

1931 год не принес облегчения. Американские капиталисты стали отзываться капиталы, вложенные ими в Центральной Европе. Для того чтобы облегчить Германии оплату своих коммерческих долгов, Гувер в конце концов объявил годичный мораторий по репарациям. Гувер продолжал верить в будущее, или, по крайней мере, делал вид, что верит. Его речи были полны уверенней, что кризис подходит к концу и антициклон приближается. Он назначил Меллона послом в Англию, и Меллон убеждал деятелей Сити, что худшее уже позади и Америка находится на пути к подъему. Однако цифры опровергали все эти утверждения: цены продолжали падать в Америке, как и в других странах, безработица увеличивалась, продукция крупных американских концернов падала. Так, например, заводы Дженерал моторс выпустили в 1929 г. 5 $\frac{1}{2}$ миллионов автомобилей, а в 1931 г. только 2 $\frac{1}{2}$ миллиона. Средний американец приходил в отчаяние. Во время бума 1927—1928 гг. он покупал акции на бирже на деньги, которых у него не было,— он покупал бумаги в кредит, оплачивая только часть покупаемой им акции. Как только наступил крах, от него потребовали дополнительного обеспечения, и ему пришлось брать из банка свои сбережения. Когда наступил новый крах, ему не оставалось ничего другого, как заложить свой дом, продать свой автомобиль и домашнюю обстановку.

Что случилось с американским богатством? Хотя и смутно, но американцы начинали понимать, что они спекулировали на будущем процветании. Они потеряли свои деньги потому, что вкладывали миллионы в производство сырья до тех пор, пока оно не пре-

высило мировую потребность (до сих пор мир организован так, что только меньшинство в состоянии покупать), и вследствие этого цены не достигли того высокого уровня, на который рассчитывали. Они потеряли свои деньги потому, что дали займы иностранцам миллионов долларов, и эти должники не были в состоянии уплатить по займам хотя бы только проценты. Чтобы иметь наглядное свидетельство своих безумств, американцам достаточно было бы взглянуть на положение вещей в Латинской Америке.

XXIV. КАРАИБСКИЕ СТРАНЫ

Латинская Америка всегда была латинской только по имени. До завоеваний Кортеса и Пизарро она была родиной индейской цивилизации и прежде всего цивилизации ацтеков в Мексике и инков в Перу. В XVI в. Латинская Америка превратилась в колонию Испании и Португалии. Португальские священники и военачальники захватили Бразилию, испанские священники и военачальники — всю остальную территорию от Рио-Гранде до Тьерра-дель-Фуего. Солдаты и колонисты, которые шли по их следам, селились там, где климат был более подходящим, и положили начало образованию феодальной землевладельческой аристократии, которая по сей день является правящим классом в Латинской Америке. В XVIII в. могущество Испании и Португалии было сломлено. Америка вошла в орбиту французских революционных идей (самое название Латинская Америка является данью культурному преобладанию Франции). В XIX в. Бразилия восстала против Португалии, а все прочие страны Латинской Америки восстали против Испании. Был создан ряд республик с конституциями по французскому образцу. Эти новые республики никогда не были демократическими, так как власть принадлежала не коренному индейскому населению, а европейским пришельцам, составлявшим меньшинство населения. В каждой из этих республик президент фактически превратился в диктатора, и его судьба зависела от его умения оплатить во-время солдат и полицию и предоставить доходные государственные должности наиболее влиятельным представителям землевладельческой аристократии. Будущее латиноамериканских республик зависело поэтому от платежеспособности президентов, которая, в свою очередь, зависела от готовности богатых иностранных государств установить с этими республиками коммерческие отношения. В этой последней области имелись два соперника. Одним из них была Англия, желавшая, по выражению одного английского премьер-министра, «создать новый мир, чтобы восстановить равновесие в старом мире». То была английская промышленность, которая снабдила новые республики оружием, построила железные дороги, давшие возможность колонизовать обширные пространства внутри материка и развить его неограниченные природные богатства. Другим соперником были Соединенные штаты.

Доктрина Монроэ. Янки полагали, что они имеют основание считать себя естественными покровителями латиноамериканских государств. Эту точку зрения выразил президент Монроэ в своем годич-

ном послании конгрессу: «Мы не вмешиваемся и не намерены вмешиваться во внутренние дела колоний или владений какой-либо из европейских держав. Что же касается правительств, которые объявили свою независимость и ее сохранили и чью независимость мы после длительного обсуждения и на основе справедливых принципов признали, то мы не можем не отнестись ко всякой попытке вмешательства со стороны европейской державы в их дела—в целях их угнетения или установления над ними какого-либо контроля—иначе, как к проявлению недружелюбного отношения к Соединенным штатам». Никто не знал, что это означало в действительности. Американцы сами были склонны говорить: «Мы не обсуждаем доктрину Монроэ, мы ее проводим». Президенты Соединенных штатов придавали этому заявлению в разное время разный смысл, а в XX в.—разный смысл в одно и то же время, но в разных местах. Это означало, между прочим, что Англия не должна оказывать в Южной Америке политического давления в своих экономических интересах. В карибских странах доктрина Монроэ приобретала диаметрально противоположный смысл. Соединенные штаты должны вмешиваться в их внутренние дела для защиты своих коммерсантов в тех случаях, когда политическая революция угрожает нарушить нормальный ход торговли. По словам Джемса Адамса, «рядовые граждане Соединенных штатов склонны смешивать в одну кучу всех жителей Латинской Америки от Рио-Гранде до мыса Горна. Они считают их выродившимися метисами, беспомощными, не способными ни к какой работе и самоуправлению, находящимися всегда во власти революции, готовыми в любой момент объявить себя банкротами, некультурными и суеверными людьми. Они считают их низшей расой, а созданные ими государства, в силу доктрины Монроэ,—чем-то вроде объектов, подлежащих защите от агрессии европейцев, причем эти государства ни при каких обстоятельствах не должны препятствовать североамериканцам делать то, что им вздумается. Соединенные штаты могут вмешиваться в дела этих государств в тех случаях, когда их внутренние неурядицы нарушают интересы банкиров, давших им заем, или интересы концессионера, вложившего там свои капиталы. По мнению североамериканцев, с этими государствами следует обращаться, как с детьми,—как правило, добродушно, но если это потребуется, то строго» Государственные деятели Соединенных штатов видели несколько больше различий между отдельными частями Латинской Америки, чем рядовые американцы. Они делили Латинскую Америку на две самостоятельные части: карибские страны и Южную Америку. Мы можем воспользоваться этой классификацией.

Зона Панамского канала. Первым по своему значению торговым путем в мире является Средиземное море, вторым—Карибское море. Контроль над Карибским морем был необходим Соединенным штатам по тем же соображениям, как Англии был необходим контроль над Средиземным морем. В интересах своей торговли англичане отобрали Гибралтар у Испании, Мальту у Мальтийского ордена и Египет у Османской империи. Империализм Соединенных штатов был более позднего происхождения, но применяемые им методы были не менее жестоки. В интересах своей торговли американцы—в тече-

ние тех 20 лет, которые прошли после испано-американской войны в 1898 г. и до конца мировой войны в 1918 г.—установили в той или иной степени свой политический контроль над большинством центральноамериканских и карибских республик: в 1900 г. они аннексировали Порто-Рико, в 1901 г. заявили о своем праве вмешиваться в дела Кубы, в 1903 г. фактически аннексировали Панаму, в 1907 г. установили финансовый контроль в Сан-Доминго, в 1909 г. изгнали президента из Никарагуа, в 1915 г. послали своих моряков на Гаити, в 1917 г. купили ряд островов, принадлежащих к Вирджинскому архипелагу.

Основной целью этой политики было установление контроля над тем путем, который ведет к каналу. Соединенные штаты стремились захватить в свои руки значительную часть торговли карибских стран. Сахар с Кубы был необходим Соединенным штатам; им желательно было также получить, чтобы не сказать больше, черное дерево из Никарагуа и нефть из Мексики и Венесуэлы. Если правительства этих республик носили такой характер, что американские инвестиции и жизнь американских граждан в этих странах не были в полной безопасности, то правительство Соединенных штатов считало себя вправе вмешиваться в их внутренние дела, свергать правительства и организовывать другие, которые отдавали себе более ясный отчет в важности экономических отношений с Соединенными штатами. Можно усомниться, имели ли Соединенные штаты подобные привилегии на основе международного права, но нет сомнений, что американцы, основывавшие свои притязания на доктрине Монроэ, считали, что они эти привилегии имеют. К концу мировой войны торговля Соединенных штатов с карибскими республиками (с экономической точки зрения сюда относятся также Мексика и Колумбия) достигла таких размеров, что импорт из этих стран в Соединенные штаты дошел до 520 миллионов долларов, а экспорт в эти страны из Соединенных штатов до 485 миллионов долларов. После мировой войны Соединенные штаты продолжали ту же политику. Они продолжали свое проникновение в карибские страны, не встречая никакого сопротивления, за исключением того, которое могли оказать сами жители карибских стран.

В отношении Панамы политика Соединенных штатов была открыто империалистической. Им нужен был канал в Тихий океан: лучший путь лежал через Панаму, а следовательно они должны овладеть Панамой. Ход мыслей, как видим, был простой. Единственное затруднение заключалось в том, что в начале XX в. Панама была провинцией Колумбийской республики. К счастью для Соединенных штатов, в этой провинции имелось некоторое число «недовольных». Президент Теодор Рузвельт подстрекнул их к восстанию против Колумбии, и в 1903 г. Панама была объявлена независимой республикой. Рузвельт быстро признал новую республику и добился для нее признания от иностранных держав. «Недовольные», ставшие в Панаме у власти, любезно согласились навсегда уступить десяти-мильную полосу земли Соединенным штатам для постройки канала. В 1914 г. было открыто движение по Панамскому каналу. Панамская республика получила немалые выгоды от строительства, кото-

рое было проведено американцами, но едва ли можно сомневаться в том, что она потеряла свою политическую независимость. Полная параллель между этой историей и историей взаимоотношений Англии с Египтом и Османской империей в связи с Суэцким каналом настолько очевидна, что нет надобности о ней говорить.

Путь в Тихий океан находился теперь в руках Соединенных штатов. Однако не исключена была возможность, что какая-нибудь другая страна пожелает повести такую же политику и побудить другую центральноамериканскую республику разрешить постройку канала на своей территории. Подобный канал можно было построить только на территории Никарагуа. Поэтому в 1912 г. Соединенные штаты вмешались в дела Никарагуа, чтобы помочь образованию консервативного правительства. В благодарность новое правительство подписало договор с Соединенными штатами, передававший им контроль над таможенными, железной дорогой, банком и зоной, пригодной для постройки канала. С 1912 по 1925 г. Соединенные штаты поддерживали там реакционное правительство, хотя в стране имелось явное либеральное большинство. К 1925 г. Никарагуа полностью уплатила все займы, которые были предоставлены ей американскими банками, и Соединенные штаты вслед за этим отозвали своих моряков. Однако спустя два года американские моряки прибыли вновь и добились избрания нового марионеточного президента — Адольфа Диаза. Одновременно Соединенные штаты обеспечили себе право контролировать выборы президента в будущем.

Американизация Кубы. Заинтересованность Соединенных штатов в делах Кубы определялась как экономическими, так и стратегическими соображениями. Куба находится в 100 милях от Флориды — этим определяется ее стратегическое значение. С другой стороны, на Кубе можно разводить сахарный тростник, который не произрастает в Северной Америке.

В конце мировой войны Куба находилась в руках американских банкиров. Покорение этого острова является скандальной историей. В конце XIX в. жители Кубы восстали против Испании. Американский конгресс заявил тогда, что «население Кубы свободно и должно по праву быть свободным и независимым. Соединенные штаты отвергают всякое предположение о том, что они якобы намерены установить свой суверенитет, свою юрисдикцию и контроль на Кубе, и выражают твердое намерение, когда умиротворение острова будет достигнуто, покинуть его и предоставить управление и контроль над островом его населению».

Испания была разбита, и на Кубе была образована республика. Соединенные штаты тотчас же изменили свою позицию. В 1901 г. американский конгресс принял так называемую поправку Платта (это постановление было включено впоследствии в конституцию Кубы и американский договор с Кубой 1903 г.), в которой указывалось, что «правительство Кубы выражает свое согласие на то, чтобы Соединенные штаты осуществляли право вмешательства для защиты независимости Кубы и для поддержания правительства, способного защищать жизнь, собственность и личную свободу...» Таким образом, добрые намерения, выраженные в 1898 г., открыли

путь к установлению над Кубой фактического протектората Соединенных штатов.

Указанное выше постановление конгресса было истолковано в Соединенных штатах совершенно циническим образом. Под прикрытием американских морских сил в Гаванне было создано «независимое» правительство. Разумеется, только самые неразборчивые политики могли согласиться принять участие в таком правительстве: свыше 30 лет Кубой управляли продажные и бездарные люди. Если жители Кубы подымали восстание против правительства, то Соединенные штаты вмешивались и подавляли возмущение под предлогом необходимости поддержания законности и порядка.

Соединенные штаты принялись также за организацию производства сахара на Кубе. Уолдо Франк в своей книге «Испанская Америка» описал, как это произошло:

«Прежде всего земля была скуплена по высокой цене. Когда достаточное количество земли имелось в руках американцев и они могли установить свой контроль в этом районе, прокладывалась частная железная дорога, которая закрепляла за американцами монополию на перевозку их грузов. Остальная часть земли в районе, который становился экономически совершенно беспомощным, скупалась по дешевке. Имелся и другой способ: владельцам земли, независимым колонам, предлагалось подписать договор, который обращал их фактически в крепостных, и от подписания такого договора колон мог отказаться только в том случае, если он предпочитал быструю гибель медленному вымиранию. Многочисленные сахарные заводы объединились после этого в один концерн, который занимал стратегически выгодное положение в конечном пункте железнодорожной линии. Все другие культуры кроме сахарного тростника уничтожались—либо прямо, путем скупки земель, либо косвенно, путем установления контроля над перевозкой грузов по железной дороге.

После того как самостоятельные плантаторы на Кубе были истреблены, американские деловые люди повели наступление против рабочих. Они считали, что рабочие обходятся им слишком дорого и что их культурный уровень слишком высок. В Кубу были привезены десятки тысяч негров с Гаити и Ямайки для работы на американских плантациях. Эти пришельцы не имели ничего общего по своей культуре с Кубой. Они даже не говорили по-испански и общались с местным населением так мало, что не могли научиться этому языку. Они жили в убогих поселениях, их заработная плата была настолько низкой, что они не в состоянии были покупать местные изделия. Их снабжала пищей и одеждой сама компания, имевшая собственные магазины, где продавались, конечно, только самые недоброкачественные американские товары.

В 1920 г. свыше 40 процентов всей земли, пригодной для обработки, принадлежало американскому капиталу, а остальная часть находилась под контролем американских банков, которые фактически устанавливали цены и заработную плату и контролировали всю торговлю и весь транспорт на Кубе. Оставшиеся туземные плантаторы находились в отчаянном положении, они уцелели лишь по милости

тех банков, которые представляли собой настоящую власть, так как ни одно правительство Кубы не могло бы удержаться, если бы оно нарушило священные права американских капиталистов. Закрепление жителей Кубы стало совершившимся фактом».

Нет никакого сомнения, что благодаря вмешательству американцев Куба разбогатела. Куба стала давать четверть всего мирового производства тростникового сахара. В 1928 г., как говорят, богатство населения в среднем было выше, чем в любой другой стране. Тем не менее, собственное развитие Кубы приостановилось. Из страны, имеющей достаточно и даже больше, чем достаточно, рудных ископаемых, леса и скота для собственных надобностей, она превратилась в сахарную плантацию Соединенных штатов. Вместо того чтобы развивать свою собственную культуру, Куба стала подражать американской цивилизации, символом чего является здание правительства в Гаванне, которое президент Мачадо построил по образцу Капитолия в Вашингтоне. Ничтожное меньшинство населения сказочно богато, но громадное большинство находится в ужасной нищете.

В 1929 г. наметились изменения в политике Соединенных штатов по отношению к Кубе. Новый американский посол на Кубе Гугенгейм открыто выражал свое несогласие с приведенной выше поправкой Платта и с договором 1903 г. Он заявил: «При переговорах о заключении нового договора мы должны исходить из того, что Куба должна самостоятельно управлять своими делами независимо от тех ошибок, которые она может совершить. Я полностью согласен с той точкой зрения, что для Кубы будет гораздо лучше, если она сама совершит ошибки, чем если эти ошибки совершит за нее наше правительство. Следует отдать себе отчет, что наши взаимоотношения с Кубой, поскольку это касается особой защиты интересов американских граждан, крайне неправильны с точки зрения международного права и отражаются более чем неблагоприятно на наших взаимоотношениях с другими американскими республиками».

В 1933 г. был свергнут президент Мачадо, который управлял Кубой как деспот, но был марионеткой в руках Вашингтона. Рузвельт заключил новый договор с Кубой, по которому Соединенные штаты отказались от вмешательства во внутренние дела Кубы. Однако Куба попрежнему осталась в экономическом отношении полностью зависимой от Нью-Йорка.

Американизация Гаити. Можно привести еще один пример политики Соединенных штатов в карибских странах. Гаити—единственная латиноамериканская страна, где господствует французский язык—была свыше ста лет независимой республикой, до тех пор пока в 1915 г. там высадились американские моряки. Правительство этого острова потеряло почти всякий авторитет: в течение четырех лет там сменилось около десятка президентов. Вмешательство Соединенных штатов имело целью защитить интересы американских граждан и в частности интересы Нейшенел Сити банка, который был акционером Банка Гаити. Соединенные штаты навязали Гаити договор на 20 лет, который обязал Гаити погасить свои иностранные долги. Генерал Джон Рассел был назначен комиссаром Соединенных шта-

тов и до 1929 г. был фактическим правителем Гаити. Его рупором был Луи Борно, которого американцы сделали президентом, не смотря на то, что, будучи сыном французского гражданина, он по конституции не мог быть избран президентом.

В 1929 г. на Гаити началось брожение. Генерал Рессел потребовал по телеграфу военных подкреплений, но президент Гувер предпочел послать туда комиссию для обследования положения. Эта комиссия, которую возглавлял Форбс, представила доклад о том, что американизация Гаити была ошибкой, и рекомендовала прекратить оккупацию в 1936 г., когда истечет срок договора. Эвакуация Гаити началась тотчас же; должность комиссара Соединенных штатов была упразднена. Луи Борно подал в отставку. Были назначены выборы, и руководство делом народного образования, здравоохранением и общественными работами было передано вновь в руки жителей Гаити.

Однако Соединенные штаты не отказались полностью от своей старой политики. В 1932 г. Гаити было предложено подписать новый договор, по которому американский надзор над финансами Гаити сохранялся. Народное собрание Гаити с полным единодушием и возмущением отвергло проект этого договора—Гаити твердо решило не подписывать договора, который дал бы Соединенным штатам хотя бы видимость законного основания для продления своего контроля над Гаити после 1936 г. Министерство иностранных дел Соединенных штатов примирилось с мыслью об эвакуации Гаити только летом 1934 г., когда с Гаити был заключен новый договор. По этому договору все американские моряки, таможенные и финансовые чиновники должны были покинуть остров не позже ноября того же года. Согласно этому договору, правительству Гаити предоставлялось право приобрести акции Национального банка Гаити, который в течение всего периода оккупации был простым филиалом Нейшенел Сити банка.

История других караибских республик точно такая же, как история Панамы, Никарагуа, Кубы и Гаити. Политика Соединенных штатов была повсюду одна и та же: обеспечить стратегические, экономические и финансовые интересы Соединенных штатов, поддерживая приемлемые для них правительства, с согласия или без согласия населения. Во всех этих республиках такая политика достигала своей цели. Единственное исключение составляет Мексика.

Мексиканская революция. Мексика занимает обширную территорию—во всей Латинской Америке, только Бразилия и Аргентина имеют более значительную территорию. Ее природные богатства чрезвычайно велики, и она имеет все, начиная от пшеницы и кончая нефтью. По своему культурному уровню она стоит выше всех других республик Америки, так как Мексика является родиной цивилизации майя и ацтеков. Современные мексиканцы унаследовали от своих предков замечательные способности ко всякого рода мастерствам, а также глубокое религиозное чувство. В XVI в. Испания завоевала Мексику и обратила ее в католичество. В XIX в. в Мексике произошло восстание против католических патеров и испанских проконсулов. Она добилась независимости, но не доби-

лась свободы, ибо с 1877 по 1910 г. там была диктатура Порфирио Диаса. Это был деспот большого размаха. Стремясь всеми средствами привлечь в страну иностранный капитал, он конфисковал общинные земли индейцев, которыми они владели в течение столетий, и превратил их в крупные поместья. Четыре иностранные компании приобрели не менее 13 миллионов акров земли в Нижней Калифорнии, причем одной из них принадлежало поместье в 6 миллионов акров. Мексиканские индейцы были вынуждены работать как рабы у крупных землевладельцев, две трети всего населения стали пеонами, т. е. должниками, связанными навеки со своими хозяевами, на которых они работали за неоплатные долги. Диас предоставил иностранцам право разработки горных богатств, и мексиканская нефть потекла по нефтепроводам, обогащая финансовых магнатов Соединенных штатов. Католическая церковь сохранила свою землю и свои права и в частности право назначения иностранцев епископами в Мексике.

В 1910 г. началось восстание против Диаса. Подобно китайской революции 1911 г. и русской революции 1917 г., весь народ поднялся сразу, чтобы свергнуть эксплуататоров. Однако у мексиканцев не было большевистской партии, которая могла бы руководить их революцией, у них не было даже гоминдана. В течение десяти лет, с 1910 по 1920 г., истинный смысл мексиканской революции был скрыт благодаря борьбе за власть различных группировок.

Преемником Диаса стал Франческо Мадера—привлекательный, но неспособный идеалист, который был не в состоянии бороться с превращением Мексики в добычу соперничающих друг с другом кондотьеров. Большая часть последних была столь же неразборчива в средствах, как китайские военные правители. В 1913 г. наиболее сильный из них, Викторiano Хуэрта, убил Мадера и обосновался в Мексико-Сити. Хуэрта был злодеем, который в любой цивилизованной стране был бы заключен в тюрьму или в дом умиротворенных.

Президент Вильсон следил за развитием мексиканской революции с известным опасением. Он считал, что каждый народ имеет право избирать свою форму правления, но перспектива иметь Хуэрта в качестве правителя соседней страны на юге ни в какой мере не соответствовала его видам. К тому же он не мог поверить, что мексиканский народ действительно желает иметь своим правителем генерала Хуэрта. Вильсон поэтому отказался признать Хуэрта в качестве президента Мексики и запретил продажу оружия его сторонникам, хотя и допускал продажу военного снаряжения его противникам. Когда представился для этого подходящий случай, он послал адмирала Флетчера во главе флота в Вера-Крус. Адмирал бомбардировал город и захватил таможню.

Президент Вильсон был в известном отношении прав. Если бы мексиканский народ мог выразить свою волю, то он высказался бы против Хуэрта, деспотическая политика которого мало чем отличалась от политики Диаса. Преемником Хуэрта стал Карранца, который хотя и смутно, но как будто понимал истинный смысл мексиканской революции. В 1915 г. он издал закон о возвращении

индейцам общинных земель. В 1917 г. он созвал подобие представительного собрания, которое утвердило новую конституцию Мексики. Конституция исходила из правильного понимания причин тяжелого положения Мексики. По этой конституции государство становилось собственником всей земли, привилегии иностранцев в Мексике уничтожались и католической церкви воспрещалось владеть собственностью и назначать священников немексиканского происхождения, а католическим патерам воспрещалось преподавать в школах. Однако Карранца не обладал достаточной властью. Он не мог провести законы, которые были необходимы для осуществления принципов, установленных конституцией. Он не мог также занять достаточно твердую позицию по отношению к американским нефтяным магнатам, которые создали национальную ассоциацию для защиты американских прав в Мексике (одним из руководителей этой ассоциации был Догени, прославившийся в нефтяном скандале в Типот-Дом). Он не мог также выступить достаточно решительно против католической церкви, которая протестовала против законов 1917 г. Не сумел он также пробудить и энергию мексиканского народа.

В 1925 г. Карранца был низвергнут группой заговорщиков из Соноро. В эту группу входили Обрегон, Каллес и Адольфо делла Хуерта. Генерал Обрегон, фамилия которого представляет собой испанскую переделку ирландской фамилии О'Бриен, находился в самой гуще событий; он лишился руки и несколько раз был на волосок от смерти. Соединенные штаты и большинство европейских держав, включая и Англию, считали его простым разбойником и отказались признать его президентом Мексики. Однако в лице Обрегона Мексика обрела своего вождя. Он понимал, что, в сущности, революция имеет целью возрождение национальной культуры Мексики. Однако духовная революция была невозможна, пока страна находилась под иностранным экономическим контролем. Природные богатства Мексики, подобно природным богатствам Китая и Индии, находились в руках иностранцев. В 1922 г. 95 процентов всех капиталов, вложенных в мексиканскую нефтяную промышленность (вся их сумма составляла 960 миллионов долларов), принадлежали американцам и англичанам и лишь немного более 1 процента мексиканцам. Иностранный контроль, который был связан с притоками этого капитала, играл роковую роль в истории Мексики. В этом и заключалась та проблема, которая стояла перед Обрегоном,—ограничить права иностранцев, удержав капиталы в Мексике.

В 1921 г. министерство иностранных дел Соединенных штатов предложило Мексике заключить договор, гарантирующий права собственности, которые приобрели граждане Соединенных штатов в Мексике. Взамен этого Соединенные штаты соглашались официально признать Обрегона президентом. Обрегон вежливо отклонил это предложение. «Мексиканское правительство,—заявил он,—намерено в результате осуществления своей политики избавиться от необходимости давать унижительные обещания и предполагает придерживаться такой линии поведения, пока не исчезнут препятствия,

стоящие на пути к тому, чтобы оно было признано без ущерба для своего достоинства и суверенитета». Такое положение продолжалось до 1923 г., когда Соединенные штаты, убедившись, что Обрегон укрепился у власти и поддерживает в стране известный порядок и законность, заключили соглашение с президентом, который согласился приступить к погашению мексиканского долга Америке и признать американские права на мексиканские железные дороги.

Только в декабре 1925 г. Обрегон и его соратник Каллес, который стал к этому времени президентом, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы провести новые революционные меры. Эти мероприятия сводились к целой серии законов, изданных в порядке осуществления принципов конституции 1917 г. Первым был издан новый земельный закон, повторяющий статью 27-ю конституции, согласно которой «только мексиканские граждане могут владеть землей или получать концессии на разработку недр, а если иностранцы получают эти права, то они должны обязаться не обращаться к своему правительству для защиты этих своих прав». Это вызвало целую бурю протестов в Соединенных штатах. Министр иностранных дел Келлог заявил, что земельный закон «вызвал искреннее опасение у многих, если не у всех американцев, владеющих земельной собственностью в Мексике». Мексиканский президент ответил, что ему эти опасения непонятны, так как, например, в штате Аризона имеется закон, в силу которого «никто не может приобрести собственность в Аризоне, если он не является гражданином Соединенных штатов или не заявил о своем намерении принять американское гражданство». Американская пресса требовала войны с Мексикой. Нефтяные магнаты объявили мексиканцев разбойниками, а банкиры — анархистами.

Тем временем мексиканский парламент провел на основании конституции 1917 г. новый закон. Этот закон содержал статьи, касающиеся церкви: «Религиозные институты, известные под названием церкви, независимо от религии, не должны ни в коем случае иметь право приобретать, владеть или распоряжаться собственностью... Здания, в которых происходят богослужения, являются собственностью народа в лице его федерального правительства, которое должно определить, какие из этих зданий будут предназначены для богослужебных целей; преподавание религии не допускается без согласия правительства, и проживание в Мексике иностранных священнослужителей воспрещается».

Правительство не вело, однако, борьбы с католической религией. Многие мексиканцы были католиками, и в Мексике фактически не было последователей другой религии. Приходские священники пользовались уважением.

Правительство вступило в конфликт с церковью по ряду причин. Церковная иерархия была богата и развращена; она владела большим количеством земли и противилась всякой социальной реформе; церковь имела монополию в области образования и пользовалась этим для реакционной пропаганды; кроме того, духовенство было чуждо мексиканскому народу и по духу и по своему происхождению. Положение в Мексике напоминало в этом отношении положение

в Англии при Генрихе VIII: Англия была в то время католической страной и восстала против Рима. Аналогичное положение создалось в послевоенной Турции—в этой стране верующие восстали против реакционной и ненациональной церкви.

Мексиканские епископы отказались признать новый церковный закон 1926 г., они предпочли закрыть церкви и прекратить богослужение. Они рассчитывали, что народ, лишившийся возможности посещать церковную службу, возмутится и это заставит правительство пойти на уступки. Однако правительство осталось непреклонным—оно попыталось создать национальную церковь, а когда это не удалось, начало высылать из страны иностранных священников. Это вызвало гражданскую войну. Один из архиепископов объединил вокруг себя небольшое количество верующих и поднял оружие против правительства. В ответ на это правительство воспретило богослужение в частных домах и производило обыски там, где, как предполагалось, скрылись священники. Обе стороны были неразборчивы в средствах. Сторонники церкви обратились к Соединенным штатам с просьбой о помощи, чтобы сокрушить революцию. Правительство приговаривало священников к смерти на основании простого подозрения. Ярким примером является казнь без суда иезуита Мигуэля Про по обвинению в покушении на жизнь Обрегона в 1927 г.

Церковная партия, несмотря на преследования, оставалась сильной, но хозяином положения оставалось все же правительство. В конце концов Соединенные штаты пришли к заключению, что им следует заключить соглашение с мексиканским правительством. В 1928 г. послом Соединенных штатов в Мексику был назначен Морроу. Он оказался чрезвычайно талантливым дипломатом. Спор, связанный с земельным законом был, наконец, улажен: Соединенные штаты отказались от своих притязаний на защиту прав американских граждан в Мексике и признали, что мексиканский верховный суд должен окончательно решить вопрос о земельных правах американских нефтяных компаний. Мексиканский верховный суд немедленно вынес постановление о том, что эти нефтяные компании владеют собственностью на законном основании. Это был весьма существенный компромисс.

Религиозная борьба продолжалась. В июле 1928 г. генерал Обрегон, который был вновь избран президентом, был убит молодым католиком, который заявил на суде, что он действовал по наущению игуменьи известного монастыря. Эта игуменья призналась, что в шутку она ему посоветовала совершить это убийство. Она была приговорена к тюремному заключению на 20 лет, и антиклерикальные настроения в Мексике вновь усилились.

Наконец, в 1929 г. благодаря посредничеству Морроу между церковью и правительством было заключено перемирие. Правительство согласилось допустить преподавание религии в церквях, но не в школах, и признать права священников, назначенных католической иерархией при условии, что они примут мексиканское гражданство. Церковь согласилась возобновить богослужение на этих условиях.

Мексиканская революция все еще находится в полном разгаре. Никто не может предсказать ее будущее, но всякий историк признает, что, по какому пути бы она ни пошла, старое более никогда не вернется. Мексика будет государством в полном смысле этого слова, имеющим собственную культуру, которая явится неотъемлемой частью всей мировой цивилизации.

Новая политика Соединенных штатов. Караибские страны в 1934 г. еще больше зависели от Соединенных штатов, чем в 1918 г., но за этот период в американской политике произошла перемена. В течение первого десятилетия после мировой войны политика Соединенных штатов была откровенно империалистической. Доктрина Монро толковалась в том смысле, что Соединенные штаты имеют право вмешательства во внутренние дела караибских республик. В отличие от европейских держав, американский империализм не прибегал к аннексиям—государственный департамент Соединенных штатов (министерство иностранных дел) действовало более тонко. Слишком неуступчивые правительства в караибских республиках объявлялись революционными, и Соединенные штаты отказывали им в официальном признании; они переставали снабжать их оружием, но посылали военное снаряжение их противникам. Лишь только какая-нибудь партия, симпатизирующая Соединенным штатам, просила помощи, Вашингтон посылал моряков, и в этих странах выдвигалась и силой оружия приходила к власти приемлемая для Соединенных штатов партия. Однако в 1928 г. политика Вашингтона стала меняться. Бум, начавшийся на бирже с акциями американских предприятий, заставил американских капиталистов вкладывать свои деньги не в иностранные, а в американские ценности, и президент Гувер решил, что защита американских инвестиций в караибских странах силой оружия обходится дороже, чем они стоят (морские операции в Гаити, связанные со взысканием платежей по нескольким частным займам, обошлись американскому налогоплательщику в десять раз дороже, чем вся сумма долга Гаити по отношению к Соединенным штатам). Быть может, Гувер сознавал также, что те антиамериканские настроения, которые вызывала эта политика, могут отразиться неблагоприятно на взаимоотношениях Соединенных штатов с Латинской Америкой. В 1928 г. президент Гувер отправился в Латинскую Америку с миссией «доброй воли» и пришел к соглашению с Мексикой. В 1929 г. комиссар Соединенных штатов был отозван из Гаити. В 1933 г. последние американские моряки покинули Никарагуа, и в 1934 г. преемник Гувера обещал эвакуировать Гаити и заключить с Кубой новый договор, который отменит поправку Платта. Соединенные штаты начали применять в Караибской Америке те методы мирного экономического проникновения, которые увенчались таким большим успехом в Южной Америке.

XXV. ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

Экономическое влияние Соединенных штатов в Южной Америке до 1914 г. было незначительным. Расстояние от Буэнос-Айреса и Рио-де-Жанейро до Лондона казалось меньше, чем до Нью-Йорка.

Даже тихоокеанские порты—Лима, Вальпарайсо и Сант-Яго—были связаны с европейскими странами больше, чем с восточными портами Соединенных штатов. В результате этого английские и германские коммерсанты захватили торговлю в южноамериканских республиках.

Экономическое проникновение Соединенных штатов. Мировая война открыла широкую возможность экономического проникновения Соединенных штатов в южноамериканские республики.

В 1914 г. поток товаров и капиталов из Европы в Южную Америку внезапно прекратился. Южноамериканские республики стали обращаться в Северную Америку за капиталом и установили с Соединенными штатами более тесные торговые отношения. В начале мировой войны в Южной Америке не было ни одного банка, принадлежавшего гражданам Соединенных штатов, а в 1921 г. там имелось не менее 54 американских банков. Южная Америка имела то сырье, в котором нуждалась Северная Америка. За несколько лет Соединенные штаты превратились в главного покупателя олова в Боливии, селитры в Чили и кофе в Бразилии. Южная Америка нуждалась в тех готовых изделиях, которые Соединенные штаты продавали по дешевой цене благодаря своей системе массового производства. Через несколько лет тысячи детройтских автомобилей снова шли по вновь асфальтированным улицам южных городов и пробивали себе путь в глубь страны. Торговля между Южной Америкой и Соединенными штатами приняла обширные размеры.

В течение первого десятилетия после войны эта торговля развивалась к выгоде обеих сторон. Промышленники Северной Америки заработали миллионы на экспорте в Южную Америку, а южноамериканские фермеры разбогатели на товарах, проданных им на американском рынке, который тогда казался безграничным. Английские деловые люди энергично боролись, чтобы восстановить свои довоенные позиции, а Южная Америка стремилась использовать соперничество между Англией и Соединенными штатами в своих интересах. В конечном счете условия, предлагавшиеся Соединенными штатами, оказались более выгодными, и Южная Америка завязала с ними тесные отношения.

Быть может, не следует говорить в этой связи о Соединенных штатах, ибо переговоры вели частные фирмы, а не вашингтонское правительство. Фирма Гугенгеймов, а не вашингтонское правительство, занялась добычей олова и селитры. Телефонная компания Моргана, а не вашингтонское правительство, строила на южном континенте телефонную и телеграфную сеть. Агенты Форда и Дженераль моторс, но не вашингтонское правительство, конкурировали друг с другом, чтобы продать свои автомобили двум с лишним миллионам жителей Буэнос-Айреса.

Даже переговоры о займах правительствам южноамериканских республик, которые составляли не менее одной трети всех американских капиталов, экспортированных в Южную Америку¹, не

---

¹ Инвестиция Соединенных штатов в пяти южноамериканских республиках, по данным департамента торговли Соединенных штатов, опубликованным в

велись вашингтонским правительством. Частные банкирские дома Соединенных штатов посылали своих представителей, чтобы убедить президентов южноамериканских республик согласиться на получение займа. Этих президентов более легко убедить, так как они нуждались в деньгах, а платить проценты по займам должны были их преемники. Вооруженные такими договорами о займах, банкиры с торжеством возвращались в Нью-Йорк и открывали публичную подписку на заем. У них не было, конечно, уверенности в том, что подписчики на займы получат когда-либо обратно свои деньги. Но это не касалось банкиров: банкиры выпускали заем и клали себе в карман комиссионное вознаграждение; к этому сводился для них весь смысл операций, и только это их интересовало. Что касается американской публики, то деньги у нее имелись в изобилии, и она не знала, что с этими деньгами делать,—помещение денег в южноамериканские займы ей приходилось по вкусу. Таким образом, все делалось к общему удовольствию—президентов, банкиров и публики. Но все это было временным явлением.

Основное содержание южноамериканской истории в послевоенное десятилетие сводится, таким образом, к следующему: рост торговли с Соединенными штатами, рост прямых инвестиций американского капитала в промышленных предприятиях Южной Америки и рост инвестиций в форме займов, которые выпускались южноамериканскими республиками этих стран. Все эти факты можно лучше всего проиллюстрировать на примере пяти наиболее крупных южноамериканских республик.

Перу. В Перу можно обнаружить все противоречия, типичные для южноамериканских республик: природные богатства и эксплуатация со стороны иностранного капитала, формально демократическая конституция и деспотический президент, нищие туземцы и богатые феодальные землевладельцы. Важнейшими статьями экспорта Перу являются хлопок, сахар, медь и нефть. Соединенные штаты остро нуждались, по крайней мере, в трех видах этого сырья. Американские капиталы устремились в Перу: 12 миллионов долларов было вложено в хлопковые и сахарные плантации, 75 миллионов—в медные рудники, 120 миллионов—в нефтяную промышленность, в результате чего все эти отрасли промышленности оказались в руках американцев. Президент Легуа, который находился у власти с 1919 по 1920 г., был восхищен этим быстрым развитием своей страны. Его еще больше восхищала готовность американских банкиров выпустить в Соединенных штатах займы для перуанского правительства. Для личной диктатуры в государстве, территория

информационном бюллетене № 867 за 1931 г. американского министерства торговли составляли:

	Всего (в тысячах долларов)	«Прямые» ин- вестиции (в процентах)	Инвестиции в ценных бумагах (в процентах)
Аргентина	807 777	45	55
Чили	700 935	63	37
Бразилия	557 001	38	62
Перу	222 055	62	38
Боливия	116 045	53	47

которого превышает территорию Франции, Германии и Италии вместе взятых, требуются деньги: войскам и полиции следует регулярно выплачивать жалование, представителям сотни испанских семей, считающих себя естественными правителями страны, следует предоставить sinecуры, отвечающие их вкусам. Президент Леуга заключил приблизительно на 100 миллионов долларов займов через посредство банкирского дома Зелигмана. Этого было достаточно, для того чтобы обеспечить устойчивость его режима с финансовой стороны. Политика президента доделала остальное. Печать была подвергнута цензуре, лица, подозрительные с политической стороны, подвергались изгнанию без суда, и всякая политическая позиция рассматривалась как измена.

Такие методы толкнули оппозицию на революционный путь. Радикальные деятели указывали на опасность финансовой зависимости от Соединенных штатов и обвиняли хитроумного президента в том, что он продал Перу банкирам с Уолл-Стрит. Перуанский социалист Рауль Хайя де ля Торре основал межамериканскую организацию студентов и рабочих, известную под названием «Апра»¹. В 1919, 1921 и 1923 гг. он руководил восстанием против Леуга, но экономическое положение Перу в 20-х годах нашего столетия было еще благополучным, народ не прислушивался к голосу революционеров. На сырье стояли высокие цены, и спрос Соединенных штатов казался неистощимым. Де ля Торре был в итоге изгнан из пределов страны.

Чили. Почти такие же условия создались в Чили, с тем отличием, что проблемы, связанные с положением индейского населения, не были там так остры, а длинная береговая линия и хорошие порты способствовали развитию торговой буржуазии, которую труднее было подчинить политической диктатуре. Землевладельческий класс состоял из знаменитых 40 фамилий, включающих в свой состав верхушку феодальной аристократии. Со времени возникновения республики и вплоть до 1890 г. республикой управляли диктаторы; за этим последовал период, когда политика превратилась в борьбу за получение доходного места и за ограбление государственной казны. В конце концов в 1920 г. президентом стал блестящий политик итальянского происхождения Артуро Алессандри, который приобрел большую популярность среди населения, так как стремился обеспечить себе его поддержку и не искал опоры у 40 фамилий. Однако прошло немного времени, и силы реакции объединились под руководством одного генерала. В результате Алессандри должен был бежать в Аргентину. Спустя некоторое время армия выдвинула вожда в лице генерала Карлоса Ибаньеса, который объявил себя президентом в 1925 г. У Ибаньеса не было никаких притязаний на демократичность. Он стал притеснять трудовое население и обратился к Соединенным штатам за финансовой помощью. За пять лет Ибаньес выпустил не менее чем на 500 миллионов долларов новых займов; государственный долг вырос вследствие этого в четыре раза. Он оказывал содействие притоку американского капитала в про-

¹ «Alianza Popular Revolucionaria Americana».

мышленность, добывающую селитру. Американский торговый дом Гугенгеймов, который ранее интересовался добычей меди в Чили, стал фактическим владельцем крупного чилийского селитренного комбината (он получил известность под названием «Козач»).

Боливия. Боливийская республика находилась в менее благоприятном положении. Прежде всего европейское население, интересы которого в ней доминировали, составляло ничтожное меньшинство: в Боливии имелось 3 миллиона индейцев и креолов и всего 300 тысяч белых. Во вторых, по своим природным условиям страна делится на две части: горные пустынные плато с большими запасами металлических руд и тропические низменности с густой растительностью. Между обоими районами не существовало никакого железнодорожного сообщения, и в результате этого рабочие рудников по добыче олова, находившиеся на горном плато, были лишены продуктов продовольствия, которые производились в низменных районах. В-третьих, эта республика не имела доступа к морю. Она была соединена с Тихим океаном железными дорогами, но железнодорожные линии принадлежали англичанам, а порты находились на территории Перу и Чили. Боливия предъявляла притязания на провинции Такна и Арика, что должно было обеспечить ее портом на Тихом океане. Эти притязания встретили поддержку у министра иностранных дел Соединенных штатов Келлога, но были отвергнуты Чили и Перу. Боливия соединялась с Атлантическим океаном рекой Парагвай, но затруднение здесь заключалось в том, что в боливийской части этой реки не было достаточно глубокого порта. Поэтому Боливия стала предъявлять притязания на топи и леса, известные под названием Гран Чако. Парагвай, разумеется, противился осуществлению этих притязаний. Отказ от Чако означал бы отказ от половины Парагвая, приближение боливийской границы к месту слияния рек Парагвай и Пилькомайо и к самым подступам к столице Парагвая. Соединенные штаты вновь проявили сочувствие к притязаниям Боливии. Это сочувствие объяснялось тем, что Боливия была богата оловом, а Соединенные штаты для своей развивающейся промышленности нуждались в половине мировой добычи олова. Единственная страна, которая богаче оловом, чем Боливия, — это Малайя, но она находится в руках Англии.

Вся политика Боливии определялась поэтому проблемой олова, которое составляло 92 процента экспорта. Всякий политик, который мог обеспечить себе сотрудничество с Америкой в развитии этой отрасли, мог удержаться у власти. В 1925 г. президент Силес сверг конституционное правительство и объявил себя диктатором, упрочив свою власть обычными методами — цензурой, политическими преследованиями и иностранными займами. Займы шли из Соединенных штатов, и банкирский дом Гугенгеймов укрепился в боливийской оловянной промышленности. Право добычи нефти было продано Стандарт ойл компании, и распространились слухи, что в Чако имеются крупные запасы нефти.

Аргентина. Аргентина является самой богатой из всех южноамериканских республик. Ее природные богатства почти неисчерпаемы. Аргентина в состоянии экспортировать ежегодно миллионы тонн

пшеницы, маиса и льна, миллионы голов скота, баранов и свиней. В Аргентине можно разводить сахарный тростник и виноград, и там имеются неисчерпаемые запасы леса. В качестве мирового поставщика мяса Аргентина имела сильного конкурента в лице Австралии, но развитие холодильного дела дало возможность Аргентине выдвинуться на европейском рынке на первое место. Задолго до войны Англия поняла значение аргентинской республики в качестве мирового поставщика сельскохозяйственных продуктов. В Аргентину было вложено около 1 миллиарда английских капиталов. На английские деньги была построена железнодорожная сеть в 25 тысяч миль. Америка начала конкурировать с Англией во время мировой войны. Англия получила концессию на железные дороги; Соединенные штаты получили концессию на устройство трамваев, телефонов и телеграфа. Англия завоевала текстильный рынок Аргентины; Соединенные штаты обеспечили себе сбыт в Аргентину автомобилей, радиопринадлежностей и табака. Вскоре стало ясно, что исход англо-американской борьбы за Южную Америку решится в Буэнос-Айресе. Соединенные штаты послали Гувера, только что избранного президентом, с миссией «доброй воли» в Аргентину. Англия послала, принца Уэльского, чтобы открыть там выставку для рекламы английских товаров. Однако Аргентина не была убеждена в том, что продукты англо-саксонских стран так же необходимы в Аргентине, как аргентинские продукты в Америке или Англии. Аргентина ограничила свой экспорт продовольственных товаров. Она установила также пошлину на импортные товары. Эта пошлина имела целью закрыть доступ английским текстильным изделиям и материалам для железнодорожного строительства, но эта пошлина не была достаточно высока, чтобы прекратить импорт американских изделий массового производства. К 1929 г. стало ясно, что Америка одерживает верх в этой борьбе. В 1913 г. экспорт Англии в Аргентину составил 135 миллионов долларов, а экспорт Соединенных штатов только 47 миллионов долларов. В 1929 г. английский экспорт находился приблизительно на том же самом уровне, а американский поднялся до 210 миллионов долларов. Англия нанесла ущерб Соединенным штатам только в одном отношении: она покупала в Аргентине больше товаров, чем в Соединенных штатах: Английские деловые люди в Буэнос-Айресе придумали лозунг. «Покупайте у тех, кто покупает в Аргентине». Первое время этот лозунг имел некоторый успех, но он не улучшил взаимоотношений между англичанами и американцами в Буэнос-Айресе.

С 1916 по 1922 г. и с 1928 по 1930 г. президентом Аргентинской республики был человек чрезвычайно осторожный в вопросах, касающихся всякого рода иностранных обязательств. Он отказался принять участие в войне против Германии, вышел из состава Лиги наций, отозвал своего посла из Вашингтона в 1928 г. и отказался подписать пакт Бриана—Келлога. Президент Иригойен был во всех отношениях своеобразной фигурой. По своему происхождению он был баском, с некоторой примесью турецкой крови. Он был самодержцем в том отношении, что все бразды правления были в его руках и никто кроме него не имел никакой власти. Он был демократом

в том отношении, что защищал интересы среднего класса и чувствовал симпатию к бедным слоям населения, среди которых был популярен. У него было известное чутье ко всему незаурядному, что является редкостью среди правителей XX в. Он заперся в своем дворце и не принимал никого, кто его не интересовал. Он был теософом и его ложа в опере была переполнена не министрами-дипломатами, а всякими выдающимися людьми.

Гуманность Иригойена и его политика изоляции объединили Аргентину и создали возможность развития культуры, которая не подражала бы европейской или американской культуре. Однако весь государственный аппарат был продан. Для того чтобы спасти Аргентину от последствий мирового экономического кризиса, деятельность президента Иригойена была недостаточной.

Бразилия. Среди южноамериканских республик Бразилия занимает особое место. Территория Бразилии больше территории всех других республик и даже больше территории Соединенных штатов. В XVI в. Бразилия была завоевана не испанцами, а португальцами. Ее цветное население состоит не из индейцев, а из африканцев черной расы. В течение истекшего столетия в Бразилию прибыло очень много иммигрантов: начиная с 1820 г. число их составило 4 миллиона, из которых 95 процентов были европейцы.

Бразилия является федеративным государством и официально именуется Соединенными штатами Бразилии. Входящие в состав Бразилии отдельные штаты по своему значению далеко не одинаковы. Северные штаты имеют небольшое политическое значение, и основную роль играют южные штаты—Сан-Пауло и Минас-Жераес. Все президенты Бразилии с 1900 по 1926 г. были выходцами то из одного, то из другого из этих штатов: если на один четырехлетний срок избирался президент, выдвинутый Сан-Пауло, то на следующие четыре года избирался президент, выдвинутый штатом Минас-Жераес.

Все процветание Бразилии в послевоенную эпоху зависело от одного продукта—кофе. Две трети мирового производства кофе приходилось на долю Бразилии. Владельцы кофейных плантаций создали себе вначале сказочные состояния. Производство кофе в Бразилии вскоре достигло уровня средней годовой потребности. Иностранцы спекулянты стали скупать урожай на корню и перепродавали его по высоким ценам. Плантаторы видели, что кофе, проданный ими по дешевой цене, перепродавался по цене вдвое более высокой, и были крайне этим возмущены. Правительство при президенте Бернандес не нашло решения этого вопроса—президент был слишком занят поддержанием порядка в стране при помощи военного положения и не интересовался сбытом кофе. В 1926 г. Вашингтон Луис стал президентом, и в 1927 г. был создан Институт кофе для финансирования плантаторов и сбыта урожая в интересах Бразилии. Иностранцы покупатели вынуждены были покупать кофе по высокой цене. Деятельность института особенно сильно задевала интересы Соединенных штатов, которые потребляли около половины бразильского кофе. Прибыли в Бразилию были настолько велики, что в стране возник своего рода кофейный бум, и все стремились увеличить свои плантации; в результате этого урожай 1928 г.

составил 28 миллионов мешков кофе, т. е. вдвое превысил урожай предшествующего года.

Бразилия почти полностью зависела от сбыта кофе на мировом рынке. Правда, экспортировали и другие товары (например, какао, по производству которого Бразилия занимала второе место в мире после Золотого Берега). В Бразилии имелась также развитая промышленность, которая могла производить достаточно текстиля, одежды, обуви и предметов обстановки для собственных надобностей населения. Однако почти вся энергия Бразилии была направлена на производство кофе, которое составляло 75 процентов ее экспорта. Соединенные штаты были самым крупным потребителем бразильского кофе, и Бразилия покупала в Америке после войны значительное количество товаров. Все электростанции Бразилии принадлежали американцам. В Бразилии имелся завод Дженерал моторс и завод Форда. Форду была предоставлена концессия на каучук в округе Пара, главный город которого был назван Форд-ландия. Англия имела в Бразилии крупные капиталовложения, но со времени войны они не увеличились, тогда как американские инвестиции, которые в 1919 г. равнялись почти нулю, выросли быстрыми темпами.

Годы кризиса и «революций» в Южной Америке. Из сказанного достаточно ясно, что пять наиболее важных южноамериканских республик в течение 20 лет нашего века превращались в экономическую колонию Соединенных штатов. Экспортеры жили заказами из Северной Америки, а правительства по большей части жили на американские займы. Только две республики остались вне сферы влияния Соединенных штатов—Уругвай и Эквадор. Тихоокеанская республика Эквадор избавилась от зависимости от иностранных рынков благодаря тому, что в 1925 г. ее плантации какао были уничтожены вредителями. До этого она поставляла 30 процентов всего мирового производства какао. Американские кредиторы не интересовались тропическим Эквадором, где, казалось, вся энергия политиков поглощается исключительно борьбой между клерикалами и антиклерикалами. Англия получила в Эквадоре нефтяную концессию: англо-эквадорская нефтяная компания пробурила 400 скважин и, по ее утверждениям, довела свою добычу до 18 тысяч тонн в месяц.

За этими двумя исключениями все южноамериканские республики находились в финансовой зависимости от Соединенных штатов. В течение первого десятилетия после войны все шло гладко, но в 1928 г. когда начался бум с американскими промышленными акциями, приток капиталов в Южную Америку начал сокращаться. В 1929 г. произошел крах на нью-йоркской бирже, и Соединенные штаты немедленно отзывали свои краткосрочные займы и сократили свой импорт из-за границы. Однако еще хуже было то, что цены на сырье начали резко падать. Южноамериканские республики могли продавать свои товары только в убыток, и их правительства, доходы которых зависели, главным образом, от обложения экспорта, оказались лицом к лицу с полным банкротством.

Южноамериканцы, естественно, начали винить во всем свои пра-

вительства. В каждой из пяти республик, о которых речь шла выше, произошла «революция», на протяжении тринадцати месяцев, с июня 1930 г. по июль 1931 г., произошло пять «революций».

Первым пало правительство президента Силеса в Боливии. В июне он был свергнут народным восстанием, и одновременно с ним был свергнут и генерал Ганс Кундт, немец по происхождению, начальник штаба президента. Генерал Бланко Галиндо объявил себя временным правителем до выборов нового президента. На выборах был избран президентом Саламанка. Бланко Галиндо проявил редкую для латиноамериканского генерала дальновидность и подал в отставку, предоставив Саламанке разрешение незавидной задачи спасения Боливии от банкротства, казавшегося неминуемым в связи с падением цен на олово. Боливия была спасена, но спас ее не президент Саламанка. Вновь созданная Англо-американская оловянная корпорация заключила соглашение с Гугенгеймами о сокращении предложения олова в целях повышения цен.

Вторым пало правительство Перу. К июню 1930 г. экспорт Перу упал вдвое против докризисного уровня. В июле произошло восстание армии против диктатора Легуа. Президент был свергнут, и к власти пришел полковник Санчес Черо. Он был весьма популярен, так как был индейского происхождения, но он не мог поднять цены на нефть. Перуанцы начали прислушиваться к социалистической пропаганде, которую вела «Апра». Руководитель этой организации Хайя де ля Торре был прирожденным оратором, и спустя семь месяцев Черо был отправлен в изгнание. Однако социалисты не достигли больших успехов, чем он, в деле повышения цен на перуанские товары. В октябре 1931 г. Черо был призван обратно и переизбран в президенты, получив незначительное большинство в 54 тысячи голосов по сравнению с Хайя де ля Торре. Де ля Торре и «Апра» не прекратили своей деятельности. В 1932 г. в Перу произошли новые восстания (к этому времени добыча медных рудников упала до одной пятой нормального уровня). Консерваторы обвиняли во всем мексиканскую и московскую пропаганду, но они с тем же успехом могли бы обвинять луну.

Под ударами экономического кризиса рухнула также политическая система Аргентины, этой наиболее передовой страны Южной Америки как с политической, так и с экономической точки зрения. В сентябре 1930 г. генерал Урибуру совершил фашистский переворот и изгнал Иригойена, престарелого президента Аргентины. Изгнав его сторонников и запретив радикальной партии (единственная национальная партия в стране) выдвинуть кандидата в президенты, генерал Урибуру назначил выборы и добился избрания в президенты другого генерала по имени Юсто.

В октябре 1929 г. произошла «революция» в Бразилии, в стране, которая со времени своего превращения в республику не знала ни одного удачного восстания. Восстание было вызвано президентом Луисом: его полномочия истекли в 1930 г., и президентом должен был быть избран кандидат из Минас-Гераес, но Луис хотел добиться избрания своего друга из Сан-Пауло Престера. В результате восстания, которое возглавлялось двумя генералами и одним адми-

ралом, Вашингтон Луис и Престер были устранены, и временным президентом был избран некто Гетулио Варгас. Варгас пользовался поддержкой бразильских «левых», местных ковбоев. Он не был революционером и даже не был радикалом, но он издал закон о восьмичасовом рабочем дне, о минимуме заработной платы и ввел нечто вроде системы страхования от безработицы. Институт кофе пытался бороться с падением цен, введя высокую экспортную пошлину на кофе. Он скупал миллионы тонн кофе, сжигал их или топил в море. Но даже эти мероприятия не могли помочь Бразилии: мировые цены на кофе не повышались, и в октябре 1931 г. Бразилия отказалась платить по своим внешним долгам.

Пятая «революция» во время кризиса произошла в Чили. Президент Ибаньес, который заключал многочисленные займы в Америке и строил небоскребы по образцу Нью-Йорка, потерял всякий авторитет. В июле 1931 г. он был свергнут. Из Парижа вернулся Алессандри, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на выборах, имея целый ряд планов восстановления Чили. Он потерпел поражение. Победил консервативный кандидат доктор Монтеро. Новый президент, так же как правители других южноамериканских республик, не смог добиться повышения цен на важнейшие экспортные товары своей страны: цена на медь стояла на невероятно низком уровне, а цены на селитру падали с необычайной быстротой. Даже в том случае, если бы селитренная промышленность могла оправдать себя, всю прибыль получали бы американские акционеры. По мере углубления кризиса чилийцы стали все с большей симпатией прислушиваться к проектам различных реформ. В 1932 г. левая партия свергла доктора Монтеро. В конце концов верх одержал Алессандри, ставший вновь президентом. В начале 1933 г. компания «Козач» была ликвидирована. Чили обанкротилось.

Эти пять «революций», происшедшие в 1930—1931 гг., не решили ни одной проблемы. Они не были революциями в истинном смысле этого слова. В республиках ничего существенного не изменилось в результате этих революций; притеснения индейцев продолжались на северо-западе, на востоке продолжалось притеснение негров и белых рабочих. Правительства оставались такими же продажными и попрежнему опирались на вооруженные силы. Противоречия между республиками остались прежними и только усилились в результате повышения таможенных тарифов; внешний рынок был потерян—республики облагали новыми пошлинами товары, ввозимые к ним из соседних республик, в безнадежной попытке сохранить внутренний рынок. По сравнению с годами процветания ничего не изменилось, кроме отношений этих республик с Соединенными штатами.

Конференция в Монтевидео. Во всей Южной Америке стало нарастать сильное антиамериканское настроение: оно приняло наиболее резкие формы в Перу и было слабее всего в Бразилии. Повсюду начались разговоры об опасности, угрожающей со стороны Соединенных штатов. Разве янки не скупили все природные богатства южноамериканских республик? Разве янки не навязали им громадные долги? Южная Америка не могла погасить свои долги, а это означало

конец Южной Америки. В 1932 г. южноамериканские республики не производили никаких платежей по долгу, составлявшему 1 300 миллионов долларов при общей сумме инвестиций американских граждан в пяти южноамериканских республиках в 1 750 миллионов долларов. Диктаторы растратили деньги, раздавая их своим друзьям, и Соединенные штаты, несомненно, воспользуются отказом от платежей, для того чтобы вмешаться в дела южноамериканских республик, как они это сделали в караибских странах.

Таков был ход мыслей южноамериканских политиков в годы кризиса. Они приходили к той же антиамериканской точке зрения, на какой стояли караибские страны. Когда в 1933 г. в Монтевидео собралась седьмая Панамериканская конференция, все 20 латиноамериканских республик были охвачены общим недоверием к Соединенным штатам. Президент Рузвельт учел настроения конференции и послал Корделя Хэлла в Монтевидео, позволив ему играть там ту примирительную роль, которую он не дал ему сыграть несколько раньше, на Лондонской экономической конференции. Латинская Америка опасалась вмешательства Соединенных штатов в порядке применения доктрины Монроэ, но позиция, которую занял Хэлл, устранила эти опасения. Он заявил, что Соединенные штаты придерживаются принципа «абсолютной независимости, безусловного суверенитета, полного равноправия и политической неприкосновенности всех стран, больших или малых». Делегат Кубы отнесся к этому заявлению недоверчиво, но остальные участники конференции были успокоены повторными заверениями Хэлла, что «ни одно правительство не должно опасаться вмешательства со стороны Соединенных штатов при президенте Рузвельте».

После того как опасения были рассеяны, конференция занялась подписанием мирных договоров и выражением сожаления по поводу того, что между Парагваем и Боливией идет война за Чако. Конференция призвала воюющие страны притти к соглашению и присоединилась к выводам комиссии Лиги наций, занимавшейся разбирательством споров между этими странами. Тем не менее, война продолжалась в течение всего 1934 г. «Война носит исключительно беспощадный и ужасный характер. Больные и раненые не получают надлежащей медицинской помощи». — так писалось в докладе комиссии Лиги наций. «Пока продолжается война, позади линии фронтов идет все большее и большее обнищание обеих стран, и их будущее кажется все более и более мрачным. Молодые люди находятся на фронте: университеты закрыты. Война за Чако представляет собой настоящую катастрофу для цивилизации в этой части Америки».

В этой войне применялись современные средства ведения войны — самолеты, броневики, огнеметы, скорострельные пушки, тяжелые орудия и автоматические ружья. В докладе Лиги наций указывалось, что «оружие и военное снаряжение не производится на месте, а поставляются воюющим странам Соединенными штатами и европейскими государствами». Войну можно было бы сразу прекратить, если бы эти страны согласились запретить дальнейшую доставку оружия. Необходимый механизм для заключения подобного соглашения был налицо в 1933 г.: конференция по разоружению заседала в Женеве,

а Пан-американская конференция—в Монтевидео. Но ничего не было сделано: обе конференции выражали сожаление по поводу войны, правительства продолжали покровительствовать экспорту оружия, и война продолжалась.

Лицемерная практика подписания мирных пактов и одновременно продажа оружия была не более абсурдной, чем политика, которая проводилась в послевоенный период и подрывала нормальные взаимоотношения между латиноамериканскими странами. Вся эта история кажется невероятной: кредиторы уговаривали южноамериканских президентов и давали им даже взятки, чтобы убедить их заключать займы; инвесторы самой демократической страны в мире поддерживали у власти десяток диктаторов при помощи своих капиталов; производители давали урожаю погибать в поле, тогда как потребители недоедали.

Кризис послужил для Америки хорошим уроком. Президент Рузвельт, как мы увидим в дальнейшем, принял меры к тому, чтобы воспрепятствовать в будущем частным банкирам предоставлять займы иностранным правительствам. Южноамериканские республики, с другой стороны, поняли, что в столь неустойчивом мире процветание страны не может не быть шатким, если оно базируется на экспорте только одного какого-нибудь товара.

XXVI. КАНАДА

По своей экономике Канада имеет много общего с Аргентиной. Обе страны имеют обширную территорию и редкое население (Канада—10 миллионов, Аргентина—11 миллионов). Каждая из этих стран имеет обширные природные богатства, которые находятся в неразвитом состоянии, и одну отрасль хозяйства настолько развитую, что все народное хозяйство зависит от экспорта продукции этой отрасли (в Канаде—пшеница, а в Аргентине—мясо). Основной экономической проблемой обеих стран является развитие других отраслей хозяйства, с тем чтобы не зависеть от иностранного спроса на один товар и развить собственную промышленность. Аргентина, однако, не осознала этой задачи и неслась вперед, увлекаемая бумом; она обанкротилась, когда бум закончился. Канада следовала более осторожной политике. В Квебеке и Онтарио стала развиваться промышленность, которая была защищена от иностранной конкуренции все растущими покровительственными пошлинами. Эти отрасли промышленности не принадлежали полностью Канаде: значительная часть угля импортировалась из Соединенных штатов, так как пенсильванские копи были ближе к промышленным центрам, чем копи в Новой Шотландии, и многие промышленные предприятия представляли собой просто отделения американских фирм. Тем не менее, Канада постепенно становилась индустриальной страной.

Покровительственная тамсженная политика в отношении промышленности, естественно, вызывала недовольство фермеров. Во время войны фермеры увеличили посевы под пшеницей более чем на 50 процентов и не хотели сократить их, чтобы привести в соответствие с послевоенными условиями. Они были крайне недовольны

банкирами и промышленниками, которые имели такое большое влияние в Оттаве. Всем было известно, что парламентский комитет ассоциации промышленников и ассоциации банкиров имеет сильнейшее влияние на федеральное правительство. Фермеры сумели объединиться. Они создали политическую партию и в 1919 г. образовали собственное правительство в провинции Онтарио. В 1921 г. эта партия получила 65 мест в федеральном парламенте. Она приняла название национальной прогрессивной партии и стояла за снижение таможенных тарифов и усиление правительственной помощи фермерам. На выборах 1925 г. эта партия получила только 25 мест, но была все еще настолько сильна, что от ее поддержки зависели либеральная и консервативная партии. Только в 1930 г., во время мирового кризиса, консервативное правительство Беннета получило явное большинство в парламенте.

В 1923 г., когда цены на пшеницу были вдвое ниже, чем в 1919 г., фермеры Альберты создали пшеничный «пул»¹. В следующем году их примеру последовали фермеры Манитобы и Саскачевана и создали единую организацию по сбыту пшеницы, к которой примкнуло 140 тысяч фермеров. Благодаря пшеничному «пулу» фермеры были в состоянии получить по дешевой цене капитал и нужное им оборудование, а также выручить более высокую цену за свою пшеницу.

Кризис в Канаде. В 20-х годах нашего века Канада пережила период экономического процветания. В 1928 г. при открытии парламента генерал-губернатор заявил: «Никогда еще в своей истории Канада не переживала такого расцвета промышленности и торговли, как за последние 12 месяцев». Несмотря на это, Канада не избежала кризиса. «Крах на канадской бирже 29 октября—13 ноября 1929 г. был самым крупным крахом в истории Канады. убытки, понесенные инвесторами, определялись в 5 миллиардов долларов, так как акции, которые они предпочитали во время спекулятивного бума верному помещению капиталов, сохранили только незначительную ценность. Кризис почти тотчас же отразился на положении железных дорог, и в 1930 г. грузооборот на железных дорогах Канады был самым низким с 1921 г., а пассажирское движение упало до уровня 1909 г. Дефициты канадской национальной железной дороги увеличивались со стремительной быстротой, и даже Канадско-тихоокеанская железная дорога должна была прекратить выплату дивидендов. Биржевая стоимость 161 акции, котирующейся на канадской бирже, снизилась в 1931 г. на 1 173 миллиона долларов, а в следующем году биржевая стоимость 50 акций упала примерно на 5½ миллиардов долларов. Налоговые поступления резко снизились, и федеральный и местный бюджеты показали крупные дефициты. Появилась безработица, и это требовало от правительства дополнительных расходов на пособия безработным и оказание помощи бедным. Положение сельскохозяйственного запада стало настолько тяжелым, что там началось сильное политическое брожение. Падение цен на пшеничном рынке разорило тысячи фермеров, и федеральное правитель-

¹ Пул—особый вид картели, при котором прибыль всех участников поступает в общий фонд и затем, по заранее установленной пропорции, распределяется между ними.—Прим. ред.

ство было вынуждено оказать финансовую помощь не только населению, но и правительствам отдельных провинций, чтобы предотвратить их банкротство, что нанесло бы тяжелый удар всей финансовой системе Канады. Внешняя торговля Канады, в частности торговля с Соединенными штатами, в 1930 и 1931 гг. резко упала, несмотря на героические попытки найти новые рынки сбыта. Волнения среди безработных в Торонто и других местах, нападение на премьер-министра и на здание правительства в Ньюфаундленде в начале 1932 г. были ярким примером политического недомогания, которое охватило жизненные центры политической системы»¹.

Экономическое проникновение Соединенных штатов. Зависимость Канады от Соединенных штатов наиболее отчетливо характеризуется цифрами. Обе страны были друг для друга самыми лучшими клиентами. Импорт Канады из Соединенных штатов увеличился с 396 миллионов долларов в 1914 г. до 847 миллионов в 1930 г., тогда как импорт из Англии составлял соответственно 132 миллиона долларов и 189 миллионов. Экспорт Канады в Соединенные штаты показал относительно еще больший рост: в 1914 г. он составлял 163 миллиона, а в 1930 г. 515 миллионов долларов, тогда как экспорт в Англию составлял в 1914 г. 215 миллионов, а в 1930 г. 282 миллиона долларов. Канада быстро превращалась в экономический придаток к Соединенным штатам. «В начале 1931 г. американские инвестиции в Канаде были приблизительно на 30 процентов больше, чем все американские инвестиции в Англии, Германии, Франции и Италии. В Канаде было инвестировано значительно больше американского капитала, чем во всей Южной Америке, и американские инвесторы купили столько же займов, выпущенных и гарантированных федеральным и провинциальным правительствами и муниципалитетами Канады, сколько американских займов, выпущенных правительствами штатов»².

Несмотря на экономическое проникновение, не было и речи о политической аннексии. Однажды в 1807 г., по инициативе Канады, возник вопрос об объединении Соединенных штатов с Канадой, но в настоящее время в Канаде имеется сильное национальное течение, а Соединенные штаты не могли бы получить никакой выгоды от аннексии. Ведь политическое влияние требуется для защиты инвестиций только тогда, когда правительство страны-должника является неустойчивым, а в Канаде имелось устойчивое правительство, которое отдавало себе ясный отчет в тех выгодах, которые представляет собой для Канады связь с Соединенными штатами. Действительно, для американцев было выгодно, что Канада остается частью Британской империи, так как при этих условиях они могли, организуя отделения своих промышленных предприятий в Канаде, проникнуть за английские таможенные барьеры и воспользоваться всеми выгодами системы имперского предпочтения.

Взаимоотношения с Англией. Являясь экономическим придатком к Соединенным штатам, Канада в то же время является английским доминионом. В послевоенные годы взаимоотношения между

¹ Carl Wittke, A. History of Canada, New York 1933.

² W. O. Scroggs, Foreign Affairs, July, 1933.

отдельными частями Британской империи подверглись серьезным изменениям. Канаде была дана независимость как в области внутренней, так и в области внешней политики. Канада стремилась получить эти права еще до войны. Большие жертвы людьми и деньгами, которые она принесла во время войны 1914—1918 гг., дали ей право подписать мирные договоры в качестве самостоятельной страны и получить особое место в Лиге наций. В 1920 г. за ней было признано право иметь собственные миссии в столицах иностранных государств, но первый канадский посланник вручил свои верительные грамоты в Вашингтоне только в 1927 г., причем формально он являлся представителем английского короля, защищающим «интересы нашего канадского доминиона». Такое же противоречие возникло в 1923 г., когда Англия заключила договор о рыболовстве с Соединенными штатами и канадский представитель отказался подписать его от имени Британской империи. Этот юридический вопрос получил разрешение на имперской конференции 1926 г. в Вестминстерском статуте, который определяет, хотя и довольно туманно, юридическое положение самоуправляющихся доминионов Британской империи.

Связь с Соединенными штатами представляла для Канады большую выгоду, чем связь с Англией. Однако в 1928 г. рекордный урожай затруднил получение фермерами выгодных цен за пшеницу; в следующем году цены упали еще больше, а крах на нью-йоркской бирже приостановил американские инвестиции и сократил американскую покупательную способность. В 1930 г. Соединенные штаты сделали попытку защитить свою промышленность от иностранной конкуренции, и это нанесло Канаде большой ущерб: таможенный тариф Хоули-Смут препятствует ввозу в Соединенные штаты 275 канадских товаров. Наступило время для Канады позаботиться о своих связях с Англией.

Канадский премьер-министр Беннет предложил на имперской конференции, состоявшейся в Лондоне в 1930 г., чтобы каждый доминион поднял свои таможенные пошлины на иностранные товары и сохранил прежние пошлины для товаров, ввозимых из отдельных частей Британской империи. Этот проект не совпадал с английской идеей имперского предпочтения, и министр по делам колоний отверг предложение Беннета как «вздор». Дальнейшее обсуждение было отложено до имперской экономической конференции, которая собралась в июле 1932 г. в Оттаве. В этот момент Канада наиболее остро чувствовала на себе удары кризиса. В Англии рассчитывали, что Канада согласится с проектом общего снижения таможенного тарифа в пределах Британской империи, но Беннет отдавал себе отчет, что канадское сельское хозяйство не может ничего выиграть, а канадская промышленность может потерять очень многое от имперской свободной торговли. Соглашение, заключенное в Оттаве между Англией и доминионами, не предусматривало никакого снижения таможенных пошлин. Вместо этого были повышены пошлины на иностранные товары, что давало известные преимущества товарам имперского происхождения. Оттавская конференция показала, что даже во время кризиса Британская империя не может сплотиться в единое экономическое целое.

Можно было ожидать, что Соединенные штаты сделают попытку установить более тесную экономическую связь с Канадой. Действительно, правительство Рузвельта согласилось подписать договор относительно строительства на реке Лаврентия, договор, который имел много сторонников по обе стороны границы. Проект заключался в том, чтобы построить совместно канал, который соединит Великие озера с глубоководной рекой Лаврентия. Уже имелся канадский канал, но он был проходим только для малых судов. Канада располагала возможностью построить большой канал для морских судов за собственный счет, но участие Америки было очень желательно. 10 января 1934 г. президент Рузвельт предложил сенату ратифицировать договор, указывая, что этот канал откроет прямой путь для экспорта зерна из Соединенных штатов в Европу по реке Лаврентия и, таким образом, не придется везти зерно через Техас или по Миссисипи.

В своем обращении к сенату Рузвельт указал также, что канал даст возможность электрифицировать северо-восточные штаты США. Договор был в принципе превосходен, но на практике он противоречил интересам определенных капиталистических групп Соединенных штатов, и сенат отверг его.

Мировой кризис захватил Канаду в тот момент, когда она проходила через трудную стадию своего развития. За пределами Канады существовало мнение, что она должна стать гигантской житницей и поставщиком лесоматериалов. Канада сама стремилась к экономической независимости, желая потреблять собственное сырье и производить собственные промышленные изделия. В послевоенные годы она приближалась к этой цели, постепенно заставляя фермеров переходить от производства одной только пшеницы к смешанной системе сельского хозяйства и постепенно усиливая покровительство своей промышленности. Эта цель была явно недостижима, пока ее население оставалось малочисленным, например, ее железнодорожная сеть была в состоянии обслуживать втрое большее население. Сидя между двумя стульями, Канада испытала на себе всю тяжесть экономического кризиса. Пшеница гнила на корню; железные дороги и пароходные линии страдали от недостатка грузов; промышленность была загружена наполовину, так как покупательная способность населения уменьшилась. Несмотря на то что ее природные богатства и та роль, которую она играла между Англией и Америкой—двумя богатейшими странами мира, как будто сулили Канаде безграничное процветание в будущем, она остановилась на полпути между экономическим младенчеством и зрелостью, и ее рост приостановился на неопределенное время.

Бедствия Ньюфаундленда. Ньюфаундленд является островом, который занимает площадь несколько большую, чем Ирландия. Население Ньюфаундленда составляет немногим более 250 тысяч человек и состоит в большей части из бедных рыбаков, живущих в разбросанных деревушках. Борьба за существование здесь очень тяжелая: во время трехмесячного рыболовного сезона рыбаки должны заработать столько, чтобы просуществовать со своими семьями всю остальную часть года. Во время мировой войны спрос на рыбу

внезапно увеличился, и рыбная промышленность стала давать большие прибыли. Эти прибыли получали не рыбаки, а торговцы, так как по существующей в Ньюфаундленде системе торговцы назначают цены не только на рыбу, но и на инвентарь, одежду и продовольствие, которые рыбаки могут купить только у них. Политики, управлявшие островом, выходили из среды этих торговцев. У них была почти неограниченная власть; Ньюфаундленд был самым старым английским доминионом и пользовался почти такой же независимостью, как Канада. Военные прибыли преисполнили их безграничным оптимизмом. Остров превратился в промышленный центр: разве одна или две бумажные фабрики не были только что пущены в ход газетными трестами? Остров превратился в центр туризма: разве его пейзажи, ловля форелей и лососей имеют что-либо равное себе в другом месте? В своем стремлении построить шоссе и железные дороги для привлечения туристов правительство совершенно забыло об интересах рыбной промышленности и ввергло Ньюфаундленд в крупные долги. В течение 12 лет—с 1918 по 1930 г.—долг Ньюфаундленда увеличился почти втрое и достиг фантастической цифры — 400 долларов на душу населения, состоящего из бедных рыбаков. Достаточно было малейшего толчка в виде снижения и без того небольшого числа туристов, падения цен на древесину или на рыбу, чтобы ввергнуть остров в состояние банкротства, из которого он не имеет шансов выйти в течение нескольких поколений.

В 1933 г. была назначена королевская комиссия «для исследования будущего Ньюфаундленда и в частности для доклада о финансовом положении и его перспективах». Доклад комиссии представляет собой своеобразный документ, в котором сами англичане чистосердечно проклинают капиталистический режим английского доминиона. «Показания, полученные нами отовсюду и от видных людей различных профессий,—пишут члены комиссии,—не оставляют никаких сомнений, что в течение целого ряда лет там непрерывно происходили хищения, злоупотребления и подкупы, вредные последствия которых почувствовали почти все слои населения». В конечном итоге Ньюфаундленд отказался от своих прав самоуправления, и управление островом перешло в руки комиссии, назначаемой Англией.

Приведенные выше замечания комиссии применимы ко всем странам американского континента. Почти во всех странах «непрерывно происходили хищения, злоупотребления и подкупы», которые продолжались в течение 1930—1934 гг. Только в Соединенных штатах была сделана попытка приостановить этот процесс. Мы приступим теперь к описанию этой попытки.

XXVII. НОВАЯ ЭРА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Критики утверждают, что демократия—самая скучная форма правления: она, быть может, обеспечивает насущный хлеб, но не удовлетворяет потребности в зрелищах. В этом отношении президентские выборы в Соединенных штатах представляют собой исключение—это величайшее политическое зрелище в мире. Предвыборное

оживление 1932 г. было сильнее, чем обычно: экономический кризис грозил сокрушить всю социальную структуру. Наступило время для организованной борьбы с кризисом, и вопрос заключался в том, какая партия возьмет на себя эту задачу.

Президентские выборы 1932 г. Республиканцы выдвинули для переизбрания кандидатуру Гувера. Он славился как организатор—ведь он спас Бельгию от голода после войны. Демократы затруднились в выборе кандидата. Правда, имелся кандидат в лице Смита, губернатора города Нью-Йорка, который был одним из наиболее искусных политиков Соединенных штатов. Но Смит был ирландцем и католиком, и демократы южных штатов ему не доверяли. Они выдвинули своего собственного кандидата в лице Ричи, губернатора Мэриленда, человека старой школы. Третья группа демократов поддерживала Мак-Аду, который был зятем президента Вильсона. Голоса в партии разделились, и, как обычно в таких случаях, ни одна из наиболее популярных фигур не стала официальным кандидатом демократической партии. Была выдвинута кандидатура Франклина Рузвельта, губернатора штата Нью-Йорк.

Вначале казалось, что у него нет никаких шансов быть избранным в президенты. Он носил хорошее имя, быть может, самое лучшее в Америке: его тезка—Франклин—защищал свободу, его фамилия—Рузвельт—прославилась, так как память о Теодоре Рузвельте еще не стерлась, и вокруг этой фамилии объединялись американцы всех партий. У него была хорошая репутация—он блестяще прошел курс в Гарвардском и Колумбийском университетах, успешно справлялся с обязанностями товарища морского министра, когда занимал эту должность, и создал себе прекрасную репутацию на посту губернатора. Но он был мало известен. Как писал Вальтер Липман, «это приятный джентльмен, не имеющий, однако, особых данных для того, чтобы быть президентом». Казалось, что у него было мало шансов нанести поражение Гуверу. Но летом 1932 г. Гувер начал терять почву под ногами. Повышение цен приостановилось, и они начали опять падать, поставив Гувера с его болтовней о возврате процветания в смешное положение. Безработные, ветераны войны организовали поход на Вашингтон и расположились там лагерем, отказываясь двинуться с места, пока их требования не будут выполнены. Гувер рассеял их насильно при помощи полиции, утверждая, что это бывшие преступники. Этим способом он не мог завоевать себе голосов. В сентябре в штате Мэн был избран новый губернатор. Этот штат считался оплотом республиканцев, но на этот раз был избран демократ.

Осенью Рузвельт начал вести широкую предвыборную кампанию. Он развезжал в поездке вместе со своими сотрудниками и членами семьи и выступил в 41 из 48 штатов. Его тактика была очень простой: в каждом городе он восхвалял местного лидера, будь то демократ, прогрессист или радикал, превозносил его личные качества и выражал свое величайшее восхищение перед ним. Этот тонкий прием произвел свое действие. Республиканский запад был очарован Рузвельтом. На выборах в ноябре Рузвельт был избран президентом. Он получил 25½ миллионов голосов, а Гувер 16 миллионов. Это большинство было рекордным.

Америка хотела, чтобы новый президент немедленно вступил в исполнение своих обязанностей. Он обещал действовать. Пусть он действует. Стране нужны были решительные действия: 15 миллионов человек были безработными, около 35 миллионов человек зависели от благотворительности, цены на товары дошли до самой низкой точки, фермеры были разорены и готовы начать восстание, в Айове фермеры были вооружены и угрожали убить всех сборщиков податей, судей или присяжных заседателей, если они явятся взыскивать долги или продавать с торгов их имущество. Пусть Рузвельт действует. Однако конституция мешала этому. Согласно конституции, старый президент должен оставаться у власти вместе со старым конгрессом еще четыре месяца. Рузвельт и Америка должны ждать до марта. Рузвельт не был огорчен—ему требовалось время, чтобы выработать свои планы, а кроме того, необходимо было принять срочные неприятные решения, и он предпочитал, чтобы ответственность за них ложилась на Гувера. В декабре наступал срок платежей по «союзным долгам», и всякий знал, что союзники не будут платить. Их отказ вызовет возмущение в Америке. Пусть Гувер несет за это ответственность.

Паника. Во время междуцарствия с ноября 1932 г. по март 1933 г. положение в стране все ухудшалось. Гигантская хозяйственная машина останавливалась. Гувер израсходовал сотни миллионов на скупку займов муниципалитетов, штатов и федерального правительства, около 500 миллионов на то, чтобы поднять сельскохозяйственные цены через посредство федерального фермерского бюро,—тем не менее, курсы ценных бумаг и цены на сельскохозяйственные продукты не повышались и безработица увеличивалась. Американская публика, видя, что бюджет дефицитен, и опасаясь обесценения доллара, начала изымать свои вклады из банков.

Произошла паника. Она началась в феврале в Мичигане. Мичиганское правительство объявило банковский мораторий, чтобы спасти банки Детройта, но предприниматели в Детройте нуждались в наличных деньгах для выплаты заработной платы и начали изымать свои вклады из банков в соседних городах—в Кливленде и Чикаго. В связи с этим оказалось необходимым провозгласить банковский мораторий и в этих городах. С этого момента паралич начал распространяться на всю страну, и через 19 дней вся банковская система страны перестала действовать.

Чрезвычайные мероприятия—первые сто дней Рузвельта. Как раз в этот момент Франклин Рузвельт вступил в исполнение своих обязанностей. Миллионам американцев, которые слушали его вступительную речь в субботу 4 марта, грозила опасность потерять все свои сбережения; путешественники не могли двигаться дальше и домашние хозяйки не могли купить провизии на завтра из-за отсутствия наличных денег. Вся страна начала понимать, как никогда ранее, что Америка должна собраться с силами и сделать все, чтобы выйти из этого тяжелого положения. Рузвельт начал с того, что объявил все банки закрытыми на четыре дня, продлив этот срок впоследствии до семи дней. Этим самым весь вопрос перешел из рук отдельных штатов в руки президента и федерального прави-

тельства, которые должны были найти выход из положения. Затем он созвал конгресс на специальную сессию. В течение следующих ста дней события шли более быстрым темпом, чем когда-либо в истории Соединенных штатов.

Президент немедленно предложил и провел два законодательных акта, которые получили поддержку всей страны. Первый закон предусматривал экономию в 500 миллионов долларов по государственным расходам за счет снижения пенсий ветеранам. Эти пенсии были яблоком раздора в конгрессе—в Вашингтоне их поддерживала чрезвычайно сильная группа, хотя одно время эти расходы составляли около четверти бюджета. Гувер расположил к себе ветеранов, предоставив им «бонус», который обошелся примерно в 1 миллиард долларов. Рузвельт повел противоположную политику, и страна приветствовала эту меру экономии. Никто не вспоминал о том, что это является нарушением данных обещаний, так как все считали, что это является залогом сбалансирования бюджета, а в это время сбалансирование бюджета считалось равнозначным окончанию кризиса. Согласно второму закону, допускалось производство пива, содержащего до 3,2 процента алкоголя. Как это ни странно, но это имело большое положительное значение. Та часть населения, для которой банковский мораторий и экономика были пустым звуком, громко приветствовала Рузвельта за это мероприятие.

В воскресенье вечером, спустя неделю после своего прихода к власти, Рузвельт обратился по радио к американскому населению. Он заявил, что завтра намерен открыть некоторые банки. Он спросил своих слушателей, что они намерены делать. Если они воспользуются открытием банков для того, чтобы изъять остаток своих вкладов, то это приведет к общему банкротству. Если же они, наоборот, воспользуются этим для того, чтобы положить деньги на свой текущий счет, то это даст возможность восстановить нормальный ход хозяйственной жизни в стране. Совершенно спокойно и искренне он предложил им положить деньги в банк. Он заявил, что это будет более верным делом, чем припрятывание денег в кубышках.

Рузвельт принимал на себя большой риск, но он выиграл. Когда банки открылись вновь, у их дверей образовались очереди людей, стремившихся положить деньги в банк. В течение десяти первых дней своего президентства он ликвидировал панику. Нужда оставалась, нужда чувствовалась в каждом штате и во всех классах населения, но американцы стали глядеть с доверием на Вашингтон.

Перед правительством стояли четыре больших вопроса. Первым вопросом была безработица: в стране имелось 15 миллионов безработных, не существовало никакой системы оказания помощи, частные ее источники были уже исчерпаны. Второй проблемой была проблема сельского хозяйства. 30 миллионов фермеров были обременены ипотеками, которые они никогда не смогут оплатить, а сельскохозяйственные цены стояли настолько низко, что не покрывали издержек. Третья проблема относилась к промышленности, которая находилась в тяжелом положении из-за упадка международной торговли и падения покупательной способности миллионов фермеров и безработных. И, наконец, необходимо было реорганизовать пол-

ностью весь финансовый механизм, банки и биржи, которые рухнули в марте 1933 г.

Рузвельт взялся за дело с такой энергией, что увлек за собой всю страну. Его метод заключался в том, чтобы забрасывать конгресс законопроектами, уполномочивающими президента расходовать крупные суммы на безработицу, сельское хозяйство, промышленность и реорганизацию финансов и дать ему возможность по своему усмотрению определить детальный порядок расходования этих денег. В целях борьбы с безработицей по закону о чрезвычайной помощи было ассигновано 500 миллионов долларов. Безработицу нельзя было ликвидировать сразу, но президент показал один пример. В Вашингтоне появилась новая группа безработных, состоявшая на этот раз из молодых людей, не имеющих возможности найти работу. Вместо того чтобы послать против них полицию, президент сам отправился к ним и говорил с их руководителем. Чего они хотели? Они хотели работы. «Хорошо,—сказал Рузвельт,—вот работа для вас: американские леса истребляются хищнической вырубкой, пожарами и находятся в запущенном состоянии. Если вы хотите пойти на лесные работы, то для каждого из вас найдется продовольствие, жилье и один доллар в день». Он сдержал свое обещание: к 6 апреля 250 тысяч человек согласились на это предложение, и к 1 июля все они находились на работе.

Для того чтобы помочь сельскому хозяйству, Рузвельт выдвинул, а конгресс принял закон о регулировании сельского хозяйства, так называемый ААА. По этому закону было ассигновано 2 миллиарда долларов, чтобы спасти заложённые фермы. Часть этих денег должна была быть израсходована для того, чтобы побудить владельцев ипотек пролонгировать и облегчить условия платежей по ипотекам. Этим законом правительство уполномочивалось также субсидировать фермеров, чтобы побудить их сократить свои посевы зерна и хлопка и разведение свиней и скота. Эта реформа была парадоксальной—фермерам платили за то, чтобы они работали меньше, чтобы они уничтожали свои посевы, но ничто не казалось абсурдным, что могло бы привести к повышению сельскохозяйственных цен. Субсидии должны были уплачиваться за счет поступлений от налога на обработку сельскохозяйственных продуктов, который уплачивался теми, кто перерабатывал сырье. Тем самым потребители должны были платить более высокую цену за основные предметы потребления, чтобы облегчить положение сельскохозяйственного населения.

Для разрешения промышленной проблемы требовалась более детальная программа. Основная причина тяжелого положения промышленности заключалась в жестокой конкуренции, которая вела к продаже товаров в убыток, к снижению заработной платы, к банкротствам и безработице. Рузвельт предложил руководителям промышленности высказать свое мнение. Они предложили план «промышленного самоуправления», согласно которому важнейшие отрасли промышленности должны были быть организованы в монополии. Это привело бы к прекращению конкуренции, но Рузвельт понял, что это не приведет к повышению покупательной способности насе-

ления, от чего в конечном итоге зависел возврат к процветанию. Он созвал поэтому представителей организаций труда, чтобы выслушать их мнение, и назначил комиссию, в состав которой вошли представители Американской федерации труда, Союза железнодорожников и Объединенного союза швейников. Это было новшеством для Америки, где рабочие организации являлись предметом презрения и насмешек. Союзы предложили провести сокращение рабочего дня, упразднение детского труда и установление минимума заработной платы. На основе этих предложений предпринимателей и рабочих был выработан проект, который принял форму закона о национальном промышленном восстановлении (НИРА). По этому закону предприниматели всех отраслей промышленности должны были выработать кодексы, предусматривающие минимум заработной платы, максимальную продолжительность рабочей недели и упразднение детского труда. Эти кодексы должны были быть рассмотрены в Вашингтоне при участии представителей рабочих и потребительских организаций. Президент утверждал кодексы, внося в них те изменения, которые он считал нужным. После утверждения президентом кодексы приобретали силу закона. Предполагалось, что НИРА поможет предпринимателям путем устранения недобросовестной конкуренции, а рабочим тем, что будет уменьшен рабочий день и повышена заработная плата. Кроме того, это должно привести к повышению покупательной способности всего населения.

Финансы и валюта. В Соединенных штатах имелось 18 тысяч банков. Среди них имелись национальные банки, которые примыкали к федеральной резервной системе, но большинство составляли мелкие банки, действующие на основе 48 разных банковских законов, существовавших в 48 штатах. Эти 18 тысяч банков закрылись в марте 1933 г. Для того чтобы дать возможность наиболее здоровым из них возобновить свои операции, Рузвельт был вынужден освободить их от обязанности выдавать или экспортировать золото, иначе как по особому разрешению правительства. Это ограничение предотвратило новый натиск на банки со стороны вкладчиков и спасло 90 процентов всех вкладов населения. Рузвельт мог бы провозвести реформу всей банковской системы, но это потребовало бы слишком много времени. Вместо этого он подремонтировал старую систему, издав банковский закон, которым вводилось страхование депозитов.

Затем вставал вопрос об инвестициях. Многие банки создали инвестиционные компании, которые были просто их отделениями и занимались помещением банковских средств в ценные бумаги, представлявшие наибольшую выгоду в данный момент. Рузвельт стал на само собой понятную (по крайней мере, для англичан) точку зрения, что компании, занимающиеся инвестициями, должны быть отделены от банков. Далее, он утвердил закон о ценных бумагах, обязывающий учредителей акционерных компаний давать точную информацию об акциях и облигациях, выпускаемых ими. Это мероприятие ограничивало возможность спекулятивных эмиссий, но оно было настолько решительным, что подрывало почти всякую возможность инвестиций вообще и замедлило тем самым темпы вос-

становления. Публика не хотела видеть слабых сторон в реформах Рузвельта. Во всякой мелодраме имеется герой и злодей. В мелодраме, которая разыгрывалась в течение первых ста дней президентства Рузвельта, героем, был, разумеется, сам президент, а роль злодеев играли банкиры. Рузвельт устроил для широкой публики прекрасное бесплатное развлечение—публичную травлю финансистов, сыгравших своей спекуляцией на повышение такую роковую роль для фондовой биржи. Он предоставил возможность сенатской комиссии по делам банков и денежного обращения расследовать операции некоронованного короля американских финансистов, самого таинственного Моргана. Страна узнала, что Морган в течение последних десяти лет не платил подоходного налога и нажил себе целое новое состояние во время кризиса, что он контролировал обширную сеть электрокомпаний, и у него имелся список близких людей (к числу их относились некоторые члены кабинета Рузвельта), которым он продавал ценные бумаги на особых условиях. Морган указывает, что закон на его стороне: с обесценившихся капиталов подоходный налог не уплачивается, разумное помещение капиталов даже во время кризиса не является преступлением, а предоставлять близким людям акции на выбор—общепринятое дело. Расследование операций Нэйшннал Сити банк дало такой же результат: председатель банка Чарльз Э. Митчелл получил за три года в виде тантьем $3\frac{1}{2}$ миллиона долларов и в 1929 г. не уплатил подоходного налога, ухитрившись не нарушить при этом закона. Страна получила спасительный урок—виноваты не Морган и Митчелл, а законы и практика американской финансовой системы.

Наконец, имелась еще валютная проблема. Что делать с долларом? Роль злодея в этой мелодраме играли уже не банкиры, а Англия. В 1931 г. Англия отказалась от золотого стандарта, другими словами, она заявила, что не будет более платить по 20 шиллингов за каждый золотой фунт стерлингов, который она должна. Вместо этого она стала платить около 15 шиллингов, и американские экспортеры теряли по 5 шиллингов на каждом фунте стерлингов, который им уплачивали английские покупатели. Другие страны последовали примеру Англии, и валюты этих стран стояли ниже прежнего паритета, благодаря чему они могли продавать свои товары на мировом рынке дешевле, чем Соединенные штаты. Рузвельт, разумеется, был твердо намерен прекратить английские маневры. У него было два пути; он мог договориться с Англией о стабилизации фунта стерлингов и мог оторвать доллар от золотого стандарта, чтобы попытаться побить Англию ее же оружием.

Никто не знал, на какой путь вступит Рузвельт. Среди его советников имелись люди, принадлежавшие к обоим лагерям: сторонники «здоровой валюты», которые стремились создать международную валюту, и реформаторы, вроде профессора Уоррена из Корнельского университета и сенатора Томаса из Оклахомы, которые являлись сторонниками «регулируемого» доллара. Президент последовал советам и тех и других и получил полномочия, позволявшие ему идти по тому пути, который в будущем окажется наиболее подходящим. Он принял в Вашингтоне европейских премьер-министров

и послов и дал понять, что Америка постарается добиться соглашения по международным валютным вопросам на мировой экономической конференции, которая должна была открыться в Лондоне 17 июня 1933 г. под эгидой Лиги наций. Тем временем он развязал себе руки, отменив в Соединенных штатах золотой стандарт. Он провел эту меру в апреле самым простым способом, запретив выдачу новых разрешений на экспорт золота. 18 мая он утвердил поправку Томаса к закону о помощи сельскому хозяйству, которая давала ему право снизить на 50 процентов золотое содержание доллара. Сенатор Томас скромно характеризовал свою поправку как «наиболее важное предложение, когда-либо представленное американскому конгрессу. Это самое важное предложение, которое когда-либо представлялось парламенту любой страны в мире». Этим он хотел сказать, что, в силу поправки, американский президент сможет, если того пожелает, повысить цены путем снижения стоимости доллара и конфисковать частично сбережения одной части населения с тем, чтобы облегчить долговое бремя и бедственное положение другой части населения.

Рузвельт имел теперь полную возможность заняться валютной проблемой. Он получил самые широкие полномочия и не дал никаких обещаний. Он всеми мерами добивался закрытия сессии конгресса не позже середины июня, чтобы иметь свободу действий во время мировой конференции. Наконец, через 105 дней после своего вступления в исполнение обязанностей президента он подписал последние принятые конгрессом законы и покинул Вашингтон, отправившись в морское путешествие вдоль берегов Новой Англии.

Тем временем в Лондоне открылась мировая экономическая конференция. О международном значении этой злополучной конференции речь будет ниже, сейчас мы остановимся только на позиции Америки. С американского берега Атлантического океана могло показаться, что конференция открылась во время бури: барометр международной торговли стоял низко, так как манипуляции таможенными тарифами вызывали глубокую депрессию, а компасная стрелка валютных курсов подвергалась лихорадочным колебаниям, как только магнетический металл (золото) перемещался из страны в страну под влиянием валютных манипуляций. Неожиданно Рузвельт решил, что нельзя пытаться чинить судно во время бури. Он протелеграфировал в Лондон, что каждая страна должна сама заниматься своими делами. Это выступление привело к роспуску мировой конференции. Американская делегация в полном изумлении вернулась в Вашингтон, чтобы получить объяснения. Она увидела, что американцы совершенно забыли о конференции и говорят только о «кодексах».

НРА в действии. В начале июля президент вернулся в Вашингтон, чтобы взяться за свою самую трудную задачу. Вся работа, проделанная до этого времени, не носила в основном конструктивного характера. Была оказана помощь банкам для восстановления их платежеспособности, фермеры были спасены от угрозы продажи с торгов их домов за неплатеж по ипотечным долгам, несколько сот тысяч безработных были направлены в лесные лагеря. Оставалось провести в жизнь конструктивные мероприятия, которые

были предусмотрены законами о регулировании сельского хозяйства и о восстановлении промышленности. Вопрос заключался в том, смогут ли эти два закона восстановить покупательную способность населения и дать работу миллионам безработных до наступления зимы. Рузвельт вскоре заметил, что при тогдашних темпах это было невозможно. Промышленность медлила с представлением кодексов. Требовалась громадная работа, и ее можно было ускорить только в известных пределах. К середине июля был готов только один кодекс хлопчатобумажной промышленности. Этот кодекс содержал большие реформы: упразднение детского труда, установление минимума заработной платы в 12—13 долларов в неделю. Однако четверть всех предприятий хлопчатобумажной промышленности не присоединилась к этому кодексу, а в других отраслях промышленности предприниматели выжимали из рабочих последние соки, чтобы создать большие товарные запасы до того, как в результате введения кодексов повысятся издержки производства. Рузвельт обратился 24 июля к населению с речью по радио. Он призывал к сотрудничеству и предложил промышленности и всем предпринимателям впредь до выработки детальных кодексов для отдельных отраслей ввести в действие типовой кодекс, фиксирующий заработную плату и рабочее время. Закон о восстановлении промышленности (НИРА) должен был получить распространение на все отрасли хозяйства и фактически превратиться в закон о восстановлении хозяйства (НРА), и всякий предприниматель, подлежащий типовой кодексу, получал право пользоваться эмблемой с изображением синего орла и девизом «Мы выполняем наш долг».

Некоторые места из этой речи Рузвельта следует процитировать, ибо из этой речи ясно, что все новое в деятельности президента сводилось к попытке создать в стране настроение в пользу взаимного сотрудничества. Это являлось таким новшеством для населения, привыкшего и ожесточенной конкуренции 20-х годов нашего столетия, что журналистам можно простить, если они называют это революцией.

«Прошлой осенью, — заявил Рузвельт своим спокойным голосом, — я неоднократно выражал уверенность, что при помощи демократической самодисциплины, общего повышения заработной платы и сокращения рабочего времени мы сможем дать промышленности возможность платить своим рабочим столько, сколько им нужно, чтобы покупать и пользоваться продуктами своего труда. Этого мы сможем добиться лишь в том случае, если мы позволим установить взаимное сотрудничество в промышленности и сами будем этому содействовать, ибо совершенно очевидно, что при отсутствии единства действий несколько эгоистических людей в каждой отрасли будут платить голодную заработную плату и настаивать на длинном рабочем дне. Другие предприниматели в той же отрасли должны будут или последовать их примеру, или закрыть свои предприятия. Мы знаем, к каким результатам приводят подобные действия по опыту последних четырех лет, когда мы беспрерывно опускались в экономический ад.

Существует простой способ повернуть этот процесс в обратную

сторону: если все предприниматели, принадлежащие к одной и той же группе конкурентов, согласятся платить своим рабочим одинаковую заработную плату—справедливую заработную плату—и установят справедливый рабочий день, тогда повышение заработной платы и сокращение рабочего дня не нанесут ущерба ни одному предпринимателю. Более того, подобные меры выгоднее для предпринимателей, чем безработица и низкая заработная плата, так как это увеличивает количество покупателей. Эта простая идея составляет самое существо закона о восстановлении хозяйства.

Предложение просто сводится к следующему: если все предприниматели будут действовать совместно, чтобы сократить рабочий день и повысить заработную плату, то мы сможем вновь найти работу для безработных. Ни один предприниматель не пострадает, так как относительный уровень издержек производства у всех конкурентов подымется одинаково. Но если какая-нибудь значительная группа отстанет или уклонится от этого, мы упустим эту великую возможность, и нас ждет тогда новая ужасная зима. Это не должно случиться».

Последующие события показали, что Рузвельт требовал слишком много. Несмотря на то что в течение одного-двух месяцев раздавалось шумное одобрение по адресу НРА и всего того, что было с этим связано; несмотря на то что почти все торговые и промышленные предприятия присвоили себе эмблему синего орла, промышленники медлили с кодексами. Некоторые из них, вроде Форда, отказались участвовать в каком-либо соглашении о заработной плате, другие подписывали кодексы, но нарушали их на практике. Одновременно действовал не вполне удачно закон о регулировании сельского хозяйства. Владельцы хлопковых плантаций получили деньги за то, что они уничтожили около 10 миллионов акров хлопковых посевов, т. е. около одной трети всей посевной площади под хлопком. Они получили за это крупные суммы, но они вынуждены были бросить на произвол судьбы арендаторов. Арендаторы бедствовали, а уничтожение посевов было печальным занятием и вызывало среди всех хлопководов недовольство. Такое же недовольство распространялось в пшеничных и плодородческих районах, которых только субсидии могли примирить с политической правительством. Свиноводы были до известной степени удовлетворены, так как правительство назначило высокие цены за поросят и свиноматок; фермеры продавали поросят и оставляли себе свиноматок, чтобы развести к следующему году еще больше поросят для продажи их государству. Было ясно, что закон о регулировании сельского хозяйства не дает положительных результатов, хотя бы временно; фермеры уничтожали свои посевы на худших землях и сосредоточивали все свои силы на обработке лучших земель, которые в будущем могли дать еще больший урожай. Природа больше, чем правительство, способствовала сокращению урожая в 1933 и 1934 гг., так как разразилась небывалая засуха, и урожай резко уменьшился.

Наступила зима 1933 г., и все еще имелось около 12 миллионов безработных. Благодаря закону о восстановлении хозяйства получили работу около 2 миллионов безработных, и в лесных лагерях

было занято около 500 тысяч человек. Проведение программы общественных работ задерживалось, так как она должна была быть согласована с правительствами отдельных штатов, а самый характер и размеры намеченных работ исключали возможность их быстрого осуществления. В ноябре Рузвельт выдвинул новый проект: была создана администрация гражданских работ, которая должна была распределить между местными органами управления достаточные средства, чтобы занять 4 миллиона человек на любой работе, которую можно было им предоставить, — окраска общественных зданий, устройство спортивных площадок и т. п. Через три недели в администрации зарегистрировалось четыре миллиона человек. Получившие работу были в восторге, но это обходилось слишком дорого, и уже в феврале администрация уволила все четыре миллиона.

К концу 1933 г. стало ясным, что реформы Рузвельта не дали положительного эффекта. В январе конгресс вновь собрался, и президент послал конгрессу традиционное бюджетное послание. Конгресс был поражен громадным дефицитом, который был вызван расходами по оказанию помощи и покрывался займами. Единственным утешением могло служить то обстоятельство, что президент рассчитывал свести без дефицита бюджет 1936 г. Все мероприятия, которые должны были возвестить наступление «новой эры», свелись к грандиозной системе федеральной помощи. Семь миллионов фермеров получали помощь в форме пролонгации ипотечных долгов, субсидий за сокращение посевов или в форме государственных закупок избыточных сельскохозяйственных продуктов. Четыре миллиона рабочих и специалистов получали поддержку от администрации гражданских работ.

Проблема сводилась к следующему: сможет ли федеральное правительство продолжать оказание помощи населению до того, как начнется оживление в промышленности?

Оживление в промышленности зависело от одного из двух следующих условий или от обоих сразу: от восстановления внутреннего и внешних рынков. Для того чтобы восстановить внутренний рынок, нужно было повысить покупательную способность американского населения. Восстановление внешних рынков зависело от снижения долгов и таможенных тарифов, которые, наряду с другими причинами, препятствовали иностранцам покупать американские товары. В 1933 г. не было никакой возможности восстановления внешних рынков. Почти все страны повышали свои таможенные тарифы и проводили кампанию против покупки иностранных товаров. Страны-должники убеждали Рузвельта аннулировать их долги по отношению к Соединенным штатам и намекали на то, что они смогут понизить свои таможенные тарифы и покупать американские товары, если будут освобождены от бремени долгов. Однако американская публика цеплялась за эти долги, и Рузвельт вынужден был подчиниться общественному мнению, хотя он сам и был склонен списать если не капитальную сумму долга, то, по крайней мере, проценты. Рузвельт был вынужден поэтому сосредоточить свои усилия на восстановлении внутреннего рынка. Если экономический национализм был повсеместным явлением, то Америка занимала сравнительно

сильное положение, так как она могла считаться более самодовлеющей в экономическом отношении, чем все другие страны за исключением СССР. Тем не менее, Рузвельту не удалось существенно поднять покупательную способность населения. Закон о регулировании сельского хозяйства увеличивал денежные ресурсы фермеров, но за счет остальной части населения, так как нужные средства изыскивались путем повышения розничных цен на важнейшие товары. Закон о восстановлении промышленности привел к повышению номинальной заработной платы, но цены росли, и за свой заработок рабочие могли купить меньше, а не больше, чем раньше. Оставался неиспользованным еще один довольно сомнительный способ временного повышения покупательной способности населения—инфляция. Президент оставлял в резерве эту последнюю карту и в 1934 г. попытался выиграть несколько очков на внешних рынках. Сделать это было нелегко, так как таможенные тарифы были выше, чем когда-либо, долги все еще не были аннулированы, взаимное недоверие между народами скорее усиливалось, чем ослабевало. Однако Рузвельт мог кое-что сделать для оживления американского экспорта: он мог заключить соглашение о товарообмене с отдельными странами, договариваясь о том, что они возьмут определенное количество американских товаров в обмен на соответствующее количество товаров их производства. Подобные соглашения были заключены с Советской Россией (коммунистический строй был, наконец, признан Соединенными штатами в 1933 г.) и с некоторыми южноамериканскими республиками. На основе товарообмена создавалась в 1934 г. медленно, крайне медленно новая основа для международной торговли.

Достижения новой эры. В 1934 г. трудно было сказать, увенчается ли успехом или закончится неудачей эксперимент Рузвельта, но было ясно, что «новая эра» останется определенной вехой в американской истории. Прежде всего было очевидно, что американский рабочий класс проникся новым духом. До этого времени среди американских рабочих не было классовой сознательности. Они считали себя будущими хозяевами: в конце концов, если кто-нибудь потеряет работу, то ее получит другой, нечего беспокоиться об обеспечении своих прав, нет никакой надобности в страховании или коллективных договорах—работа найдется для всякого желающего. Но пять лет кризиса послужили для них уроком, который они начали понимать в 1934 г. Они становились классово-сознательными. Закон о восстановлении промышленности дал им право свободно создавать собственные организации и иметь своих представителей при переговорах о коллективных договорах. Число членов профессиональных союзов стало возрастать: в 1933 г. только 4 процента всех рабочих состояли членами этих организаций, а в 1934 г.—8 процентов. Американское рабочее движение находится еще в младенческом состоянии, но оно растет, и в будущем с ним придется считаться.

ЭПИЛОГ

Х XVIII ЭПОХА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Попытка Соединенных штатов организовать свои производительные силы была описана довольно подробно не потому, что она является единственной в своем роде, а потому, что Соединенные штаты проделали в течение нескольких месяцев эволюцию, которую другие страны совершали в течение целого поколения. Единственно новое, что было в американском эксперименте, это его быстрота. В Италии уже в течение десятилетия существовали общегосударственные планы общественных работ. В Англии существовали специальные третейские суды по вопросам заработной платы задолго до мирового кризиса и до образования НРА. Даже те мероприятия по сокращению сельскохозяйственной продукции, которые предусматривались законом о регулировании сельского хозяйства, не представляли собой ничего специфически американского: Голландия и Дания во время кризиса ограничили разведение свиней и рогатого скота. Франция ограничила посевы под пшеницей. Япония регулировала производство чая и риса. Индия регулировала производство джута, Египет—хлопка, а Бразильский национальный совет распорядился уничтожить в 1933 г. 12 миллионов мешков кофе. Мероприятия по оказанию помощи фермерам в Англии носили такой же характер, как в Соединенных штатах, хотя цели этих мероприятий были совершенно другие. В Англии имелось в виду увеличить продукцию, а в Соединенных штатах ее уменьшить.

Мероприятия по регулированию народного хозяйства проводились не только в Европе. В Австралии государство добилось значительных успехов в деле регулирования производства и условий труда задолго до кризиса, и правительство этого доминиона оказалось в состоянии проводить с самого начала конструктивную программу по борьбе с кризисом. Этот обширный доминион с малочисленным населением в 6¹/₂ миллионов человек зависел в сильнейшей степени от экспорта шерсти и мяса; падение цен на эти товары в 1929 г. и в последующие годы повело к значительному снижению народного дохода. Заработная плата была снижена примерно на 20 процентов, были снижены проценты по внутреннему долгу; австралийский фунт стерлингов отошел от золотого стандарта, и доминион оказался в состоянии ликвидировать значительную часть своего внешнего долга. Одновременно были приняты меры к улучшению методов производства.

Это все, чего мог достигнуть экономический национализм. Восстановление процветания в Австралии и в любой другой стране зависело от оживления международной торговли. Австралия почасти смогла использовать это улучшение конъюнктуры благодаря тому, что там накопились крупные запасы шерсти для экспорта. Однако международная торговля в целом находилась в состоянии упадка. Английский министр торговли заявил в 1934 г., что приближается момент насыщения внутреннего рынка английскими товарами и всякое дальнейшее развитие промышленного производства зависит от восстановления внешних рынков. Мы должны теперь рассмотреть, какие попытки международного сотрудничества были сделаны со времени войны и какие перспективы открылись в 1934 г.

Лига наций и ее возможности. Лига наций была создана в 1919 г. «в целях содействия международному сотрудничеству и обеспечения международной безопасности путем отказа от войны, путем установления открытых, справедливых и честных взаимоотношений между государствами, путем неуклонного применения принципов международного права в качестве основы взаимоотношений между правительствами и путем соблюдения справедливости и безусловного уважения ко всем договорным обязательствам во взаимоотношениях организованных народов друг с другом».

Из устава Лиги наций видно, что она не должна была быть всемирной федерацией государств или сверхгосударством—она должна была быть просто лигой или, как явствует из ее французского названия, обществом наций. Участие в лиге ни в какой мере не умаляло суверенных прав отдельных государств-членов, ибо все важные решения лиги должны были приниматься единогласно, и при отсутствии единогласия обязательства членов лиги выступить совместно против государства, виновного в агрессии, теряли свою силу. Поэтому можно сказать, что лига не имела силы принуждения, и ее права сводились к рекомендациям и увещаниям. Лига не воплощает какой-либо новый идеал—она была просто последним воплощением старого идеала либерализма.

Функции лиги на практике свелись к функциям клуба и прессы. Мы не хотим несколько этим умалить ее значение. В качестве клуба лига представляла собой место (подобного места раньше не существовало), где регулярно встречались руководящие политики всех стран (даже страны, не состоявшие членами лиги, посылали в Женеву своих официальных «наблюдателей»); где регулярно и самым естественным образом обсуждались проблемы международного значения; где предоставлялись займы нуждающимся членам лиги и заключались бесчисленные соглашения. Выполняя функции органа печати, лига собирала и публиковала статистические данные по всяким вопросам, начиная с валюты и кончая холерой, и информировала публику о всяких скандалах, столь же старых, как пиратство, и столь же современных, как частное производство оружия. Комиссия лиги по мандатным территориям делала все, что могла, чтобы под страхом огласки удержать страны-победительницы от использования своих мандатных прав в собственных интересах, в комиссии по национальным мень-

шинствам принимали все меры к тому, чтобы под страхом огласки удержать правительства от угнетения своих национальных меньшинств. Лига наций, предавая гласности некоторые факты, добилась прекращения во многих случаях гонений и несправедливостей, но все основные несправедливости продолжали существовать благодаря отсутствию у Лиги наций силы принуждения. Некоторые страны продолжали рассматривать свои подмандатные территории в качестве колоний, которые они эксплуатировали в собственных интересах; этой точки зрения придерживались в частности французы в Сирии и Южноафриканской союз в Западной Африке. Многие государства систематически игнорировали комиссию по национальным меньшинствам; в частности поляки в 1934 г. заявили, что они не намерены допустить вмешательства Лиги в их взаимоотношения с украинцами. Конвенции, выработанные Международным бюро труда, ратифицированы в редких случаях. Наиболее важная из этих конвенций—вашингтонское соглашение 1919 г. о рабочем времени—не была ратифицирована ни одной крупной промышленной страной за исключением Бельгии и Чехословакии; прочие тридцать конвенций встретили не лучший прием. В среднем каждую из этих конвенций ратифицировало около девяти стран из пятидесяти восьми государств, состоявших членами Международного бюро труда.

Тем не менее отсутствие у Лиги наций в начальный период ее существования силы принуждения являлось положительным моментом, ибо в противном случае эта возможность принуждения была бы наверно использована странами-победительницами в их собственных интересах. Франция более всех других стран настаивала на пересмотре устава Лиги наций в том смысле, чтобы дать в ее распоряжение армию, при помощи которой Лига могла бы в принудительном порядке проводить свои решения; Франция имела в виду, что эта армия будет использована против стран, настаивающих на пересмотре Версальского договора. Вначале Лига была просто конгрессом стран-победительниц, ибо центральные державы в течение целого ряда лет не допускались в Лигу, а Советский Союз стал членом Лиги наций только в 1934 г. Совет Лиги наций состоял вначале из четырех крупнейших «союзных» держав (Англия, Франция, Италия и Япония), имевших постоянные места в Совете, двух «союзных» стран (Бельгия и Греция), которые имели только временные места, и двух других стран (Бразилия и Испания), имевших тоже только временные места в Совете. Даже в позднейшие годы, после того как Германии было предоставлено постоянное место и число временных мест было доведено до девяти, Совет Лиги наций продолжал оставаться под контролем стран «версальского блока», ибо был установлен порядок, что из девяти временных мест одно всегда должно принадлежать Польше, одно—английскому доминиону, одно—Испании, три—Латинской Америке и только три места оставались в распоряжении остальных государств.

В силу самой своей конструкции и приверженности общественного мнения к идее национального суверенитета Лига наций неизбежно должна была оказаться бессильной во время мирового кризиса. Одна попытка предпринималась за другой, чтобы устранить те препятствия к мировому процветанию, которые вызвали кризис, и каждая такая

попытка кончалась неудачей, как только казалось что интересы одной какой-либо страны находятся под угрозой. В 1932 г. чехословацкий министр иностранных дел Бенеш сделал попытку восстановить экономическое единство Центральной и Восточной Европы путем создания дунайского таможенного союза, благодаря которому промышленные изделия Австрии и Чехословакии могли бы свободно обмениваться на продовольственные товары Венгрии Румынии и Болгарии. Однако Германия и Италия этому воспротивились, и проект не осуществился.

В том же году Лига наций продемонстрировала свою слабость в вопросе о манчжурском конфликте. «Для будущего Лига имеет жизненно важное значение, чтобы весь этот манчжурский прецедент получил правильное освещение. В настоящее время установлено, что перенесение спора на рассмотрение Лиги не даст никаких практических результатов, хотя бы одна из спорящих сторон и подчинилась полностью процедуре Лиги, согласилась бы с ее решениями и просила бы ее о помощи, в то время как другая сторона, оспаривая ее юрисдикцию, в конце концов выходит из состава Лиги и продолжает свою агрессию. Можно считать установленным, что один из членов Совета Лиги наций может подвергнуть бомбардировке и разрушить с большими жертвами для гражданского населения один из главных городов другого сочлена Лиги наций, для того чтобы отомстить за нападение на нескольких своих граждан, за которое ему было предложено полное удовлетворение, и вопрос о компенсации за эту дикую жестокость никогда не будет поднят. Установлено также, что один из членов Лиги может присвоить себе четыре богатые и обширные провинции другого сочлена, изгнать оттуда его гражданские власти и его войска, развивать эту территорию в соответствии со своими собственными интересами, продиктованными стратегией, капиталовложениями и задачами колонизации, и это не встретит со стороны Лиги фактически никаких препятствий. Можно констатировать, что Лига после детального обследования на месте и продолжительных прений в Женеве может единогласно признать, что военные действия одного члена Лиги против другого не могут быть оправданы самообороной и представляя собой нарушение трех международных договоров, и, тем не менее, Лига наций не будет чинить никаких препятствий и не наложит кары на нарушителя устава Лиги и не окажет никакой материальной помощи его жертве»¹.

К концу 1932 г. Лига наций ничего не предприняла, чтобы облегчить мировой экономический кризис. В отношении Японии не было принято никаких мер, и тем самым жертве агрессии фактически было отказано в помощи. Наиболее яркие проявления несостоятельности Лиги были, однако, еще впереди.

Мировая экономическая конференция. В июне 1933 г. собралась в Лондоне мировая экономическая конференция. Конференция должна была положить конец колебаниям валют и росту таможенных тарифов, препятствовавшим восстановлению международной торговли. Перспективы казались радужными, так как руководящие политиче-

---

¹ H. N. Brailsford, Property or Peace.

ские деятели великих держав посетили американского президента в Вашингтоне, и все, казалось, были согласны, что необходимо стабилизировать валюты и снизить таможенные тарифы. В официальном сообщении о переговорах Рузвельта и Макдональда в Вашингтоне говорилось: «Первостепенное и основное значение имеет повышение общего уровня товарных цен; мы должны, когда это позволят обстоятельства, восстановить международный денежный стандарт, который должен действовать без перебоев». В сообщении о переговорах Рузвельта и Эррио говорилось «о повышении мировых цен путем устранения всякого рода помех для международной торговли, как таможенные пошлины, квоты и валютные ограничения, и в восстановлении более нормального валютного и финансового положения».

Однако, лишь только делегаты собрались на конференцию, тотчас же были забыты все обещания. Рузвельт играл двойную игру, давая доллару обесцениваться, тогда как руководителю делегации Соединенных штатов Хэллу все еще казалось, что Рузвельт добивается стабилизации. Кордель Хэлл выработал совместно с Францией проект стабилизации валют на время конференции. Англия с этим согласилась, и недоставало только согласия американского президента. Но Рузвельт отказался дать согласие. Он не имел намерения согласиться на что-либо, что могло повлечь за собой падение цен в Америке. Конференция проглотила этот отказ и принялась за работу в комиссиях. Однако американский доллар продолжал обесцениваться, и Франция настаивала, чтобы Америка дала какую-нибудь гарантию, что она остановит колебания доллара, как только это окажется возможным. Для того чтобы успокоить Францию, была выработана декларация и послана Рузвельту на подпись. Она была составлена в самых расплывчатых выражениях, и в наиболее точно сформулированной ее части говорилось: «Каждое из нижеподписавшихся правительств соглашается предложить своему центральному банку действовать совместно с центральными банками других нижеподписавшихся правительств, для того чтобы ограничить спекуляцию и в надлежащее время восстановить международный золотой стандарт».

Никто не сомневался, что Рузвельт подпишет эту декларацию. Но Рузвельт отказался ее подписать, и его отказ был составлен в таких резких и решительных выражениях, что конференция была сорвана. Она была распущена в конце июля, не достигнув никаких результатов. Было заключено только одно жалкое соглашение между странами—производителями пшеницы об ограничении их экспорта на будущий год и другое—между странами, имеющими запасы серебра, об ограничении продажи серебра в течение следующих пяти лет.

Конференция по разоружению

В течение 1932, 1933, 1934 гг. в Женеве происходили заседания конференции по разоружению. Разоружение всегда было наиболее излюбленной проблемой Лиги наций. В первой политической статье устава Лиги наций указывается: «Члены Лиги признают, что сохранение мира требует сокращения вооружений отдельных стран до самого низкого уровня, допускаемого национальной безопасностью.

Совет, учитывая географическое положение и условия каждого государства, должен формулировать планы подобного сокращения для обсуждения и руководства правительств». Даже Версальский договор указывал, что разоружение Германии проводится только «для того, чтобы создать возможность приступить к общему ограничению вооружений всех стран».

Дело ограничения вооружений оказалось непомерно трудным. На Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. между Англией, Соединенными штатами и Японией было заключено соглашение об уничтожении ими в определенной пропорции семидесяти судов и об отказе от дальнейшего морского строительства в течение десяти лет. Вторая конференция по морским вооружениям собралась в Женеве в 1927 г. для обсуждения вопроса об аналогичных ограничениях для крейсеров. Эта конференция закончилась неудачей, так как Англия отказалась сократить число своих крейсеров на том основании, что она должна охранять морские пути протяжением в 80 тысяч миль. Три года спустя, на третьей конференции, состоявшейся в Лондоне, Англия изменила свою точку зрения и после трудных дипломатических переговоров, которые вел Макдональд, согласилась на одинаковое число крейсеров с Соединенными штатами.

Эти результаты нельзя считать особенно значительными, если принять во внимание, что они являются итогом двенадцатилетних усилий Лиги наций в области разоружения. После войны почти все страны увеличили свои расходы на вооружения: Англия израсходовала в 1930 г. 535 миллионов долларов на вооружения, а в 1913 г. только 375 миллионов, Франция израсходовала в 1930 г. 455 миллионов долларов против 349 миллионов в 1913 г., а военные расходы Соединенных штатов поднялись с 245 миллионов долларов до 728 миллионов. В 1920 г. была создана постоянная совещательная комиссия по разоружению, а в 1925 г. была назначена подготовительная комиссия для подготовки мировой конференции по сокращению и ограничению вооружений.

Спустя семь лет конференция собралась. Все делегаты были согласны в принципе, каждая страна хотела мира и, разумеется, безопасности. Проблема была сравнительно простой и сводилась к определению минимума вооружений, необходимых для каждой страны. Первый проект разрешения этого вопроса сводился к пропорциональному разоружению, к всеобщему сокращению военных сил или на 50 процентов, по предложению русских, или на $33\frac{1}{3}$ процента по предложению Гувера. Однако Англия стала доказывать, что каждое ее военное судно выполняет полицейские функции, и она не может поэтому сократить свои военно-морские силы, что было бы возможно, если бы ее военные силы были направлены против какой-либо иностранной державы. После этого все другие державы стали также утверждать, что их военно-морские силы выполняют только полицейские функции. Вопрос о пропорциональном разоружении отпал.

Следующее предложение сводилось к разграничению наступательных и оборонительных орудий войны и к уничтожению первых. Это казалось простым делом. Англия без колебаний объявила подводные лодки и танки свыше 20 тонн наступательными орудиями войны,

но настаивала на том, что линейные корабли и самолеты-бомбардировщики имеют чисто оборонительный характер. Однако всему миру было известно, что английский подводный флот был слаб, и у нее имелся, как говорили, только один танк свыше 20 тонн, да и тот старый. Так отпал и этот план.

Франция предложила предоставить в распоряжение Лиги наций вооруженную силу для наказания той страны, которую Совет Лиги наций большинством голосов объявит агрессором. Эти военные силы Лиги должны быть отлично обучены и снабжены сильным вооружением. Отдельным правительствам предоставлялось право иметь небольшие собственные военные силы, но с легким вооружением и коротким сроком службы. Все военно-воздушные силы должны были находиться в распоряжении Лиги наций.

Этот план был в принципе превосходен, но на практике он не мог не встретить возражений. Что случится, если руководители лигационной армии не захотят подчиниться приказам Лиги наций и предпочтут подчиниться приказам своих правительств, скажем, приказам из Парижа, а не из Женевы? Что случится, если военное снаряжение, которое нужно где-то производить и хранить, будет присвоено государством, на территории которого оно будет храниться? Но если даже эти возражения можно было бы преодолеть, то оставался тот факт, что Лига наций будет использована для проведения постановлений Версальского договора и укрепления преобладания Франции в Европе.

Англия в ответ выдвинула другой план, который был более откровенно эгоистичен, чем французский. Она предложила сократить армии до уровня, который твердо фиксировался для определенных стран. Например, Польша и Германия каждая должны были иметь армии по 200 тысяч человек, хотя население Германии и было вдвое больше населения Польши. Франция также должна была иметь армию в 200 тысяч человек и сверх того 200 тысяч человек для защиты колоний. Что касается Англии, то никакой лимит указан не был. Планом не предусматривалось также сокращение военно-морского флота—этот вопрос хотя и не откладывался до греческих календ, но отсрочивался до Лондонской морской конференции 1935 г. Этот план не содержал также серьезного проекта сокращения военно-воздушных вооружений. «Высокие договаривающиеся стороны,—заявил Макдональд,—соглашаются на полное воспреещение бомбардировки с воздуха, за исключением тех случаев, когда это требуется по полицейским соображениям в отдаленных районах». Поскольку Англия имела большее число отдаленных районов, чем любая другая держава, эта оговорка была наиболее выгодна для нее. Конференция по разоружению закончилась неудачей, хотя она обогатила общественное мнение обширными сведениями по таким вопросам, о которых публика обычно не задумывается.

Нельзя было ожидать, что лев и ягненок будут мирно лежать бок о бок только потому, что в Женеве заседает конференция по разоружению. Конференция имела возможность интернационализировать гражданскую авиацию. Ничего нет проще, как превратить гражданский пассажирский самолет в бомбовоз. Гражданская авиация находилась тогда еще в младенческом состоянии, и все ожидали, что она

колоссально возрастет в течение ближайшего десятилетия. Авиация является по самому своему существу интернациональной, так как в воздухе нет границ. Интернационализация гражданской авиации значительно удешевила бы воздушные сообщения и способствовала бы их улучшению. Но ничего не было сделано. Отдельные страны продолжали создавать свою собственную гражданскую авиацию с учетом возможности использования гражданских самолетов для военных надобностей.

Наконец, конференция упустила также возможность установления контроля над частным производством оружия. В статье 8-й устава Лиги наций говорится: «Принимая во внимание, что частное производство военного снаряжения и военных материалов вызывает серьезные возражения, члены Лиги поручают Совету дать заключение о мерах, способных устранить пагубные последствия этого производства...» Но Совет имел еще другие дела. Лишь несколько стран обладали материалами, оборудованием и техникой, необходимой для производства современных орудий войны. Ни одна из этих стран не желала вводить никаких ограничений для таких важных отраслей промышленности.

Установление государственного контроля над военной промышленностью означало бы принятие на себя государством ответственности за использование вырабатываемого оружия. Французским, английским и американским представителям в Женеве было удобно высказывать свое сожаление по поводу войны между Японией и Китаем и между Боливией и Парагваем, в то время как их соотечественники энергично выполняли заключенные ими выгодные договоры по поставке оружия Китаю и Японии, Боливии и Парагваю. Только в редких случаях какой-нибудь поставщик оружия попадался впросак.

К концу 1934 г. попытки разрешить проблемы эпохи на конференциях оказались безуспешными. Кризис показал слабость Лиги наций. Не было найдено никакого способа, чтобы предотвратить вооружение одной страны против другой, международная торговля продолжала задыхаться, поток иностранных капиталов не возобновлялся, цены оставались на низком уровне.

Ни одно из широко рекламированных средств излечения от экономического кризиса не получило применения.

Редактор *В. В. Морозов*
Тех. редактор *О. А. Гурова*
Корректор *М. М. Гольдбург*

Сдано в набор 9/VIII 1937 г. Подписано в печать 1/XII 1937 г. Формат
бумаги 60×92¹/₁₆. Объем книги 16 печ. л. 19,095 учетно-авт. л. Тираж
10 000 экз. Уполномоченный Главлита Б-30322. Серия монография.
Огиз № 1976. Цена книги 3 руб. 80 коп. Цена переплета 1 руб. 20 коп.
Зак. № 1241.

16-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.

МЕТРИКА

Δ.
ΔΧΕΚ.
COT

ΠΟΛΙΤ.
ΕΘΝ.
ΜΗΤΡ.